

КНЯЖЬЯ ВОЛЯ

Annotation

Бывший бандит из 90-х, боксер Андрюха Старцев постепенно приспособливается к жизни в X веке, набирает определенный вес, но вынужденный бежать от гнева полоцкого владыки, попадает в Киев. Вскоре Стяр в составе войска Великого князя Святослава отправляется в поход на Византию.

Святослав ворвался в залитую светом каменную палату дворца, будто лихой, горячий ветер из приднепровской степи. На молодом, загорелом лице, резко выделялись умудренные житеем ярко-синие глаза. Остановился на середине, огляделся, на выдохе спросил подступившего Икмора:

— Всех собрал?

— Всех, княже, как велел.

— А Гоян?

— Здесь я, брат! — болгарин выскользнул из темного угла, вытирая рукавом черные, жучиные усы. — Медку холодненького хлебнул — жарко...

Остро сверкнув белками, князь уселся в резное кресло.

Брат... Да, пожалуй, что так. Те из болгар, что остались верны старым богам, русам настоящие братья.

— Это самые лучшие?

— Самые опытные, — кивнул Икмор и покосился на сидящих вдоль стены. — Вран, Стяр, Вальд, Борт, Коврига и Сыкча.

— Печенега отправь, — сразу сказал Святослав. — Не для него.

Дождавшись ухода молодого степняка, князь оглядел собранных Икмором людей. Войско у него большое, всех в лицо не упомнишь, но, кажется, этих пятерых он знает, только вот с именами туговато, нужно бы запомнить, пригодится...

— С Царьградом у нас мир, но двух хозяев у берлоги не бывает. Если улыбнется Доля, переждем еще одну зиму и сызнава полезем на Царь-город, ну а не улыбнется — придется отбиваться. Так что пока еще есть время не мешало бы получше узнать местность вокруг всех важных городищ и крепостей. Я хочу, чтобы ты, Гоян, дал каждому из моих лазутчиков по два-три десятка своих людей, дабы под видом заготовки припасов они вынюхали все тропки, разведали овраги, леса, реки, болота, каждый камень пощупали, каждую кочку на пузе обползли. Важно проделать все это скрытно, чтоб жителей не баламутить раньше времени, и, вообще, языками не трепать. Чуешь, иль нет? Я не желаю отсюда уходить, Болгария мне нравится, она нежна и сочна как молодая девка, которую только начал любить. Скоро с Руси придут свежие дружины, тогда можно будет снова потискать ромеев за горло, чтобы навсегда думать забыли об этих землях. А там поглядим, у кесаря еще много ненужных ему владений.

Князь заправил длинный чуб за ухо, посмотрел выжидающе. Черноокий Гоян кивает, ему по сердцу решительный настрой неистового русского государя, губы которого сейчас трогает странная улыбка. Болгарин прекрасно осознает, что ромейский кесарь перед лицом столь страшного врага не будет сидеть сложа руки, поэтому одобряет любые меры призванные осложнить Царьграду жизнь.

Святослав раскрыл рот, хотел продолжить говорить, но его перебил шум по ту сторону закрытой двери.

— Что там такое?! Кого несет? — грозно вскричал князь, недовольный помехой. — Сказано никого не пропускать!

— Это — Свенельд! — в дверь сунулся молодой всполошенный страж в сбитом на затылок шлеме.

Какое-то время князь и гридень смотрели друг на друга в немом удивлении. Святослав вдруг посерел лицом, будто зараз постарел лет на тридцать.

— Пусть войдет.

Но воеводе Свенельду приглашение князя без надобности, одной рукой отшвырнув немаленького гридня прочь точно пушинку, варяг ввалился в палату. Тяжко переставляя ноги, Свенельд протопал прямо к месту, где сидел Святослав.

— Что же это делается княже?! — в тихом голосе слышался насилу сдерживаемый гнев. — Привык праздновать победы, а перемирия заключать так и не научился?

Святослав вскочил. Кровь прихлынула к лицу. Почти на голову ниже Свенельда, но широкой грудью и плечами ничуть ему не уступая, умением и свирепостью в драке князь превзошел бы любого.

— Говори-ка лучше дело, воевода! Надеюсь, ты прибыл сюда из Преславы не для того, чтобы полить меня помоями?!

Холодная угроза княжьих слов несколько убавила пыл Свенельда, отступив на полшага, он слегка наклонил голову в знак подчинения.

Скрипнув зубами, Святослав уселся в кресло. Острыми кинжалами блистали под кустистыми бровями недовольные очи.

— Говори, дядька Свенельд.

— Преславы у тебя больше нет, княже. Ромеи напали внезапно, никто их не ждал. Утром я вывел воев в поле на учения, мы рубахах, а они в железе... конные... Несколько тысяч долой одним махом... Город мне было не удержать. Я пробовал. У них тараны и лестницы во множестве, издали кладут в стены камни с теленка величиной, стрелами засыпали что снегом. Мы заперлись во дворце, но что можно сделать против такой прорвы? Сколько держаться? Через два дня дворец подпалили. Я повел людей на пролом...

Святослав на секунду спрятал под темными веками дрогнувший взгляд. Быстро справившись с собой, ровно спросил:

— Борис у них?

— Да, прихватить его с собой не получилось.

— А Калокир?

— Он и полторы тысячи воев моей дружины сейчас в Доростоле. Я напрямик к тебе...

Князь сдавил большим и указательным пальцами переносицу. Сдавил со всей силой, наверняка потом останутся синяки.

Преславы у него больше нет. Потерять такую крепость... И кто тут виноват? Свенельд, у которого рука и грудь стянуты кровавыми тряпками? Этот точно сделал все, что мог, иначе не прибежал бы сюда требовать объяснений. Не верить Свенельду — не верить себе...

Кто тогда?

Прямой путь из страны ромеев на Преславу лежит через горные ущелья, через заставы, обороной коих вызвался заняться кровный брат. Небольшие заставы способны удерживать громадное войско и уж во всяком случае там нашлось бы кого отправить с донесением... Вывод напрашивался только один.

Вскинув поведенные безумием очи, Святослав закричал на теснящихся в дверях гридней:

— Где боярин Глеб? Глеба сюда, живо!

— Его не в Переяславце!

— Ищите!

— Княже, он не вылезает от патриарха... — вставил зашедший сбоку Гоян. — Глеб в Доростоле...

— В Доростол! За волосы! Выволочь за волосы! Будет сопротивляться — бить! Всех, с кем водит дружбу схватить, своих тащите на правез, болгар — в темницу! Если патриарх хоть слово вякнет — оттаскайте за бороду, а посох засуньте в жирный зад!

— Давно пора, — шепнул в прикрытую ладонь Гоян.

Икмор коршуном метнулся собирать нужных для выполнения княжьей воли людей, но при выходе наткнулся на громкие крики:

— Идет! Глеб идет!

— Дайте дорогу!

Князь поднялся навстречу брату спокойно, даже не успев как следует удивиться его чудесному здесь появлению. Видно, за несколько мгновений прилюдного гнева внутри все перегорело, отболело и отмерло. Теперь, уже на холодную голову он желал одного — отсечь неживое, оторвать и забыть, потому и заговорил медленно, язвя каждым словом, будто раскаленной стрелой:

— Ты примчался мне посочувствовать? Из самого Доростола? Едва дядьку Свенельда не опередил так торопился.

Глеб с силой прижал ладони к затянутой в дорогу паволоку груди.

— Прости, брат, я не знал! Не думал, что Цимисхий нападет!

Князь брезгливо сделал полшага назад, когда Глеб, зашуршав богатыми одеждами, пал перед ним на колени.

Насчет братского раскаяния Святослав не сомневался. Конечно, он не знал! Естественно не думал! А тысячи загубленных душ? Жалко стало? Что это, глупая беспечность иль злой, намеренный умысел по подсказке толстомясого христианского патриарха?

— Зачем ты уговорил меня доверить тебе заставы? Разве ты воин? Тебе больше к лицу чернецкая ряса или эти вот... тряпки... Ты даже не понимаешь какой подарок ему сделал!

Горечь, сочившаяся с княжеского языка, словно яд разъедала сердце коленопреклоненного Глеба. Он еще ниже опустил взлохмаченную русую голову, на пол капнули слезы.

— Прости! Прости меня, брат! Мы бились...

— Бились? Откуда тебе знать? Ты ведь даже не со своей дружиной! Пропустили единоверцев? Много за то поимели? Застил вам всем распятый бог сердца и разум, довел-таки до предательства!

— Прости! Прости! — шептал Глеб, не вздымая головы.

— Простить?! — изумился Святослав. Глеб не мог видеть его искаженного мукой лица. — Не-ет, никакого прощения не будет! Не хочу, чтоб христианин был мне братом! Мне слишком дорого обходится твоя вера!

Глеб просяще вытянул руку, но Святослав отшатнулся от единоутробного ближника как от прокаженного попрошайки.

— Ты признаешь сделанное тобой изменой?

— Признаю, княже...

— Добро... Эй, бояре, зовите катов, пусть отнимут боярину Глебу главу за измену своему государю!

Под суровое, одобрительное молчание присутствующих два могучих гридня вздернули Глеба на ноги, освободили от оружейной перевязи и спешно выволокли из палаты.

— Все, конец моему терпению! — рявкнул Святослав. — Шлите в Киев, пусть жгут и рушат все дома Распятого, гонят прочь чернецов! Пора выкорчевывать эту заразу! А воеводам наказ поднимать войско, идем в Доростол! Встретим Цимисхия там... Хоть он и опередил меня, Доростол я ему не отдам!!!

Глава первая

Прибытия в Полоцк я ждал с повышенным нетерпением, ибо слишком многое в моей жизни отныне связывалось с этим событием. Перво-наперво, я жутко мечтал обнаружить здесь живого и невредимого, благополучно вернувшегося от куршей доброго своего корешка Мишаню Рваного. Там топтать самое большое две недели. За то время, что мы тщательно состригали с земиголов дань и ползли сюда со скоростью воловьей повозки, можно было четырежды вернуться. Думаю и сам боярин Овдей не прочь со мной обняться, тоже, небось переживал насчет моего здоровьишка.

Волновало меня и начало регулярной службы. За без пары дней два месяца проведенных бок о бок с Вендаром и несколькими дружинниками из их рассказов я уяснил, что легкой жизни новобранцам ждать в Полоцке не стоит. Помимо ежедневных физических тренировок и занятий с оружием нам вменяют обязанности по поддержанию порядка в городе и обеспечения безопасности его жителей. Не больше, не меньше. При таком насыщенном распорядке мне, скорее всего, будет сложно заниматься поисками средств нашего с Мишей возвращения в будущее. Придется как-то выкраивать время, брать отгулы и частенько хаживать на больничный. Не мечтал я снова в армию да жизнь повернула по-своему...

Пообтерся и пообвык я здесь, базара ноль! Какого-то сверхмерного дискомфорта ни в быту, ни в общении не испытываю. Если исключить блага и достижения цивилизации накопленные за тысячу лет, то не многим лучше жили мы с Мишей в своем времени. Точно так же приходилось изворачиваться и хитрить, вырывать свой кусок пропитания в ежедневной борьбе на выживание ибо продажная кодла бездарных экономистов и невнятных министров довела-таки страну и народ до ручки... Миша, вон, даже возвращаться не желает, смысла не видит. Не спорю, в бандиты можно было и не ходить, но на тот момент другого выхода для себя я не видел. Может потому и чувствую себя здесь не совсем уж белой вороной, привычку к экстриму кое какую имею. Кругом суровые мужики каждую секунду готовые драться за себя, за семью, за князя, за добро будь оно свое или чужое, купцы, разбойники, бояре, работяги, все как у нас... Но вот парадокс: чем больше я обтирался и привыкал, тем сильнее тянуло меня домой. Все чаще колючим спазмом ностальгии перехватывает горло. В такие моменты перед глазами вереницей проносятся милые сердцу зыбкие образы, всплывают, казалось бы, давно забытые картинки из прошлого, аж слезу давит. К тому же никак не проходит уверенность в том, что портал, забросивший нас с Мишей в дохристианскую Русь, фурычит в обратную сторону так же исправно, остается его найти и заставить сработать как положено.

Найду, никаких денег не пожалею, надо будет всю Русь переверну!

По мере приближения обоза к Полоцку становилось все прохладнее. Где-то на середине пути на четыре дня воцарилась дождливая, ветреная погода, приблизившая приход осени. В лесу сразу стало сыро и неуютно, из-за размякшей почвы тяжелые колеса возов ворочались медленнее, протяженность дневных переходов значительно сократилась. После отшумевших дождей заметно похолодало, а две последние ночи на землю опускались довольно сильные заморозки с толстым слоем инея. От студеного ночного дыхания вытвердились в белесое зеркало лужи, намешанные на дорогах грязи окостенели, заставляя колеса возов при езде издавать звуки дробящегося камня. Чтобы не мерзнуть, пришлось запустить лапы в обоз и взять напрокат меховые полсти, ночевать, завернувшись в шкуры, укладывались под телеги.

Поначалу полоцкий замок изнутри кажется мне тесноватым лабиринтом из заборов, бревенчатых башен, тесанных крыш, крытых переходов, теремов, резных ворот и прочих потемневших от времени построек. Ширина некоторых улочек с трудом позволяет двум встречным телегам разехаться не соприкоснувшись бортами. Однако, ближе к центру стали появляться небольшие площади, проходы между домами делаются шире и короче. Укрепленную высокими стенами территорию вокруг княжеского терема, что называется "детинцем", опоясывает ничем не застроенная полоса земли в полста метров. Получилась эдакая крепость в крепости, последний оплот защиты на случай штурма или осады. С инженерной точки зрения устроено все весьма грамотно и по эту сторону городской стены производит еще более сильное впечатление, нежели снаружи.

Встречают нас радушно, но без оркестра и хлеба-соли. Князь, покинувший земигольский Кумс водным путем на последнем уцелевшем насаде, вторую неделю вместе с Ольдаром пребывает в гостях у брата в Турове, кайфует, значит, на полном пансионе у родственника. В его отсутствии нас принимает средний княжич Ингорь — хмурый, крепко сбитый, кудрявый как пудель парниша лет двадцати двух, немедленно приказавший увести двадцать набитых оброком возов на задние дворы детинца для пересчета и разгрузки

— Вот это я понимаю — хоромы! — восхищаюсь я при виде богатого трехэтажного домины с несколькими толстостенными пристроями. — Видали, братцы, как князья живут? Из серии "Вам и не снилось"!

Хлопаю удачно подвернувшегося под руку Жилу по плечу. В ответ он с готовностью мычит нечто одобрительное и в свою очередь жалуется задумавшемуся быку затрещину ладонью по толстой шее. Голец на мой возглас реагирует протяжным носовым шмыганьем, а долговязый Невул с задумчивым видом принимается тщательнейшим образом перевязывать пояс. Остальные обозники из тех, что подобно мне впервые попали в самое сердце столицы княжества, также поражено оттопыривают челюсти, несмотря на мужественные попытки скрыть свое изумление. Что они в своих лесах видели? Для них вировский терем непостижимый шедевр, а тут целая тайга мастерами в крепость и красоту уложена, музей под открытым небом и только!

Кому как, а моей усталой, хоть и задубевшей в пути, но все же нежной натуре здорово портит впечатление о приходе в Полоцк лоснящаяся физиономия боярина Миная в числе встречающих официальных лиц.

Чуть я про тебя не забыл, сердечный! В рот тебе потные ноги...

Старый знакомец изменился. Жирные щечки подкоптились на солнышке как манные биточки на сковородке, некогда косматая головушка аккуратно острижена "под горшок", мочалки неприлично длинных усов также здорово укорочены. В походке и гордой осанке чувствуется обретенная значимость и сила.

Поболтав немного с дружинными из обоза, поступью уверенного в себе льва старина Минай хиляет прямиком до меня и начинает молча пялиться как мы освобожденные от возов стоим телятами без дела, ждем когда чего-нибудь прикажут. Я изо всех сил изображаю мою к нему безразличность и даже не гляжу в его сторону.

— Живой, значит? — не выдерживает пытки презрительным невниманием боярин. — Ну ничего, это ненадолго, племяннички пропали и ты сгинешь.

Меня как из ведра окатили. Как это — пропали? Чего ты несешь, волчина?!

— Ты... — шиплю я и буквально подпрыгиваю вплотную к тучному боярину. — Знаешь что-то? Почему — пропали? Есть от них какие-то вести?

— Нет вестей и уже не будет, — нагло усмехается мне в лицо бывший вировский бездельник. Как видно он меня совсем не боится, а, кажется, даже наоборот, провоцирует на нехорошие вещи. — Куршский князь давным-давно выпроводил их, были бы живы — вернулись.

В глазах темнеет как от пропущенного сильного удара. Тварь же ты дикая! Делаю глубокий вдох, чтобы погасить острое желание удавить этого гнусного типа. Не исключено, что это он надумил Рогволда послать неопытных Мишу с Буром в посольство к непредсказуемым прибалтам. Станется с этого иуды.

Я подрываюсь и быстрым шагом настигаю столь кстати проходящего поодаль Дрозда.

— Здоров был, Дрозд!

Полоцкий "особист" оборачивается и втыкает в меня свой костистый клюв, серые его зенки смотрят с плохо скрываемым удивлением. Неужели сразу не срисовал мою персону как только мы зашли с обозом в детинец? Не верю...

— Правда, что Овдей до сих пор не вернулся!? — спрашиваю в лоб, загораживая ему дорогу.

— Охолопись, дружинник, — после секундного замешательства, поправив на плече серый шерстяной плащ, с мягким нажимом советует Дрозд. — Не вопи как баба.

Шумно выдыхаю через ноздри не меньше четверти куба воздуха. Как баба?! Действительно, чего это я разорался? Подумаешь, пропал друг, единственная ниточка, связывающая меня со своим временем оборвалась, чего тут такого, радуйся, что сам живой, а мог бы...

— Перед отъездом в Туров князь послал на их поиски лучших следопытов, до снега должны вернуться с вестями, — спокойный голос Дрозда обволакивает словно паутина. Нет, в нем определенно есть нечто гипнотическое! — Что-то еще?

Пришибленный, но слегка обнадеженный я отваливаю от боярина Дрозда. Этому врать незачем.

Своим исчезновением Рваный путает мне все карты. Нашел где пропасть! Вот случись так, что я все же отыщу этот чертов портал, смогу ли переправиться как морально, так и физически один, без Миши? Очень большой не факт!

Ишь, так и стоит гад! Нарочно меня травит, козел! Как же хочется выписать ему доброго пинка, да, боюсь, гридни не так поймут — защищать боярина кинутся. Вон, четверка лопухих с квадратными мордами за углом топчется, думают — не вижу. Да насквозь я вас тут всех вижу, ребята...

Но попробовать все же стоит!

От угрозы унижения Миная спасает зычный окрик Вендара.

— За мной!

По указке Ингоря всех новобранцев размещают в одном из приделов княжеского терема — большой рубленой гриднице на два десятка "койко-мест". Покидав пожитки возле низеньких дощатых лежаков, мы оседаем на лавки за длиннющим столом в этой же гриднице и впервые за долгие дни по-человечески обедаем горяченьким да кваском хмельным заливаем ибо заслужили.

После короткого отдыха нас выводят на экскурсию по детинцу. В роли гида выступает широкогрудый, лобастый десятник по имени Сологуб. Вендар велит нам слушаться его как отца родного, а я тут же мысленно прозываю Сологуба "сержантом". Помимо абсолютно голой башки с замысловатой вязью татуировок прямо на загорелом темени он обладает еще

одной удивительной чертой — большим, горбатым шнобелем в виде повернутого острием вниз плотницкого топора. Короче, рожа еще та зверская. Полтора часа он кружит шестнадцать рекрутских душ по княжескому подворью, в каждую щель заглянуть заставляет, за каждый угол как голодный кобель заворачивает и нам приказывает. Подробно рассказывает и показывает что здесь к чему и каким местом куда нужно прикладываться.

— В тереме всем заведуют ключники. Князь в хозяйство нос не сует, но шкуру спустить, если что не по нем, запросто может. Ключник — птица важная, с ним хорошо дружить, тогда и корм для коня и справу себе будешь иметь не последним. Ключник и на поварне и в шерстобитной и на конюшнях главный. Челядью, оружием, съестными припасами тоже ключники заведуют, за всем глаз держат, следят, чтоб все на подворье вертелось быстро и тихо как хорошо смазанное тележное колесо. Вреднее ключника может быть только ключница. А хуже ключницы — сама хозяйка. Но у нас, слава Роду, хозяйка — золото. Княгиня с ключниц строго спрашивает, сама по клетям не шарит, запасы не проверяет, но предыдущую главную ключницу прогнала с позором, когда в праздник на княжьем столе брусничного взвару не достало. Шуму было на весь Полоцк.

Голос у Сологуба простуженно-хриплый, гундосый. Время от времени он выстегивает на землю сгустки зеленой слизи из широких ноздрей своего ужасного носа и коротко покашливает.

У кузни наш "сержант" прерывает свой ликбез и просит помочь отремонтировать порушенную кем-то коновязь, после чего мы дружной гурьбой возвращаемся в гридницу.

— Говорят, ты побил Дудилу, — говорит он мне при ближайшем знакомстве. — Будешь моим помощником, а я за твоей спиной пригляжу — Дудила битым не останется.

Обрадовал. Помнится, Вендар об этом же толковал, я его тогда отшил, посмеялся. Зря, похоже. Кому как не этим ребятам знать повадки Змеебоевских головорезов.

В общем, несмотря на свою чисто гоблинскую внешность, Сологуб оказался сущим душкой. Через час он уже запросто болтал с нами о своей житухе и поведал, что никто из новобранцев надолго тут не остается. Все, кому не охота тянуть жизнь в общей гриднице, стараются потеплее подселиться в городе либо его ближайших окрестностях. А вот он, Сологуб так и обитает здесь с самого первого своего появления в детинце, нравится ему, видишь ли. Да и мне нравится. Уютная казарма. Своды низкие, бревна толстенные, не меньше шестидесяти сантиметров в поперечнике, темные, гладкие, словно полированные. Висят на стенах щиты боевые раскрашенные, шкуры волчьи, кабаньи да медвежья одна. Крюки какие-то вбиты, кованые держатели для факелов, цепи с потолка свисают, парочка копий приторочена. В стенах шесть узких вертикальных окошек, подходящих для стрельбы из лука. К каждому топчану в качестве солдатской тумбочки прилагается средних размеров сундук для хранения личных вещей, куда я, используя личное время жалованное нам до утра, и переселяю скарб из своего наплечного мешка. Кольчуга бандитского главаря Тихаря, кожаная сумка из лагеря, золотой перстень со знаком когтистой лапы из схрона на берегу озера, запасная рубаха, коричневые порты, два метательных живопыра и второй меч Харана составляют все мое богатство на данный момент. У других ребят дела обстоят не многим лучше, в основном за счет трофейной одежды, снятой со жмуриков.

В труху растоптанное негодником Минаем настроение никак не желает восстанавливаться. Сидя на своем топчане под прибитой к стене огромной медвежьей шкурой, наблюдаю за вялыми шевелениями сослуживцев на поприще обустройства быта, и понимаю, что у них с настроем тоже беда. С такой бедой борьба, как известно любому

русскому, одна. Иду в дальний угол к "блатному" сержантскому лежбищу за занавеской, отрываю его хозяина от разглядывания каблука, грозящего отвалиться от правого сапога.

— Слышь, Сологуб, а медку крепенького мы тут не раздобудем? Отметить знакомство, стало быть... закрепить, углубить и все такое...

На самом деле мне жутко хочется дернуть спиртного, чтобы ослабить хватку внезапно вцепившейся в горло когтястой бабки-тоски, а совсем не для укрепления дружбы в коллективе, в котором благодаря совместному путешествию все и так закадыки.

— Схожу, — по-пионерски быстро соглашается Сологуб. — Если монетку найдете. Голуб за "так" только по губе может треснуть.

Я моментально грустнею и вовсе не от того, что понятия не имею кто такой Голуб, а потому что своей налички у меня давным давно не водится. Собственно, с моей стороны было глупо рассчитывать на бешеный альтруизм обитателей детинца, вряд ли здесь в ходу долговая тетрадка. На благо вовремя подсуетившийся Голец сует в руку Сологуба два потертых дирхема.

— И мясца неплохо бы.

Сологуб с удивлением оглядывает неказистую фигуру Гольца, видимо недоумевает как такой щедушный недомерок в дружину попасть исхитрился. Подбрасывает перед собой и ловко ловит в кулак выданные монеты, хитро заламывает рыжую бровь.

— Э-м-м, — гудит с сомнением. — Маловато будет на всех ежели с мясцом. У тебя, быстроглазый, видать, вся польза в корень идет, недавно ведь снедали, а ты уже мяса требуешь. Ежели на всех, то тут много нужно, как хотите...

Голец возмущенно рдеет лицом, а я думаю, что ценник в столице княжества, похоже, несколько отличается от периферии, чтоб гульнуть нужно нехило раскошелиться, здесь вам не там...

— Эй, братва! Проводится сбор взносов в пользу жаркого с хмельной запивкой, подходи, не скупись, кто чем может — поделись!

Первым подходит Ясень, смуглый хлопец, что первым вызвался биться со мной на кулаках пред светлыми княжескими очами во время отбора в дружину. Сует в раскрытую ладонь Сологуба один серебряк, подмигнув мне, отходит. Нормальным парнем оказался, кстати. Трех земиголов завалил, у него трофеев чуть ли не больше всех, в мою сторону больше не шипит, что ему же на пользу.

Примеру Ясеня последовали другие. За пять минут совместными усилиями на пивчик с хавчиком набрали более чем достаточно. Засунув подмышку пустой мешок, Сологуб просит помощника, чтобы в одно лицо не тащить снесь и выпивку.

— Иди с ним, — подталкиваю в бок Гольца. — Поглядишь куда ходит, пригодится.

Памятуя о нашей безудержной гулянке в Вирове, уговариваю рассудительного и спокойного Невула хмельного сегодня не употреблять и быть на стреме во избежание пьяных дебошей и возможных провокаций со стороны наших недоброжелателей.

Посидели совершенно без кайфа. Разговоры не клеились, песни орать не хотелось. Практически в полной тишине за полчаса разобрались со всем, что принесли Сологуб с Гольцом и разбрелись по койкам. Я почему-то не мог отделаться от ощущения, что впереди у меня такие тяжкие испытания, что с гаком хватило бы на всех присутствующих до конца их горемычных жизней.

Неспроста, как потом оказалось...

Глава вторая

Посеревшее, будто помертвевшее, покрытое трупными пятнами облаков осеннее небо на протяжении двух последующих недель казалось нам не больше грязной простыни. Какое там небо, когда даже земля от усталости под ногами порой не ощущалась! Вендар словно взбесился. Курс молодого дружинника под его руководством явился бледной тенью всего того, чему он пытался обучать нас в походе. Мы покидали гридницу с первым светом и возвращались в глубоких сумерках. Полуденный перерыв на обед совмещался с коротким отдыхом и служил вымотанным новобранцам единственной возможностью на краткий миг расслабить усталое тело. Меч, топор, копье, щит... Даже у меня привыкшего к тренировкам, в виду продолжительного их отсутствия, ныли натруженные мышцы и болело отбитое учебным оружием мясо. Пятеро дружинных "дедов", включая краснолицего Врана и лысого Сологуба с удовольствием помогали Вендару гонять нас до последних потов. В особенный "восторг" мы приходили на пристани, трижды в неделю освобождая торговые насады от тяжелых бочек, мешков с зерном и битком набитых разным товаром объемных корзин. Паратройка сотен метров от причалов до береговых складов или запряженных телег давались нелегко. Одетые в теплые зипуны настоящие грузчики с интересом наблюдали в сторонке как мы в исподних рубахах бегом тягаем по сходням предназначенные для их привычных спин веса. Я мог поклясться, что этим бугаям был отлично слышен хруст наших костей и треск надорванных сухожилий.

Больше других доставалось щуплomu Гольцу. Если с бочонками и не очень тяжелой кладью он как-то справлялся, то мешок с мукой прижал его чуть ли не до самой земли, сразу лишив парня возможности передвигаться на своих двоих. От унижительного влияния земной гравитации избавили товарища Невул с Жилой. Вдвоем они взялись за углы мешка, вздернули воспрянувшего Гольца в прямоходящую позу и по широким мосткам сопроводили до телеги. Вендар оценил этот акт взаимопомощи по достоинству и поставил в пример другим дружинникам.

Я мысленно порадовался тому как бывшие разбойники выполняют мои наставления держаться друг за друга мертвой хваткой будь то бой или пьянка. Эпизод с Гольцом натолкнул меня на умозаключение, что хорошее владение оружием для дружинника дело наипервейшее, но и физику с выносливостью подкачать не мешает. В нашей гриднице почти треть таких как Голец — хилаки-разрядники и чудо богатыри. Только он от рождения тщедушный, а парни от недоедания и трудностей походной жизни такими сделались. Если судить по себе: после многодневной прогулки с обозом килограммов пять с меня опало как листья с осеннего куста, даже руки похудели. Наверстывать надо. Одной беготней с мешками на спине не обойдешься, здесь более системный подход нужен. Питание в детинце вроде бы не самое дурное, белков с протеинами в достатке, но вот с тренажерами, переводящих правильный хавчик в мышцы, в Древней Руси острейший дефицит, нету здесь никаких тренажеров, даже гирь и банального турника не имеется. Я упросил Вендара дать нам один выходной для обустройства тренировочной зоны, пообещав, что к весне он этих доходяг не узнает, будут не хуже Змеебоевских громил, а то и лучше.

Не поверил мне Вендар, но день выделил. Солнечный и холодный, в самый раз для работы на свежем воздухе.

Если честно видон у нас у всех еще тот. Утепленные кто во что горазд, словно бегущие

из Москвы французы, сколь-нибудь грозного впечатления мы никак не производили. Однако, стиснув от холода зубы, скромно помалкивали, питая надежду на скорое возвращение Рогволда с приказом о выдаче нам путной справки, подобающей княжеским дружинникам

Сбоку от гридницы вдоль глухой стены нашлась пригодная для наших целей площадка пять на десять, еще с двух сторон ограниченная хозяйственными постройками. Вполне удобный закут с двумя стопками сколоченных из трехметровых досок настилов посередине. В человеческий рост стопочки, доски твердых пород, толщиной в пол-ладони, деревянными нагелями сбитые.

Выросший в Вирове рыжеволосый Мороз тут же признал в этих настилах переносные пешеходные тротуары, в преддверии зимы за ненадобностью сложенные в укромном уголке. В периоды распутицы их раскладывают по краю самых труднопроходимых городских улочек для удобства передвижения в обход намешанной копытами и тележными колесами чавкающей жижи. Когда все это слякотное безобразие подсыхает или замерзает, в узких местах настилы убирают, чтобы не мешать разъезжаться саням и телегам.

Пришлось нам тягать эти плахи за двести шагов, вдоль глухой стены поварни складывать. Под моим чутким руководством соорудили турник на двух столбах с укосинами, перекладной послужило утолщенное древко охотничьей рогатины, надыбанное где-то Гольцом. В десяток холщовых котомок с ляжками уложили каменюки килограммов по двадцать пять-тридцать каждый, обшили толстой нитью, чтоб не поползло.

Я сразу же ознакомил всех с начальной техникой подтягивания на перекладине и работе с гирями. Затем в угол к двум стенам катетом приладили крепкую двухметровую жердину, подвесили к ней на крепкой бечевке набитый смесью песка и опилок длинный, узкий мешок. Принесенным все тем же Гольцом угольком я как можно более художественно изобразил на дерюге круглую рожицу в соответствии с уровнем своего лица и отбомбил в нее несколько увесистых серий. Мягковат мешочек, но для нас сойдет и такой, удар поставить хватит.

— Мы что должны будем колошматить этот мешок кулаками? — недоверчиво тычет пальцем в импровизированный снаряд всегда осторожный Жмырь.

— Ты поразительно догадлив, братец, но это не мешок, это — Сильвестр. Прошу любить и уважать. Вообще-то, свиные туши здесь сгодились бы лучше, но за неимением придется долбить беднягу Сильвестра. Кто-то против?

— Зачем? Вендар же говорил, что настоящему воину вовсе не обязательно кулаками ворочать.

— Хм, как говаривали японские самураи, настоящий воин должен уметь драться всем чем под руку попадет, в том числе и голыми руками. Тем более, что сам Вендар по слухам замечательно с этим справляется. Так что настоятельно рекомендую учиться пока я жив, пригодится.

Остаток светового дня посвятили искусству правильно сжимать кулак, разучиванию боксерской стойки и одиночным ударам с разных рук. Получалось неважнецки, хотя некоторых я бы с чистой совестью порекомендовал Захарычу в ученики. Особенно быстро схватывали учебу Мороз, Истома и Шест с Лещем. Четверо мужичков постарше во главе со Жмырем, махнув рукой на мой энтузиазм, с ворчанием удалились в гридницу.

День спустя Ингорь, видимо устав лицезреть дружинников укутанных во всякое тряпье, распорядился облачить нас в зимнюю форму одежды за счет княжеской казны. Под

присмотром опытного в подобных делах Сологуба обитатели гридницы совершили набег на посадский торг. Внимательно изучив выбор своих корешей и следуя подсказке Сологуба, я остановился на сереньком коротком нагольном полушубке, сшитым из нескольких заячьих шкур мехом внутрь. Также щедрым казенным махом мне достался длинный шерстяной плащ-накидка, шею и плечи которого до середины лопаток сзади покрывала волчья оторочка темного цвета. Ноги я по рекомендации Гольца обул в короткие валяные полусапожки с притороченной грубой нитью толстой подошвой, а для рук подобрал меховые рукавицы с отворотом.

По моему разумению в таком прикиде я должен с легкостью выдержать минусовую тридцаточку в статичном положении на страже у ворот или на стене. Ведь, почитай, со всех сторон в мехах как буржуй-нэпман. В комплекте с обязательным к ношению на страже шлемом идет войлочный подшлемник, благодаря которому голова даже в сильные холода останется в тепле.

Признаться, упарился я в халявных обновках по пути с торга до детинца и пару раз втихаря помянул нехорошим словом Сологуба, на месте заставившего нас переодеться в зимнее. Но потом решив, что лучше сорок раз покрыться потом, чем один раз инеем, расслабился и в очередной раз покорился мачехе-судьбе.

Несмотря на установившиеся ощутимые морозы, не упало еще ни одной снежинки. От Миши также ни единой весточки не прилетело. Зато к вечеру в город неожиданно и шумно вернулся Рогволд. На следующее же утро князь назначил церемонию принятия у нас присяги на верность.

Едва умывшись, мы гурьбой высыпали из гридницы на площадь перед княжескими хоромами. Постепенно подтянулась вся княжеская дружина, в коей не насчитывалось и роты. Оцепили площадь, заперли ворота. Из бояр кроме Дрозда — никого. Даже Змеебог нет. Стало быть, присяга князю сугубо личное дело самого князя и его дружинников.

Рогволд в праздничных, расшитых дорогими нитями одеждах без каких либо доспехов выехал в середину на белоснежном, злом жеребце. На шее поверх золотой гривны застегнут, отороченный мехом тяжелый синий плащ, на голове лисья шапка, прекрасно гармонирующая с рыжими усами своего владельца.

Для начала князь во всеуслышание объявил Вендара своим сотником, а Сологуба назначил вместо него десятником. Затем снял с пояса изогнутый в полубаранку сигнальный рог и сильно в него дунул, по-армстронговски надув щеки.

К нему тотчас подошли двое гридней, встали с правой стороны один у головы коня, другой у хвоста. В руках длинные древки стягов белого полотна с изображением черной рогатой бычьей головы. Я уже знал, что Рогволд буквально помешан на этих диких парнокопытных, к нашему времени давно истребленных. Его брат с говорящим именем Тур город себе строит под названием Туров. На пристани стоят новехонькие, взамен сгоревших лодий выстроенные, корабли. Вместо изящных лебединых головок украшавших нос, на каждом теперь красуется рогатая турья башка. Тотемный зверь рода, не иначе.

В порядке живой очереди каждый из шестнадцати новобранцев под сенью склоненных стягов протягивал сидящему верхом Рогволду свое оружие. Князь благословлял воинский инструмент протяжным поцелуем и возвращал владельцу. Затем, стоя на одном колене, мы один за другим целовали обернутое берестой княжеское стремя и в голос клялись не щадя живота верой и правдой служить владыке полоцких земель. На каждую клятву князь отвечал вместе со всей дружиной многоголосым "Любо!!!". Шестнадцать раз прогремел в морозном

воздухе над детинцем хоровой рев, разлетаясь далеко за пределы укрепленного города.

На ритуале посвящения в гридни присутствовал не виданный мной ранее статный старикан в потертом, достающем до пят балахоне с нашитыми в беспорядке звериными шкурками. Голову до самых косматых бровей покрывает войлочный островерхий клобук, борода густая, чернющая без намека на седину. В крепких руках позвенькивает кривой посох с крохотным колокольчиком на изогнутом к земле навершии.

— Знаешь его? — шепчу Гольцу.

— Живень это. Волхв тутошний.

— Да понятно, что не папа римский. Сведай-ка все про него...

— Я и так все ведаю, — жмет плечами задетый за живое Голец. — Обитает в детинце, помогает Рогволду совершать требы, заговоры от болезней знает во множестве, говорят, кудесник знатный. Прошное видит и будущее разумеет. Рогволд его ценит и всегда при себе держит.

М-м... понятно теперь. Лейбволхв его светлости князя полоцкого. Неплохо устроился дедуля, сладко. Придется проверить старика на вшивость, поглядеть какой он есть кудесник... прошлое он видит как же...

После полудня в самой большой палате на первом этаже княжеского терема в нашу честь начался пир. Бессмысленный и беспощадный.

За длинным, обильно заставленным кушаньями и питием столом уместилась почти сотня дружинников, старые вперемишку с новыми. Слева от восседавшего во главе князя устроился воевода Змеебой, справа — Дрозд и Живень. Рядом со Змеебоем расположился боярин Минай. Гул стоит как на вокзале, собравшиеся громко разговаривают, смеются, кто-то театрально ссорится, веселя публику. Изжелта-красный свет десятков факелов на стенах таинственности происходящему не добавляет, а только усиливает впечатление вакханалии. Но вот Рогволду подносят до верху полную хмельным медом серебряную чашу с двумя ручками — дружинную братину. Шум и гам стихает, сотни глаз устремляются на вождя. Взявшись обеими руками, князь смачно отхлебнул из ведерного сосуда.

— Отцу нашему, покровителю дружин Перуну — слава! Пусть наши клинки будут остры, а враг силен, тем слаще будут победы!

— Слава!!! — гроыхнула в ответ палата.

Князь вытирает мокрые усы ладонью, передает братину лучшему воеводе и дальше она идет вкруговую по всему столу. Каждый встает, говорит какие-то слова, хлебает и передает следующему соседу.

Почти все гридни из последнего набора сидят на Змеебоевой стороне. Справа от меня Вран, по другую руку Голец с Невулом и Жилой.

— За князя Рогволда! — провозглашает Вран, прежде, чем передать братину мне.

— Служу России! — само собой рвется из меня привычное. Сам удивляюсь не меньше ближних, благо остальные уже заняты яствами и не особо слышат что происходит вкруг.

Отдаю серебряную кастрюлю Гольцу и плюхаюсь на место. Вран опускает в деревянный тазик с можжевелевым стоялым медом огромный деревянный половник-черпак и щедрой рукой опустошает в мою берестяную кружку.

— Пей, Стяр, ешь, сидеть нам долго.

— Насколько долго?

— Пока под стол все не попадают! — весело скалит зубы Вран.

— Даже князь?

— Князь обычно сам уходит, редко — уводят. Пьет как тур, бочку может выщедить, сам не раз видел.

— А Змеебой?

— Этот раньше уйдет. Его дружина сегодня в сторожах, вместо нас. Проверять станет.

Сидящих напротив гридней я знаю почти всех, лишь прямо передо мной торчит незнакомый парень обросший сивой волосней и бородой в косицах. Ест и пьет мало, все на нас поглядывает. На меня, точнее.

Гвалт за столом невероятный. Развеселенные хмелем дружинники ведут себя как на свадьбе лучшего друга. Не знаю, может на пиру так и надо, только мне с непривычки не особо уютно.

По княжескому указу приводят городской инструментальный ансамбль гудошников. Вдарили они такую какофоническую джаз-импровизацию — уши в трубочку. Рогволд сидит тащится, ладошкой по столу похлопывает, боярам тоже нравится, знай кружки в рот опрокидывают, дичью жареной зажевывают.

Голец с друзьями настроение князя разделяют. Под музыкальное сопровождение дело чревонасыщения пошло у них еще лучше. С самого утра во рту ни крохи, отрываются пацаны, девки не успевают блюда подносить.

Часа три сидим, голова уже кругом, хорошо не курит никто, чада от факелов и так хватает. Мне кажется, еще один кусок или глоток и желудок мой разорвется как перекачанный воздушный шарик.

Пятерых, дошедших до кондиции уже выпроводили за порог. Если так дальше пойдет, придется пускаться на хитрость и прикидываться вдрызг уставшим. По своей воле отсюда не уходят. Княжий пир это своего рода испытание на прочность, состязание на выносливость. Марафон, в котором я никак не желал быть победителем. Наверняка найдутся более достойные кандидаты, я лучше в сторонке постою...

Этот напротив достал уже зенками меня сверлить! Тяжело смотрит, будто я ему больших денег должен. На мои приветливые кивки не отвечает, а только пуще мрачнеет. Нет, он определенно что-то хочет...

Наконец, после седьмой кружки я не выдерживаю.

— Чего вылупился, приятель? — подмигиваю, улыбаясь. — Портрет мой по памяти рисовать собрался?

— У тебя меч моего шурина, — отвечает, не отводя взгляда.

Сказал не громко, но я услышал.

Улыбку мою как сдуло. То-то я заметил рожа у него злокозненная. Урман. Родственник околевшего от одного удара кулаком бедняги Харана. Выжидал пока я медами накачаюсь и поплыву...

Я понимаю, что это предьява и очень серьезная, а как действовать не знаю, растерялся. Кошусь на Врана, тот молча жует, воткнув стеклянный взгляд в какую-то точку на столе. Кривой как моя жизнь...

Голец с другого бока испуганно притих, ждет как себя поведу.

Вся фишка в том, что упомянутого меча на мне нет. Вообще ни у кого при себе нет оружия. Это главное и единственное требование к присутствующим на пиру. Этот тип мог видеть клинок своего шурина на мне и раньше. Тогда почему раньше не предьявлял? Чего стеснялся? Чего ему от меня нужно? Меч? Жизнь?

Тут у меня включается бычка. Чтоб какой то волосатый черт с ровного пацана

спрашивал? Да никогда такого не было!

— А пошел-ка ты, — говорю, — своему одноглазому Одину на хрен! Хочешь меч — забери. Только учти: урманов я валю голыми руками.

Словно дождавшись сигнала, резко и мощно оттолкнувшись, урман оказывается седалищем на столе, рывком перекидывает ноги и сильно толкает ими мою грудь. Назад спиной я слетаю с лавки как плющевая игрушка с полки. Он прыгает за мной, хватая со стола огромный разливной половник. Ударом предмета средневековой кухонной утвари в левый висок я оглушаюсь как плотва взрывом динамита, но насовсем не вырубаясь. Скандинавский мститель мечтает приземляет прыжок мне на живот, я чудом успеваю выкрутиться на полу в сторону, но пяткой в пах все одно получаю. Черпак прилетает мне в лоб, не так сильно как в первый раз, но искру из глаз высекает знатную. Голова заполняется туманом. Сучонок! Никак половником меня забить решил, паскудник...

Что характерно, никто не делает даже попытки утихомирить агрессивного урмана. Как будто так и надо, барахтаются двое в углу под игру гударей да и пускай тешатся, все равно без ножей...

Секу его ударом ноги в колено. Урман валится на червем извивающемся меня, отчаянно колотя черпаком куда ни попадя. Ему удается подобраться и перенести свой вес на левую ногу, прижать мою правую руку к дощатому полу. Враг тяжелее меня килограммов на пятнадцать, его вторая нога давит мне точнехонько в солнечное сплетение. Обоняние протестует, ошеломленное духом давно не мытого чужого тела. Пытаюсь закрываться от ударов одной рукой, с отчаянием чувствую, что проигрываю схватку, все выпитое и съеденное за столом отчаянно просится наружу, не хватает воздуха для вдохов. Наконец после очередного удара проклятый черпак ломается в месте перехода ручки в ковш. У урмана в руке остается острый обломок, поменяв хват на верхний, он метит садануть им мне в горло. Свободной рукой перехватываю обещающий быть роковым удар. На пару секунд облегчается давление на правую руку. Этого хватает, чтобы выщипнуть из шерстяной обмотки согнутой ноги метательный ножик.

Собираю все силы и выдергиваюсь испод сместившегося в другую сторону урманского веса. От удара крохотным клинком в ляжку урман ревет как морж. Верхняя одежда на нем задралась, я трижды всаживаю в открытый бок короткое треугольное жало. Отвожу от своего лица острую деревяшку и еще три раза бью в шею. Спихиваю с себя исходящее кровью тело и вижу над собой скорбную физиономию Миная.

— Ты почто человека моего убил, душегубец?

Глава третья

Дознанием занимался сам Рогволд.

Сурово насупившись, сидит князь у дальней стены приемной палаты в резном деревянном кресле застланном черными овечьими шкурами, дышит шумно и тяжело. Крупные кисти рук расслабленно лежат на широких подлокотниках. По его недовольному виду не совсем понятно то ли головой после вчерашнего мается, то ли действительно сильно расстроен убийством на пиру. Рыжие усы укоризненно свисают по краям голого подбородка, сумрачно блестят под набрякшими веками глаза.

Оба княжича стоят по левую руку от предка. Мрачно нахмуренный Ольдар изо всех сил старается походить на отца, даже челюсть вперед выдвинул, чтобы казаться значительнее.

Щенок сопливый.

Ингорь, напротив, расслабленно спокоен, успел повидать подобных разборок в разы больше младшего братика, оттого откровенно скучает как случайный зритель на классической опере.

Как бы ни трещал у князя калган, а мне все равно сейчас намного хуже. Левая половина фейса налилась болезненной на ощупь мякотью, правый глаз едва открывается и на груди синяя гематома. Отделал меня чертов урман как бог черепаху. И чем? Половником!!! Стыдно сказать кому... Ну и ночь я провел не в сухой, теплой постели, а в холодном и сыром погребе, называемом здесь порубом. Боярин Минай настоял меня туда определить, боялся, что сбегу, княжьего суда не дожидаясь. Не связывали меня и не били. Интеллигентно посадили, так же нежно вынули. Стою как пацан на ковре в кабинете школьного директора, в натуре! Вот только не стекло я в фойе расколотил, а человечка боярского вальнул. Да и князь Рогволд далек от педагогической деятельности как лето от зимы. Решительно, по ходу, настроен. После докладов Дрозда и Миная еще больше помрачнел. Не хочется от чужого дурного настроения зависеть, но, чую, отскочить по-легкому не получится.

Внутри меня все колотится и трясется. Видать, стылые объятия темного погреба отпускать не хотят, путают как водоросли в ледяном омуте. Не подхватить бы какое воспаление, каюк тогда. Оно может и так каюк, убийство как-никак. Хоть и чувствую, знаю, что не виноват, а все равно тревожно. В умелых руках и не такие дела с ног на голову переворачивались, было бы желание.

Получив право слова от Дрозда, я со своей колокольни рассказал как было дело и показания мои один за другим подтверждают Голец, Вран и дружинник по имени Ворот, сидевший вчера рядом с убиенным урманом. Все трое кивнули, что урман первым на меня кинулся, начал избивать и намеревался вогнать в горло обломок ковша.

— Сказывай теперь с каким умыслом ты нож на пир принес? — усталым, но твердым голосом вопрошает Рогволд.

Вот что мне здесь нравится, так это почти полное отсутствие субординации. Князю или боярину любому в лицо можно высказать все, что о нем думаешь, без всяких там этикетов-шметкетов. Ежели дюже обидится — на кол посадит, а коли умный, в конструктивный диалог вступит, истину искать станет.

— Не было умысла никакого. Выложить забыл. Швырять ножик, без рукояти, не засапожник даже. Случайно, княже, клянусь, ненароком запомнил я про него.

— А потом, значит, вспомнил?

— Потом вспомнил. И очень вовремя. Ну убил бы меня урман, разве лучше было бы?

— Он в своем праве был, за родственника кровь взять хотел. Да и оскорбил ты его, люди слышали.

Похоже, нешуточная над моей многобитой головушкой собирается буря, нотки у Рогволда громовые проявляются, в глазах поблескивают молнии.

Как там великий кто-то сказанул? Лучшая защита это — нападение? Зараз проверим...

— Что-то я не пойму, князь, мне, твоему дружиннику, надо было позволить убить себя какому-то дурно пахнущему урману? И ты потом бы объявил о его праве? А как же мое право защищаться? Он ведь первый меня оскорбил, заявил, что недостойн я носить свое оружие и завладел им бесчестно. Убить хотел. Не знал, наверно, что сделать это непросто. Лучше пускай боярин Минай расскажет как его дружок оказался на дружинном пиру и посмел поднять клешни на твоего гридня прямо за дружинным столом.

Во так-то. Главное вовремя перевести стрелки. Безотказный способ сменить тему щекотливого базара. Не знаю с чем это связано, но говорили, будто в отличии от того же Змеебоя Рогволд не больно скандинавов жалует, предпочитает иметь дело с варягами и коренным населением полоцких да близлежащих земель. В его дружине сейчас лишь двое северян: коренастый швед Канут и шустрый молодой дан по имени Кельд. Ни одного урмана...

Хитрый лис Минай мгновенно нашелся и на ходу придумал отмазку от намечающегося наезда, мол всегда и везде берет с собой кого-то из своей дворни, так как опасается нападения с целью сведения старых счетов. И с этими словами на меня многозначительно косится.

— Ведь в кого угодно мог он нож свой швырнуть, да хоть в тебя, княже...

Рогволд озадаченно выпятил нижнюю губу, обдумывая это смелое предположение.

— Неужто настолько хорошо кидает?

— Лучше Стяра в этом деле не сыскать, княже, — встав рядом со мной уверенно произносит Вендар. — С любым оружием он также один из первых, а на кулаках ты сам видел. Мало у нас таких воинов, поберечь бы...

— Ежели всякий умелостью прикрываться станет, зачем тогда суд? Твори, что пожелаешь, бояться-то некого, так по-твоему, сотник?

— Ну, тогда и меня суди, князь! С оружием мой прогляд и урмана боярского я на пир пропустил. Суди, княже!

Вендар покорно уронил голову на грудь, прижав к сердцу правую ладонь. Повисла немая пауза, тишину нарушало только возмущенное сопение Рогволда.

— Ладно, хватит! — князь грянул кулаками по деревянному креслу. — Утомили вы меня! Боярин говорил, что успел заплатить урману за полгода. Вернешь ему сколько скажет. В мою казну назначаю также виру в полста серебряков или товаром равноценно. Срок до масленицы даю.

— Благодарю тебя, князь Рогволд, за справедливый суд, — говорит с поклоном Вендар и в бок меня тычет.

— Благодарю, княже... — повторяю за сотником.

"Ноги нужно делать пока отпускают, а не поклоны бить", — думаю и шаг прибавляю к выходу. На лестнице стискиваю локоть Гольца, притягиваю его к себе.

— Почему не помог, рядом же был?

— Вран не велел, сказал чтоб ты сам...

Ясно. Красавчик вождь краснолицых! Решил проверить какой толщины у меня кишка? Лопушок. Нормально все у меня с кишкой, впрочем как и со всеми прочими частями тела. Думал не прожую урмана, испугаюсь? Видел я как люди боятся. По-настоящему. Один как в рейд, так медвежья болезнь у него накануне. Пронесет, а потом ничего, огурцом. Другой сапер-пацан позеленеет, жим-жим такой, что булками лом перекусить горазд, но дело делал, асом был. И я боялся. Только во мне злость клокотала ко всем и ко всему. К горам, к горцам мирным и немирным, к "дедам", к генералам, к правителям нашим. Когда постоянно на взводе бояться некогда. Казалось со злостью легче выжить, злого собаки боятся и пули облетают если вовремя пригнулся. Может дело болтал Рваный, фартовый я слишком? Оказалось проще в другое время окунуть, чем прибить. Живу назло всем и дальше жить буду. Не родился еще тот урман, а если и родился не встретились мы покамест...

Короче, не в обиде я на Врана. Вместо меня сейчас кто-то иной мялся бы перед князем, а разняв нас, другой шанс урману бы дали, не такой очевидный. Один на один, все по понятиям вышло. Тут по-другому не бывает.

Пока не покинули терем и настроение подобающее, возбуждаю в себе охоту прошевелить давно задуманное дельце.

— Где ты говорил Живень обитает? — спрашиваю впавшего в несвойственную ему задумчивость Гольца.

— Под лестницей на бабской половине у него нора.

— Веди, перетереть с ним хочу.

— Не пустят нас. Там бабы одни. Княгиня, княжна, девки... Взашей погонят.

— А этот старый леший какого там подвизается, места больше в тереме нету? Ему можно?

— Его князь за Рогнедкой смотреть поставил. Мамкам не доверяет. Больше жизни княгиню и девчонку любит, зело сглазу и наговоров боится. Живень поначалу отказывался, потом свыкся. Шесть годков уж живет там, каждый день волхвует, чужую ворожбу щупает.

Я интересуюсь к чему такие предосторожности, неужели бывали прецеденты? Оказывается, княгиня Бренива уже третья по счету жена Рогволда. Две предыдущие померли в ужасных муках от одного и того же неизвестного недуга. Предполагают, что виной тому черное волхование таинственного недоброжелателя полоцкого князя. У Дрозда с тех пор все местные волхвы и ворожеи под присмотром, троих по подозрениям в Навь отправили, но Бренива уже всю страдает от немочи, из пышной молодухи в ходячий скелет постепенно превращается.

Если все же допускать мистическое происхождение болезней княжеских супругов, то по моему тут всего два варианта: либо банальное шерше ля фам — отвергнутая ревнивица пакостит, либо сам Живень замешан в наведении порчи. Проще пареной репы. Не понимаю почему Дрозд этого не просчитал.

Ладно, подумать надо как заполучить аудиенцию у этого мутнорылого Хоттабыча. Может быть во время дежурства по детинцу удастся его выцепить. Вендар грозился с завтрашнего дня начать нас в караулы ставить, глядишь, случай и подвернется.

В гриднице я первым делом стащил с себя запачканную своей и чужой кровью, провонявшую сырым порубом одежду и до пояса умылся комнатной температуры водицей из кадки в углу. Порченное тряпье запихал под топчан. Позже попрошу кого-нибудь из теремных бабенок простирнуть, хотя вряд ли кровь урманская теперь сойдет, так и будет бурыми пятнами да разводами. Жалко, добротный был шмот.

Пока переодевался, выразить поддержку и одобрение подходили все без исключения соседи по общежитию. Кто ограничивался простым участием, кто помощь предлагал. Меня даже посетила озорная мыслишка пустить по кругу шлем, пусть накидают кому сколько не жаль. А что? На бабки князюшка меня выставил ловко. И так без гроша, еще и должен сразу двоим. Около полугода на службе корячиться светит за такую сумму, чтобы в оконцовке отдать все до крохи. Честно при таком раскладе не прожить как ни крути, надо искать левый приработок, не налетами же снова заниматься.

— Пойдем прогуляемся, — предлагаю Гольцу. — По городу прошвырнемся напоследок, а то, чую, заест нас эта служба, света белого не увидим.

— Может в корчму заглянем?

— Обязательно заглянем если угостишь. Только насухую, я без вина весь синий. Гроши есть?

— Есть маненько. Погоди, Жилу с Невулом кликну.

К нашей дружной четверке присоединяются Мороз с Истомой. Абсолютно разные по характеру они удивительно схожи как по комплекции, так и внешне, оба напоминают мне артиста Кокшенова с бородой, только Истома резвый, шабутной, а Мороз тепловатый, спокойный как удав.

В воротах при выходе из детинца кривоногий и хромой, как начальник умывальников из известного детского стихотворения к нам кособоко подковылял незнакомый перезрелый мужичок в темно-синем шерстяном клифте.

— Эй, мальки, вы случаем не с Вирова?

— С Вирова, а тебе что за дело? — на всякий случай насторожился Истома.

Услыхав ответ, мужичок хватил с полулысой головы шапчонку и полез обниматься с нами со всеми по-очереди.

— Ты кто, дядя? — спрашиваю, уворачиваясь от пошедшего на второй круг неведомого гостя.

— Жох я! Вировский как и вы! — объявляет он радостно. — Прослышал, что князю присягнули, притопал знакомиться!

Познакомились. Жох этот обитает за посадом у реки, профессионально занимается собиранием орехов, ягод и грибов в окружающих лесах. Грибы и ягоды сушит, орехи в меду засахаривает, все потом толкает на торгу да на княжий двор поставляет и живет зиму с поллетом припеваючи. Раза в два меня старше, он юнцом, испугавшись отцовского гнева, удрал на службу к полоцкому князю, ходил в дружине, жил в детинце, но однажды во хмелю неудачно упал с крепостной стены и получил увечье. То падение Жох скрючило и сгорбило, точно египетского верблюда, в дружине, он, понятное дело, оставаться не мог, а домой возвращаться застыдился. Не долго думая, отыскал себе Жох по месту такую же кривенькую, добрую нравом бабенку и зажил с ней душа в душу в тихом домике. Жили, не тужили, пока не примерла от "нутряного жара" в прошлом лете, не оставив никакого потомства.

Неожиданно для себя самого я вдруг вспомнил о Младине. Если все же придется, не дай Бог, конечно, вот так вот жизнь коротать, лучше нее не найти. Ладная, работающая, смазливая, на меня, вроде как, запала. Нарожаем детворы, заживем по-простому...

Перед расставанием Жох просил навещать его и подробным образом обсказал как найти принадлежащий ему домишко за посадом в рощице у самой реки. Скучно ему одному, ни детей, ни внуков, а тут какая-никакая родня-земляки. Обещал угощать как самых дорогих гостей, жалеть не придется.

— В какую пойдём? — пытается уточнить у меня предстоящий маршрут Голец. — В Полоцке две корчмы, одна у посадских пристаней, другая возле торга.

— Какая дальше? На пристанях? Вот туда и двинем, ноги размять нужно.

Небо пухнет синими тучами, холодный ветер сбивает их в кучу на восточном краю горизонта словно для намеченной массивированной атаки на вражеские редуты. Да пора бы уже. Даже я понимаю, что слишком сухая осень, как и бесснежная зима очень хреново для будущего урожая. Сам я в календаре давно и бесповоротно заблудился, но сведущие ворчат — снега ждут, говорят, требы богам класть нужно пуще обычного, еще день-другой и пойдут князю кланяться, чтобы созывал волхвов на капище и сам возглавил ритуал жертвоприношения. Хорошо хоть потеплело с ночи, даже земля под ногами сделалась мягкая.

Разрумяненные ветром, разогретые ходьбой мы вваливаемся в корчму возле посадских причалов. Снаружи городская забегаловка представляет собой приземистый, прямоугольный, толстобревенный сруб с четырехскатной соломенной крышей. Передняя дверь с крылечком без ступеней и сеней, парочка низких окошек с тяжелыми ставнями. В полутемном помещении торцами к центральному проходу установлены десять длинных столов по пять с каждой стороны, с промежутками между соседними лавками в три шага. В дальнем углу рядом с кухней две отдельные комнатки для постояльцев, по-моему, не лучшее место для отдыха, потому как весь гам и все запахи из общего зала должны без труда проникать сквозь чахлые дощатые двери.

Удушливый чад от жировых светильников, сивушных испарений, человеческого пота перемешивается здесь с запахами дыма и готовки, превращаясь просто в адское амбре, способное навсегда лишить обоняния любой служебной собаке-нюхачу.

Народу не так уж и много. Навигации хана, пустеют причалы, пустеет и корчма, поить и кормить скоро станет почти некого, это вам не кафешка на уютной улочке Парижа. Не много народу, но и не мало. За столами справа кучкуется какой-то сброд, угрюмые деды да хмурое мужичье. Грызут сухари, пиво потягивают, кто-то уткнулся рылом в миску с похлебкой, двое рядом с ним азартно играют в какую-то игру, по-очереди выбрасывают из горсти на стол плоские камешки. Грузчики, должно быть, портовые, пару физиономий я вроде как признал. Хавка в этом забытом Богом времени, надо отметить, стоит совсем не дорого, впрочем как и выпивка. На один серебряный дирхем можно четверых напотчевать.

Голец ведет нас налево к пустующим лавкам за третьим от входа столом по соседству с большой, громкой компанией. Я советую парням приземлиться всем на одну лавку, чтобы не сидеть спинами к незнакомым мужикам. Пока Голец бегаёт, гоношит по поводу жрачки, я осматриваю помещение взглядом знатока. Ничего особенного и лишнего, обычная дешёвая рыгаловка, у нас таких полным-полно, пивнушками называются, наилучший вариант накачаться разбавленным пойлом после работы. Скучная берлога, думаю и еда здесь такая же дерьмовая...

А вот мужички напротив занятные. Десять человек. Все в добротной, хорошей выделки одежде явно импортного производства. Предводитель во главе стола — кудрявый с окладистой бородой, породистый мужичара годков пятидесяти. По бокам у него двое парней. У чернявенького бородка уже лезет, второй сопляк совсем лет семнадцати, глаза голубые, кудри светлые как у херувимчика с картинки. Часто сдвигают кубки, ложками намахивают, словно кочегары в паровозную топку уголь, закидывают в жадные рты кашу из больших деревянных плошек. Эти трое сидят, не вставая, семеро же, утерев усы, выходят из

корчмы, их места через пять минут занимает другая семерка. Похоже, какой-то отряд обедает, кто-то ест, кто-то на стреме, охраняют что-то или кого-то. Кроме ножей на поясах оружия при них не заметно, но ребята все рослые, плечистые.

— Что за людишки? — спрашиваю вернувшегося Гольца.

— Новгородские гости отдыхают.

— Чьи гости?

— Ничьи. Купцы с заморья возвращаются. Видать, славно поторговали, корчмарь погрёба почитай опустошил.

— Так ведь не задаром опустошил.

— Не задаром. Платят щедро, не пожалуешься. Новгородцы они такие...

— На кораблицах идут?

— Ага. Ночевать не станут. Спешат, боятся реку льдом закроет. Задержались где-то. Утром гребцов выкликивали, троих самых здоровых взяли, обещали хорошо заплатить. Вон тот молоденький у них старшой.

Херувимчик главный? Хотя, все может быть... Отец купец в первый самостоятельный рейс отправил или еще чего. М-да, рисковые ребята. До Новгорода еще как до Китая, а за прогноз погоды тут никто слыхом не слыхивал. Встрять могут как герои челюскинцы. Оттого и спешат.

— Когда только ты все успеваешь? — качаю головой. — И на суде у князя выступать и про новгородцев разноухать...

Парочка полнотелых девах заставляют наш стол экологически чистой закуской. С одной из них титястой и чернобровой Голец не сводит масляного взгляда.

— Как звать? — игриво толкаю его в бок.

— Вешня, — отвечает шепотом. — Дочка корчмаря.

— Подкатывал уже?

— Собираюсь только.

Разбираем ложки. Как я и просил, ни медов ни квасов пьяных нам не подали, зато снеди притащили на взвод. Лукавит, по ходу, Гольчина. Будто я не знаю, что денег у него всего ничего, а малый он хозяйственный, прижимистый, если так каждый раз расшвыриваться будет обанкротится в два счета. Небось уже с хозяином насчет Вешни сговорился, вот и балует корчмарь будущего зятя с дружками. А что? Княжеский дружинный человек не фраер какой-нибудь, не голь перекатная наподобие вон тех у входа.

Странное на меня накатывает ощущение. Будто что-то очень важное упускаю. Нить, внутренним взором схваченная, ускользает. Я концентрируюсь и внимательно еще раз оглядываю корчму. Новгородцы потихоньку начинают расходиться, остается лишь троица во главе стола. Портовые несунуны или кто они там тоже почти все порассосались, сидит восемь человек на той половине зала, да за нами парочка тихих, гусятину копченую трескают.

Самый молодой из новгородцев приподнялся, оправляя полы одежды, потом раскинул в стороны руки, потянулся с наслаждением, встретился со мной глазами, белозубо улыбнулся. Я замечаю у него на поясе две кожаные сумки похожие на большие кошельки с клапаном. По тому, как они оттягивают тугую опояску, видно — тяжелые. У второго парня такая же история — две сумки висят, явно не пустые.

Вот откуда это чувство. Не даром сидят костогрызы. Рожи старательно отворачивают, но для меня любых слов красноречивее острые, внимательные взгляды бросаемые украдкой на новгородцев.

Хм, будь я дома, с удовольствием поглядел бы за работой жуликов, тем более на нейтральной территории. Даже правило такое существует немного суеверное: заметил чего — не мешай другим работать, иначе бумеранг может вернуться когда сам на дело пойдешь. Однако сейчас что-то меня взбудоражило не на шутку. Быть может звание княжеского дружинника или симпатия к новгородцам так действуют, не знаю, но безучастно наблюдать за намечающимся скоком совершенно не хочется.

— Стяр, я сказать хотел... — начал было Голец, но я резко его обрываю.

— Тихо! Потом! Гляди туда!

— Куда?

— Да не пялься ты! Невул, голову отклони-ка в сторонку. Вон у входа кодла сидит. Пятеро. Видишь? Все видят? Сейчас они купцов на гоп-стоп раскрутят, к бабке не ходи.

— Чего?

Вроде и стараюсь процеживать базар через цензуру, понимаю, что не все мои речевые обороты до них доходят, а все равно сбиваюсь когда хочу быстро донести свою мысль.

— Сумки с них рвать станут. Вы здесь оставайтесь, а мы с Морозом на воздух выйдем, кислороду хапнем. Будьте на стреме, как завертится — валите мазуриков, самых прытких мы в дверях упакуем.

Вообще-то мы гулять шли. Оружия не нацепили. У одного Истомы нож болтается да Жила со своим добытым в бою кистенем не расстается. У меня на сей раз даже швырятьного ножики нету.

Выходим с Морозом наружу, где уже начинает темнеть. Сырой воздух приятно щекочет ноздри, разливаясь по легким сладким нектаром. Я прямо на крыльце в ожидании застываю, он чуть левее и сзади. Пяти минут не проходит, в корчме слышатся громкие выкрики, возня, затем резко отворяется дверь и с треском бьется об окосячку. На меня, выпучив зенки, обезумевшим бизоном выносится встрепанный молодец с прижатой к груди ношей. Его я пропускаю мимо себя, выставив в сторону левую ногу, чтоб споткнуться не забыл, а вот стремительный галоп его корешка останавливаю тяжелым правым крюком.

Дую на кулак как ковбой на дымящийся шестизарядник и подмигиваю Морозу.

— Вот это я называю образцовое задержание!

Глава четвертая

Нет, все таки бурлят во мне Валеркины гены! Наверное все бандиты и преступники в душе немного легавые. Собственно, как и хороший сыщик должен быть чуточку вором.

Голец потом еще долго недоумевал как я догадался, что бродяги в корчме готовят нападение на купцов и как просчитал их действия. Я объяснял мою проницательность банальным наличием глаз и чуйки на кипиш. Ни одного меча, копья или топора я при них не заметил, значит расчет строился на неожиданности и быстроте нападения. Затолкать, повалить, срезать ножами сумки и незамедлительно делать ноги. Классика жанра. Кучу-малу ребята устроили знатную. Новгородцы не сразу поняли, что полегчали на несколько килограммов, пока наши не стали лупить налетчиков и в стороны растаскивать.

— Благодар вам, люди добрые! Отец бы мне не простил! — говорит младший по возрасту, но старший по положению среди купцов, когда все улеглось и мы вдвоем с Гольцом отправились на пристань проводить новгородских гостей в дальний путь.

— Простил бы, — говорю. — Не твоя вина. Даже дядька твой ничего не прочухал, хоть и опытнее тебя.

Все таки умею я иногда сам себя удивить. Это ведь и не основная версия была. Единственное, что на ум пришло без напряжения, оказалось верным. Пацан этот именем Садок — отпрыск одного из самых крутых новгородских купцов. Батя ему путевку в жизнь таким необычным макаром выписал, дал двоюродного дядьку с сынком на побегушки и для пригляду, да товару два насада для торговли. Не продав все до нитки, домой возвращаться заказал. Вот так воспитание! А вдруг мальчишка вовсе не торгош, не лежит душа? Хотя у этого вроде бы лежит, недавнее приключение восхитило его до блеска в глазах прямо-таки нестерпимого, аж подпрыгивает от удовольствия.

— Вот переломит отец посох о твою спину, неслух, — желчно предсказывает горькую судьбу племянника дядька Валкун.

— Не переломит! — белозубо хохочет Садок. — Если бы не я, ни за что не сбыть нам все добро! Пустыми возвращаемся, как и велел отец! Только рад будет!

— Ты для начала вернись, потом смейся. Вот-вот лед на реках встанет. Едва мошну не потеряли, осталось кораблей лишиться.

— Да не ворчи ты дядька, не лишимся! Видишь ветер меняется, тепло несет, как раз нам в спины будет. Как птицы полетим!

— Снег он несет ветер твой...

Но Садок уже не слушает нытье опекуна, увлеченно наблюдает как люди на его насадах проверяют снасти, расправляют паруса, готовят весла. Работают быстро, но без суеты, чувствуется выучка и ответственный подход к делу. Довольный происходящим на вверенных ему плавсредствах, Садок обращается ко мне с неожиданным вопросом:

— С татями как поступите?

— Как положено, — жму плечами, — князю на правез потащим.

— И что князь? Живота лишит иль отпустит?

В лоб спросил. Я откуда знаю как Рогволд в таких случаях поступает.

— А ваш как бы поступил?

— У нас князя своего нету. Мы город вольный. Посадник от Великой княгини киевской Ольги судит когда по Правде, когда не очень. Кто больше в лапу сунет того и правда. С этих,

скорее всего, виру большую просить стал бы, не убили ведь никого.

— Говоришь вольный город, а заправляет посадник из Киева, как так?

— Ну вот так у нас завелось. Не моего ума дело. Да, думаю, и не твоего, Стяр. Вы князю Рогволду поклон передавайте от Бодра, отца моего. Объясните, что из-за спешки не смогли зайти, вести передать с Киева да других мест где побывали.

— Что за вести? — встрепнулся Голец. — Может о княжиче Рагдае слышать чего? Скоро ли вернется в Полоцк?

В некотором недоумении поворачиваюсь к Гольцу. С каких это пор ему про княжича интересно? Вот же любопытный!

Садок с Валкуном мотают головами, морщатся — ничего, мол, значительного.

— Княжич Рагдай как в Болгарию с князем Святославом воевать ушел, так больше и не возвращался. Сказывают, что жив-здоров, дружину полоцкую сохранил. Да вы и без меня, должно быть, это все знаете.

Лично я не знал. Про поход в Болгарию уже слышал от кого-то. Подумалось еще тогда: где Киев, а где Болгария. Чего Святослава туда понесло? Болгары, вроде как, братья нам, даже язык похожий. Но это в будущем, сейчас, может, все иначе, не знаю. Понесло князя киевского воевать, значит так надо, не нас же сырых ему спрашивать.

Садок, гляжу, того же мнения, храповик из панциря далеко высовывать не обучен. Я с удивлением нахожу, что юный купчишка не по годам разумен. Разумен и щедр. Один из бегунков при падении выпустил из рук добычу, сумка грянулась о землю и расплзлась по швам, обнажив блеснувшие золотом внутренности. Шесть золотых кругляшей Садок вложил в мою ладонь, отказавшись выслушивать возражения. М-да, скоро будет чем папаше гордиться если сынок свою головушку буйную по случайности раньше времени где-нибудь не сложит.

— Ты побереги его, дядька Валкун, — говорю тихонько, пока Садок отдаст последние приказания гребцам. — Хороший парень, далеко пойдет.

— Пойдет, — уверенно кивает гривой новгородец. — Он ведь, знаешь, в Индию плыть намеревался, едва отговорил, уломал по нашим торгошам торговлю повести на первый раз. Он мне в отместку до последнего тянул с возвращением, до пылинки все продал. Хваткий как щука.

— Значит еще и в Индию сплаваете, какие ваши годы!

Обнимаемся напоследок как старинные друзья. Руки Садка неожиданно сильные, жилистые как у гимнаста.

— Ну бывай, Садок! Удачи в будущей торговле!

— Прощай, Стяр! Прощай, Голец! Прощайте, люди добрые, авось свидимся!

Возвращаемся в корчму. Там кроме сторожащих налетчиков дружинников и хозяина никого. Лицо корчмаря корежит виноватая гримаса, небось переживает как бы не привлекли к ответственности. Одариваю его строгим взглядом и подхожу ближе к сидящей на полу в левом от входа углу пятерке. Спинами к стене привалились, рожи напуганные, злые. Все не старше тридцати молодые мужики одинаковой лохматости и запущенности в одежде.

— Ну-с, граждане мазурики, а вот и я! Соскучились?

Не сразу замечаю, что один из них полулежит, неудобно подмяв под себя ногу.

— Что с ним?

— В Навь отошел, — отвечает Истома. — Жила ему кистенем затылок проломил.

— Ненароком я, — бурчит Жила. — Вдарил чуть сильнее, не рассчитал.

— Никто ему вечной жизни и не обещал, да, пацаны?

Носком войлочного полусапога я дотрагиваюсь до колена одного из налетчиков.

— Местные?

— С разных весей, — пряча глаза отвечает тот, что первым выбегал из корчмы. Он, видимо, является и душой криминальной компании.

— В городе давно пробавляетесь?

— С лета.

— Собираетесь где?

Вскидывает глаза пронзительного василькового цвета, прищуривается, пытаюсь сообразить зачем мне это нужно и почему он должен делиться секретной информацией. В течении двух минут даю ему возможность проявить свои умственные способности, но все мыслительные потуги неудачливого грабителя не приносят ему никакой пользы. Так и не сумев ничего прочесть на моем непроницаемом лице, жиган снова отворачивается.

Решаю его немного пострадать.

— Я жду, а вот княжеский кат ждать не станет. Так что лучше говори по-хорошему. На вас групповой разбой висит. Мы ведь легко можем показать, что новгородцы с собой несколько трупов увезли, тогда одной вирой князю не отделаетесь, тут свежееотесанным колом попахивает.

— В старом зимовье у Барсучьего камня, — нехотя признается жиган.

Я так и думал, мог и пооригинальнее что-то загнуть...

— Значит так, забирайте своего жмурика и валите отсюда. Вот вам пока на пропитание. Нужны будете — найду.

Щелчком большого пальца поднимаю свою золотую монету в воздух. Пятерня в замызганном рукаве проворно цапает ценность так же неуловимо как язык хамелеона хватает муху. Забрав покойного приятеля, группа злоумышленников стремительно исчезает за дверью корчмы.

— Ну ты даешь, Стяр! — с изрядной долей возмущения произносит Голец. — Он же наврал тебе!

— Знаю, что наврал. Но именно так завоевывается доверие у сомнительных личностей. Теперь ни он, ни кто либо из его дружков перо нам в бок при случае не задвинет. Усекли, шалопаи? Учитесь у батьки! Голец, раздай золотые парням и потопали-ка в гридницу, на сегодня достаточно.

В течении следующих суток сбываются сразу три предсказания и одно обещание.

Первым отличается Вендар. Ранним утром, исполнив свой недавний посул, он вывел нас на стражу по укрепленному городу и детинцу, что означало конец интенсивных тренировок и постепенное вовлечение в службу. Покривился поначалу на перенесенного с улицы под своды гридницы Сильвестра, попенял, что сотни людей доверяют нам свои жизни, бояре, купцы, смерды, бабы, дети, даже сам князь со всем семейством от дружины зависят, а мы тут мешков понавешали, дурью маемся. Я постарался объяснить сотнику, что токмо пользы для, никакого безобразия, крепость рук повышает и реакцию с потенцией. Даже княжичи иной раз подходят к Сильвестру ввалить хлесткого тумака, чего тут зазорного? Скорее Вендар чисто за свою репутацию радеет, не хочется ему в глазах Рогволда ничему не научившем своих людей лохом выглядеть. Зря трясется. Как боевые поленья умеем мы не так уж и мало, гораздо больше, чем в ночном бою с лесными татями и памятной драке с земиголами.

Расставилинас кого по внутренней крепости, кого на городские стены увели. Голец с

Жилой у ворот детинца встали, Жмыря со мной, Сологубом и Стахом возле княжеского терема оставили. Носатый десятник пояснил, что войны ни с кем у Полоцка, к счастью, нет, но меры предосторожности никогда не помешают, к тому же княгиня не жалуется, когда на дворе толчея и шум. Крикунов взащей, незнакомый народ при входе спрашивать, при выходе поклажу проверять — не тащат ли чего лишнего, ну и так, на подхвате быть, вдруг князю или княжичам чего вздумается. Нормальная служба. Броди себе с копьем, воздухом свежим дыши, на работных девок румяных поглядывай, жди когда обедать кликнут.

Пока я так гулял, на ум пришли некоторые аналогии с современным мне положением вещей. Ведь князь никто иной как авторитет в законе, по типу Фрола на которого я работал или других таких же деловых. Рогволд ведь не строил Полоцк с "нуля", а каким-то образом у кого-то отжал, хищнически захватил с помощью оружия своей верной дружины. Объявил себя хозяином, установил нужные ему порядки, наложил на окружающих людишек дань, крепостицу выстроил покрепче, чтоб какой-нибудь залетный обормот с насиженного места не скovyрнул и "крышует" себе население спокойненько, назло мировой несправедливости. Завел с соседями торгово-экономические связи, киевскому князю военную помощь оказывает, по гостям разъезжает, охотится, пирует, воюет когда надо, судит и споры разрешает, но не по своему усмотрению как в голову взбретет, а по строгим, давно устоявшимся законам. На широкую ногу у князя полоцкого Рогволда дело поставлено. Воеводы, сотники, десятники, личная дружина, сыщики, приближенные бояре, советники, палачи, сборщики налогов. Совсем как у нас. В наличии все признаки организованной преступной группировки или зачатков государства. Поневоле уважением проникнешься, серьезные ребята, ценный опыт для будущих поколений накапливают.

В этот же день, как и было предсказано Дроздом, до того как на прибитую легким ночным морозцем землю лег обещанный Валкуном первый снег, из куршской стороны вернулись княжеские следопыты. Одни вернулись, без Миши. Долго проторчали у Рогволда в палатах и с наступлением сумерек покинули детинец в неизвестном мне направлении. Заглянувший в гридницу Дрозд сухо сообщил, что сыск следопытам не дался, добрых вестей для меня не появилось, а посему выходило, что пропал мой Рваный бесследно на чертями драной чужбине. И Бур со змеебоевскими людьми тоже пропали.

Таким образом сбылось мрачное предсказание Миная: осиротел я окончательно, теперь даже бывшее помянуть не с кем.

Визжавшая всю ночь дикая вьюга к утру намотала по углам сугробов выше колена, выбелив мир сухим, холодным молоком. День настал солнечный, чистый как самогонная слеза. Пролетел он для меня как одна минута. И следующий тоже. Вцепившись в копье, бродил я по засыпанной снегом территории детинца, куда себя засунуть не знал, не мог от гнетущих мыслей спрятаться. Говорил ведь мне Мишаня: останься со мной, не ходи в дружину. Вместе были бы сейчас на том или этом свете.

Ближе к полудню, будучи на страже у детинца, мне посчастливилось нос к носу столкнуться с главным полоцким волхвом.

Из-за большого количества накинутах на сутулые плечи сшитых шкур и надвинутой на глаза куньей шапки я поначалу его не признал, даже струхнул слегка, когда он на меня из-за поварни шалым медведем вывалился. Не поймешь где звериные космы где человеческие. Глазенками исподлобья недобро блеснул и к заднему крыльцу бочком норовит протиснуться.

Я посчитал неппростительной роскошью упускать такой случай и поспешил задержать

волхва, под локоток ухватить.

— Постой, Живень! Я спросить тебя хочу, не задержу долго.

Бубенчик на посохе противно тренькнул, заколыхались шкуры, зашуршало под ними что-то и я оказался под изучающим прицелом хорошо замаскированных диким волосьем карих глаз.

— Вот говорят ты самый искусный в этих местах волхв. Князь тебя на службу из сотни выбрал. Так ли это?

После непродолжительного молчания из меховых недр раздался хриплый, каркающий голос:

— Я выбран Богами и служу поначалу Богам, а потом уже князю.

Пафоса, по-моему, многовато...

— Еще рассказывают будто ведаешь ты как прошлое любого человека, так и его будущее. И это так?

— Без надобности мне. Все ведать может только Род, наш отец и создатель всего живого и сущего. Вижу кое чего, не более того.

Видит все таки, старый темнила!

Чувствую, поднимается в груди воодушевление. Может нашел я наконец того, кто мне поможет? Растолкует, разжует, подсобит понять как так вышло и что делать далее. Сразу все я ему, конечно, говорить не стану, дабы не отпугнуть и себе не навредить. Прежде чем кидать карты на стол, надо для начала прощупать его реальные волховские возможности, шанс нарваться на шарлатана огромен и чреват осложнениями. Поэтому осторожно закидываю удочку на предмет пробной ворожбы по поводу пропавшего человека — сможет ли увидеть чего путного.

С ответом Живень не спешит, думает, небось, сразу меня послать или попозже. Наконец, одернув замаявшийся воротник, крикает:

— Для волхования и ведучей ворожбы снадобья особые нужны и день подходящий. Совсем скоро Коляды праздник наступает. Как родятся боги, в ночь за Колядой и приходи. Пробовать станем.

И на том спасибо! За Колядой, так за Колядой. Не приду — прибегу!

Через неделю стал Вендар нас чаще мешать с оставшимися старослужащими из княжеской дружины и ставить в ночные дежурства. Как то утром после единственного положенного выходного лежал я на своем топчане и выползать на свет из мрачной, жарко протопленной гридницы не планировал. По порядку стража наша с Морозом и Долганом сегодня ночная, самая скучная и холодная, но хорошо, что короткая. Лежал я и думал как же мне тут все быстро обрыдло. В армии так не лежишь, солдат без работы — преступник, любимые командиры мигом найдут занятие. А здесь... Ну помахали вчера полдня мечами на морозе, сулицы пометали, топориками покрутили, мешок подолбили вечерком, в остальном же полнейшее безделье, мертвый шгиль. Даже шахмат с радио нету и книжек для самообразования как в тюрьме. Надо бы намекнуть Вендару, чтоб озаботился разнообразием нашего досуга. В натуре ведь скукотища! Голец еще заимел привычку где-то пропадать, Жила, улучив любую минуту, дрыхнет как барсук, Невул не разговорчивее печки, да и о чем с ним болтать, переговорено все сто раз...

Шумно протопав на пороге заснеженные ноги, в гриднице появляется Вран. Не проходя далеко, кричит в моем направлении:

— Стяр, у ворот какой-то оборванец ледащий до тебя хочет. Пускать?

— Ну, пусть, коль хочет, — разрешаю, пожав плечами. Свешиваю босые ноги с ложа. Интересно, кого это по мою душу надуло? На всякий случайдвигаю поближе пояс с мечом, вдруг буйный какой, так укорочу сразу к хренам на голову, настроения никакого...

Притворив за собой тяжелую дверь, на пороге возникает облаченный в лохмотья и обрывки шкур незнакомый мне тип неандертальского облика. Правой рукой на посох кривой опирается. Попривыкнув глазами к полумраку, делает вперед нетвердый шаг.

— Стяр здесь?

Голос слабый, приглушенный густой, всклокоченной бородой, но мне достаточно двух произнесенных слов, чтобы вскочить с лежанки и броситься к вошедшему как к родному, ибо так безбожно прокручивать рокочущую звонкую согласную может только один из известных мне в этом мире людей.

— Праст?! Живой! — обнимаю его вместе с посохом и внезапно задыхаюсь от смрада гниющего мяса. Поначалу подумал — показалось, потом чую от него несет, больше неоткуда.

— Живой покуда, — говорит Буров ближник. — Да чувствую — дохожу, насилиу дополз...

— Погоди, ты ранен что ли? Эй, ребята, подсобите-ка!

Несколько сильных рук подхватывают разом ослабевшего Праста и волокут к ближайшему лежаку.

— Раздевайте его, братцы, только бережно. Голец, дуй к Живню, проси прийти! Мороз, давай его на мою лежанку уложим.

Хотел еще попросить Долгана, чтоб нашел чего-нибудь пожрать, да гляжу, вырубился Праст, не до еды ему...

Глава пятая

Посольство полоцкого князя в куршские земли с самого начала столкнулось с трудностями. Из-за бурной деятельности, развитой беспокойным преемником земигольского князя пришлось скрытно пробираться через владения восставших Рогволдовых данников, избегать чужих глаз, обходить стороной все встреченные на пути веси. Хоть и собрал Вилкус под свою мятежную руку изрядное количество недовольных жизнью мужичков, в селищах оставалось еще полно желающих попортить крови небольшому чужеземному отряду. Каждый из троих больших куршских князей настолько крут, хитер и подозрителен, что любое проявление слабости, такое, например, как прорыв соседских посланников с боем через подданные земли, мог послужить толчком для не слишком обдуманных действий. По всей видимости, Рогволд под видом военной помощи был бы не прочь оттяпать кусок куршской земли, желательно с видом на Балтийские волны. Курорт не ахти какой теплый, зато сколько возможностей для морской торговли и разбоя. Тесно варягу среди лесов и болот, простору хочется, а может завидует тем самым викингам, которых в дружину брать не любит, давнюю мечту о морских походах тайно лелеет. Вполне осуществимая идея, кстати. Куршские князья друг дружку не сильно жалуют, каждый сам за себя стоит и за коллегу впрягаться не станет. Даже когда одного из них стали донимать своими набегами датские разбойники, он не к родичам за помощью обратился, а к Рогволду, прекрасно осознавая чем это может для него закончиться. Разместить у себя иностранный военный контингент иногда бывает гораздо проще, чем его потом вытурить. Пара сотен просимых бойцов легко может превратиться в пять-шесть и тогда прощай княжение на янтарном берегу. Другое дело, что тех сотен у Рогволда сейчас нет. И любой, проявивший толику любопытства, индивидуум об этом осведомлен. Недаром же всколыхнулись земиголы и не случайно курш выбрал момент позвать к себе полоцкую дружину.

В бою курши не уступят варягам, в случае столкновения станут серьезным и очень опасным противником. Поэтому, прежде чем предпринимать какие-то шаги, Рогволд послал на переговоры своих бояр. Посмотрят, оценят обстановку, выяснят расклад сил, а он, князь уже сам решит брать курша за кадык или дружбу дружить крепкую. В конце концов там еще два княжества.

Среди приданных боярам Овдею и Буру людей Змеебоя было два опытных дружинника ходивших ранее к куршам через земиголу. Они вели отряд лесами и краями болот, на ночевку вставали в глухих чащобах подальше от людей, огонь разводили в глубоко вырытых ямах, питались взятыми припасами и чем удавалось добыть охотой. Осторожно шли, оттого и долго. У мелкой пограничной речки едва не напоролись на хорошо вооруженный конный десяток. Полдня лежали мордами в землю, пока те не снялись с привала.

В первом же куршском селении их накормили, гостеприимно устроили на ночь и отправили гонца к князю. К вечеру третьего дня явились пятеро, на ломаном словенском наречии обстоятельно выспрашивали чужаков о цели визита, запоминали имена каждого прибывшего, затем один из них где-то потерялся, а четверо оставшихся повели людей полоцкого князя к своему вождю.

Путешествие заняло два дня, еще четверо суток провели в небольшом селище у речного устья, в пропахшей морем рубленом доме в ожидании прибытия хозяина тех земель. Томительно тянулись мутные, бессолнечные дни. Местные поглядывали на полоцких

искоса, первыми не заговаривали, хорошо хоть владелец жилища — осанистый рыжеволосый рыбак не скупился ни на еду, ни на хмельные взвары, которыми щедро потчевал гостей. В первый же день вдоволь набродившись по селению, осмотрев морской и речной берега, Рогволдовы послы предпочли больше с рыбацкого подворья не выходить, а печалиться и гадать о судьбе полоцкого войска в битве с земиголами исключительно в компании с дармовыми угощениями.

Ну а как? Правильно решили. Чего людям глаза мозолить? Курши, что привели их туда, технично испарились, вопросов никому шибко не позадаешь — обе стороны чужой язык разумеют плоховато да и желающих с ними поболтать не находилось. Рыжий рыбак ночевал где-то в другом месте, показывался только, когда притаскивал с помощниками набитые едой корзины и жбанчики с сивухой.

Если умудренным опытом бойцам Змеебоя и двум боярам отдохнуть вдали от шефа в кайф, то молодому шалопаю Прасту на месте сидеть — сущие вилы. Когда на вторые сутки предусмотрительный Бур заговорил, мол, неплохо бы на подворье сторожу выставить, вызвался первым. Дружка своего Кульму на это дело подтянул. Стали на пару за округой глаз тарашить, днем вдвоем, ночью посменно со змеебоевскими. У дома безвылазно не торчали, бродили по деревне, уклад чужой подмечали, осматривали реку, каждый день спускались прогуляться по влажному морскому берегу, где под крики разметанных по небу чаек резвился колючий балтийский ветер.

Находясь поутру в одной из таких прогулок Праст с Кульмой случайно издали заметили приход с верховьев реки кораблей с хищными змеиными головами на высоких носках. Скрытно, леском подобравшись поближе, увидели как с двух узкотелых лодий, едва те ткнулись в прибрежную песочную мякоть, спрыгнули с полсотни вооруженных людей и мягким звериным шагом двинули напрямик в куршское селение явно с нехорошими намерениями, поскольку кроме топоров и копий не преминули захватить с собой щиты.

Несмотря на свою относительную молодость и отсутствие опыта, Праст и Кульма сумели правильно прошевелить ситуацию и скумекать, что причалившая бригада головорезов это те самые даны, против которых курши просили помощи и что три десятка деревенских рыбаков разного возраста ничего не смогут противопоставить профессиональным воякам и грабителям, а люди полоцкого князя попадают в суровый замес где расклад один на троих.

Подхватив руки в ноги, сорвались парни в дикий галоп по краешку молодого сосняка в обратку до халупы рыжеволосого рыболова. В неравном бою каждый меч на счету, может еще и предупредить удастся.

Убежали не далеко. В месте, где соснячок начал мешаться с густым кустарником словно волки из логовищ выскочили четверо. Возникли на пути так неожиданно, что Кульма с Прастом испуганно отпрянули, вместо того, чтобы приготовить оружие. Один из незнакомцев без лишнего базара с разбегу вогнал копьё в грудь Кульмы, другой добавил топором по шейным позвонкам. Прасту достался удар меча в область ключицы и чем-то тяжелым прилетело сбоку по ребрам. От болевого шока и приданной инерции он смял спиной жесткие ветки низкорослой лесной растительности и безжизненным кулем рухнул, нелепо взмахнув руками. Сознание Праста угасло с мыслью, что напавшие на них люди не очень-то походили на данов...

Пробыв какое-то время в отключке, Праст вернулся в мир живых уже далеко за полдень. Превозмогая общую слабость от кровопотери и жуткую боль в разрубленном теле,

поташился прочь от места происшествия. Не ровен час пойдет кто-нибудь мимо да и добьет немощного как снулую осеннюю муху. С каждым шагом он терял силы, но, стискивая зубы, чтобы не стонать в полный голос, упрямо двигался к куршскому селению. Помощник из него уже никудышный, качественно махнуть мечом вряд ли сумеет, однако оставлять товарищей в беде хуже нету, пусть лучше убьют его враги, чем свои потом будут считать трусом. Не подсобит, то хотя бы отвлечет, удар роковой замедлит...

Живуч и силен оказался Праст аки буйвол. С такой серьезной раной умудрился не скопытиться, сумел в одиночку добраться до Полоцка. Молодой потому что и гены, видимо, не порченные от папы с мамой достались. Здоровья на троих или одному лет до ста пятидесяти. Уникум, короче. Зверь. Живень его три дня пользовал. Гной из раны вычищал, промывал настойками, толочно травяное всыпал, отвары ему в рот заливал, сам не спал (все шептал чего-то) и другим не давал, весь запас лучин в гриднице пожег. Праст сначала впал в горячку, метался по ложу как наркоман в ломке, потом принял стойкий крокодиловый окрас, я уж думал кончается, а на четвертый день зенки свои голубые распахнул, точно заново родился и заговорил. Зря я все таки гнал на местную медицину, имеет место быть, чертовка! Без везения, конечно, не обошлось: лезвие меча каким-то чудом не задело край легкого, но целебную силу трав отрицать больше не возьмусь, а Живню я без зазрения совести пообещал вручить звезду Героя Древней Руси, правда мысленно...

В деревню Праст так и не вернулся. Свалился обессиленный подле крупного жилища лесных муравьев. Как оказалось весьма вовремя и кстати свалился, так как именно в этот момент мимо него шумно протопала процессия данов, возвращающихся на свои корабли. Их сопровождали курши, что вели сюда Рогволдовых посланников. Весело сопровождали, словно родню на скорый поезд. Также из своего укрытия наблюдательный Праст успел заметить в руках данов две волокуши с мертвыми телами полоцких бояр.

Дождавшись пока колонна минует его засидку за муравейником, Праст осторожно последовал за ней к берегу. Там он увидел как каждый из куршей хватался за руку с вождем данов и крепко с ним обнимался, после чего даны погрузили тела бояр на корабли и устьем реки вышли в море.

— Ты ничего не путаешь, Праст? — спрашиваю, с повышенным вниманием впитав ушами и мозгом рассказ Буровского корешка.

— Нет, Стяр, ошибки быть не может, собственными глазами видел. Бур это был, рука с перстнем свисала. Вся в крови. Мы с ним с самого детства, не перепутал бы даже во хмелю и без перстня. Овдея узнал по одежде. Он всем до того говорил, если случится с ним чего, тебя известить первого. Крепко вы, видать, поладили после того как чуть друг дружку не порешили...

— То когда было, — отмахиваюсь я от ненужных подробностей, а у самого горло перехватывает. — Знай одно — Овдей мне роднее брата, за ценные сведения о нем я тебя обязан. Не представляю смог бы сам добраться или нет. Я твой должник, Праст, запомни это и поправляйся. Живень сказал, что кость срослась правильно, мясо он тебе вычистил, ребра заживут быстро. Отъедаться тебе надо, вес набирать, желательно в покое. В гриднице пока побудешь, я договорюсь и все организую ты не парься особо, понял? Ну, отдыхай, братан, дрыхни давай.

На эмоциях я с силой стиснул клешню болезного и вдруг вспомнил при каких обстоятельствах впервые увидел Бура с Кульмой и Прастом. Незавидное тогда у меня было положение, куда хуже, нежели сейчас. Из-за плотной концентрации произошедших событий

кажется, что после встречи с боярином Головачем и его людьми минуло не меньше пары-тройки лет. Иных уж нет, а те далече...

Однако, с результатами верно сослуженной службы Праста своему боярину нужно что-то делать. Утаивать подробности Мишиной гибели бессмысленно. Я не мог понять одного: нахрена данам жмуры? Зачем увозить трупы в море? Утопить, сокрыв тем самым следы убийства? Чушь. Этим тут никто не заморачивается. Вялят кого ни попадя на каждом шагу и об уликах особо не парятся. С тем же успехом курши могли снести покойников до ближайшего леса и оставить на прокорм дикому зверью, через неделю одни кости отполированные останутся, иди доказывай чьи.

Зачем вообще куршам нужно было подставлять посланцев грозного соседа? Что за хитроумная интрига плетется приморским князьком?

Голова уже кругом от гипотез. Чтобы не рехнуться в одиночку решаю поделиться тайным знанием с вернувшимся в гридницу Гольцом, авось чего дельного подскажет, натура у него авантюрная, разбойничий опыт опять же...

Приземляю растерявшего к зиме почти все свои конопушки приятеля рядом с собой на свободный топчан и ввожу в курс дела. Выслушав печальную повесть о гибели княжеских послов, лишённую моих комментариев, Голец поскреб мизинцем кончик короткого носа и скривил тонкие губы в задумчивой ухмылке. Его шальные глаза на миг сделались серьезными, стала заметна кратковременная работа мысли. К сожалению такая мимолетная, что когда Голец сморгнул, я уже жалел, что спрашивал его мнения.

— Ну, что скажешь? — вяло интересуюсь для проформы без всякой надежды на вразумительный ответ.

— Живые они.

— Кто? — я реагирую как умная собака на что-то недостижимое ее разуму — склоняю голову набок.

— Бур с Овдеем, — охотно поясняет Голец, давно придав лицу обычное простаковатое выражение. — С мертвых проку не взыщешь.

Думал я об этом. У нас целые республики воровством людей промышляли. Похищенных заставляли выполнять изнурительную работу или выкуп требовали с родственников. Сами испокон веку не работали, только с оружием гарцевать горазды, глотки безоружным резать мастаки. Даны те, по ходу, этого же разлива — потомственные бандиты. Очень может быть, что Миша с Буром захвачены в качестве рабов или как объекты для получения материальной выгоды путем выкупа. А может и не быть, вдруг здесь до этого скотства еще не додумались. Вариантов тем не менее масса и все не шибко сладкие.

— Надо бы Дрозду рассказать, — тихо говорит Голец, глядя в угол, где без движений и звуков лежит Праст.

— Ты давай зря не пыхти, — выговариваю строго. — Чтоб я к этому сухому богомолу поперся? За кого ты меня принимаешь? Он же понтовался как баклан, следопытов посылал и ничего не нарыл или сказал, что ничего, а мне к нему с докладом?

— Ты спросил совета, я посоветовал.

— Дрозду, значит?

— А кому еще? Не Минаю же.

Хм, эта сволочь тут последний, кого б я в лютый голод жрать стал, не то, чтобы со своими проблемами обращаться. Мне видеть его лишний раз противопоказанно, руки могут сами к горлу потянуться. Я этой падле Мишаню не забуду, даже если у меня в ногах с полной

пастью земли ползать будет.

— Почему сразу не Рогволду?

— Князю после, сначала — Дрозду. Так лучше будет.

— Темнишь ты, братан, чего-то. Уж не шнырем ли заделался у того Дрозда? В гридницу не кажешься, где и с кем трешься непонятно. Не вздумай за старое взяться, нам тогда всем кранты, понял? Здесь тебе не Виров. И от Дрозда подальше держись, таких друзей за нос да в музей...

Голец скептически фыркнул и отвернулся.

— Так ты понял или нет, что-то я не врубился.

— Понял, — буркает недовольно через плечо.

Вот так-то лучше. А к Дрозду на поклон я не пойду, много чести, поломаюсь пока, мне не запахло. Если предположить, что Миша с Буром действительно живы, нужно ждать весточки от данов, от куршей или от них самих. Ежели не живы, то и трепыхаться нечего, с того света еще никто не возвращался.

Как бы то не было, мою потребность выговориться Голец полностью удовлетворил. Я больше не горел желанием делиться полученной от Праста информацией и на ночное дежурство у ворот отправился с чувством выполненного долга. Скоро Коляда. Живень обещал помочь. Думаю его не сильно поколышат слегка изменившиеся вводные, если он действительно такой сильный ведун как носит молва, то определить жив ли Рваный сможет стопудово. От старого волхва зависит посвятить мне жизнь на Мишины поиски или окончательно принять факт его гибели.

Власть подежурить мне не дали.

Сначала с инспекцией притащился Вендар. Вот охота ему среди ночи в мороз шлепать проверять бдительность стражей? Не война же, в натуре...

Убедившись, что и я, и воротные засовы на полагающихся им местах, сотник выдыхает клубы горячего пара, делясь новостями:

— Змеебой нас на Коляду в стенку зовет.

— Зачем?

— Потеху тешить, вот зачем.

— Хм, потеху это хорошо. А кого это "нас"?

— Княжья гридь против его дружины и охочьего люда с посада.

— Толпа на толпу что ли? — спрашиваю, с теплотой припомнив городские пацанские разборки район на район.

— Стенка на стенку. Только ты не радуйся, Змеебоеву ораву еще никто не бил, даже заезжие новгородские удалыцы еле ноги уносят. Из наших когда либо дрались десятка два, включая меня.

— Но ты ведь лучший, да, Вендар? — спрашиваю без тени насмешки, ибо помню, что до сих пор не видел его в деле.

— Там умелых больше.

— Не скажи. Зря что ли мы три седмицы Сильвестра мутузили? У тебя благодаря мне пол-гридницы с первым юношеским! Мы еще посмотрим у кого умелых больше! Не бойсь, накостиляем мы этим фраерам, зуб даю.

Успокоенный моей уверенностью, Вендар исчезает во тьме. Через полчаса в моем поле зрения возникает худошавая фигура в легком тулупчике. За ней выплывает более рослое и тяжелое тело.

В худом узнаю Дрозда.

— Это твоя замена, — говорит.

— Рано же еще, — отвечаю в непонятках.

— Не рано. Со мной пойдешь и расскажешь все, что узнал о боярском посольстве.

Глава шестая

Пришлось рассказать, куда деваться? Глупо упорствовать, когда находишься в пыточной келье. Не в качестве пленника (еще чего не хватало), а в качестве одного из участников частной беседы. Чувство юмора, видать, у Дрозда такое своеобразное, места другого не нашел. Тут тебе и тяжелые колодки с отверстиями для рук и ног, на двух столбах цепи с крюками и железными кольцами, в углу раскорячилась черная, пузатая жаровня с остывшими угольями, рядом на низком столике разложены ножи, клещи, щипцы с хищно загнутыми кончиками, спицы острые, плаха от крови бурая торчит уродливым грибом точно посередине веселого помещения. Два коптящих светильника гоняют по стенам причудливые тени, пахнет прелью и еще чем-то не очень приятным.

С Дроздом мы тут наедине. По его непринужденному поведению понятно, что видный боярин не редкий гость в скорбной камере. Она, кстати, одним из углов примыкает к нашей гриднице и отдельного выхода на улицу не имеет, только через внутренний переход в самом тереме. Спали мы и не ведали, что совсем рядом с людишек кожу живьем срывают. Видимо, толстые бревна стен обладают неплохой звукоизоляцией, вопли со стонами глушат не хуже метровой кирпичной кладки.

Сидим мы на двух деревянных колодах у стены напротив входной двери. На голове боярина повязка с серебряным коловратом. Видел я ее уже на нем, зачем надевает непонятно, смотрится не очень, если честно. Толстый намек на тот факт, что в детинце умеют развязывать языки неразговорчивым не сработал: я и так не собирался ничего утаивать. С этим же успехом могли побалакать и в более располагающей к общению обстановке с пивком и крендельком. Ну да пес ним, хотел жути нагнать — нагнал. Гаденькое местечко. В порубе мне было не в пример уютнее.

— С куршами водил дружбу сам Рагнар Кожаные Штаны, — доверительно сообщает Дрозд, едва я заканчиваю слово в слово повторять рассказ Праста. — Давненько, правда, это было. С тех пор они если и изменились, то не в лучшую сторону. С кем поведешься...

Боярин клокочуще крикает: то ли посмеялся, то ли кашлянул.

— Твое предположение, что княжеские посланцы живы вполне разумно. Раньше я сомневался, но теперь уверен: выбор Рогволда был правильным. Не столь преданный человек мог не дойти, — малоподвижное лицо Дрозда искажается в ухмылке. — Здесь нам повезло.

Ага, как утопленникам. Особенно повезло Мише с Буром. Еще не ясно на кой черт те отморозки их в море поволокли. Требование выкупа — самое безобидное, что может с ними произойти.

— Своих жертв даны с урманами пытаются умело и очень охотно, мой кат не обладает и десятой долей того ремесла, хоть и дело свое знает неплохо, — подтверждает мои нехорошие догадки Дрозд. — Но сейчас явно не тот случай. Хорошо бы знать какой...

Он замолкает и снова каменеет лицом будто кнопку выключения нажали. Представляю какой змеиный клубок из копошащихся мозговых извилин ворочается сейчас в этой черепашке. Детские его ручонки переплелись тощими пальцами в скомканный узел, глаза зацепились за жаровню. Меня он выдоил досуха, пора бы мавру и честь знать. Возвращаться на свой пост к воротам страсть как неохота, но и тут сидеть в тревожной тишине антураж не располагает.

Шмыгаю носом, чтобы привлечь внимание "особиста". Он бросает на меня быстрый взгляд, словно только сейчас вспомнил, что я рядом.

— Ты можешь идти отдыхать... сержант.

У меня челюсть отвалилась. Ишь, запомнил, умник! Вот бы он удивился узнав значение этого словца. Ладно, седи, шевели мозгой, прорабатывай варианты при которых данам нужны живые полоцкие бояре, а куршам было выгодно этих бояр сдать. Лично мне кажется, что против Рогволда затевается упреждающий удар с далеко идущими намерениями. Как бы нашему князю самому земель не лишиться. Мужик он лихой, не ровен час соберется спрашивать за беспредел да и влипнет по самые помидоры.

Отдыхать, так отдыхать. Я никого за язык не тянул. Надеюсь через пару деньков волхв Живень мне про Мишу еще чего-нибудь поведаст. Пока Мишаня где-то дышит, я отсюда валить погожу. Думаю, наелся Рваный местного колорита в прикуску с передрягами, назад домой к любимому коту отказываться столь рьяно уже не будет.

— Не болтайте там! — лупит мне в спину под занудный дверной выскрип. — До князя сам донесу.

— Угу.

Выхожу не оборачиваясь.

Даже не сомневаюсь, что донесешь. На то ты и ближний боярин, испытанный советчик.

Благородный порыв оттаскать разговорчивого Гольца за уши или даже садануть легонько по печени дабы раз и навсегда пресечь стукачество в дружинной среде сменяется меркантильным расчетом: стук он ведь в обе стороны работать способен. Положа руку на сердце — ну какой из Гольца воин?! Ни силы, ни стати, одна пронырливость да ловкость как у того сперматозоида. С земиголами неплохо махался, так то с испугу, в следующий раз может так не свезти. Дрозд птах стреляный, сразу выкупил бывшего разбойничка, понял, чем тот может быть ему полезен. Небось уже и задания давал, иначе где бы корешку моему целыми днями пропадать, не на стенной же страже.

Добегаю по скрипучему снегу до порога гридницы уже в неплохом настроении. Утром попрошу у Гольца свои слова насчет якшания с Дроздом назад. Скажу, что погорячился и был неправ.

Спустя несколько дней настал горячо ожидаемый мной и свято почитаемый населением Древней Руси большой праздник Коляды, что-то типа нашего Нового Года или Рождества. Накануне я было сунулся к волхву, погадать в ночь на праздник, но Живень и разговаривать не стал, так как ближе к полуночи ожидал у себя в каморке Рогволда шибко страждущего до священнодействия, а лишь напомнил про уговор следующий вечер. Следующий, так следующий, мне особой разницы нет когда колдовать был бы результат.

С самого раннего утра, пока в чернильном небе среди синих облаков еще мерцала ледяная алмазная россыпь, укрепленный город объял бархатный дух свежего печева. Ласковый южный ветерок, принесший оттепель, стал пахнуть хлебом и домашним уютом. Город целиком деревянный, а нигде не скрипнет, не шворкнет, тишина как на дне океана, даже собаки помалкивают.

Вернувшись с уличной параша в натопленную гридницу, я вслушался в бодрый храп свободных от дежурства обитателей гридницы и с прискорбием осознал, что уснуть больше не смогу. Без аппетита похлебав холодной молочной сыворотки с сухарями на завтрак, оделся, напялил шлем, подхватил копье и отправился менять Невула на стене. Отпущу пораньше, пусть пацан подрыхнет, ему полезно.

За ночь снег успел отсыреть и осесть, каждый шаг отмечался в набитой ногами тропинке глубоким следом. Интересно, тут снеговиков лепят? Вернусь со стражи, вспомню детство и приобшщу бедных туземцев к важнейшему из искусств — снегоскульптурному. Полагаю, культурный шок им обеспечен.

В предвкушении предстоящей забавы, я ускоряю шаг, поднимаюсь по деревянным ступеням к стене на валу. Топаю вдоль частокола к угловой восточной башне, слегка втянув голову в плечи, чтобы не задеть шлемом дощатый настил крытого перехода. По пути в который раз отмечаю мастерство древних фортификаторов и строителей владеющих знанием собирания столь сложных и прочных сооружений без единого гвоздя или железной скобы. Торцы толстенных бревен не имеют аккуратных, ровных спилов, ибо привычную нам пилу еще не придумали. Основные инструменты здесь топор и скобель. Вся древесина рубленая, забитая на концах тыльной частью топора, чтобы внутрь бревна или теса меньше попадало влаги. Конструкционные узлы стянуты крепкими канатами, расклинены распорками, сбиты нагелями. Этот настил, наверное бэтер выдержит. Столбы под ним в обхват...

Из-за ближайшего такого столба вдруг выскакивает лохматая, плечистая фигура со страшной волосатой харей. Подняв руки и по-медвежьи рыча, чудище свирепым танком прет на меня.

От неожиданности и испуга я сквозь толщу утоптанного снега прирастаю ногами к матушке-земле и не могу пошевелиться. Знаю, что копые в руке и меч никуда не делся — на поясе висит, а сделать ничего не могу. Ступор навалился, думал такое только в кино бывает. Сглотнул я шумно и глаза вытаращил в ожидании удара когтистой лапы, которая по рассказам на раз сносит человеку башку.

Пару мгновений ничего не происходит, зверюга тоже стоит как вкопанный, слышится лишь его шумное сопение. Затем обеими лапами оно берет себя за морду стягивает с головы мохнатую маску, обнажая под ней озадаченную физиономию Мороза.

— Придунок что ли?! — вопрошаю возмущенно, облегченно выдохнув напруг. — А если б я тебя на копые насадил?

— Да ты чего, Стяр? Какое копые? — наивно удивляется Мороз, хитро сверкая глазами. — Коляда же, пугнуть хотел, все по обычаю! Вижу ты идешь... Штаны-то сухие, не простынешь?!

— Да пошел ты, — говорю. — Иди лучше девок пугай, глядишь какая-нибудь утешить попросит.

молодецким гоготом Мороз водружает маску обратно на лицо и пускается на поиски следующей жертвы. Хм, а я всегда считал Мороза одним из самых адекватных в своем окружении. Ему ведь на стражу скоро, а он бродит как молодой кобель, зубоскалит, довольный после вольной ноченьки. Вот, что с людьми религиозный опиум творит. Похоже, праздник обещает быть нескучным. Надеюсь полдня на стене уберезет мою и без того ослабленную психику от части безумных языческих обрядов и обычаев. Массовые гуляния должны начаться после обеда, сначала народ под предводительством князя, Живня и других волхвов ломанется на капище для справления культа, потом будет орать песни, рядиться зверьми, подобно Морозу надевать на рожи личины-маски, толпами бродить по дворам, выпрашивая угощения. Весело, короче.

Квельый от недосыпа Невул вспылал ко мне неподдельным чувством благодарности как только я предложил ему отправиться отдыхать чуть ранее срока. Насчет резвящегося где-то

неподалеку Мороза предупредить не стал, это мне в диковинку, а им может самое оно, пушай развлекаются, незачем людям кайф ломать.

Накрытая четырехскатной тесовой крышей площадка башни выше середины моей груди открытая и в хреновую погоду является не слишком уютным местечком, но сегодня я с удовольствием подставил щеки ласковому южному ветерку, наслаждаясь мягкой зимней свежестью. Оттепель шлука скоротечная, скоро может так завернуть — сто раз слякоть добрым словом вспомнишь.

Поставив в угол копые я, следуя полученному ранее от Вендара инструктажу, начинаю зорко вглядываться в живописнейший пейзаж на той стороне речки Полоты. С высоты видно далеко за пределы городского посада. Видна заснеженная Двинская полоса, обрамленная неопрятным ивовым кустарником, огнищанские поля и наделы утыкаются в лесную чащу черным забором ограничивающую обширную площадь поселения. Будь я художник — обязательно поднялся бы сюда не пленэр, уж больно виды сказочные, на десяток нетленок хватит.

Внизу под стеной речной рукав изрезан полозьями, избит следами ног и копыт. Благодаря толстому льду, водный путь зимой превращается в санный и используется не менее интенсивно. Но в случае атаки на город больше не будет служить естественной преградой для нападающих. Подходи с любой стороны с лестницами да арканами и карабкайся на тын на здоровье. И никуда от этого не денешься — закон природы работает зимой против русских крепостей.

Но к счастью, никто нападать на Полоцк не спешит, враждебной армии на подходе, равно как и подозрительных дымов над посадом не заметно. Не горел еще Полоцк за свою историю да и подобного желанья, думаю, не испытывает.

Едкая мыслишка о том, что это со мной навсегда, неприятно печет серое вещество под древнерусским шоломом. Тяготит внезапно пришедшая уверенность невозврата и чувство тотального одиночества.

Встречаю пришедшего менять стражу Вендара тяжелым взглядом исподлобья, будто это он виноват во всех моих злключениях.

— Почему Невула раньше отпустил? — с неподдельным интересом спрашивает сотник.

— Не спится, — отвечаю без всякой охоты продолжать разговор.

— Плохо, что не спится. Князю бойцы в стенке отдохнувшие нужны, проигрывать не желает ни в какую.

Вспоминаю про назначенную на сегодня забаву и на душе немного теплеет.

— Рогволд что, тоже драться будет?

— Ты думал князь пропустит любимую забаву? Не пропустит — смотреть будет. А в середине Ингорь встанет. Нам с тобой за ним приглядывать. Как, сдюжишь? Это тебе не Сильвестра вашего безответного дубасить.

По глазам Вендара понятно, что на данный момент это самый животрепещущий для него вопрос как бы он ни старался сохранять спокойствие. Я пренебрежительно фыркаю, тем самым давая понять начальнику, что не только сам сдюжу, но еще и ему подсоблю.

Удовлетворенный моим настроением сотник спускается к подножию башни и пропадает из поля моего зрения.

Переживает. Не хочет в очередной раз перед Рогволдом позориться. Видать пообещал взять над боярской дружиной верх, поквитаться за прошлые поражения. Ну ничего, поможем, чем сможем. Кулачный бой он и в Африке кулачный бой. При условии, что все по-

честному. Мой тренер по боксу Захарыч всегда предостерегал своих учеников от уличных драк и крутых замесов один против нескольких. Правил там, как известно, не существует, поймут, что перед ними обученный боец, запросто могут проломить сзади голову или сунуть в шею перо. Попал в серьезную передрагу и не смог добазариться — беги, потом порешаешь, жизнь она подороже всяких понтов. Если нет возможности свалить — вцепись в глотку главарю и при до конца, лучше пускай трое судят, чем четверо несут... Золотые слова, Захарыч. Уверен, многим пацанам они помогли в реальной ситуации. А еще я уверен, что ни Захарыч, ни кто либо из боксеров никогда не стоял в середине шеренги из пятидесяти человек напротив такой же шеренги одетых в нагольные тулупы, полушубки и меховые шапки румяных от легкого морозца ухарей. Ножик в печень не сунут, а вот железяку тяжелую в рукавицу делать нечего. К тому же в неровном строю оппозиции вижу много знакомых лиц, среди которых выделяются Дудила, сам Змеебой и еще парочка мордастых субъектов.

По корпусу кидать совершенно бесполезно — толстая одежда поглотит силу удара по максимуму. Значит будут лупить исключительно по фейсу и попробуй в общей толчее увернись, пространства для маневра хватать не будет стопудово.

На площадке между мостом через Полоту и городскими воротами места для схватки предостаточно. Зевак набралось сотни три, включая баб и ребятишек. Лица у всех радостные, будто не на драку пришли, а в цирк с клоунами и учеными медведями. Мужички, не принимающие участия в традиционной забаве, готовятся отволакивать из толчеи зашибленных, сбитых с ног бойцов, чтобы не затоптали. Наведя справки, я усвоил, что лежачих здесь не бьют, упавший должен уползти если в силах и участия в бою больше не принимает. Побеждает команда, сохранившая на ногах хотя бы на одного бойца больше.

Тем временем шеренга напротив встает в изготовку, одинаково выставив далеко перед собой обе руки, слегка согнутые в локтях, кулаки повернуты вертикально.

Ого, это что-то новенькое! Бросаю через широкую фигуру княжича взгляд вправо на людей Вендара и вижу, что они поступили точно так же. Похоже, в общей сшибке кое какие правила защиты все же применяются, иначе трудновато стоять под градом ударов со всех сторон. Вендар хитрец, не предупредил, но надо было включить голову и самому это предвидеть. Подумать и просчитать, что боевые рукавицы далеко не боксерские перчатки — объема нет, пружинистости тоже, удар на них толком не примешь да и для рук защита сомнительная, весь смысл прижимать к себе кулаки теряется. Потому и держат мужички грабки впереди, так проще отбиться и ближе треснуть ответку.

Напротив меня и левее по ряду боярских людей не так уж и много, большинство их сосредоточено перед опытными княжескими дружинниками. Почти весь правый фланг стены соперников состоит из суровых посадских любителей помахатьсья, у половины во рту недостаток резцов и клыков — результат былых кулачных баталий и уличных свар. Опасная шпана с плотоядными ухмылками и повадками бывалых забияк, этих хлебом не корми — дай всласть побарагозить. Особенно вон те трое с физиономиями отъявленных рецидивистов...

Давненько меня так не колбасило. От притока адреналина покалывает затылок, будто ежовую шкурку к голове привязали. Ребята подобные Врану и Сологубу меня волнуют мало, им от змеебоевских по сопатке получать привычно, а вот вировским парням часто стенка на стенку молотиться вряд ли приходилось. Но это сугубо их личные проблемы, можно было отказаться. Вон Невул с Гольцом и еще трое из гридницы врубили заднюю и теперь стоят неподалеку от князя, сидящего на сооруженном к случаю помосте в окружении неизменной

свиты в лице Ольдара, Дрозда и Миная. На коленях у Рогволда ерзает малолетняя Рогнедка, сама княгиня вместе с девками и мамками жаждет праздничного зрелища на верхнем ярусе надвратной башни.

— Берегите рожи, — в последний раз наставляю своих учеников. — Рук не опускать, бить в нос или подбородок, никаких затрещин по уху и шее, только нос и подбородок, сильно и точно!

Вроде поняли, закивали. Ну и ладненько, сейчас поглядим как и до кого дошли мои старания.

Противоборствующие шеренги начали обмениваться шутками и обидными подколками, понеслись смешки вперемешку с потоками ругани. Нормально так себя заводят, по-мужски, как бы за оружием не кинулись...

Молодой княжич молча щерится, по-волчьи обнажая крепкие зубы, в глазах искрится веселая жестокость. Неожиданно для меня Ингорь вдруг смахивает с себя полушубок и шапку, остается в одной серой рубахе, заправленной в штаны. Словно получив долгожданный сигнал, вся готовая к противоборству свора снимает верхнюю одежду, отбрасывает ее подальше.

Ну вот, а я переживал, это же в корне меняет дело! Правильно, дорогой шмот беречь нужно, мой вон до сих пор в бурных пятнах крови умерщвленного на пиру урмана.

В пять секунд избавляюсь от тулупчика и шапчонки. Оглушительный свист поблизости заставляет вибрировать барабанные перепонки.

— Погнали наши городских!!!

Первые несколько секунд ничего не происходит, затем Ингорь, сделав резкий подступ вперед, от души заряжает в нюх какому-то горемыке. Раздался хлесткий звук оплеухи. За княжичем с воинственными воплями вступают в бой все остальные. Стоявшего рядом со мной Свирия вырубают довольно быстро, я остаюсь лицом к лицу с двумя посадскими. Один, махнув в пустоту, попер на сближение, нарвался на апперкот и вылетел за пределы своей шеренги. От сильно удара заломило кости правого кулака. Надеюсь, не прибил я его... Надо бы побереечь руки, не хватало мне травмы. Напуганные трагической судьбой сотоварища, полоцкая братва держится на расстоянии вытянутых рук.

— Вали! — речным парходом ревет Змеебой. — Вали-и-и!!!

Шеренги сближаются и начинается настоящая молотьба. Одна из главнейших задач стены — постоянно смыкаться, заполняя пространство, оставленное выбывшими бойцами, не позволить противнику оказаться за спинами. За этим успевает следить Вендар, время от времени он оглашает поле боя громогласным воплем: "Строй!"

Я вперед не лезу, шугаю особо рьяных джебами, от чужих ударов удачно уклоняюсь. Вендар просил присматривать за княжичем, вот и присматриваю, чтоб не облепили. В один из моментов, когда я отвлекся анализом ситуации на правом фланге в левую скулу прилетела плюха от молодого кудлатого парниши. Карающая "троечка" в бубен вынуждает шалуна на карачках выползти за пределы строя. На его месте мгновенно появляется мокрый от удалой испарины змеебоевский гридень. Глядь, а Истома, Леща и Жилы рядом уже нет, посадские с искренним удовольствием добивают Шеста с Морозом. И строй сомкнуть мы уже не успеваем...

Сбиваю гридню дыхание серией в корпус, от боли он сгибается и морщится, но из боя не выходит, желает, видимо, отомстить да не знает как.

Левый фланг гнется окончательно. С десятков наших еще трепыхаются против

превосходящих сил противника, Шест с Морозом грамотно встали спина к спине, держась в классических боксерских стойках. Молодцы, парни, потом возьмете с полки по калачу.

С боку забегают двое посадский. Впитываю ребрами град довольно сильных быстрых тумачков. Подключается осмелевший воеводин гридень, я ухожу в глухую оборону, стараюсь ногами выкручивать напастников в подобие очереди так, чтобы передо мной находился только один машущий кулаками оппонент. Тут уж не до княжича. Краем глаза вижу, что Ингорь сцепился с Дудилой и покамест выглядит неплохо. Вендар вертится рядом, время от времени награждая соперников увесистыми затрещинами.

— Строй!!! — дико напрягая связки кричит Ингорь.

не кричи — нету строя. Змеебой со своими орлами скоро закончит и с правой половиной нашей шеренги. Мощная фигура воеводы колыхается не так далеко, не завидую я тем парням, что стоят против него. Над разгоряченными телами вьется, быстро растворяясь в сером воздухе, развесистый пар, люди дерутся сосредоточенно, берегут оставшиеся силы для ударов наверняка. Блестят взопревшие загривки, каждую секунду раздается глухой шлепок по чьей-то кости, одобряемый в толпе зрителей уханьем и аханьем, скрипит под ногами избрызганный красным снегом. Уворачиваться сразу от троих дело не простое и очень потное. Чтобы нам всем не мучиться, решаю сократить поголовье участников локального конфликта выдергивающим обманном движением, тяжелым левым в печень, правым сбоку в основание челюсти. Первый пошел! Эта же участь постигает гридня княжеского воеводы. Сталкиваемся с Ингорем плечами, княжич успевает благодарно кивнуть за прикрытый тыл, а я исподтишка угощаю зазевавшегося Дудилу тычком по ребрам, ибо нехрен напираться на особу княжеской крови. Неплохо бы нам вдвоем соединиться с Морозом и Шестом, прихватить Вендара и начать движение к Змеебою. Свалим его — можно будет еще пободаться...

Кое как удается сбиться в подобие строя и остается нас чуть больше десятка против самых сильных бойцов полоцкого боярина, некогда вступившего в неравную схватку с кровожадным чудищем. На перегруппировку уходит несколько секунд, явно не достаточных для восстановления, их шеренга сжимается в тугую пружину и устремляется в решительную атаку. Удары летят кучно как богатая дробовая осыпь из двенадцатого калибра. Ряды наши смешиваются, кто-то падает, со стоном отползает, кого-то отволакивают, оставляя кровавые следы на снегу. Сипы, харканье, яростные возгласы драки и вопли зрителей забивают слух. Неистово работаю правой на убой, трещит на мне рубаха, чьи-то цепкие пальцы стискивают плечо, пытаются "вязать". Стряхиваю чужие руки, долблю затейника в лоб, в затылок, куда попало, в общем...

Широкая грудь воеводы возникает неожиданно близко. Удара я не вижу, зато очень хорошо чувствую. Меня отшатывает назад, будто не костяшками кулака попало, а кувалдой. С левой брови срывается вишневая струя, глаз заплывает мутью.

Наконец-то! Только бы не ушел воевода...

Опускаюсь в ноги под богатырский мах грозящий отправить меня в глубочайший нокаут, рву дистанцию, вколачиваю в мясистый корпус быструю серию, когда боль в потрохах начинает гнуть к земле верхнюю часть боярского тулова, не экономя сил, дважды заряжаю по левой скуле.

Справа возникает перекошенное лицо сотника.

— Берегись, Стяр! Слева!!

Реагирую на движение с уклонением, и одновременным тычком локтя по ближайшей

цели, вижу в трех шагах чернявого ухаля с обезумевшими темными зенками. Кисть правой руки подозрительно спрятана в широком рукаве груботканой рубахи. Поймав мой взгляд, чернявый многообещающе кивает и идет на сближение. Резкое, по максимуму скрытое движение и вставший на его пути один из дружинных гридней отлетает в сторону с вдрызг разбитой физиономией.

Ах ты, падла!!!

Тяжелый металлический шарик размером со среднее яблоко пролетает в миллиметре от головы, обдав висок ледяным жаром. Принимаю обратный мах кистеня на правое плечо, от резкой боли темнеет в глазах, руку словно топором отрубили. Ловлю подлую конечность чернявого в захват, тяну к себе и бодаю лбом переносицу. Потом еще. В каком-то диком исступлении несколько раз долблю головой превратившееся в месиво лицо, не позволяя обмякшее уже тело чернявого выпасть из моих объятий. Брызгая горячей слюной, бью, пока меня не оттаскивают от жертвы праведного гнева.

Вижу Рогволда, раскрывшего рот в крике. Что-то поднимает с насиженных веток полоцкое воронье. Мое тяжелое дыхание заглушает все звуки мира. Черные птицы кружат над городом совершенно бесшумно, Мороз трясет меня за руку и что-то говорит прямо в лицо...

Глухо, точно издалека долетает голос князя:

— Слава победившим!!!

Глава седьмая

Усадьба Змеебоя борт о борт с детинцем. За опоясывающим подворье мощным частоколом снует туда-сюда по своим делам работный люд, топчутся у коновязи кони, пятеро гридней греются у костра, жарят на остриях сулиц куски мяса. От ворот до дома двигаюсь не спеша, по сторонам глазею, уважительные взгляды ловлю, на приветственные кивки вооруженных людей отвечаю с достоинством уважаемой личности. Молодой, плечистый гридень Далька с грушеобразным лицом и по-детски капризно оттопыренной нижней губой слишком уж суетливо убрался с моей дороги, освобождая путь к ступенькам крыльца.

— Вольно, боец! — бросаю ласковое словцо и прохожу в дом. Мороз с Жилой остаются болтать с Далькой на дворе. Встретившей в дверях старушке ключнице объясняю, что до воеводы. Меня проводят через вытопленную сладким жаром пустую комнату туда, где хозяин двухэтажной хибары изволит принимать пищу, в свежем исподнем одиноко сидя за дубовым столом обширной трапезной. Постриженная скобкой борода не скрывает малиновой припухлости на левой скуле. Мое появление вызывает в воеводе неподдельное удивление — густые брови скользят на лоб, рука с ложкой застывает возле губ.

— Милавка! — быстро справившись с оторопью, ревет боярин на весь дом. — Угощения гостю!

Угощения на столе и без Милавки хватает, уставлено все мисками и блюдами с закусью щедро, братина с медом стоит, на пятерых питья и еды хватит. Королевский стол, нечего добавить...

Я отрицательно мотаю головой, показывая, что снестать не намерен. Высунувшаяся в дверь баба воткнута обратно повелительным жестом воеводы. Занимаю место за столом напротив Змеебоя, с минуту смотрю как он со звериным аппетитом продолжает поглощать яства.

— Что, Бурун, перешел я тебе дорогу? — спрашиваю, проглотив подкатившую слюну.

— Хм, да я не в обиде, ты не переживай, в следующий раз мы вас побьем! Славно повеселились по-моему, — отвечает, отчаянно работая челюстями.

— Десяток покалеченных и один труп ты называешь славным весельем? А то, что с кистенем за мной шли по-твоему тоже весело?

— За тобой? — воевода так искренне изумился, что у меня всколыхнулись сомнения насчет своих догадок. Я же ясно видел глаза того парня и целеустремленное движение именно на меня, не мудрено принять атаку на свой собственный счет.

— А за кем?

— Вот чую, вздумал ты меня в чем-то винить, — насупился боярин, констатируя неприятный для себя факт. Широкая ладонь вытирает окропленную мясной похлебкой бороду, свинцовый взгляд давит стотонным прессом.

— Разве не ты набирал людей в стенку?

— За своих волков, коль придется, я отвечу. За посадских шавок ручаться как воды не пить — тяжело. Сам виноват — прибил напастника, а надо было в поруб да железом каленым прижечь, дабы признался по чьему наущенью. Спросишь еще чего-нибудь? Может хочешь чего?

— Я правды хочу.

— Для правды ты домом ошибся, гридень.

Первый полоцкий вояка снимает со стола тяжелую кружку с пойлом, запрокинув массивную голову, начинает жадно хлебать. Коричневые струи срываются с бороды на рубаху. Снова мой взгляд останавливается на ожерелье из острых клыков, в такт плоткам мерно колеблющемся на груди. На ночь он эту дрянь тоже не снимает?

— А ведь ты не со змеем бился, воевода, — вылетает из меня рискованное утверждение. Не смог сдержаться, очень уж захотелось глянуть чего слова боярские стоят. Не смотря ни на что, этот крупный, не обделенный мозгами солдафон не вызывает у меня неприязни. Я и шел-то к нему в логово, чтобы исключить злой умысел с его стороны и иметь возможность без оглядки рыть в другом месте, а пацанов с собой потащил, чтобы в случае конфликта было кому меня мертвого до ямы доволочь.

Не спуская с меня испытующего взгляда, острым обломком лучины боярин принимается выковыривать из зубов мясные пломбы.

— Иные людишки похуже зверя дикого и клыки у них не меньше. Тебе ли не знать, наворопник? — говорит, сплевывая на пол недоедки.

Я скептически кривлюсь на своем мимическом максимуме, но спорить со столь верным утверждением не берусь, ибо самый страшный зверь в природе — это хищник о двух ногах, человек, то бишь. Что не раз доказано трудно опровергнуть. Еще труднее мне, выходцу из космической эры поверить в драконов и чудовищ существовавших за какие-то тысячу лет до героического Гагаринского полета. Образование не позволяет конкретно, хоть тресни. В моем понимании драконы — родственники динозавров, а те сгинули за миллионы лет до рождения Буруна и всего полоцкого княжества.

— Про змея не я сочинил. Так уж вышло. Сказители подхватили, понеслось-поехало.

Воевода сыто утирается рукавом рубахи, двигает обеими руками пустые миски к середине стола. Уперев ладони в толстые ляжки, начинает исповедоваться:

— Холодало уже когда они появились. Тиун княжеский с двумя десятками воев. Побродили по округе, по домам, все присматривались да принимались. На стоянку у моста встали. Когда величину выхода княжеского объявили, бабы в голос выть стали — так непомерна оказалась дань, зиму не протянуть с такой данью. Тиун срок в семь дней назначил, велел, пока ждут, кормить и поить, всем в лицо перстнем своим тыкал. Седмицы не минуло, трех девок не досчитались. Прямо со дворов скрали как скотину. Сестрицу мою увели, не видели больше. Никогда не бунтовали, выход платили справно как все, но не головами же сородичей! Жалобщиков в Овруч до наместника посылать пользы никакой, змеюка Ольга древлян возмущаться отвратила надолго. Покумекал мой родитель, собрал мужичков-охотников и всех, что могли крепко держать топоры да рогатины к реке повел. Сейчас я понимаю, что не тиун это был вовсе, а скорее всего, какой-то ушлый атаман со своими людишками. Где-то печати с перстнями княжескими раздобыли и промышляли таким образом по отдаленным землям. Тогда же решиться на кровь было очень не просто, князьи люди все таки. Отец сказал, что лучше в бою умрет, чем от голода да и за девок наших месть свершить, а там будь, что будет.

Из тридцати мужиков назад никто не вернулся. Порубили всех у моста. Тела забрать не позволили, пообещали через день сжечь селение, если все добро сами не вынесем. Поревели, повыли старики с детьми, помирать изготавились. В наших глухих местах чужих не привечают, лишние рты никому не нужны, даже отдай мы все как с нас требовали и уйди побираться, скорая зима выжить не даст. Нам юнцам помирать никак не охота, кровь

бурлит, голова думает. Вот и надумали как старшие на бой выйти. Набрали топоров да дубин и пошли. Отец меня с детства биться учил, да и сам я подраться был не прочь, бывало пятерых раскидывал в шутейном бою. Но тут другое дело совсем. На смерть шли, среди лежащих у моста порубленных соседей все отца искал глазами.

Нас девять и их девять их осталось, дюжину мужики наши положили. Матерые все, бывалые. Кто-то ранен несильно. Повезло, что не все в одном месте были, речку под присмотром держали по дальним кустам, чтоб никто не проскочил. Нас увидели — смеются. Один хотел мне пинка отвесить, да без ноги остался. Бросились втроем, мы их в топоры приняли. Завертелись, засвистали они, своих сзывая. На мосту я на мертвого отца наткнулся. Дальше всех он тогда прорубился как и я. Такая меня обуяла жалость и ярость одновременно, из глотки, знаешь, рев медвежий дикий, слюна капает... никогда себя таким не помню. Начал я этих по берегам гонять. А они меня... Последний ускользнул, когда я с главным возился, догонять сил не было. До сих пор жалею, что упустил тварь...

Добычи у них в мешках полно, серебро с золотишком даже. Связку с зубами забрал на память. Даже не ведаю чьи. Говорят в далеких морях водятся огромные рыбы с полной пастью похожих клыков.

Длинный монолог высушил глотку рассказчика. С целью исправить дело, Змеебой опрокидывает в себя еще одну порцию не богатого градусами фирменного древнерусского напитка.

— Ну как тебе новая сказочка? — спрашивает отдышавшись.

— Еще хуже, чем старая, если честно, — говорю, не вполне понимая, как сопливые малолетки с бывалыми бойцами справились. Подсунул очередную туфту и в ус не дует. Красавец! А зубы и в самом деле на акульки смахивают...

— Спроса княжеского не боишься? Вдруг настоящий тиун это был?

— Не боюсь. У меня давным-давно другой князь, он сам с кого хочешь за своих спросит.

— Ясно, — говорю, мысленно ставя за ответ твердую "пятерку". Тертый калач, такого на кривой козе не объедешь. Складно пропел, древлян приплел в тему, даже я кое что слышал о мести киевской княгини Ольги буйным лесовикам за убийство мужа. Либо не врет, либо искусно маскируется — глаз не отводит, рук к лицу не подносит, не на полиграф же его тащить.

— Ладно, пора мне. Свидимся еще... Змеебой.

— В дружину ко мне пойдешь, десятником? — спрашивает обладатель трофейного ожерелья, едва я отрываю седалище от лавки.

— Да мне и при князе неплохо.

— Оно и видно, — усмехается воевода. — Ну гляди, надумаешь — приходи. Топай, чего застыл, не держу.

Я медлю вовсе не оттого, что уходить не хочу, а пытаюсь схватить за хвост ускользящую догадку, промелькнувшую мысль догнать и правильно оформить.

— С тремя полосками перстень? — спрашиваю, уверенный, что эдакую подробность, подвергнутый стрессу молодой разум наверняка зацепил, такое всю жизнь помнится. Три секунды воевода соображал, потом кивнул, настороженно сузив глаза.

— Откуда знаешь?

— Свернули мы тут по случаю шею одному вурдалаку, похожую золотую цацку при нем нашли.

— Тать? — быстро спрашивает Змеебой, выпуская испод ресниц острую искру.

— Еще какой, клейма ставить негде. Перстенек в гриднице у меня валяется, могу подарить, если желаешь.

Боярскую обитель я покидал с легким сердцем — воевода, конечно, еще тот фрукт, но не гнилой, в разведку с ним я бы, пожалуй, рискнул.

Серый день стремительно превращался в сумерки, со всех сторон неслись игривые выкрики отмечающих праздник, горели костры, празднично прогуливались горожане. Настроение повышалось с каждой минутой, определенно не хватало розового шапманского, оливье с вареной колбасой и, чего уж там — икорки красненькой с маслицом на бутерброде.

— Не обижали вас тут? — спрашиваю пацанов.

— Что ты! Уважают! — самодовольно отвечает Жила. — Накормили до отвала.

Ну еще бы! После знаменательной победы в групповом махаче мы в фаворе. Рогволд на радостях целовался с каждым принимавшем участие в торжественном бою дружинником — Брежнев отдыхает. Обещал щедро наградить.

Блестя скользкими от мясного жира, помятыми в драке, но довольными лицами, парни предлагают сходить на подол повеселиться до ночной стражи, мол, полгридницы уже там и довольно давно, как бы не упраздновались до чего-нибудь непотребного. Сами аж приплясывают как молодые кобели на собачьей свадьбе.

— Идите, — говорю, — у меня дела еще.

Слукавил немного. До условленной встречи с волхвом оставалось еще полно времени, большая часть которого свободно. Но тащиться в Заполотье и толкаться там среди ряженных, честно сказать, лениво, достаточно с меня древнерусских забав на сегодня. Этим хорошо, они от еды не отказывались, а мне нужно что-то покидать в брюхо и отдохнуть, желательно, в горизонтальном положении.

С некоторым трудом выпроваживаю Жилу с Морозом на гульбище и в одиночестве держу курс на гридницу. Нагруженный раздумьями о произошедшем разговоре с воеводой, по сторонам почти не гляжу, дорогу я и с завязанными глазами отыщу, главное не вляпаться в раскисший на мокром снегу кусок конского или бычьего помета, замучаешься потом отскребать.

Перед последним поворотом ко входу в детинец слышу хриплый окрик:

— Эй, отрок, постой-ка!

Я останавливаюсь, поворачиваюсь всем корпусом влево и слежу за приближением одетого в старье с чужого плеча субтильного охламона.

— Чего тебе, дядя? — спрашиваю, затыкая большой палец левой руки за пояс рядышком с боевым ножом в горизонтальных ножнах.

— Это был Ляпа, — говорит пониженным голосом.

— Какой еще Ляпа? Самовыражайся попонятнее, братан, я тебе не бабка Ванга.

— Тот, что с кистенем. Я его знаю, он за серебряк мамку родную в полон продаст. Видел я ненароком как усатый боярин ему какой-то сверток давал.

Я мигом оживляюсь, словно нюхнул пропитанную нашатырем ватку. Притягиваю бродягу за ворот поближе к себе.

— Когда?

— Незадолго до боя.

Хм, очень занятно... Спина под полушубком покрывается липким потом. Усилием воли беру себя в руки, спрашиваю нарочито спокойным голосом:

— Чего болтали не слышал?

— Далековато было.

Хреново, что далековато...

Всматриваюсь в лицо бродяги с прищуром опытного физиономиста, пытаюсь распознать ложь или подвох. Видел я уже эти светлые-синие буркалы, при чем не так давно, при попытке наглого наезда на группу новгородских торгашей с Садком во главе.

— Ты, по ходу, еще на один золотой нарываешься? — говорю с усмешкой. — Молодец, заслужил, базара нет, но сейчас я пустой, дать тебе совершенно нечего, извини. Потом заходи, лады? Не обижу, я не жлоб какой-нибудь.

Треплю его по плечу, намекая, что разговор закончен.

— Не за тем я, — мотает головой жиган из корчмы на пристани. — К себе возьми. Мои все кто утек, кто на нож нарвался, один не выживу. Тебя, вижу, Доля любит. Возьми — пригожусь.

— Экий ты деловой. Куда мне тебя взять? Я не князь и не воевода, не сотник даже. У меня своего угла нет, такой же пес как и ты, в общей конуре живу.

— У меня даже конуры нету.

— Где же вы обитали, сердечные, в свободное от опасного промысла время? Ты, помнится, про зимовье мне какое-то втирал.

— Где придется обитали, — отвечает, отводя потускневший взгляд. — Были добрые люди.

— Были, а теперь кончились?

— Так и есть — кончились, — с горестным вздохом бормочет бродяга.

— На службу, значит, просишься?

Обреченным движением плеч он дает понять, что все равно, лишь бы куда-нибудь пристроиться, но, говорит, только не в дружину — Сологуб обещал ему шею свернуть, если попадется. В лесу уже тоже бывал, обратно на большую дорогу не желает.

М-да-а, проблемный фраерок, не хлебнуть бы с ним лиха. С лесными разбойниками орудовать ему запаadlo, а в городе озоровать совесть за милую душу позволяет. Засунуть его надо покамест от греха подальше, носатый Сологуб за базар отвечает, раз сказал: "сверну" — так и сделает. В моем сером веществе мигом нарисовывается план спасения бедного сироты.

— Звать как?

— Рыком кличут.

— Слушай сюда, Рык. Найдешь за посадом, в роще у реки домик Жоха — пчеловода, знаешь? Живет бобылем. Скажешь, что из под Вирова, брат гридня Стяра. Запомнил? Проси приютить ненадолго. Вдвоем первое время вам веселее будет, а там что-нибудь придумаем. Пойдем, сухарей насыплю да кой-какую справу дам, а то ходишь как подкидыш, в натуре.

Спровадив внезапно свалившегося на мою голову Рыка на поиски ничего не подозревающего Жоха, я в бессилии опустил на свой топчан в пустой гриднице. Калган от полученной информации слегка подкруживается. Вот на хрена мне все это?! Жил, не тужил... Господи, как же хочу отсюда свалить! Не верующий, но свечку бы поставил, жаль негде. Здесь по понятиям сыпать зерно, да петухов резать на языческом требище, ни церковей, ни икон, свечей и тех нет. Богов с десятков, какому именно мне молиться — поди разбери. Ладно, поглядим, что Живень наколдует. В любом случае нужно быть готовым ко всему. Колдовство, оно колдовство и есть, быть бы живу...

Желание перебрать свое скудное имущество отсекаю здоровой мыслью — завещаю весь сундучок пацанам. Сами поделят кому чего. Перстенок вот только нужно передать Змеебою

да сумочку плетеную, нитями расшитую Гольцу отдам, подарит зазнобе, если займется.

В гриднице словно джинн из лампы появляется мысленно помянутый Голец. Узрев мою усталую персону, лыбится, того и гляди щеки лопнут. Двигается ко мне и на ходу объявляет:

— Искал тебя повсюду! Рогволд тебя десятником хочет сделать!

— Да ну! — перспектива столь головокружительной карьеры к изумлению Гольца никакого энтузиазма во мне не вызывает.

— Не рад?

Довольная физиономия моего бывшего денщика принимает исходное положение. Невдомек чудаку, что через каких-то пару часов я могу быть за сотни лет отсюда.

А могу и не быть. Совсем...

— Почему? Рад, — говорю, озадаченно почесывая макушку. — Не вовремя как-то...

Голец опускается рядом на топчан. Смотрит пронизывающим взглядом как дознаватель из компетентных органов на единственного подозреваемого. У Дрозда, видать, научился.

— Князь на завтра сбор назначил. Прознал он, что Змеебой тебя к себе звал.

После этих слов нос Гольца приподнимается сантиметров на пять относительно пола. В глазах сверкает плохо скрываемое самодовольство. Похоже, паренек причастен к добыче столь ценных сведений. Однако дают ребята! Неплохо сработано. Интересно, они весь мой базар со Змеебоем срисовали?

— Воевода мне вообще-то место сотника предлагал, — говорю задумчиво в попытке понизить градус на шкале спесиметра старого приятеля.

Результат соответствует ожиданиям. Подбородок Гольца опускается, непонимающе трепещут ресницы. Не может сообразить где облажался.

— Ладно, расслабься, мне пока и десятника хватит, — говорю примирительно, вдоволь насладившись озадаченным видом собеседника. — Отнеси-ка лучше вот этот сверток воеводе. Скажи, мол, Стяр передал, как обещал. А вот это — тебе. Девичья она, зато красивая. Девке какой-нибудь задаришь, рада будет. А хочешь — сам таскай. Все, топай давай. Я уйду на подол, оттуда сразу в сторожу. Завтра свидимся у князя.

Буквально выталкиваю любознательного соратника в дверь и тут же словно на фонарный столб наталкиваюсь на мысль — а ведь мне будет его не хватать. Как и всех их...

Кусок копченой оленины вприкуску с пережженными сухарями дерет горло как ни запивай простоквашей. Что поделать — суровый казарменный быт не предполагает разносолов, несмотря на праздник. Дружинную братву в поисках разнообразия в еде ноги кормят, а корчмари на подоле сейчас потирают руки, подсчитывая барыши. Хорошо, что хоть бы это оставили, пару раз приходилось ужинать в обед. Черти...

Подкрепившись, умываюсь до пояса, затем переодеваюсь в чистое.

За окошком давно стемнело. Топая ножищами, явился Сологуб с десятком гридней. Сытые и улыбчивые до безобразия. Я прошу десятника присмотреть за своими вещичками, на что бывалый старожил княжеской гридницы не на шутку обижается.

— Никогда никакого воровства здесь до тебя не было. Ты первый, кто об этом заговорил.

Пришлось оправдываться.

— Я совсем не про то, Сологуб. На случай если не вернусь, распредели шмот между моими парнями ровно, доверяю тебе как родному. Там оружие, одежда, сам поглядишь, короче.

— А ты куда наострился, коль вертаться не собираешься, — подозрительно вопрошает

ходячий нос.

— Пока никуда, — говорю. — Но когда-нибудь я же не вернусь, верно?

— Верно, — шевельнув извилинами, соглашается десятник.

Выждав еще с полчаса, вооружаюсь дежурным копьем и отправляюсь в келью к главному полоцкому волхву. Жмусь к стенам и на свет пылающих костров стараюсь не выходить. Будет лучше, если никто не увидит куда я топаю сквозь ночь. Как пятой точкой чувствовал, что не напрасно таюсь.

О цене мы, кстати, с волхвом не договорились, не задаром же он трудиться будет. Один из своих мечей ему оставлю, если возьмет. Меч шгука дорогушая, должен подойти в качестве оплаты услуг.

Мне везет — у бокового входа в княжеский терем никого, я беспрепятственно прохожу внутрь.

Живень ждал меня в своей душевной каморке и уже успел приготовиться. Зажженные лучины на пристенных полках плетут тенями зыбкие узоры, на темном от времени верстаке из закрытой медной посуды с носиком навроде небольшого чайника исходит витая нить сизого дымка. Распространяемый кадиллом сладенький запахок всколыхнул память о давно ушедших днях. Не знаю как другие волхвы, а этот точно знаком с дурманящим зельем обожаемым парнями из моей бригады и охотно использует в своем колдовском ремесле. Ни проронив и слова, волхв вешает мне на шею закольцованную витую веревку со множеством навязанных узлов. При мне натолок в каменной ступке не слишком аппетитных на вид сушеных травок да кореньев, пересыпал в глубокую деревянную плошку, добавил белого, крупинчатого порошка похожего на сахар, залил все это месиво кипятком, прикрыл крышечкой и стали мы ждать пока настоится. Спустя немного времени, выпущенный на волю духман от сего волшебного напитка поднимается просто обалденный. Бережно обняв плошку ладонями, волхв четырежды булькнул горлом где-то глубоко в недрах объемной бороды, проглатывая коричневую жижу и жестами показал, чтобы я обязательно допил шаманский взвар до последней капли. Оказалось благостный запах не всегда соответствует остальным качествам продукта. Дегустация выявила редкостно-пакостный вкус и оставила прикладное назначение напитка под большим вопросом. Защипало у меня язык и онемело небо, внутри живота расползся томный жар, а после того как минут через пять в мозгу поднялся натуральный шторм баллов эдак на семь, я понял, что не зря грешил на сомнительную ценность испитого. Навалившись рукой на черный верстак, отчаянно пытаюсь остановить намечающийся отъезд своей "крыши".

— Ты сдурел, диду? Чего намешал-то, заячьего помета что-ли с мухоморами? Отравишь нас обоих, чучело! Мне-то зачем хлебать, я ж только узнать!

— Вот и спрашивай о чем узнать желаешь да поторопись, времени мало, — не дернув обрамленным густой бровяной порослью веком, резко отвечает волхв. Голос жреца искажен горловым спазмом и трудноузнаваем. Кажись, он и сам на ногах едва держится, в посох свой кривой вцепился, глаза к потолку закатил.

— Боярин Овдей жив ли скажи? — переведа дух, кидаю первую заготовку.

Живень выпрастывает из широкого рукава собранную в кулак кисть, развеивает у себя перед лицом что-то напоминающее пыль или золу из холодного очага. Подсвеченная красно-желтым заревом лучин, взвесь эта держится в воздухе на удивление долго, клубится, то собираясь в причудливые косматые фигуры, то распадается на слои и пьяно плывет перед глазами. Волхв жадно вглядывается в эту муть, производит хитрые пассы скрюченными

пальцами, будто притягивает к себе что-то невидимое и отшвыривает ненужное.

Чтобы не мешать ему "смотреть телевизор", прижимаюсь спиной к стене, жду. Не хватает воздуха, учащается дыхание, отбойным молотом долбится в висках пульс.

— Живой, — сдавленно произносит наконец Живень.

Отлично! На очереди вторая часть нашей программы. Но здесь следует быть предельно осторожным, наощупь буквально...

— Ответь, волхв, видишь ли ты то место где я жил до Вирова?

Живень бормочет нечто тарабарское, плескает в пустую плошку на верстаке масляной воды из ковша. Снова подбрасывает перед собой щепотку пыли. В ноздрях у меня переполох, хочется чихнуть. Волхв произносит несколько непонятных мне слов и опять принимается правой рукой. Через секунду чувствую боль в ушах, словно в помещении резко поднялось давление. Что-то зашипело, вода в плошке пошла крупной рябью, будто тряханули. Волхв гортанно выкрикнул, испуганно вытаращив глаза в дальний от него угол. Грудь сдавило тисками, втянув в легкие пропитанный дурманом воздух кельи, я задерживаю дыхание. Раздается оглушительный треск, яркая молния возникает из ниоткуда, рвет зигзагом дымное пространство и впивается в резное навершие волховского посоха. Падая, сквозь ватно-удушливую пелену вижу как колыхается и рушится надо мной потолок.

Глава восьмая

Тишина. Темнота. Горелым пахнет. Еще бы не пахнуть, жажнуло будь здоров! Встаю на карачки, прислушиваюсь. Глухо как внутри рулона с ватой.

Становится мне жутковато, аж живот резкой болью сводит, будто в него "розочку" бутылочную воткнули. Нет, раны нету, потягивает пузо, скорее всего, от той дряни, что Живень меня пичкал.

Где он, кстати?

— Живень... Слышь, Живень, ты живой там? — шепчу в тугое пространство.

Молчит волхв. Как камень могильный молчит, чтоб его...

— Живень... Живень... — я повышаю голос, но ответом мне все та же тяжелая тишина.

Начинаю шарить руками по усеянному бытовой утварью полу, разбитым полкам, разваленной посуде, осторожно продвигаюсь вперед. Все перевернуто, будто в маленькой келье бушевало самое настоящее торнадо. Натыкаюсь коленом на что-то острое, насилию удерживаю в зобу матерный выкрик. Через полметра нащупываю лежащее на боку тело Живня, трясусь за плечо.

— Эй, ты живой?

Хрен там живой... Не дышит совсем. Под щекой лужа липкой жидкости. Из рта натекло, похоже... Бородища вся мокрая. Кровь, не рвота же. Мертвые не блюют.

Ничего себе поколдовали...

М-даа, вонючий случай. Легко убеждаю себя, что неплохо бы сделать отсюда ноги пока не застучали над трупом, доказывай потом отсутствие верблюжьих корней.

Меч свой заберу — не пригодился. Проверяю все на себе, не выронил ли чего в передраге. Вроде на месте все.

Наступаю на что-то продолговатое и твердое. Черт, копьё чуть не забыл! Ходу отсюда!

Мне снова повезло, вышел из терема также как и вошел — незаметно. Правда, в воротах наткнулся на двоих стражей. Один спал стоя, мешковато привалившись бочком к столбу, другой спал сидя задницей в рыхлом сугробе. Эх, мать вашу разтак, расслабились паразиты! Был бы я десятником, огрел бы копьём по кумполу обоих, чтоб на работе не дрыхли. Но повышение в чинах ожидается, вроде бы, только завтра, а сегодня я еще такой же гридень как и они, на стену спешу, покой укрепленного города сторожить. Спите, парни, я вам нынче не судья, даже Вендару не стукану.

На ходу снимаю с шеи веревку с узлами, зашвыриваю в дальний сугроб. Вот бы знать который сейчас час? Непонятно как долго я валялся на полу рядом с остывающим Живнем. Интуитивно определять время как местные я еще не научился, худо будет, если опоздаю на смену. Подгоняемый этой мыслью, ускоряюсь и остаток пути проделываю как мастер спорта по спортивной ходьбе. Нос к носу сталкиваюсь на стене с сотником. Он как-то хмуро взглянул на меня, кивнул и молча пошагал дальше.

К полуночи сильно подморозило. Сменившись, в гридницу я вернулся с изрядно озябшим носом и убитым в хлам настроением. Плюхаюсь на топчан и не могу уснуть до самого утра — тарашусь в невидимый потолок, ободряемый сонным сопеньем и храпом сослуживцев.

Слава всем богам вместе взятым — жив Мишаня! Пусть далеко где-то, но жив.

Это если принимать на веру слова почившего волхва. Жить оно ведь по-разному можно.

Не всякая жизнь лучше смерти, в тяжелой неволе, например. Сердце гонит кровь по венам, а душа давно мертва как у конченного наркомана. Масса вариантов...

Виноват я, конечно, что так вышло, но кто ж знал, что старикана посреди русской зимы, в закрытом помещении разразит гром совместно с молнией. Вировский волхв благоразумно не брался мне ворожить, а этот кулаком себя в грудь стучал. Бедолага...

Интересно, почему меня не задело? Может веревка с узлами помогла? Скорее всего, посох был наивысшей точкой в комнате и притянул разряд как корабельная мачта. Другое дело откуда в крошечной комнате вообще было молнии той взяться? Сам себе погибель наколдовал или вмешались силы настолько могущественные, что даже соваться не могли?

Во время ночного дежурства на вверенном участке стены мной полностью завладела идея во что бы то ни стало отыскать Рваного. У куршей ли у данов все едино. Был мощный порыв души бросить все и немедленно выдвинуться в путь. Остановил меня лишь долг дожидаться смены, а к концу четырехчасового срока под воздействием охлажденного рассудка желание нестись в неизвестность благополучно иссякло. Напряжением мозговой мышцы я дошел до осознания факта, что Мишины поиски в одиночку могут стоить мне жизни. Не знаю я ни дорог, ни явок с паролями, языками тоже не владею. Тащить с собой пацанов, срывать их с халявной прикормки? Тухлый вариант. Зачем им это? Пойдут, куда не денутся, но мне такая ответственность ни к чему, а им Овдей сам по себе до одного места.

Как-то поднажать на Рогволда, чтобы шел войной на вероломных куршей и уже там на месте заняться Мишиным поиском? Можно попробовать, но князю нужно время на сборы войска. Поговаривают, весной продолжится набор в дружину, также будут обучать воев из городского ополчения. Хозяину Полоцка казну попусту изводить резона никакого, ясно, что готовится военный поход, только вот на кого?

Пищи для бессонницы я себе нажевал предостаточно, знай проглатывай.

С раннего утра начинается кипиш. Болтают, кто-то замочил волхва прямо в княжеском тереме. Сам князь с княгинею мечут икру, мелкая Рогнедка ревет в тереме — на улице слышно, Дрозд носится как настеганный в поисках коварного убийца. Запираемые на ночь ворота крепостной части Полоцка по приказу Рогволда с рассветом не открывают в надежде найти чужого, либо вычислить преступника из своих. У надвратной башни со стороны подола скапливается недоумевающий народ.

Что ж, мысль сузить круг подозреваемых вполне здравая, но с точки зрения алиби я чист как капля березового сока. Следов в волховской келье не оставлял, замечен возле терема не был. Дактилоскопии у них нет, собак-нюхачей тоже. Не придерешься. Пусть ищут, я каяться не пойду, мне еще пожить охота.

Версия насильственной смерти придворного волхва являлась единственной, ибо кровь, погром и все такое. Дежурившим на воротах княжеского подворья парням здорово влетело от самого Рогволда. Они клялись, что никого не видели-не слышали и это естественно, пребывая во сне не замечаешь происходящее вокруг как ни старайся.

Полдня княжья гридь и боярские дружинники прочесывали город. Заглядывали в каждый дом, клеть, закут, шерстили землянки челяди, сенные сараи, шарили баграми в колодцах. Я принимал живейшее участие в поисках подозрительных лиц со следами злого умысла в глазах или свежей крови на одеждах. Под конец облавы к порубу приволокли четверых не вызвавших доверия граждан. За троих тут же вписались родственники, у которых они, загулявшись, ночевали и их после недолгих расспросов отпустили. Четвертого горемыку никтоне отмазывал, его поместили в темницу до выяснения, где он, обуреваемый

страшными предчувствиями, спустя четверть часа благополучно испустил дух. И эту душу я могу записать на свой счет. Блок на убийство легко снимается в "горячей точке". Там твои личные переживания никому не интересны: вот автомат, вот живая мишень — стреляй метко, дыши ровно. Нож в нож, топор на топор, меч против меча, сила на силу. Все четко и понятно до абсурда. К косвенной вине в чужой смерти подготовиться сложнее. Сначала Живень, теперь вот этот мужик, пришедший к кому-то скоротать ночь. Блудняк какой-то, короче. Чувствовал я себя препогано.

Хоть и объявили, что преступник найден и скоропостижно наказан, на лице Дрозда обосновалась гримаса недовольства. Опытный начальник службы безопасности в совпадения не верил и, чуя подвох, жутко горевал, что с нехстати почившего арестанта не удалось выдернуть ни слова.

Удрученный гибелью Живня Рогволд отменил назначенный на вечер пир в честь долгожданной победы в кулачной схватке. Уже за полдень князь появился в гридницу вместе с Ингорем и Вендаром. На осунувшемся, хмуром лице полоцкого владельца кисляк кривее некуда да и мешков с обещанными братве подарками что-то не видать.

Разодетая по случаю нагрывавшего после оттепели мороза в тяжелое меховье троюбка располагается на лавках у стола. Занятые кто чем гридни отрываются от дел, собираются внимать княжескому слову. Надышавшись теплого казарменного воздуха Рогволд краснеет щеками и начинает свою речь словами благодарности за проявленный героизм в потасовке со сборной Змеебоя и помощи в поимке лиходея, порешившего уважаемого волхва.

Пока отец говорит, Ингорь скидывает верхнюю одежду, проходит к Сильвестру, несколько раз лупит мешок вертикальной "кружкой" в "печень", потом проводит неплохой крюк в верхнюю часть предполагаемого туловища. На каждый удар Сильвестр отзывается сочным шмяком.

— Угомонись, княжич! — недовольно произносит Рогволд. — Негоже.

— Почему? — с улыбкой удивляется отпрыск. — Если б не эта штука, нам ни за что не победить воеводу. И если бы не Стяр...

— Знаю, что Стяр! — резко обрывает сына князь. — Потому и пришел дать ему десяток. Хочу держать на подоле постоянную сторожу. Лихие дела творятся, за всем нужен пригляд, ни глаз ни рук не хватает. Еще хочу ставить в Заполотье корабельный двор. Стеной окружить, вежу возвести. По весне начнем работы. Сейчас нужно размечать места, готовить лес. Сологуб, сам отберешь себе людей. Тебе, Стяр, Вендар подскажет кого взять. Думаю два десятка будет вполне довольно, чтобы моих мастеров и работный люд никто не обижал. Коль найдете где жить, в гриднице можете больше не появляться. Над вами поставлю Ольдара, полно ему в тереме сиживать, пушай привыкает.

Ингорь хмыкнул и озадаченно наморщил лоб, показывая, что это назначение для него как минимум неожиданно. В глазах Вендара следы легкого шока, именно ему придется ежедневно да не по разу топтать ногами расстояние от города до посада, проверяя наши порядки и подтирать задницу младшему Рогволдовичу.

Не дождавшись возражений и конструктивных комментариев, Рогволд выпивает холодного квасу из общаковой полуведерной братины и спешит свернуть визит.

Напоследок сотник добавляет от себя, что со сторожи по городу нас снимает, отправиться на подол мы должны через день и пора бы нам начать собирать манатки. Пообещав скоро вернуться для распределения людей по десяткам, Вендар двинулся догонять князя.

Вот так да! Выгоняют как старого беззубого пса из будки. Да ладно бы пес, целую свору на улицу вышвыривают. Нормально так отблагодарил Рогволд свою молодую гридь, покняжески. Причиной тому могут служить различные факторы, нам сирым знать всего не положено — не бояре, но, думается мне, есть у кого-то большие виды на нашу жилплощадь. Квартирный, так сказать, назрел вопрос.

Больше всех недовольным решением князя оказался Сологуб. Незыблемое положение дружинного "дядьки" безвозвратно попрано недвусмысленным намеком освободить гридницу. Ему, как и доброй половине недавних новобранцев приткнуться в подоле совершенно некуда. Кто попронырливей, тот успел пристроиться у зазноб, родственников или друзей еще до холодов, а теперь зима на дворе, под телегой не поночуешь. Пришлось мне на правах равного в воинском звании носатого утешать.

— Слышь, Сологуб, что мы не служивые? Приказы не обсуждают. Не на убой же посылают, притулимся куда-нибудь, не в пустыне.

Мудрым решением сотника десятков мой для солидности и увеличения боевой мощи разбавился опытными гриднями. Помимо Жилы, Невула, Мороза, смуглолицего Ясеня (все таки есть в нем что-то мулатское), Шеста и поправившегося Праста, Вендар отрядил к нам Врана и еще троих дружинников. Если упитанного Волю и угрюмого Неждана я знал сравнительно давно, то третьего гридня видел в первый раз. Точнее — второй. Позже я вспомнил его удивленное лицо на пиру, после моей расправы со злопамятным родственником Харана. Парня звали Стеген, был он урманом по крови и являлся одним из двух скандинавов в княжеской дружине. Всю растительность на своем лице Стеген безжалостно удалял, оставляя на бритой голове только длинный, произрастающий из самой макушки хвост сивых волос. Это хозяйство урман увязывал в подобие пучка, что в купе с решительным подбородком и сверкающими кристаллами ледяных глаз придавало ему весьма колоритный облик.

Вечером за ужином в гриднице собрались оба десятка. В обществе юного Ольдара чинно-благородно посидели, пообщались. Пацану все интересно, заметно, что еле терпит отправиться руководить порядком на ответственном объекте. До этого Вендар шепнул нам с Сологубом, чтоб глаз с парня не спускали и не давали ему особо расправлять крылья. Жить он будет на крохотном подворье своей бабки по материнской линии, при нем неотлучно должны находиться двое гридней.

Жаль, что только двое. С другой стороны при барчуке принеси-подай тоже не сладко. Парень, по ходу, капризный.

Следующим утром, едва рассеялась ночная хмарь в гридницу заваливается Голец. С красными от недосыпа глазами и синюшне набрякшими веками, точно вокзальный ханыга мучимый сильнейшим бодуном. Вместо правой брови спелой сливой налилась огромная гематома. Я приподнял голову с подушки и оглядел приятеля придирчивым взглядом.

— Забухал что ли? Кто это тебя так?

— Пустяки. Упал.

— Упал? Золотой дам еще раз так упадешь?

— Нет у тебя золотого.

Голец деловито прошелся между лежаками, проверил, кто кроме меня еще есть в гриднице, затем подошел ко мне вплотную и сверху вниз вполголоса заявил:

— Хватит щеки плющить, поднимайся, я тебе дело подыскал.

— Какое еще дело, что за гон? Не порть выходной я тебя прошу.

— В городской корчме. Пьянь взашей вышвыривать, с забывчивых плату вытряхивать, словом, порядок блюсти, хозяину помогать. Парень ты здоровый, кулачищи вон с детскую голову.

— Ты предлагаешь мне работать вышибалой? — меня искренне удивляет не столько возможность занять не слишком престижную профессию, сколько само ее здесь существование. Древняя Русь продолжает преподносить сюрпризы. — А ничего, что я уже служу князю?

— Одно другому не помеха. Днем служба, вечером и ночью — работа. Заодно угол свой займешь. Тебе же нужен угол?

— А то ты не знаешь, — усмехаюсь. — Нам всем теперь придется угол искать.

— Ну не всем, а только половине, — уточняет Голец. — У причалов, рядом с местом, где князь собирается лодии строить, есть заброшенная землянка. Крышу поправить, дверь сколотить и можно жить, печка там целая.

— С таким распорядком копыта протянешь, — говорю, критически оценивая перспективу вкалывать круглые сутки.

— Ты молод, здоровья хватит, серебра накопишь, справу путную купишь. Хозяин сказал, что не поскупиться на доброго нового работника. Комнату выделит, вещи сложишь.

— А старый работник где?

— Убили. Зарезали какие-то залетные. Ножом прямо в сердце. Тоже, говорят, кулаками ворочал на загляденье.

Голец цапнул из общей корзины сухарь, придирчиво выглядел плесневые места и смачно захрустел. Правый глаз его почти полностью закрылся под давлением мягкого яйца вместо брови. Похоже, ночной драчун был левшой, больно удачно приложился.

— Ну, чего замер? — спрашивает нетерпеливо.

— Думаю.

— Дурак думками богатеет. Ты не думай много, оторви задницу от лежака и пошли, тебя хозяин ждет.

Сковырнув себя с топчана, с гримасой недовольства принимаюсь вяло одеваться. Что-то слишком много хозяев развелось. Один хозяин, другой хозяин хозяина и так далее, надоедать начинает, к черту послать некого. Глянуть, однако, стоит. Чего мне терять? Княжьи охоты да пиры все равно мимо, Рогволд предпочитает обходиться услугами бывалых гридней. Городскую стену эту обрыдлую? Скучать я по ней точно не стану. Старинная поговорка провозглашает необходимость солдатику держаться подальше от начальства, поближе к кухне. Да и угол в теплой корчме как-то милее выстуженной, полусгнившей землянки. Жалование, опять-таки...

Владельцем небольшой корчмы возле заполоцкого торжища, оказался довольно пожилой, но деятельный джентльмен с круглым, оттопыренным пузом. Мелко потрясая большой, плешивой головой (у дядьки, видимо, прогрессировала болезнь Паркинсона), заслуженный работник общепита в двух словах ознакомил меня с обязанностями и попросил не теряя времени приступать к их исполнению.

Голец, едва успев свести меня с новым работодателем, испарился, я же, прежде чем, примерить почетную должность вышибалы, решил осмотреться как внутри, так и снаружи заведения. Нашел, что с улицы постройка практически ничем не отличается от корчмы на причалах. Такой же крепкий сруб, такая же крыша, две двери: передняя с крылечком без ступеней и вторая на заднем дворе как прямой выход из кухарни. В стенах по одному

маленькому оконцу с деревянными задвижками. Ограды вокруг двора никакой, так как стоит корчма на перекрестье проходящих через восток подол дорог и является своеобразной частью здешнего рынка, который раза в три больше вировского. Столица полоцкого княжества помимо всего прочего живет торговлей с многочисленными землями далекими и близкими, а за проход по связывающим эти земли водной и сухопутной артериям берет налог — мыто. Не бедный город, не чета занюханному Вирову. Народу на торге летом и зимой немерено в независимости от проведения ярмарок. Отсюда и завидная популярность заведения, к полудню навалило страждущих перекусить, что в фабричную столовку в обеденный перерыв.

За несколько пробных минут в корчме я усвоил — здесь придется потрудиться. В отсутствии стоящего хозяйского помощника посетители обнаглели, почуяли безнаказанность, по словам хозяина редко когда обходится без драк и поножовщины. В помещении царит беспрестанный гул возни, нетрезвый хохот. Нахлебавшись хмельных браг, орут хором песни, а потом молотятся всем, что попадает под руку, кровь льется рекой похлеще пива с квасами. Колизей какой-то, а не корчма.

Я прошу у Дикаря, так звали корчмаря, таймаут на подумать и отправляюсь в обратный путь до гридницы.

Чего тут, собственно, думать? Навести порядок железной рукой, комнатухи два на два мне за глаза, питание бесплатное, до корабельного двора не так уж и далеко, а не покатит — всегда можно отказаться.

В гриднице под верхнюю рубаху я натягиваю кольчужку от дурного ножа, цепляю на пояс меч, да так и появляюсь к вечеру в бурлящем страстями зале. Уж как обрадовался корчмарь, увидев меня при исполнении, не описать, ему ведь тоже частенько тумачков перепадает. Только что не прыгал, восхищенный, тем, что у него будет нести службу настоящий дружинник. Для начала я посидел за небольшим столиком в уголке перед копченым карасем и жбаном сбитня, дабы привыкнуть к обстановке. На пятом глотке ко мне подваливает нетрезвая троица, как я успел понять — заводилы всех нехороших начинаний в многострадальном кружале. Попросили угостить. Угостил, куда деваться. Одного сломанной челюстью, двум его дружкам свернул на щеку носы. Провожая до дверей пинками, прошу добро пожаловать в любое время. Затем выхожу на середину зала и громко обращаюсь к примолкшему честному народу, популярно объясняю, что с сегодняшнего дня настают в корчме суровые будни, бить никого больше не стану, а вот рубить, пожалуй, начну. Кому охота подраться милости прошу на свежий воздух, там хоть поубивайтесь все, но в корчме отныне запрещено. А кто захочет пошалить в мое отсутствие, того обязательно отыщу и накажу.

Под моим гневным оком остаток вечера протекает относительно спокойно, удовлетворенный своей деятельностью, я спешу попасть в крепость до закрытия ворот.

Утром в гриднице собираются оба десятка. Сологуба и мой. Вещмешки снаряжены, оружие в порядке, личные сундуки-скрыни опустошены. Готовы выдвигаться на новое место службы. Не сундуки с вещами, а мы готовы, двадцать два человека. Сила не малая, трепещи подол!

Поболтали, поржали по-доброму, обсуждая кому где ночевать сегодня придется. Вендара с Ольдаром пока что нет, наверное придут уже на место. Я уговариваю братву присесть на дорожку. Усаживаемся на устланные шкурами крупно рогатого скота топчаны. Отсидели полминуты, думая каждый о своем. На лицах парней в основном позитив. Один Сологуб вытаращил свой шнопак дальше обычного, тяжело ему, страдальцу, покидать

ставшим родным гнездо.

— Ну, хорош, — говорю. — Потопали.

Все поднимаются, утяжеляются поклажей. Скрипит входная дверь, осекая всеобщий подъем. Один за другим входят семеро незнакомых. В перетянутых ремнями меховинах поверх теплых зимних одежд, за спинами объемные мешки и узлы. Всем сильно за двадцать, на угрюмых, уркаганских лицах отметки суровых испытаний в виде шрамов и глубоких морщин, у одного не хватает левого уха. Различной лохматости парни да и бороды не у каждого, но все они поразительно похожи друг на друга как гномы из старинной сказки, только заметно переросшие оригинал. Просроченные, наверно...

За семерыми в гридницу втягиваются еще двое.

С железным бряканьем бухаются на пол заплечные мешки. Владельцы приземленного багажа стоят, молча оглядывают внутренности помещения и его жильцов.

Притихла гридница. Проведенных в нынешних реалиях ряда беспокойных месяцев мне вполне хватило, чтобы научиться моментально определять эту братию. Нагловатую и опасную.

Первый из вошедших — плечистый блондин с лоснящейся, давно нечесаной гривой произнес нечто, видимо, очень смешное, так как все его дружки захохотали абсолютно не стесняясь распахивать калитки зубастых ртов.

— Что он сказал, Стеген? — спрашиваю подчиненного мне северянина.

— Сказал, что здесь воняет как под хвостом у старой кобылы, — с мрачным видом отвечает тот.

Так я и думал. Ждать от диких урманов элементов вежливости не приходится.

— Ладно, не будем мешать любителям кобыльих задниц располагаться. Пошли, ребята!

Каждое слово я произношу отчетливо и достаточно громко. Ухмылки с урманских рож мгновенно стаяли, в глазах появляется недобрый отблеск. Предводимые мной два десятка гридней направляются к выходу. Пришлые расступаются, позволяя нашему косяку втянуться в разрыв их отары. Оборачиваюсь посмотреть все ли идут за мной и получаю чувствительный толчок в левое плечо. Ближайший ко мне урман в потрепанной лисьей полсти вокруг шеи, глядит в упор, опустив подбородок, ждет моих действий.

Вот даже как? Преднамеренный толчок нужно возвращать ударом в зубы. Так уж я обучен. Не толчок, а именно удар. Мы тут не в очереди за сосисками, места вдоволь...

— Не надо, Стяр... — Рука Стегена цепко хватается мое предплечье, готовое развернуться в нокаутирующем посыле. — Брось, потом...

Кто-то виснет на мне сзади. Стеген начинает быстро говорить с вопросительной интонацией в голосе. Ему тут же отвечают, как мне кажется, с вызовом. Что вообще происходит? Нас ведь больше, зачем лезть в бутылку? Оружие у них в мешках на полу, мы друг друга впервые видим...

Выдохнув негатив, пинаю ногой дверь, выхожу в мороз и в трех метрах от входа в гридницу натыкаюсь на Миная в компании четверки вооруженных мордovorотов.

— Уже уходите? — спрашивает боярин, растопыривая усы в язвительной усмешке.

— Мы еще вернемся, обещаю, — говорю и состряпав надменную мину, топаю мимо.

У ворот детинца я резко разворачиваюсь.

— Кто эти люди, Стеген? И почему с ними Минай?

— Хирдманы херсира Старлуга, — отвечает, сплевывая на снег.

— Старлуга?

— Да. Старлугссона.

— Ммм, спасибо, приятель, ты мне здорово помог и многое объяснил.

— Боярин Минай набирает дружину. Рогволд позволил им временно занять гридницу, пока Минай не достроит свою, — объясняет подошедший Вран.

У меня пауза. Вот оно в чем дело. Князь жалует урманам "зеленый свет". Минаю дай волю, он сюда половину Норвегии притащит. Старые связи делают свое дело.

— Чего раньше молчал?

— Никто не спрашивал.

Пригласительным жестом собираю вокруг свой десяток.

— Слушайте сюда, бойцы! Все, что касается этого боярина немедленно сообщать мне.

Увидите или услышите чего с ним связанное — сразу ко мне. Это ясно?

— Зачем? — вопрошает медленный Неждан.

— За шкафом, — говорю. — Надо так.

Глава девятая

Не знал я, что для постройки нескольких лодий нужно столько леса! Чертову уйму стволов, которые предварительно нужно найти, пометить, свалить, подготовить, особым способом сложить и только потом вывезти, чтобы уже на месте начать обработку. В дело годились твердый дуб, податливая липа, универсальная сосна, благородный яшень. Причем заготовка деловой древесины производилась исключительно в зимний период, когда волокна свободны от сока, крепки, сухи и не такие увесистые лишённые листвы. Нанятые где-то Рогволдом мастера-лодейщики сами отбирали годные деревья, сами указывали лесорубам как валить и чистить. Помотался я за ними со своим десятком. Все окружные леса по пояс в снегу излазили, удаляясь от Полоцка на километры, в морозы ночевали в сложенных из веток шалашах при не гаснущих ни ночью ни днем огромных кострах. К функциям охранного толка пристегнулись побочные работы. Хорошо глядеть как другие трудятся, но так и околеть не долго, вот и грелись, помогая махать топорами, ворочать тяжелые комли. Когда хитромудрым мастерам попадалось дерево с особым природным изгибом, чем плавнее, тем лучше — не было в тот момент в лесу людей счастливее. Восемь мастеровых собирались вокруг этого, пока еще живого ствола, запрокидывали головы в рысьих шапках, оцениваяще шурились, цокали языками. Чудные они, рукодельцы эти, до работы своей как детишки до новогодних конфет жадные.

За полтора месяца лесных скитаний в Полоцке короткими набегамы бывали пять раз. Объяснить ездовым с волокушами откуда вытаскивать заготовленный нами лес, самим отдохнуть, восполнить сухой паек, запастись необходимыми припасами. В те разы я всегда ночевал в корчме, прихватывая с собой то Жилу, то Невула, то Праста. В выделенной Диканем каморке мы преспокойно умещались на двух низехоньких топчанах. Благодаря холодам народу на торге и в корчме заметно поубавилось, но пару раз махнуть кулаком все же пришлось, до некоторых шалопаев с первого раза не доходит, в остальном жизнь в заведении протекала без эксцессов.

Десятку Сологуба подфартило чуть больше, им не нужно бродить по дальней округе в поисках пригодного для строительства сложных плавсредств материалов. Елка и сосна для частокола вот они рядышком, за рекой, знай вали да тащи на подол. Там стволов на новый город хватит, не то что на стену.

Однажды по пути заскочили проведать старину Жоха. Хотел я позвать с собой Рыка проветриться, но городской проказник удивил отказом. Мудрый хуторянин держал парня в ежовых рукавицах, приучая к ежедневному оздоровительному труду, выбивал дурь из вихрастой головы. Вдвоем они лазали по деревьям, чистили пчелиные дупла, латали старые и мастерили новые борти из спиленных липовых колод — готовились к весеннему взятку. У Рыка в глазах полнейшее удовлетворение своим нынешним положением, у Жоха — благодарность за подгон работающего помощника. Пришлось мне играть роль "брата" до конца и приглашать как вернемся обоих в корчму отобедать за мой счет. На дорогу Жох насыпал нам мешок очищенных орехов, выдал узелки с сушеными грибами и ягодами для обеспечения разнообразия в питании.

Поразительно, но в лесу, среди белого безмолвия я натурально кайфовал. Работа не в тягость, не тронутая цивилизацией природа, воздух густой как сметана, свежезажареная дичина разной калорийности в обязательном рационе. Нещадно насилуемый проказницей

Судьбой, я решил расслабиться и получать удовольствие. В душе и голове образовалась пустота, думать ни о чем не хотелось. Полностью сорваться с якоря мешала цепь из воспоминаний и надежд, что у моих родных-знакомых где-то очень далеко тоже все хорошо. Где-то там, за непроницаемой толщей веков жива мама, Валерка с семьей здравствует, дядя Коля, пацаны из моей бригады... Миша Мохов по прозвищу Рванный топчет упитанными ногами землю-матушку не так далеко, есть еще шанс повидаться.

С окончанием работ на лесоповале дружинные десятки и все мастеровые вернулись в город. Я окончательно осел у Диканя, но почти весь световой день проводил на месте строительства будущего лодейного производства. Ранняя весна утопила подол в грязи и слякоти. Мой путь от корчмы до причалов напоминал труднопролазную полосу препятствий. Чтобы не ходить с мокрыми ногами, я сменил войлочную обувь на кожаные сапоги, поднимая веер брызг, прыгал через мутные ручьи и грязевые лужи как заяц при разливе. Безбожно зябли пальцы, вечерами в корчме я снова облачался в зимний вариант — отогревался, терпеть не могу ложиться спать с холодными ногами.

Землянку для проживания служивых отреставрировали, плотники также сложили приземистую бревенчатую хижину-временку для себя и тех, кому не хватило места в землянке. Сплоченные проживанием в гриднице, дружинники не спешили откальваться от коллектива, жили скопом вперемешку с работягами. В укрепленном городе я не показывался, из уст Гольца узнавал о происходящем там и особо не жаждал вернуться. На подоле мне нравилось не в пример больше. Сильвестра мы перетащили на расчищенное для занятий место возле избы-временки. Навестить безмолвное чучело подходили самые заядлые "боксеры", но ввиду загруженности работой визиты эти случались не слишком часто.

Совершенно для меня неожиданно поставленный над нами младший полоцкий княжич никому не докучал поучениями, с умными советами не лез, командовать не рвался. Рано поутру, наловившись бабушкиных пирогов, неизменно при мече, Олдар приходил на "объект" и мужественно находился на службе до той степени сумерек, когда уже не видно топора на конце рукояти.

Месяц мотавшийся с санным обозом в полюдь князь к весне возвратился в город и начал исправно появляться у нас трижды в неделю. Беседовал с плотницким старшиной — маленьким мужичонкой под звучным прозванием — Глыба, наблюдал за работами, что-то подсказывал, где-то помогал поддержать бревно как Ленин на субботнике.

Так я до конца и не вкурил зачем Рогволду понадобилось огораживать лодейный двор частоколом да еще и башенку с воротами возводить. Чтоб никто не видел, как полоцкий князь новые лодии взамен сожженных земиголами готовит? С реки может и не видно будет, а в городе любого поймай — во всех подробностях поведаст что да как. Тем не менее работы продвигались и довольно шустро. Князь настоял на скорейшем возведении стены по всему периметру. Полсотни человек несколько дней ковыряли и долбили мерзлую землю, готовя сплошную траншею глубиной в аршин. В готовый ровик опускали стоймя отесанные, заостренные бревна, подгоняли их вплотную, для устойчивости и крепости связывали длинными продольными жердями изнутри. Затем со всей огороженной площади вручную удалили слежавшийся, истоптанный снег, стали закладывать стапеля, удивившие меня размерами и количеством. По мере подвоза стройматериалов с делянок, усиливалась интенсивность их обработки. День напролет плотницкие умельцы с помощью топоров и клиньев распускали стволы на длинные, толстые доски, подсушивали их над набитыми тлеющими угольями ямами, строгали и отесывали начистую. Мастера-корабельщики

готовили самую твердую древесину для килей будущих лодий. Постоянно звучал шорох точильных камней, поправляющих лезвия топоров до хирургической остроты.

Спустя несколько дней Глыба поведал помирающему от любопытства мне самые конкретные подробности из первых уст. Оказалось, князь заказал его артели восемь лодий увеличенной вместимости с палубными навесами и дополнительным морским оснащением. Предусмотрительный Рогволд в свои стратегические планы Глыбу, естественно, посвящать не стал, но тут и полнейшему профану понятно, что не для мирных прогулок под парусом и не для рыбалки строит князь столь серьезный флот. Морское оснащение предполагает выход на большую воду. Ближайшая к Полоцку — Балтика. Дочапать по рекам, а там вдоль соленого побережья хочешь к куршам, хочешь к данам, свеям и кто там еще есть. Куда хочешь, короче, море оно большое и общее. Такое дело точно нужно прятать от нескромных посторонних глазенок. Летом по речке много разного сброда поплывет, каждому мешок на голову не накинешь.

Здоровым амбициям Рогволда можно только позавидовать. По всей видимости, дело расширения княжества живет и процветает. Восемь корабликов битком набитых вооруженным десантом это сила, для банального морского грабежа вполне хватило бы и двух: приехал, высадился у какой-нибудь деревеньки пожирнее, даванул — убежал. Так поступают все эти даны и урманы, не гнушаясь обносить даже близких соседей. Чужая я, другие у Рогволда планы, покруче мелочного разбоя. Не прозевать бы момент когда будут распределять места на судах, попасть в команду одной из лодий — моя наипервейшая задача. Куда именно пойдет Рогволд пока не понятно, но в любом случае на Балтике я буду несравненно ближе к сердечному другу Мишане, нежели находясь в Полоцке.

Мое воодушевление подугасло после упоминания Глыбой сроков готовности кораблей — к следующей весне. Год строить будут! Для меня огромный срок, а для Рогволда в самый раз, видимо. Ему еще нужно дружины собрать да как следует подготовиться к ответственной экспедиции. Пришлось мне затаить свои желания и надеяться, чтобы ничего у князя полоцкого не сорвалось и морской поход с моим участием состоялся.

Через несколько недель подсохли дороги, притихшая из-за распутицы жизнь на торге взбурлила как кипящая в чайнике вода. Благодаря моему участию в общественной жизни атмосфера в корчме сильно оздоровилась, что не могло не сказаться на количестве посетителей и увеличении хозяйской мощны в объеме. Дикань не мог нарадоваться какой справный вой находится у него в защитниках. Начал кормить меня на убой, все радел, чтоб я веса не скинул. В стоящем бойце он почему-то предполагал обязательное присутствие избыточной массы и его нисколько не смущал факт моего нокаута звероподобного Змеебоя. Мне отвели обшарпанный столик в углу трапезной, откуда я спокойно мог наблюдать за всем происходящим и своевременно подорваться для улаживания разного рода конфликтов. За каждые два дежурства я получал от Диканя один серебряный дирхем, за который можно сторговать приличный обед на четверых или связку лаптей. Итого в неделю шесть с половиной монет, не много, но и не мало, если учесть, что посетители в основном расплачиваются кусками шкур, тряпьем да железками. Корчмарь не брезговал ничем, в руках опытного человека все подлежит обмену и размену. В Древней Руси с драгметаллами большущий дефицит. Своей добычи нету, налицо серебряный и золотой импорт из арабских стран и ромейского Царьграда как тут обзывают Византию.

Дикань со своей супругой проживал неподалеку от корчмы во вполне сносном домишке с крытым крыльцом и тесаной крышей. По кухне и хозяйству чете помогала дочка усопшей

сестры корчмарихи — тридцатилетняя конопатая толстушка с размером "персиков" не меньше четвертого. Племянницу звали Росой, находясь в нежном возрасте, она успела честно пережить двоих мужей и, по ходу, положила свой томный взор на мою скромную персону. Совсем не страшная и приветливая Роса попросту не вмещалась в мои вкусовые рамки, о чем я ей со всей учтивостью намекнул, едва просек фишку. Продемонстрировав покладистый нрав, родственница Диканя нисколько не обиделась и при любом удобном случае продолжала бросать на меня многообещающие взгляды.

За относительно короткий срок корчма у торгога стала местом не опаснее городского требища. В очень редких случаях мне приходилось успокаивать гостей столицы Полоцкого княжества, не знакомых с нашими правилами, те же, кто бывал здесь не впервые вели себя мирно, даже напиваться умудрялись по-тихому. Многое я бы в заведении поменял на свой лад, но лезть в чужой монастырь и поучать хозяина мне пока не хотелось. Единственное на что я посчитал себя вправе указать Диканю — это отсутствие забора вокруг корчмы. Почесав плешивую репу, корчмарь заказал мастерам плетень из ивовых прутьев высотой мне по грудь и через неделю территория приобрела облагороженный и законченный вид. Плетень не бревенчатый частокол, но все лучше, чем ничего, хотя бы чужие козы с курами не шастают.

Стряпня Диканевой жинки и пышнотелой Росы нравилась моим пацанам намного больше кухни, предлагаемой в корчме у пристаней. Таким образом место моей второй работы стало местом сбора моего десятка в свободное от службы время. Ну точно как кафешка под знойным названием "Полюс" из моей прошлой жизни. По вечерам парни с завидным аппетитом поглощали полухалаявный хавчик, заодно обеспечивая хозяину точки такую железобетонную "крышу" о которой он даже не мечтал.

Как то в самом начале лета под бешеные соловьиные трели в корчму заглянул Голец. Я радушно приземлил его за свой столик и буквально заставил разделить со мной поздний ужин. Кроме отдыхающего в каморке Невула никого из пацанов в на три четверти пустом заведении уже не было. Поболтали о том, о сем. В частности я узнал, что княжья гридница уже ломится от большого количества урманов и там люди не только Старлугссона. Рогволд нашел себе нового главного волхва. Вернее, тот сам пришел. Веденей. Занял покои Живня, свершает ежедневные требы, ворожит, с успехом отпугивает от княгининых палат навьих духов и прочую нечисть. Говорят, посильнее прежнего волхва будет. Боярин Минай все время рядом с князем, пользуется невиданным доверием, уговаривает Рогволда принимать на службу побольше воинов с севера.

Обо всем этом я и раньше слыхивал, не в пустыне живем, тут в корчме ушами всякого понахватаеть никакого радио не надо. Не пустого базара для заявился ко мне бывший разбойник на ночь глядя, слишком хорошо я его знаю. Рожа масляная, глаз беспокойный, как пить дать мечтает поделиться чем-то животрепещущим.

— Ладно, — говорю твердо. — Хорош зубы заговаривать, молви, чего там у тебя, вижу — лезет из тебя.

— Дело к тебе есть.

— Да? На сколько? — интересуюсь шутливо.

— Это как получится. Если с умом то на много. Очень много.

Я собираю себя в кулак, шутливое настроение махом слетает, да и Голец вдруг сделался серьезнее некуда.

— Говори.

— Через несколько дней по Ловатскому волоку в Новгород малый насад потянут. С кой-

каким товаром. Надо бы его облегчить.

— Кому надо?

— Одному моему доброму знакомому. Купцу хазарскому из Киев-града.

— А мы тут при каких делах?

— У него неприятности. Хазарам после Святослава не просто живется. Просил поискать кто бы смог за него постоять. Не за просто так, понятное дело.

— Так ты предлагаешь обнести купеческий обоз, я правильно разумею?

— Не обнести — заставить отдать чужое. Тут все по совести, хазарин не за товар потеет, ему важно, чтоб это вновь не повторилось. Никогда. Соль и все остальное он нам за работу отдаст.

— Соль? — вопрошаю вкрадчиво. — Меня сегодня что-то уши подводят... я так все расслышал? Нам заплатят солью? Ты смеешься?

Голец ухмыльнулся с видом превосходства взрослого над неумным чадом.

— Давай спросим Невула и еще десяток парней что ценится на вес серебра? За что на дороге не задумываясь перережут глотку? Что трудно добывается и везется чумаками за тридевять земель?

— Соль, — буркнул внезапно возникший у нашего стола Невул. — Это я слышал. Все равно за мной прибежите, так что валяй сначала, что там у вас за соляные делишки.

Поморщившись, я мотаю головой. Вес серебра? Тем более — опасно. Башку оторвут за такое сокровище, "мама" крикнуть не успеешь.

— А вдруг это подстава? Голец, ты не думал, что такое возможно? То, что ты предлагаешь — криминал, разбой натуральный. Мне еще башку на плечах таскать не надоело. Только вроде от дел отошли, а ты опять за свое, договаривались ведь завязать, все были со мной согласны, если помнишь.

— Это будет разбоем, если хоть один из обозников выживет и донесет, — возразил упрямый Голец. — Хазарин честной торговлей живет, его какие-то ловкачи обманули, товар присвоили, самому смертью угрожали. Там наемники одни, им за страх платят, думаю, они не сильно удивятся нападению, служба такая. Решай, Стяр, случай верный, человеку поможем, заодно разбогатеем. Все по справедливости, последний раз гульнем и больше ни-ни...

— Ага, разбогатела псина блохами... Нет, братан, я без общего совета не подписываюсь. Мы же не вчетвером на скок пойдем? Моим десятком, я полагаю. Надо со всеми базарить. И потом, кто нас со службы, считай, на седмицу отпустит?

— Не будет никакой седмицы, дня четыре самое большое. На лодейном поле столько охраны уже не требуется, с Ольдаром я договорюсь, с Рогволдом уладить Дрозд подсобит, придется, правда, в казну отсыпать не малую толику, но зато будем при князьем поручении.

Ха, хитер-бобер, даже князя приплел. Оно, конечно, хорошо быть "в законе", но не Рогволдом единым, как говорится. Нападением на обоз мы напрямую задеваем чужие интересы. Не знаток я древнерусского уголовного права, но в одном Голец прав, свидетелей при таком раскладе оставлять нельзя. Хоть и справедливое дело, но и за правду на правез определяют будь здоров, а за татьбу подавно голову смахнут если узнают. Князьки мы все таки люди, а не вольная бригада громил, значит и спрос будет особый. По-любому, без свидетелей обойтись надо, а как это провернуть избежав мокрухи, надумаешься. Здесь я уже однажды был богат да сберечь не сумел. Кто знает, может на самом деле есть в холодном Балтийском море остров с каменным храмом на крутой белоснежной скале и самыми

могущественными на свете жрецами. Мою долю полученной прибыли со сбыта экспроприированного товара вполне можно будет внести в кубышку как первый взнос на приобретение ценных даров этим жрецам, вдруг скумекают сообща как завести машину времени в обратку.

Дав Гольцу предварительное согласие в последний раз отправиться на незаконный промысел, всю ночь я думал, переворачивал ситуацию и так и эдак. Накормить волков и оставить целыми овец задача не из простых. Очень не хотелось лить кровь из-за соли, будь она хоть на вес золота. Под утро само собой пришло простое и изящное решение, я заснул как сытый младенец, чтобы через пару часов быть разбуженным немилосердным Невулом.

Сегодня же нужно перетереть с парнями. Можно подключить еще Сологуба с парочкой гридней, это как раз по его теме. Сколько там народу на малом насаде? Максимум двадцать рыл. Нам должно хватить дюжины если будут делать как я скажу. Ежели все срастется, через день нужно нанимать лодку и выдвигаться на место, чтобы заранее подготовить засаду.

Глава десятая

Прямого речного сообщения с Киевом ни Полоцк, ни Новгород не имеет. Для преодоления сухопутных участков между реками и озерами наши далекие предки выдумали таскать корабли где на руках, а где волоком по настеленным поперек дороги окоренным бревнам как по каткам. Волоки эти в некоторых местах достигали в длину нескольких десятков километров, никем не охранялись, в редких случаях князь, по чьим землям проходил волок, взимал с путешественников мыто на содержание "дороги". Насколько я сумел сообразить, переть по земле набитые товаром суда с ночевками работенка не для хилых и слаонервных. Волок, к которому мы устремились на двух весельных шлюпках, был устроен для попадания плавательных средств из Двинского притока Усвячи в речку Ловать, бегущую в озеро Ильмень. Протяженность участка по моим прикидкам составляет от тридцати до пятидесяти километров, если верить знающим людям, утверждавшим, что останавливаются на ночь там в среднем четыре раза.

Ждать, пока наши клиенты вымотаются переходом по волоку и лягут усталые спать нам не с руки, пришлось бы потом, ломая спины, тащить груз обратно к Усвячи. Гораздо разумнее позволить им впрячься в свое корыто, начать нелегкое бурлацкое дело, протащить насад метров триста, а затем подвергнуться внезапному и зловещему нападению.

Для обеспечения зловещности я попросил мальчишку конюха с пристаней наскрести сажи из какой-нибудь печки и перемешать ее с нутряным салом, чтобы получилась однородная жирно-черная масса. Соскреб с пол-литра этой гадости в берестяную баклажку, закупорил и спрятал в свой вещмешок, на месте объясню парням что с этим нужно делать.

В последний перед выходом вечер в корчму заявила троица урманов. Я все ждал когда их начнут выпускать из клетки. Дождался. Наверное Минай выдал им первое жалование, вот и решили парни оттянуться. Без оружия пришли, жрали много мяса, пили пиво, вели себя смиренно как ягнята. Я быстро расслабился, поняв, что ничто человеческое не чуждо и этим суровым ребятам, удивился лишь, когда Дикань взял с них за ужин немного больше, чем обычно.

На всякий случай я оставил вместо себя Неждана. В поход с нами он и так не рвался, поживет пока в корчме, за порядком присмотрит, и мне и Диканю спокойнее. Соображает Неждан не слишком быстро, зато если чего сообразит — не остановишь, рука у него тяжелая.

Наши приготовления и шушуканье не осталось без внимания Ольдара. Сопляк быстро в общих чертах выяснил что к чему и стал настойчиво проситься с нами. Я, естественно, всячески уклонялся и увиливал от общества княжеского отпрыска на опасном задании, но потом подключился папа и через Гольца до нас был донесен приказ взять сынулю с собой. "Да пусть едет, — думаю. — Нюхнет разбойничьей житухи, а для нас его присутствие как индульгенция."

Вместе с Ольдаром нас двенадцать. Сологуб со своими людьми остался охранять лодейный двор. В каждой лодке на три пары весел по шесть гребцов, еще и места для поклажи полно. Подробно выпросив все дорожные приметы у полоцких купцов, дули практически без остановок. Часто сменялись за веслами, спали, прячась в прибрежных камышах, прямо в лодках, благо, лето баловало чудесной погодой и можно было ничем не накрываться. Оказалось, когда Голец бодро рассчитывал уложиться в четверо суток, он имел в виду путь только в одну сторону. Ведь на деле преодоление против течения участка Двины,

шлепание сонной, заросшей по диким берегам глухим, дремучим лесом извиистой Усвячи у нас ушло три полноценных дня. Наконец, на рассвете тщательно спрятав лодки в зарослях трехметрового тростника, со всеми предосторожностями мы вышли на Ловатский волок.

На нашу удачу желающих тянуть суда по на треть вдавленным в землю бревнам в эту пору не наблюдалось. Начинаясь на широком песчаном пляже "лесенка" из потемневшего от времени и дождей кругляка похожая на железную дорогу без рельсов вползала на пологий холм, через полсотни метров бодро втягивалась в обступающий ее густой лес и скоро пропадала за плавным левым изгибом. Вот там за поворотиком мы и обождем, лучше места не придумаешь. Нужный нам насад должен быть с проломленной ближе к корме верхней доской левого борта и развесистыми оленьими рогами на носу. Появиться он должен сегодня-завтра, и на случай длительного ожидания у нас припасено достаточно съестного провианта, ждать чего-то впроголодь хуже нету.

Не знаю точно кто и когда укладывал данный волок, но он определенно нуждается в регулярном обслуживании, а кое где и в реставрации. Полутораметровые промежутки между бревнами заросли сочной крапивой и репьем, некоторые катки сильно изношены, имеют следы гнилостного разрушения, покрыты мхом и плесенью. Таким ходом от трудов неведомых работяг скоро останется шиш без масла. Людей, собирающих дань за проезд в казну местного князька не видать. С одной стороны к лучшему, с другой некому задать справедливый вопрос — а за что, собственно, здесь брать мыто? Упадок полнейший. Может где-то другой волок есть?

На берегу с задачей следить за Усвячью в оба я оставил самых остроглазых: Невула и Волю, тоже неплохо бьющего из лука. Сидящим в засаде необходим своевременный сигнал, чтобы изготавиться к нападению, надеюсь эти двое справятся, не спутник в космос запустить озадачили. Остальной личный состав я увел за изгиб волока, там мы приняли влево и углубились в лес на двести шагов.

В лесу я достал из мешка берестяную баклажку:

— Для маскировки придется нам всем вымазаться в этой дряни. Лицо и руки, да почернее. Наша задача внезапно выскочить и напугать их до смертельного поноса, чтоб даже оружия не подняли, можно бить, можно вырубить, ранить, но не убивать. Дубья наломайте. Железом в мясо, дрекольем — в кость. Рычите, рожи страшные делайте. И запомните — никаких разговоров! Имен, прозвищ и тому подобной чуши! Вышли, сделали дело, быстро свалили. Вопросы есть? Вопросов нет. Ждем сколько придется и впрягаемся.

Медленно потекло томительное ожидание. За полдень поднялся сильный ветер, оглушительным океанским прибоем он тяжело ворочался в кронах, наполняя сердца безотчетной тревогой. Чистая небесная синь стала забиваться белыми подушками облаков, слегка похолодало.

Устроившись на мягкой лесной подстилке под деревьями кто дремал, кто под щебет птах лениво пожевывал сухпак или ковырялся в личных вещах. Стеген показывал княжичу как правильно с помощью точильного камня доводить длинный клинок меча до хирургической остроты. Жила остругивал ножиком хватистую дубинку. Лежа кверху пузом я бездумно наблюдал за снующей в сосновых ветках пронырливой белкой, одновременно боролся с одолевающим меня послеобеденным сном.

Состояние меланхолии ломает появление Невула и Воли со стороны реки.

— Идут!

— Отлично!

Я живо принимаю вертикальное положение и растираю по ляжкам разом взопревшие ладони. Замечаю в глазах Невула тревогу.

— Что-то не так?

— Идут, да не одни.

— Не понял.

— За ними еще два паруса.

Твою ж мышь! Как так? То пусто, то густо... Вот тебе и заброшенный волок.

— Это точно они?

— Под описание подходят: рога на носу есть.

— А другие кто?

— Пес из знает, небось тоже торгаши какие, щитов по бортам нету.

— Хм, мы тоже без щитов, но не купцы. Не вместе они?

— Не знаю, не похоже вроде.

Сплюываю досаду на ближайший березовый ствол. Спокойно, только не психовать! Для начала нужно все досконально выяснить. Непредвиденные осложнения, они потому и непредвиденные, что их возникновение невозможно предугадать как грядущее землетрясение.

— Что делать будем, десятник? — зайдя сбоку, интересуется Ольдар. Взгляд у него какой-то потерянный, нехороший взгляд, как у собаки, которую впервые ударил любимый хозяин.

— Ума не приложу, — говорю, больше для того, чтобы загрузить парня по самые помидоры. А он как хотел? Со стороны понаблюдать? Пущай тоже поучаствует.

— Ты сам как думаешь, княжич?

— Сниматься надо, — говорит уверенно. — Изобьют нас, отец будет недоволен.

Два посыла в точку, кроме первого. Никуда сниматься я не намерен. Чертова соль почти у нас в лапах, а я должен пождать хвост? Хрен тут! Не в таких передрыгах бывать приходилось. Академий не заканчивал, но кое-какой опыт имею, надо применить с умом и дело в шляпе.

— Долго они возиться будут? — снова обращаюсь к Невулу.

Жмет плечами, прикидывая.

— Им полдесятка поприщ до темноты пройти надо успеть.

Через час двинут, значит...

— Наши первые?

— Первыми пристали, первыми поволокут, все по чести.

— А те сразу за ними?

— Ну да...

Проклюнувшаяся в подсознании мысль, созрела и распустилась буйным цветком. Придется рисковать, иного выхода просто нет.

— Значит так, господа налетчики, сейчас я познакомлю вас с тактикой расчленения подвижной колонны, которую так любят разномастные "духи" с "чехами". Действовать нужно быстро и четко, выполнять все, что прикажу беспрекословно. Сейчас мы с Невулом смотаемся на берег, глянем, затем объясню, что будем делать. Вран, проверь у всех оружие, а ты, Воля, обмотай несколько стрел себе и Невулу тряпьем, да наконечники снять не забудь.

Ольдара я попросил увести людей дополнительно на тысячу шагов вперед и расставить поровну по обе стороны от просеки, нападать на экипаж насада нужно будет со всех сторон,

дабы посеять ужас и смятение.

Под прикрытием лесной тени ползем к началу волока. На берегу кипит работа. Два судна уже вытянули из воды, третье пока еще на отмели, спускает парус. Насад с солью с небольшим креном на правый борт стоит вплотную к бревнам волока, он меньше других по размерам, под черным бушпритом не просто рога, а огромная оленья черепушка с двойным веером костистых образований. Вероятно какой-то знаковый трофей владельца судна, не иначе. В экипаже насчитываем всего двенадцать человек, что сильно облегчает нам основную задачу. У половины воинская осанка, оружия при них не видно. Вся дюжина ковыряется внутри насада — убирают мачту, привязывают груз, вытаскивают весла. То же происходит и на другом, готовящемся к сухопутной прогулке судне. Народу там в два раза больше, если подключатся к заварухе — будут у нас большие-пребольшие проблемы.

— Главного видишь? — спрашиваю притихшего Невула.

— Нет пока.

— Вот тот, что больше других руками машет. В голубой рубахе. Его первым надо будет снять. Тупой стрелой в голову. Сделаешь?

Невул застывает в немом укоре за мои в нем сомнения. Снимет, какой базар! Лишить любой отряд командира — значит обезглавить, тело без головы долго не живет. Об этом еще майор Гранит твердил. Оттого в рейдах и на позициях избегал излишних телодвижений и применения командного голоса. Вражеские снайперы тоже не дураки, по простейшим приметам научены распознавать комсостав противника.

Срисовав полную картину происходящего на берегу, я стал скрупулезно рассчитывать наши действия. Шепотом, чтобы Невул все слышал и запоминал.

— Ты прав, они по отдельности. Не общаются совсем. Этих дюжина. Уже понятно, что пойдут первыми. Как поравняются с вами, начинайте бить из луков главного и еще кого поздоровее. Если в башку, то вполсилы, позвонки сломать раз плюнуть, так что осторожнее. Предположим, две стрелы сразу сократят их поголовье до десяти. Пока наши добегают до насада, у тебя будет время на второй выстрел. Еще один долой. Допустим, что и Воля пальнет еще разок, это восемь оставшихся. Откладываете луки, с вымазанными харями и молча, так страшнее, кидаетесь вдогонку за всеми на сближение. Бьете сильно, но аккуратно, не до смерти. Глушите, вяжете всех, затыкаете пасти и отволакиваете в лес. Быстро уносите весь товар с насада и ждете меня. Все запомнил?

— А где же будешь ты, Стяр? — округляет глаза долговязый стрелок.

Недоумение соратника мне совершенно понятно. Вполне логичное и законное недоумение, я бы сказал. Однозначно требующее разъяснений.

— Я, друг мой, с Жилой и Ольдаром буду чинить волок и брать мыто. Вдвятером вы должны справиться, а мы тут подержим, чтобы в спину вам не вышли. За себя оставляю Врана. Передай, надеюсь на него как на себя единственного, пускай сделает все красиво, лады? Я назад не пойду, отправь ко мне княжича и Жилу.

Спустя некоторое время мы становимся свидетелями отправления первого судна в сухопутное плавание. Крякнули разом двенадцать глотов, накрененный вправо насад сорвался с места и с древесным скрипом пополз по волоку. Двое спереди обмотались канатами, тянут по разные стороны от носа, корректируют курс, остальные, уперев в борта длинные весла, толкают посудину вперед. Довольно ловко толкают, не впервой, видать, им совершать такие маневры. Дядька в голубой рубахе тонко чувствует сопротивление сухих катков, изредка покрякивает, просит в нужный момент поднапрячься.

Крадучись в лесной тени, втроем сопровождаем объект. Выждав когда судно удалится метров на двести за поворот, даю команду Жиле и Ольдару выдрать из земли десяток-другой бревен и отволочь поглубже в чащу. Пока они корячатся, поддевая подгнившие "шпалы" короткими копиями, направляюсь к началу волока. Подхожу к берегу как нельзя более вовремя — вторая посудина уже готова к движению, в корму ей тычется третье корыто. Без мачт и весел все насады действительно походят на хозяйственные деревянные изделия, в которых бабы стирают белье.

Встал я на бревнышко, чтоб повыше казаться, руки в бока упер. Жду, когда заметят.

Нет, не замечают. Прут как на танке. Рожи в землю уткнули, кряхтят, тяни-толкая исполняют. Оно и понятно, этот кораблик потяжелее первого будет, сам пошире и борта повыше. Четверть сотни бурлаков не без натуги волокут в подъем эдакую махину.

В двадцати шагах от моей персоны процессия остановилась, увидели, наконец.

— Стойте! Дальше ходу нет! — кричу довольно громко, дабы все услышали.

Оставив напарнику весло, мне навстречу выходит мясистый дядька годков пятидесяти, в русской бороде лопатой и кудрями одуванчиком. Штаны на нем кожаные, а рубашка бледно-розовая, шелковая, дорогушная. Оглядел меня с ног до макушки, оценил выправку и оружие.

— В чем дело? Ты кто такой? — басит, округляя в легком недоумении глаза. В собеседнике мной угадался руководитель группы и я постарался придать голосу максимум наглой уверенности.

— Мытарь княжеский!

— Спешим мы, добрый человек, дай дорогу, у меня все уплачено на пять лет вперед.

Вот неугомонный... уплачено у него...

— Придется подождать. Волок разрушен, в лесу орудуют разбойники, мои люди сейчас восстанавливают путь, князь повелел починить в кратчайшие сроки, а потом заняться татями.

Чувствую, по загровку наперегонки рванули ручейки пота, давненько я такой окоlesiцы не нес. Князь, разбойники, мыто...

— Какой такой князь?

Тон кудрявого из нейтрального становится нетерпеливо-жестким. Вокруг него собираются единомышленники, вижу в их руках топоры и колья. Людишки в большинстве своем нанятые, разной подготовки, но в одиночку все равно хрен отмахусь.

— Рогволд Полоцкий. Я десятник его. Там в лесу полсотни гриди.

— То мытарь, то десятник... Не нравишься ты мне, отрок.

— У каждого свой вкус, папаша, не ворчи. Что поделаешь, если Рогволд мне сразу две должности доверил, должно быть потому, что я очень ответственный.

— М-м-м... Скажи тогда, ответственный, князь смоленский знает, что полоцкая дружина на его землях мыто собирает?

Мощный удар гораздо ниже пояса. На несколько секунд я напрочь забываю как дышать. Откуда мне знать чьи это земли? Гольчина, упырь, мог и предупредить, чтоб мы тут не козыряли именем Рогволда. Даже не знаю как теперь отмазываться, что дальше буровить этому въедливому купчику.

Мое щекотливое положение спасает появление у правого плеча верного Жилы.

— Сделали? — спрашиваю краем рта.

Жила кивает — сделали. Теперь голова колонны надежно отсечена от туловища и, смею надеяться, в данную минуту испытывает некоторые неожиданные трудности. Я отсылаю

старого приятеля на помощь к остальным, сам остаюсь в одиночестве против враждебно настроенных торговцев. Нужно еще немного потянуть время, задержать всего на четверть часа, а там хоть не темней.

— Хочешь сказать, этот юнец, тоже гридень? — не скрывая усмешки вопрошает обладатель львиной шевелюры.

Не успел я ответить на ехидный вопрос, как из-за моей спины грудь колесом выперся вперед младшенький Рогволдович.

— Я — княжич полоцкий Ольдар. Назови себя, — говорит надменным тоном большого начальника, наплевав на выкрутасы ломающегося подросткового голоса.

Торгаш заметно охолонул, сделал полшага назад и опустил голову в поклоне. Некоторые из его людей также глубоко кивнули в приветствии.

— Здрав будь, княжич. Филин я, купец. Меня весь Новгород знает. Бояре в Киеве, Чернигове, Смоленске и даже в Царьграде мне кланяются. И в Полоцке я бывал не один десяток раз. С князем Рогволдом никогда не вздорил. От любого мыта на волоках и городских пристанях освобожден, есть тому печати. Не знаю, чем вы тут таким занимаетесь и знать не желаю, я просто хочу, чтобы два моих полупустых насада прошли этим волоком без трудностей. Защититесь от татей людей у меня и своих достаточно, будь добр, княжич, уступи дорогу и хоть на головах тут стойте, мне дела никакого нету.

Я поначалу на Рогволдова сынулю хотел окрыситься, за то, что ослушался приказа и явился туда, куда не велено, но теперь даже рад его появлению. Вдвоем как-то спокойнее.

— Беритесь за дело, ребята! — кричит своим Филин, вероятно полагая инцидент исчерпанным.

— В вашем Новгороде все такие непонятливые? Я же тебе говорю — разрушен волок, ждать надо.

— Только что туда насад ушел, — возражает Филин, смело тыча пальцем в глубину просеки. — За помощью никто не бежит, значит, в порядке все там. Отойдите, не то раздавим!

Все, кроме Филина разошлись по местам у бортов насада, ухватились продолжать работу. Вижу, со стороны кормы, уверенной походкой приближается персонаж почти с такой же гривой как у Филина, только волос потемнее.

— Почему встали? Время идет! — справедливо интересуется вновь прибывший. В следующую секунду, заметив нас с Ольдаром, радостно восклицает: — Эй, Стяр! Где бы встретиться!

Присматриваюсь получше. Так и есть, круглый земной шарик снова преподнес сюрприз, на сей раз приятный.

— Здоров будь, дядька Валкун! — кричу нарочно весело. — Как там твой шустрый племянник поживает? Не с тобой он?

— Нет, на сей раз отец его не взял, на хозяйстве оставил, — на слове "отец" дядька Садка мотнул подбородком в сторону насупившегося Филина. Затем Валкун подошел к владельцу модных штанов ближе и пояснил, что я есть тот самый полоцкий гридень, что помог купеческому сыну не потерять всю выручку с осенней торговли, а может и отчего похуже уберег. — Вы чего не поделили-то?

— Вот оно как, — цедит через губу новгородский толстосум. — Садок мне про тебя рассказывал. Доброе ты дело сделал, спору нет, но ведь и отплатился он сполна, разве не так?

Торгаш он и на Марсе торгаш, все через бабки меряет, бескорыстные порывы ему не знакомы. Ну сейчас я тебя умою, костогрызина, не на того напал.

— Ты вырастил и воспитал достойного сына, Филин, и смело можешь им гордиться. Я помогал ему не за плату, а от чистого сердца, думаю, и Садок щедро благодарил от всей души. Но если те пять золотых сильно вдарили по твоему достатку, могу прямо сейчас их тебе вернуть, для меня это сущие пустяки, я не нищий сирота.

Грубый блеф на грани, но ожидаемого результата я добиваюсь: новгородский купец желчно поджимает губы — не нравится на людях выглядеть неблагодарным скупердяем. Валкун укоризненно косится на родственника, некоторые из команды насада открыто покачивают головами.

Свой ответ уязвленный до самой печени Филин вынашивал не долго, зато разродился таким царским подарком я и мечтать не смел.

— Ничего возвращать не надо, мне ты не должен, а вот за мной, пожалуй, должок. За сына, за свою непопорченную славу. Проси коня, шубу кунью, паволок заморских, чего хочется, того и проси, не пожалею.

Ольдар озадаченно хмыкнул, а я чуть в небо не взмыл от радости. Вот что значит задеть купеческую гордость!

— Не нужен мне конь, Филин. И шуба без надобности. Если изволишь постоять со своими насадами на месте недолго, обождать пока не махну — будем в полном расчете. Рассказать всего не могу, знай одно: кровь мы не льем, поверь, делаем все по Правде. Ну что скажешь, идет?

На сем ударили мы с купцом по рукам, и, минут, примерно, через двадцать пять я сидел в лодке, набитой мешками, тюками и свертками. Простоватые и без грима лица моих подельников под слоем сальной сажи сделались совсем ржачными. Сосредоточенно ворочали веслами, весело поблескивая белками как выигравшие матч баскетболисты команды НБА.

Операция прошла более чем успешно. С нашей стороны все живы-здоровы, никто даже не ранен, ибо от неожиданности и последовавшего за ней испуга, тянувшие насад люди не смогли шевельнуть и лапой. Напинали, повязали, кляпами рты заткнули, в лес уволокли. Опустошенный от груза насад стащили с волока, опрокинули на левый борт. Праст с Ясенем в качестве заслуженного трофея сняли с него рогатую оленью голову и унесли в лодку. Вот таким образом свершилось правосудие, киевский купец-хазарин отмщен, воры наказаны, мы сделались чуточку богаче. Филин пообещал оставить человечка, чтобы завтра поутру развязал одного из любителей присваивать чужой товар, дальше сами пусть управляют.

Наш улов превзошел все ожидания. Помимо тринадцати мешков с солью, в наших лодках лежали свертки шелковой ткани разных цветов, тонкой, заморской выделки кожа в рулонах, еще какая-то ерунда типа изящных железных пряжек и заколок. Все эту ботву придется отдать Рогволду. Окромя соли, на нее и имел свои виды.

Надо бы напомнить парням перед сном смыть черноту, а то в наступающих сумерках я уже с трудом их узнаю.

Извилистая Усвячь не позволила гнать всю ночь, слишком велик риск забуриться в какой-нибудь приток или налететь на мелководье на камень. Встали на отдых. Зато весь следующий день и всю ночь перли по течению широкой Двины со скоростью катера, останавливались лишь перекусить да испражниться. К вечеру следующего дня были в Полоцке. От натужной весельной работы гудели спина и руки, словно штангу весь день

тягал. Я попросил высадить меня перед причалами, чтобы напрямки отправиться в корчму.

Солнышко приготовилось нырнуть до утра в извечную свою черную дыру, ласточки на бешеной скорости гоняли мошкар, слабый ветерок лениво полоскал изумрудную траву. Знакомыми улочками ноги сами вынесли меня к торгу. Пара сотен шагов и я упираюсь в накрепко закрытую дверь корчмы.

Глава одиннадцатая

Главный вход корчмы заперт изнутри, есть там такой тяжелый окованный засов через две скобы — тараном не высадить. Чую неладное, я бегом устремляюсь к задней двери, где натыкаюсь на висячий пружинный замок, естественно, завернутый на все обороты ключа. Ерундовая игрушка, такой сбить или открыть любой гнутой спицей вопрос двух минут. Дикань заказывал ковалю замок, скорее, для самоуспокоения, но я ни разу не видел, чтобы он наглухо запирали заведение, там всегда кто-то находился даже ночью.

Странно это все, в натуре, странно...

Обхожу корчму кругом, ничего подозрительного не наблюдаю, по крайней мере снаружи. Внутри без санкции владельца заведения мне никак не попасть, я же не домушник, в самом деле. Еще раз задумчиво дергаю прохладный замок, соображая как поступить. Работу мозга прерывают глухие удары со стороны главного входа. Пожрать кому-то, видать, приспичило.

— Чего долбитесь? — наезжаю на двух хмырей с тощими котомками за плечами. — Зенки разуйте, закрыт кабак, отдыхай, братва.

— Откроют когда?

— Завтра приходите, — говорю и добавляю себе под нос: — Завтра нас как раз не будет...

Недовольно ворча, голодная парочка покидает подворье корчмы. Я тянусь вслед за ними и, несмотря на позднее время, направляюсь к жилищу корчмаря. Нужно же выяснить причину загадочного выходного, заболел или еще чего, да и мне непонятно как быть, где ночевать, приходиться завтра в корчму трудиться или дорогу забыть.

Настырно колочу в тяжелую дверь пока не различаю слухом слабое звяканье по ту сторону и хриплый, настороженный голос:

— Кто?

— Я это — Стяр, отворяй калитку, Дикань.

Лицо корчмаря походит на тухлую помидорину — мятое и почерневшее, правая рука безвольно свисает до колен из-за общей согбенности тулова. Вместо глаз — слезящиеся щели, полулысая голова заходится в треморе. Держась левой рукой за ребра, каждое движение ресторатор сопровождает плохо сдерживаемым стоном. Позади корчмаря, разгоняя темноту светильником, стоит бледная как смерть Роса.

— Под танк попал? — интересуюсь, используя выражение Захарыча, означающее плачевный итог боя с более сильным соперником. Ерничать не хотелось, от неожиданного и жалкого зрелища брякнулось первое, что в голову залезло.

Дикань с кряхтением посторонился, пропуская меня в дом. Ногу, гляжу, тоже подволакивает — колено не гнется. Далеко я не прохожу, останавливаюсь через несколько шагов, уж больно охота поскорее узнать отчего хозяин так хреново выглядит. Дикань прекращает по-стариковски шаркать, отбирает у Росы жировой светильник, держит плоску на уровне груди.

— Я так понимаю ты не со стула упал? — осторожно спрашиваю. — Расскажешь?

— Долго же тебя не было, — говорит вроде как с облегчением. — А мы, видишь, не убереглись. Отлупили нас со старухой, Роську ссильничали прямо в корчме. Выручку забрали, разгромили все в щепки. Грозили прирезать, если скажу кому.

— Когда это случилось?

— На следующий день как ты уехал.

— Знаешь кто?

— Не видел раньше, не наши...

От злости темнеет в глазах, слышу как скрипят собственные зубы. Суки, твари дикие, дышло вам в задницу! Со старичьем и девками геройствуют упыри недоразвитые!

Усмиряю гнев и волнение приемами из китайской дыхательной гимнастики. Полезная, кстати, штука. Вообще, правильно дышать должен уметь любой человек, не только спортсмен или неуравновешенный тип с горячим темпераментом.

— Вы хоть лечитесь чем? — возвращаюсь к волнующей теме.

— Роська настойки от знахаря приволокла да мази.

Хм, подорожник да мухоморы отбитый ливер ни разу не исцелят, тут более продуманная система требуется. Болеутоляющие, витамины, антибиотики и все такое...

— А Неждан что же?

— Утек твой Неждан. Как только началось, так и исчез.

— Может за помощью побежал? — делаю несмелое предположение.

— Может. Только не было никакой помощи. Ты прости, Стяр, немощно мне стоять, лягу пойду. Ты проходи, оставайся, Роська тебе постель приготовит.

— Да, конечно, иди отдыхай, я со всем разберусь, не переживай. Ключ от корчмы дашь? И кресало с лучиной.

Отмокнув ключом замок и проникнув в корчму с запаленной лучиной, я обомлел, так как совершенно не узнал уже ставшую привычной внутреннюю обстановку. Везде, где доставал свет огня, я видел обломки изрубленных столов и лавок, разбросанную по углам испорченную посуду, разбитые горшки. В поварне на верстаке смердит огромная куча дерьма (не лень было корячиться?), даже каменный очаг чем-то расковыряли. Сундук с моими личными вещами перевернут и пуст как головы орудовавших здесь гамадрилов.

Ущерб большой, но непоправимым его не назову. Хорошо не подпалили. С плотниками договорюсь, сварганят мебель лучше прежней, посудой на торге разживемся, очаг поправим. Делов на неделю максимум, переживать на счет этого я и не думал. Гораздо важнее озадачиться возмездием. Оставлять подобный беспредел безнаказанным — себя не уважать. Это же косвенный наезд на князя. Семья Диканя законопослушные граждане. Корчмарь исправно платит мзду, несет, так сказать, общественную нагрузку — потчует Рогволдову паству и гостей города.

Возникает вопрос: что это было? Спланированная акция против заведения Диканя или стая отмороженных дебилов от нечего делать порезвилась? Больше склоняюсь к первому варианту. Разгром чужой собственности в присутствии хозяев тянет на вооруженный налет, ограбление и изнасилование плюсом. Срок за такие "художества" от любого прокурора прилетит не хилый, а как по мне, так высшая мера социальной ответственности здесь будет наиболее уместной, тем более, что исправительных колоний и лагерей местной администрации не предусмотрено. Либо кол, либо вира, денежный штраф, то бишь. А я не за деньги, мне за справедливость обидно.

И головы на заборе развесить...

С этими кровожадными мыслями я и уснул с мечом в руке на приведенном в порядок топчане в своей каморке. Наутро голодный и злой двинул на лодейный двор, где без труда нашел Неждана.

Сидит себе на бревнышке, на солнышко шурится, из кринки млеко козье потягивает, хлебушком свежим закусывает. Разбирает меня такой псих, никакая дыхательная гимнастика не поможет. Чувствую как кровь к лицу приливает, заодно и к кулакам, аж чесаться начинают. Народу в рабочий час полно, слышу приветствия, но не отвечаю, быстрым шагом рублю утоптаный песок строительной площадки. Видимо, рожа у меня была еще та, остановить никто не рискнул. Узрев меня, Неждан вскочил на ноги и попытался улыбнуться.

— Здрав будь, десятник...

— Буду, — говорю и с ходу выкидываю в пухлые, дрожащие губы правую с подсадкой. Нежданчик для Неждана получился отменный. Копытами кверху он перелетает через бревно, по пути щедро окропляет себя молоком из кринки и заканчивает свое маленькое путешествие задницей на куче снятой с дуба коры.

Что дальше? В обычных условиях в мое время он не отделался бы одним мордобоем. Если сразу не закопают, то пинком под копчик из бригады, еще и на бабки поставят, невзирая на былые заслуги. Неждан местный, полоцкого разлива, дружинит лет пять уже, живет не в самом городе, неподалеку где-то. За заслуги перед князем не скажу, скорее всего их попросту нет, а вот залет у парня серьезный по-любому.

Уронить я его уронил, но не вырубил. Все еще находясь в неестественной для воина позе, широкой ладонью цапает с пояса нож. Я переступаю бревно, подхожу ближе.

— Ну ты чего окислился, братан? Давай, спытай здоровье, покажи, что дерешься не хуже, чем бегаешь.

Кладу руку на рукоять меча. Если дернется — зарублю, падлой буду и плевать на последствия.

— Что мне было на пятерых бросаться? — брызгая кровавой слюной кричит Неждан.

Он ко всему еще и туповатый. Вины не чует, отмазки глупые лепит внаглую. Я свирепею.

— Для чего тебе оружие дали, тварь!? Тут десять парней было, мог бы их свистнуть, коль про свой меч от страха забыл! Не доводи до греха, убирайся, чтоб я тебя больше не видел, мне ссыкуны в десятке не нужны.

— Это десяток князя Рогволда, — зло возражает Неждан.

— Вряд ли князю пригодится в дружине такой дристан. Вали по-хорошему, надоел ты мне, дешевка!

Собравшийся вокруг работный и дружинный люд озадаченно сопит, кто-то одобрительно хмыкает, кивает. Под гробовое молчание недавних сослуживцев Неждан медленно покидает лодейный двор. Не слишком красивый сюжет, но что характерно, номинально главный на строительстве Ольдар не промолвил и слова, пытливно заглянул мне в глаза и удалился по своим делам. Сологубу и остальным любопытным пришлось объяснять причину произошедших в судьбе Неждана кардинальных изменений. Как я и предполагал, в дружинной среде я нашел стопроцентное понимание. Извинился, что не предупредил о грядущей расправе заранее — некогда было рассказывать.

Я упробил парочку плотников смотаться в корчму, снять мерки и начать изготовление столов и лавок. Обещаю хорошо заплатить за сверхурочные.

Что ж первый акт трагедии сыгран. Нужно приступать ко второму, самому трудному.

Так и сказал Гольцу.

— Я этого так не оставлю. Ты понял, Голец? Найди этих уродов. Я сам с ними разберусь.

— Как разберешься?

— Как обещал. Я в корчме все объявил, кто не спрятался я не виноват. Плакатов вешать не собираюсь. Найди, понял меня? Людей поспрашай, наверняка кто-то что-то видел или слышал. Мне нужны все пятеро.

— А если они уже покинули город?

— Ты поищи, вдруг не покинули.

Вдвоем с Жилой навещаем бортника и сборщика даров Матушки Природы Жоха. Отпрашиваю у него ненадолго Рыка — дополнительные руки на восстановление корчмы требуются мне как воздух. Остаток недели чистим, скоблим, выносим мусор. Плотники сваяли два первых стола с лавками, починили очаг, вскладчину с парнями приобрели деревянной и берестяной посуды да два новых медных котла. Роса навела порядок на кухне, на выделенные Диканем средства начала закупать непортящиеся продукты.

Корчмарь со старухой оставались дома под присмотром лучшего на подоле знахаря. Они не могли видеть какую мы навели в заведении красоту, лучше, чем было, зуб даю! Ничего, оклемаются — увидят, все, что мог по медицинской части я для них сделал.

Через три дня Голец нашел тех отморожков. Всех пятерых. Прибыли в город ранней весной, подвизаются в помощниках у одного торгаша с подола. Склады охраняют, обозы, группа поддержки, так сказать. На постоянной основе таскают при себе оружие и очень любят им пользоваться. Вчера за торгом у реки нашли изрубленные, обезображенные тела двух мужичков с вывернутыми поясными торбами. Голец склонен полагать — их это рук дело, уж больно борзые. Компания разношерстная: два дана, кривич, вятич и один варяг. Связывающие их узы для меня значения не имеют, как безразличны и движущие ими мотивы. Народ, способный избить стариков, взять силой девку, осквернить и порушить чужую собственность лечить разговорами бесполезно, это неискоренимо. Отлично помогает только палка с гвоздем на конце, в нашем случае — острый меч и копьё.

Подворье барыги в дальнем конце Заполотья, после окончания дневной движухи на торге, все подручные хозяина имеют обыкновение собираться там на ужин. С собой я беру Стегена, Врана, Мороза и Праста. Пять на пять. Остальная дворня не при делах, ее трогать я не рассчитываю. Установка для парней — не миндальничать, действовать жестко и безжалостно.

Ворота усадьбы раскрыты настежь, средних размеров домишко в живописном окружении раскидистых вязов расположен метрах в ста от входа. Чуть ближе и левее за корявым столом под небольшим навесом с соломенной крышей сидят трое. Еще двое умываются в пяти шагах, помогают друг другу лить на голые торсы воду из большого ведра. С одного края к столу привалены два копьё, на лавке лежат топор, меч, еще какое боевое железо.

Осторожные ребятки и рожи у них как на подбор уголовные. Головы бритые, загорелые, у одного из тех, что без рубах, с макушки по левому уху на плечо мокрой мочалкой свисает длинный сивый чуб. Не мудрено было бедняге Неждану расслабить сфинктер при встрече с этой, без сомнения, опасной кодлой. Бессердечно задавив в себе промелькнувшее чувство жалости к опальному дружиннику, запускаю процедуру мщения.

Глазами показываю Прасту, чтобы блокировал выход из дома и сек с низкого крылечка всю поляну. Ближе к навесу мы не подходим, чтобы не лишать себя пространства для маневра.

— Вечер в хату, хулиганы!

— Чего надо? Вы кто такие? — настороженно вопрошает тот, что с чубом. Он отдает товарищу ведро и хватает с лавки топор.

Так, этот, похоже, у них самый здоровый и самый нездоровый на голову, сразу врубает бычку, подрывается, значит, не по-детски конфликтовать. Даром, что варяг.

— Сюда ходи, дефективный, базар есть.

— Кто такие, я спрашиваю?

С самого начала я не хочу ни на кого переводить стрелки. Эта разборка на девяносто процентов моя и только на одну десятую князева. Сам, так сам. Варяга я должен успокоить собственноручно и это не обсуждается.

Он приближается медленным, упругим шагом. Блестит мокрая, прокачанная грудь, вокруг пупка видна круговая вязь черных татуировок. С правой руки свисает топор на средней длины ручке.

— Ну? — цедит, вздыбив верхнюю губу и нагло щурясь. — Чего надо? Ты кто?

Видит мою правую ладонь на мече, напрягается, хмуря густые брови.

— Перед тобой десятник княжеской дружины, прости, удостоверение не захватил. Зато принесли вот это. Праст, подай.

Уроженец Вирова вытряхивает из кожаного свертка засохший кусок человеческого дерьма, пинает поближе к варягу.

— Кто из вас не добежал до ямы? — скалится тот.

— Поясняю для забывчивых — это из корчмы, которую вы разгромили, — говорю. — Сожрешь — отпущу всех. Слово десятника. Можешь с корешами поделиться, я не против. Только уговор — в Полоцке больше не появляйтесь, здесь и так полно вонючих пастей.

С удовлетворением отмечаю происходящие с лицом варяга метаморфозы: вытянувшись поначалу, собирается в кучу желваков и наливается пунцовым окрасом. Нет, кушать кал он не станет, однозначно, гордость бандитская не позволяет.

Мои ребятки грамотно расходятся в стороны веером, разбирая каждый своего оппонента. Кто-то из бритых пронзительно свистит, из-за дома и дальних углов подворья появляются новые персонажи в количестве четырех голов с копьями и шипастыми дубинами в трясущихся лапах. Все повылазили даже конюхи...

— Не суйтесь! — кричит им Стеген. — Не то всех покромсаю!

Боевой топор урмана описывает в воздухе свистящую "восьмерку". Работные в испуге пятятся.

Впиваюсь взглядом в обнаженные плечи варяга — жду первого движения рукой. Начнет он, начну я. Настал твой звездный час, Мишаня, сейчас я твою давнюю идейку испробую на деле. Раз ковбой, два ковбой...

Топор не меч, ему размах нужен. Мой клинок длиннее и легче, из ножен вылетает мгновенно, едва я просекаю напряжение мышц руки с топором. Вправо вверх до зенита и тут же по короткой нисходящей влево. Чубатый варяг демонстрирует неплохую реакцию, успевает податься назад, отворачиваясь от сверкнувшего перед глазами стального росчерка. Самую малость не дотянул. Меч Харана оставляет на шее варяга широкий красный лепесток.

— Хра-а! — ошалело всхрапывает чубатый и норовит ответить топором, но обезумевшие от боли и страха глаза уже не видят цели. Махнув в пустое пространство, варяг опускается на колени, обеими руками пытается зажать смертельную рану. Висящий на кистевой лямке топор царапает ему залитые кровью ляжки.

Варяг исторгает из разрубленного сонника остатки крови, а дружки его бросаются в

отчаянную атаку. Похвально, но глупо. Кричу Стегену, чтобы оставил одного. Исполнительный урман виртуозно в момент удара ловит в захват руку противника с мечом, отбрасывает свой топор и дважды сует тяжелым кулаком в лицо. Слышен отчетливый хруст в локтевом суставе, выпущенный из объятий мужик со стоном оседает у колен урмана и начинает выплевывать резкие, режущие слух слова.

— Дан... — пренебрежительно сплевывает Стеген после того, как досконально обшмонал жертву.

— Где ваш общак? — трясу обмякшего дана.

Трясет бритой башкой: или не понимает о чем я, или нарочно дуру гонит.

— Вещи где я спрашиваю?

Кто-то из дворни уже ведет Мороза показывать логово беспредельщиков. Делаю Стегену отмашку — не нужен, под треск разрубаемых шейных позвонков отвожу взгляд в сторону и фиксируюсь на новом действующем лице. Из хозяйского дома выперся двухметровый ломоть с непропорционально маленькой головой и глазами навывкате. Морда белая, взгляд растерянно шарит по трупам, в руках боевой лук с наложенной стрелой. Шмальнет в кого, считай труп...

Растяпа Праст помогал нам справиться с шайкой варяга и не соизволил вернуться на точку.

Мягко опускаю меч в заботливо смазанные накануне ножны. Выпячиваю перед собой правую ладонь в умиротворяющем жесте, сближаюсь с нерешительным стрелком.

— Все в порядке, командир, — говорю. — Княжья гридь вершит правосудие. Убирай лук, подходи, пошепчемся.

Обосновать рыночному торговцу случившуюся на его территории резню не составляет мне большого труда. До смерти напуганный барыга во избежание сурового наказания за крышевание организованной преступной группировки покорно изъявляет желание раз в седмицу подвозить в корчму кое-какие продукты. Безвозмездно, естественно. Мы расстаемся почти друзьями.

Полностью удовлетворенные свершениями, груженные трофейным железом и шмотом из выпотрошенного в качестве контрибуции бандитского схрона, где, к слову, обнаружили все мои вещи из корчмы и много всего по мелочи, мы покидаем обитель неразборчивого в связях торговца.

На следующее утро, когда я с докладом о проведенной работе являюсь в дом корчмаря, разыгрывается третий, заключительный акт представления — Дикань отказывается возвращаться в корму.

— Вот что, отрок, — говорит он мне, потрясая плешивым черепом со следами побоев. — Забирай-ка ты корчму под себя. Старый я стал, руки-ноги сами по себе в плясовой бьются, не работа это — маята сущая. Муторно мне, сил нет и уже не будет. Бабе грудины знатно отбили, кашляет, нет-нет да кровью харкнет, жалко старую, постоянный досмотр нужен. Ты отрок хваткий, отродясь у меня в мошне так не звенело как при тебе. Так что распоряжайся.

Я пытаюсь что-то вякнуть в возражение, но получаю суровую отповедь-угрозу.

— Не отказывайся и не перечь, выгоню как пса шелудивого, на заслуги не взгляну. Не предложил бы такого кому другому отродясь.

Сумрачно блеснув зеленоватыми глазами, Дикань снова добреет.

— Да ты не робей. Все ведь знаешь что да как. Купчишек нужных укажу и советом

всегда подмогну, для поддержания штанов мне со старухой станешь приносить долю выручки. Роська с тобой будет, но еще кого-нибудь найди ей в помощь.

Вот так сбылась мечта идиота — стал я совладельцем и управляющим древнерусского ресторана. Жаль Миши рядом нет, порадовался бы за корешка.

Глава двенадцатая

Первые предпринятые мною действия в должности управляющего свелись к переброске кожаных тюков с солью с лодейного двора в корчмовые сусеки и отправке Рыка в командировку в Виров. Обещания нужно выполнять, ведь условленный год почти прошел, Роська в одно лицо поварню и зал не осилит. Настала пора красу-девицу Младину звать. Не замуж, естественно, а помогать бизнес на новый лад налаживать. Работой и жильем я ее обеспечу в лучшем виде.

Кроме того Рыку надлежит отыскать и привезти ко мне в Полоцк народного артиста языческой эстрады Кокована ибо шибко заскучал я по чарующим звукам музыки и хоровым песнопениям в сопровождении славного аккомпанемента дребезжащих Коковановских гуслей. Тяга к прекрасному у меня с детства. Музыка в нашей семье любили, несмотря на то, что кроме классно играющего на баяне дяди Коли, никто никаким инструментом не владел. У бати имелся огромный катушечный магнитофон с набором бобин и колонки на девяносто ватт. Эта адская аппаратура раскачивала дом мама не горюй — стекла в рамах дребезжали. Валерка тот и вовсе законченный меломан. Коллекционировал записи зарубежных рок групп и исполнителей на различных носителях, слушал музон в любое свободное время. Среди фроловских был некто Джон или по-нашему — Женя, служил стюардом на морском круизном лайнере. Помимо килограммов наркоты по налаженному каналу Джон таскал из загранки винил для себя и на продажу. Помню приобрел я у него пачку английского первопресса: четыре диска "Пинк Флойд", два первых Оззи и "Статус Кво" с "Тин Лиззи". Нормально так забашлял в баксах. Подарил Валерке на день рождения, он чуть не подпрыгнул от счастья, даже про классовую вражду забыл — сердечно обнял родного братишку. Перед самой разборкой с Анзоровскими это случилось...

В отличии от Валерки я больше уважал русский рок с понятными мне, далекому от знания вражьих языков, текстами. Братва в своих тачках и в "Полюсе" рок не крутила никакой, в полублатной среде бал правила современная попса и песни авторов-исполнителей на тюремную тематику. Слон, как я слышал, плотно "сидел" на Высотском и Розенбауме, а Фрол имел личное знакомство с музыкантами двух популярным подмосковных групп.

Вот с их нетленного репертуара я и планировал начать карьеру Кокована в качестве ресторанного лабуха. А что? Вечера живой музыки еще никогда не отпугивали случайного клиента, а совсем наоборот — приманивали и помогали расстаться с честно или не очень праведно нажитыми грошами.

С первой попутной лодкой Рык отправился выполнять задание, а я попросил Сологуба свести меня с местными рыбаками. Не с теми, кто на зорьке по выходным для удовольствия топают до ближайшего водоема покидать потертые снасти, а с профессиональными добытчиками представителей разнообразной безмолвной фауны. С лодками, неводами, сетями, сачками и другим специнструментом. На торге рыбой барыжит каждый пятый, речки кишат плотвой, карпами, щукой, угрями и прочими карасями, так же в больших количествах водятся в Двине деликатесные осетровые и даже лосось. Ставлю себе задачу выйти на поставщиков и договориться о взаимовыгодном сотрудничестве. Товара мне требуется много, мечтается наладить производство по копчению и заняться заготовкой вяленой рыбы на зимний период.

Добытая нами в набеge древнерусская соль оказалась сине-серой, грязноватой, крупного дробления, малосыпучей субстанцией. Для засолки и добавления в пищу ее предстояло перемолоть до подходящего состояния. С этой целью я одолжил у Диканя ручные жернова и каменный пестик со ступой, поймал первого попавшегося возле торгога пацаненка и усадил за работу. Не закончив всех дел по обустройству и не дождавшись Младины с Кокованом, открывать двери корчмы для посетителей смысла не имеет. Поэтому, кроме наводящей марафет Росы и того мальчишки в дневное время в корчме безлюдно. Ничего, скоро грядет такое торжественное открытие — Полоцк отродясь не видывал.

Я с утра до вечера торчу на строительстве корабликов, изредка мотаюсь в корчму выдать ценные указания, примерно раз в три часа посылаю туда Жилу или Невула проведать обстановку. Оба десятка мой и Сологуба оказывают посильную помощь мастерам в основном на такелажных работах подай-подержи, в свободную минуту заставляю братву долбить Сильвестра — ставлю удар.

Раз в ясное небом предполуденное время на строительный двор пожаловала парочка вооруженных копьями отроков. Который постарше страшно лопаух, красные с прожилками уши просвечивают на солнце, кажутся тонкими как воценая бумага.

Двигают прямиком в угол с Сильвестром. Подле отдыхающих Жилы и Мороза с открытыми ртами наблюдают как мешок привычно поглощает серии увесистых тумачков.

— Дрозд тебя прийти просит, — надтреснутым голосом объявляет лопаухий, едва я опускаю перемотанные тряпками кулаки.

— Куда?

— Где вы последний раз разговаривали, помнишь?

Как не помнить... В пыточной келье мы последний раз с Дроздом по душам болтали. Очень уж сердце не лежит снова туда попадать. Опять чудит "особист", без дешевых понтов как без пряников. Не могу сообразить где накосячил, чтоб меня на "ковер" вызывали, вроде ровно все было, без залетов, если не брать в расчет разборку с авторами наезда на корчму. Самоуправство мое не понравилось или еще чего?

Пацаны оба незнакомые. Небось, из гнезда Дроздова птенцы. Недавно вылупились, не чувства собственного достоинства хоть отбавляй.

— Прямо сейчас идти?

— Прямо сейчас.

Оружие оставить не просят и то ладно. Пролезаю потной головой в рубаху, демонстративно опоясываюсь перевязью с мечом.

— Где Голец?

— С Дроздом. Поторопись.

— Пойти с тобой? — спрашивает тихонько Жила.

— Не стоит, если меня крутить начнут, тоже под раздачу попадешь. Сидите, ждите, я думаю, обойдется.

Подзываю Врана, оставляю старшим по десятку. Настроение ухаает как камень с горы. Смотрю, эти двое уходить не собираются.

— Я знаю дорогу, парни, расслабьтесь.

— Нам тоже в детинец надо.

Гляжу, пристраиваются сзади, в пяти шагах топают, старательно изображая на лицах всегалактическую лень. Ага, как же, надо им...

Огибаем корчму, проходим причалы. С удивлением и интересом таращится на нас

встречный народ. Силы терпеть этот бесплатный цирк быстро иссякают. Ишь, удумали черти... ну, сейчас я вам устрою фокус с исчезновением...

Бью по тормозам, начинаю волнительно озираться, точно получивший промывочную клизму пациент перед операцией.

— Ты чего? — переживает ушастый.

— Вы идите, — говорю. — Мне кое-куда заскочить надо.

— Зачем?

— Подгузник поменять. Я мухой, еще вас догоню.

На этих словах, резко меняю направление движения и скорость ходьбы с первой на пятую. Я тут за месяцы курсирования туда-сюда выучил как лежит на дороге каждый камушек, каждую ромашку обнюхал. Все дома, ограды, бугры, ямы и сады в промежутке между моей корчмой и лодейным производством знакомы мне как буквы в русском алфавите. Вот, например, за углом, где кончается этот заборчик, есть короткий прогон для скота, в конце него — маленькая калитка в заброшенный сад. Тропинка сквозь дикий бурьян ведет в овражек и разветвляется там на три стороны. Уходящая направо выведет напрямиком к торгу и корчме, средняя уткнется в чей-то огород, а левая — в пристани. Бегом заскакиваю в овражные кусточки, едва успеваю засесть, чтоб не отсвечивать, вижу, как мои топтуны, угрюмо пыхтя, несутся по крайней правой тропке. Притыкаюсь позади увлеченных погоней субъектов. У корчмы с печально разведенными руками их встречают еще двое олухов. Стоят вчетвером репы чешут. Молодняк... Сейчас в обратку ломанутся, до полудня точняк пробегают сердешные.

Отряхнувшись от прилипших к одежде листьев, краями через торг выбираюсь на дорогу к укрепленному городу. Уклоняться от вызова на базар не в моих правилах. Дрозду ничего не стоит прийти самому с более внушительной поддержкой, так что лучше сам схожу, чему быть того не миновать.

Давненько я в княжеском городе и детинце не был. Гляжу, народцу на улицах и площадях прибавилось. Бабы снуют, мужички работные с озабоченными лицами шныряют, типы какие-то при оружии расхаживают, торговцы с деревянными коробами и подносами, верховые проезжают, быки с телегами за хвостом ползают. Каждого второго оружного впервой вижу, знакомым киваю, некоторым приветливо улыбаюсь.

Рогволд подольскую часть дружины вниманием не балует. Мало того, что прокатил с пиром, который, как говорили, обязательно следовал раньше за возвращением с удачного полюдья, так еще и жалование зажимает, второй месяц мурыжит. Что-то сильно заботит нашего государя, ажно веселые охоты забросил...

Мимо княжеской гридницы прохожу без замирания сердца. Ничего там не осталось, что заставило бы заглянуть. Минай выстроил себе гридницу и давно держит своих урманов там, даже повздорить не с кем...

Назвавшись стражу у терема, по знакомому сумрачному переходу попадаю в пыточную.

С Дроздом не только Голец, но и Вендар. Сидят на лавке под вставленным в стену пылающим факелом. В позах нет напряжения и это меня несколько успокаивает. Лица у всех троих мирные, сосредоточенные, небольшую взволнованность Гольца выдает неуверенный блеск в глазах.

— Вы другого места найти не могли? Здесь кровью протухшей смердит как в морге, неужто не тошно?

— Стены тут толстые, — говорит Дрозд, непонятно на что намекая. Кажется он совсем

не удивлен отсутствием при мне своих ретивых посланцев, даже на закрывшуюся за мной дверь не глянул.

Вендар ногой подвигает ко мне корявую табуретку. Усевшись, поправляю на бедре меч, выпрямляю спину.

— Зачем звали?

— Вот, хотим послушать рассказ как ты на подворье вольного человека резню учинил, суда не убоявшись, — медленно говорит княжий сотник. — Ты, может, совсем со службы уйдешь? Гляжу, больше по душе горло людям вспарывать. Да еще княжьем именем прикрываясь...

Неплохой заход, Вендар... Значит барыга не преминул пожаловаться. Придется его еще разок навестить...

— Успокойся, Вендар, я никого не подставил, ребята получили по заслугам, чего тебя пугает. И не вспарывал я животы, уложил в поединке главаря, от остальных пришлось отбиваться, у меня видоки есть.

— Видоки и подельники.

— Хм, Вендар, ну, сам посуди, одного меня бы там как свинью разделали.

— Не обязательно было убивать...

— Да? И позволить им дальше народ резать? Им же человека вальнуть, что тебе сплюнуть. Вы мне почетную грамоту за это должны вручить, а не бурчать да судом грозить, я на самом деле, не свое дело сделал.

— То-то и оно, что не свое. Не за убитых ты мстил, а за личный прибыток. Торговца зачем обидели? Это хорошо, что он не напрямую к князю пришел...

— В следующий раз будет придиричивее выбирать себе помощников. Да и не обижал его никто, оплатится за погром в корчме — прощу... может быть. Если у вас ко мне все, то я, пожалуй, почапаю, дел выше крыши, вы не поверите.

— Не все, — вступает Дрозд, пресекая мое намерение поскорее свалить из мрачной конуры.

Я снова прижимаю зад к крышке табурета, терпеливо жду объяснений, придав лицу самое внимательное выражение.

— Князь Святослав вернулся в Киев.

Святослав? Несколько раз я уже слышал это имя. Голец, помнится, мечтал попасть в его дружину за каким-то лядом. Насколько я слышал, в Киеве мамка его заправляет. Ольга, Великая Княгиня. Сынка все на ратные подвиги тянет, государственной рутинной заниматься не желает, славы ищет, в Киеве почти не бывает, делает, что хочет. Не понимаю с какой стороны беспокойному князю Дрозд с Вендаром прилепили простого полоцкого десятника, меня, то бишь...

— Откуда вернулся? — спрашиваю, замучившись вспоминать где носило киевского князя.

— С Дунай-реки, из царства болгарского.

Ах, да... с бархатных курортов братской Болгарии... Ну вернулся, мне-то что с того и к чему этот заговорщицкий тон?

— Слушай, боярин, ты бы ум мне не заворачивал своими загадками. Говори прямо что к чему, а то я устал уже думать, в натуре. Голова у меня не тем забита, чуешь нет?

— Изволь...

Дрозд так оглушительно хрустнул своими тощими, сухими пальцами, что я

засомневался в их целостности.

— Раз уж ты так неожиданно заделался корчмарем вместо прежнего, стало быть тебе и продолжать его дело.

Это само собой. Продолжить, углубить и расширить. Они понятия не имеют какую бурную деятельность я собираюсь здесь развернуть... За мной не заржавеет, будет гораздо круче, чем было, три зуба отдам...

Так-с, что-то мне не нравится этот каменный взгляд. Вытаращился как орел на червя... Рожа у меня, наверно, была мечтательно-глупая как у нашего лотерейный билет бродяги. Соображаю, что под продолжением дела Диканя Дрозд, скорее всего, имел в виду нечто иное и напряженным голосом спрашиваю:

— Каким образом?

— Самым простым. Следует тебе слушать о чем людишки с торга за столом говорят. Особенно проезжие, особенно с киевской стороны.

Ну, приехали, Андрюшу Старцева сексотом хотят сделать, к стукачеству склоняют как самого последнего фраера. Дикань, по ходу, барабанил в пользу Рогволда как дятел по прелой коре. Что вполне логично. Где усталому торговцу и транзитному прохожему чесануть хмельным языком как не в корчме? Радио и телевизор в одном флаконе, никаких газет не надо. Имеющий уши да услышит. Самые быстрые новости мчатся со скоростью скачущей во весь опор лошади или подгоняемой веслами парусной лодки. Это недели, иногда месяцы. Если есть кому ту новость донести. Очень неприятно как-нибудь поутру обнаружить у стен своего города враждебную рать воинственного соседа. Людская молва летит со скоростью гонимого ветром судна, на нее и расчет. Из уст в уста. Из мозаичных фрагментов складывается цельная картина. Оно, конечно, дело неплохое и сугубо полезное, но не для моей нежной натуры. На подоле, в конце концов, не одна корчма...

— Должен вас огорчить, господа хорошие, — говорю, состряпав рожу вокзального сироты. — Туговат я на ухо. Слышу плохо, стало быть. Боюсь не разберу чужой болтовни, пропущу чего важное, будете потом меня материть...

— Давно? — подозрительно вопрошает боярин.

— Ась?

— Давно, спрашиваю, ты плохо слышать стал?

— Как башкой о речное дно стукнулся. Голец, вон, докажет...

Дрозд с Вендаром озадаченно переглядываются, видать, смекают настоящий я дурак или прикидываюсь. Затем переводят пытливые взоры на Гольца и устаиваются уверенного кивка. Нахмурившись, начальники пытаются найти способ обойти внезапную загвоздку. Получается не очень, приходится мне избавить их от мук умственного труда и предложить неплохой вариант в качестве компромисса.

— Есть у вас один ушастенький. Тот, что за мной с копьем приходил. Спорю, с такими лопухами слышит он гораздо лучше меня. Пусть сидит в корчме и греет свои уши на чужой болтовне, я не против. Готов даже поставить на довольствие, с одного дармоеда не обеднею. Меня только в это не вписывайте, помощь посильную я ему окажу. Идет?

— Ты, десятник, хотя бы понимаешь как это важно? — не желает отступить Дрозд. — Для всего полоцкого княжества, для князя Рогволда, для людей, которыми он правит и защищает!

После задавленной вспышки гнева боярин молчит, вперив неживой взгляд в холодную жаровню с черными углями, затем, главным орудийным калибром наводит темные кратеры

зрчков на меня.

— Иль тебе корчмарем ближе? Ты скажи, обращаться за помощью больше не буду.

От агитации и пропаганды к шантажу. Грубо работаете, товарищ...

— Хорош нагнетать, боярин, лады? Не надо мне руки выкручивать. Предложение мое стоящее, обсудите, подумайте. Ну, душу мне эта ваша служба вывернет, я вам точно говорю! Нужен вам чокнутый десятник? И какая разница кто будет подслушивать? Все важное дойдет до тебя, обещаю. К тому же мне не понятно какое отношение к Полоцку имеет возвращение киевского князя. Со Святославом ведь Рогволдов сын с дружиной... Кого из них вы боитесь?

Дрозд с Вендаром снова переглядываются на сей раз еще более задумчиво.

— Мы не боимся, мы опасаемся, — молвит Дрозд, облизав пересохшие губы. — И есть чего...

...Еще будучи совсем мелким сопляком, юный княжич Святослав начал войну с древлянами. Как начал тогда воевать, так до сих пор не в силах остановиться. Собрав войско, одолел живущие в глухих лесах племена вятичей, победил волжских болгар, ясов, касогов... а самое главное — уничтожил могучий Хазарский каганат, государство как кишечный глист питающееся данью с окрестных народов, живущее продажей рабов, захваченных в кровавых набегах. Боевые операции князь русов планирует и проводит блестяще, отважен, хитер, рубится в первых рядах рядом с простыми воинами, в битве свиреп, быстр и безжалостен. При Святославе Игоревиче Киевская земля расширилась, приобрела новых данников, налилась невиданной до сей поры силой, словно резко возмужавший отрок, на котором лопаются рубаха еще вчера бывшая впору. Войско киевское опытное и сильное. Дружина князя обожает, хоть и не жалуется он ни пиров, ни серебра со златом...

Внезапно я вспомнил и осознал Мишины слова про невероятную крутость Святослава. Да уж, с такими исходными данными можно полмира завоевать, не то что неясных мне ясов с касогами...

С волжской Болгарией более-менее понятно. Прижал, чтобы в спину не ударили, пока с хазарами разбирается. Не вырезал. Город Булгар существует и в двадцатом веке, но что Святослава повлекло в Болгарию на Дунае? Это же Европа, Балканы... многие сотни километров от Руси. Другая страна, иной климат...

Зачем? Не понимаю...

Как смогли объяснили.

...Как-то объявился в Киеве один вертлявый ромейчик по прозванию Калокир. Объявился не один и не с пустыми руками, а в сопровождении полусотни воинов, охранявших его самого и заморские дары для князя русов. Утверждал, что является потомком древнего и богатого рода, каких мало осталось в ромейской империи и уж куда знатнее нынешнего пассажира на троне. От имени кесаря Никифора чернявый Калокир стал упрашивать князя Святослава нанести удар по восточной части Болгарии, чтобы помочь ромеям окончательно прибрать к рукам непокорную страну. Своих войск, мол, не хватает, почти все воюют на дальних рубежах государства с арабами и успеть везде не могут, одна надежда на могучих северных воинов — русов. После долгих переговоров наедине с Калокиром, к общему удивлению и неожиданно для всех Святослав решил откликнуться на просьбу царьградского владыки. Ясно, что не за деньги, привезенного Калокиром золота было не так уж и много, к тому же не склонный к стяжательству внук Рюрика предложившего купить мечи его дружины убил бы первым.

долго упрашивала отпрыска остаться в Киеве, не бросать ее с внучатами на слабые боярские дружины — прознает Степь, что свирепый князь свинтил за море — житья не даст. Святослав со смехом ответил матери, что хазар он уничтожил, а печенеги не посмеют ибо в союзе с ним. Также он заверил Ольгу в готовности завоевать себе новое княжество, а коль случится так, то и в Киев князем не вернется. Святослав быстро собрал войско и выдвинулся в поход.

Княжеские дружины без особых проблем высадились и закрепились на Дунае. В считанные дни Святослав разметал болгарское войско под предводительством царя Петра, занял десятки укрепленных городов по Дунаю. Царь с приближенными боярами укрылся в столице царства — мощной каменной крепости Преславе, Святослав осел в Переяславце. Болгария оказалась разделена, но со всей страны под руку Святослава сбегались сотни и тысячи недовольных излишне набожным Петром. Приверженные старым богам жители целыми городами присягали на верность, толпами пополняли русское войско.

За год, что Святослав просидел в Переяславце, Киевщину, как и предсказывала княгиня Ольга, одолели набегами степняки. Грабили веси, жгли посевы, угоняли в полон жителей. Городская дружина по мере сил боролась с дикими печенегами до тех пор пока к Киеву не подошла огромная орда и не осадила в страхе притихший за деревянными стенами город. Отскочили чудом, отогнать кочевников помог черниговский воевода Претич, случайно оказавшийся неподалеку. Месяцем ранее посланные за Святославом гонцы исполнили свой долг, ибо спешно вернувшийся с дружиной князь обрушился на визжащих от ужаса печенегов словно безжалостное торнадо на пляжные зонтики. Сейчас добывает остатки дерзновенных, куда дальше двинет — неизвестно...

Находясь под впечатлением услышанного, вылавливаю из клубка мыслей аналогию: Великий князь Святослав управляется со своими врагами так же как дерзкий гопник-гроза малолеток безжалостно жестко, быстро и уверенно отжимает у лохов мелочь на районе. И Рогволда я понимаю. Когда под боком быстрый и жестокий волчара, нужно быть очень осмотрительным. Этот еще и воевать умеет, хазар расколотил, печенегов отметелил, они теперь готовы ему ноги лобзать. Глаз да глаз... Пусть лучше будет подальше. Вот в Болгарии самое ему место. Сын Рагдай с отборной дружиной полочан с ним. Побратимы... Авось над какой-нибудь заморской крепостью заполощется княжеский стяг с рогатой турьей башкой, а там видно будет...

Темная история с этой Болгарией. Святослав явно преследует какие-то цели и наверняка имеет далеко идущие планы.

Зачем вернулся? Наказать печенегов мог послать одного из воевод...

Недаром Рогволд напрягся, чувствует что-то. При таком раскладе любая информация в тему, не поспоришь.

— Ладно, — говорю. — Уболтали, черти языкастые. Буду лично для князя Рогволда слухи собирать. Но и лопоухого давайте, лишним не будет.

Глава тринадцатая

Сильно я не уверен, что личина осведомителя придется мне стопроцентно в пору, но коль пошла такая пьянка, стоять в стороне преступно. Рогволд сейчас не должен сталкиваться ни с какими трудностями, а в конце весны все же совершить задуманный военный поход на Балтику. В этом сейчас мой жгучий интерес, смысл жизни. Полагаю, все начинающие стукачи испытывают определенные угрызения совести, я же не чувствовал ничего, кроме недовольства самим собой. Как я сам не дотумкал?! Это же кладезь информации, богатейший, неиссякаемый пласт! Причем такой же бесплатный как дождь с неба.

Башка у Дрозда все таки варит и за подкинутую идею отдать под мое начало ушастого отрока он цепляется отчаянной хваткой утопающего.

Как нельзя более кстати вся четверка молодых недотеп поджидает нас на солнышке при выходе из княжеского терема. Рожи виноватые, квелые, точно у всех четверых дикое несварение. Узрев в обществе боярина и сотника мою пышущую здоровьем персону, парни заметно распрягаются, особенно радуется дальний родственник Чебурашки, даже улыбаться пробует.

Дрозд подзывает ушастика к себе и начинает что-то втолковывать. Затем объявляет мне о временном пополнении моего десятка взамен выбывшего Неждана. Выходит, знали про выданный мною пинок малодушному гридню, знали, но ни единым словом не упрекнули, видать полностью согласны с решением и это просто замечательно...

Лопоухого папа с мамой лет двадцать назад нарекли Лбом. Будь по мне, ходить ему тезкой другой детали человеческой головы, но Лоб, так Лоб, дело прошлое...

Обсуждаем с боярином подробности доставки сведений в детинец. Я предупреждаю Дрозда, что бег к нему с докладами мне в горло не уперся, раз в седмицу буду обобщать добытые слухи и присылать Лба, ну или сам пускай наведывается в любое время, заодно и откушать преподнесу в лучшем виде. Оставшись довольными друг другом, завершаем сход.

— Топай за мной, приятель, — говорю обалдевшему от неожиданных перемен в личной жизни Лбу. — Настало время приносить князю настоящую пользу, а не с копьём по городу собак гонять.

Раз уж Лоб теперь в моем десятке, стало быть жить ему под боком в корчме, без отрыва от производства, так сказать. Не самый неудобный вариант для парня из глубинки не имеющему в Полоцке собственного жилья, я так думаю...

Несмотря ни на что, особое положение моего и Сологубова десятка мне нравится. На пиры не зовут, зато в караулы не ходим и начальство не шибко допекает. Ольдар не в счет. Кормежка отличная, к общественным работам не привлекают. Священный праздник Купалы проходит без нас, хотя некоторые парни из тех кто помоложе с моего разрешения бегали на ночное гульбище к реке через костер попрыгать да девок помять. Собственно, кроме пары Солнцестояний и двух Равноденствий, напрямую связанных с астрономическим положением светила, больших праздников тут немного. По мне и этих четырех за глаза. Несколько дней массовых гуляний враздрай, хороводы, костры до неба, старейшины родов, волхвы, девки, походы на капище, жертвоприношения и все такое... Есть еще даты, посвященные разным богам и жизненным событиям, всего не упомнишь, да я и не старался. Начало сенокоса, конец сенокоса, посевная кампания, сбор урожая, первый медовый взяток, последний

медовый взяток, праздник яблока, праздник спелого ананаса и многие другие отмечаются по желанию, без предоставления выходного дня.

На стыке двух последних летних месяцев внезапно для меня грянул Перунов день — официальный праздник княжеской дружины. Здесь волхвует сам Рогволд. Раздетая по пояс княжья гридь и большинство из состава боярских дружин собирается душным вечером в реликтовой дубовой роще на капище у трехметровой резной статуи с грозным, потемневшим от времени и атмосферных осадков ликом главного бога русов-воинов. Специальным ритуальным ножом князь собственноручно вскрывает горло годовалому бычку, запускает обе длани в булькающую рану убитого животного и густо мажет горячей кровью длинные усы деревянного кумира.

— Тебе, Перр-у-ун!

— Пер-рун! — грохает дружинное эхо.

Это священнодействие напоминает мне окончание похода на земиголов, когда при свете погребальных костров, взявшись за плечи десятки воинов так же славили метящего руками молнии бога. Тогда нутро мое вибрировало как набатный колокол, переполняемое непонятым, неизведанным и странным чувством. Вибрирую я и сейчас, также как в ту ночь рву глотку криками "Перун!" и "Слава!", ощущаю с двух сторон крепкую хватку соседей по хороводному кольцу. Князь Рогволд, воздев окровавленные руки к темнеющему небу, стоит перед кумиром Перуна, снизу вверх выкрикивает в застывшую, суровую гримасу деревянного "лица" клятвы, просит дать силы в будущих битвах. Отмотав положенное количество кругов, перуновы дети пятнают голые торсы жертвенной бычьей кровью, ею же метят боевые мечи и топоры, а князь связывает оружие только ему ведомой нитью ритуального заговора. Затем князь уводит всех на пологий берег Полоты, где на обширном лугу, подле огромного костра каждый дружинник вкушает сырой говядины с ритуального ножа из рук Рогволда и отхлебывает через край из огромной братины оглушительно пахнущего отвара. Этот напиток не похож ни на один из тех, что мне удалось пробовать в Древнем мире. Терпкий, приторно-сладкий на вкус, с сильным оттенком меда, он немного пожиже стоялой медовухи, но в голову долбит будь здоров! Испив из общей посуды, чую, манит меня нелегкая на ратные подвиги во спасение мира, ну или хотя бы свернуть кому-нибудь набок челюсть. Я чувствую себе неразжатой пружинной. И я не один такой. Непокрытые, потные торсы отражают костровое зарево, играют прозрачным красным светом готовые к драке мышцы, лица молодых и бывалых воинов лишены покоя. Праздник дружины он на то и праздник, чтобы удаль свою проверить да князю показать. Все оружие оставлено под охраной метров за триста от прибрежного луга, чтобы уберечься, что называется, "от дурака". Нажравшись сырого мяса, напузырившись забористого пива, дружинный люд начинает требовать развлечений громким хором по нарастающей выкрикивать одно слово: "Рать! Рать! Рать!" Хоть уши затыкай, в натуре. Словечко еще такое подобрали, в самый раз после мяса...

А чем еще заняться почти трем сотням крепких мужиков, не в догонялки же играть!? Правда, многие ожидали, что ежегодные состязания будут проходить в привычном формате бей-беги, как то метание копья, стрельба из лука, рубка на мечах и прочее, но Рогволд сумел всех удивить неожиданным объявлением рукопашного турнира на выбывание. Это не бой стенка на стенку как на зимнюю Коляду, это похлеще гладиаторских боев без правил и жалости к сопернику. Рогволд делит дружину на две равные по количеству команды. По его приказу из загодя заготовленных куч хвороста зажигают еще два костра дабы в достаточной мере осветить место предстоящей забавы. Я попадаю в одну команду со Змеебоем,

Вендаром, Морозом и Враном. В толпе напротив остальной подчиненный мне люд, кроме присматривающего за корчмой ушастого Лба. Сразу же в первой десятке я выхожу на ристалище. Дерутся один на один, а чтобы не тратить время, одновременно участвуют по несколько человек с каждой стороны. Так как бой не до первой крови, требование единственное и очень строгое — не наносить тяжких увечий, дерись руками, ногами, головой, зубами, но только не калечь! Главная задача проста и понятна, нужно вывести соперника из строя, чтобы не смог продолжать. Проигравший схватку выбывает и досматривает чемпионат со стороны, а победитель получает ценный приз от Рогволда. Отказников нету, каждому в охотку проверить себя и побороться за главный трофей.

— Берите факелы! — велит ближайшим гридням Рогволд. — Начнем во славу Перуна!

Участок прибрежного луга приобретает форму большого неровного круга освещенного кострами и полусотней ярких факелов, с фигурами мускулистых бойцов посередине. Мне сразу же попадаетея в оппоненты крепкий, грузноватый дядя из княжеских варягов, имени его я не помню. Татуировок на неприкрытых телесах как цветов на хохломском подносе. Кулачищи с походный ковш и твердый как камень лоб. Видно, что силен и вынослив как верблюд, долго возиться с ним нельзя, надо экономить здоровье до финала.

Дядька, видимо, придерживался схожих взглядов, решает покончить со мной как можно быстрее и бьет первым. Подсаживаюсь под его выброшенную вперед правую, несущую стопроцентный состряс любой башке, и хлестко пробиваю в открытую печень. Варяг сдавленно охает, сгибается, но не падает, нокаут откладывается до следующего удара, который я незамедлительно наношу сбоку в челюсть. Вот теперь — победа, оглушенный варяг на коленях и продолжать биться явно не в состоянии. Я помогаю ему подняться, хлопаю по плечу, извиняясь за нанесенные побои. Он через боль улыбается и отходит в сторонку.

В стане победителей в одиночестве я нахожусь недолго, очень скоро ко мне присоединяются девять человек из стартовой двадцатки. Среди них Праст и старый знакомец Дудила. Над лугом и рекой несется оглушительный рев сотен плоток, свист как на футбольном стадионе. Подбадривают, смеются, выкрикивают советы, тонушие в общем шуме. Я как и все наблюдаю за тем как самозабвенно лупцуются дружинники, проявляя уже привычное мне отсутствие устойчивой школы. Для меня становится настоящим сюрпризом выход на арену самого Рогволда. Князь играючи, в неплохом стиле разбирается с Шипом — бойцом из дружины Змеебоя. Шип сам виноват, кинулся вперед как бык на красную тряпку, за что был пойман в захват хитрым Рогволдом, оторван от земли и припечатан лопатками о зеленый луг с такой силой, что минут пять еще не мог подняться.

Через некоторое время определяются победители всех пар, среди прочих в их число ожидаемо попадают Змеебой, Вендар и все мои парни, включая Невула. Это ли не повод для тренерской гордости за своих учеников? Очень даже повод. Вот я и радуюсь про себя, чтоб братва не зазналась...

Князь снова делит соискателей приза на две части. Я опять в первых рядах, на сей раз против узкокостного гридня по прозвищу Щепка. Не видел кого он победил в предыдущем раунде, может быть такого же тощего бедолагу, но хлопот Щепка мне доставляет немногим больше, ибо гибок и подвижен аки индийский зверь мангуст. Он очень активно не желает попадать под разящий удар, умело держит дистанцию, дергает руками, пытаюсь сбить меня с толку. Поначалу меня занимает подобное ведение боя, я все жду когда же Щепка начнет предпринимать атакующие действия, но так и не дожидаюсь. Легко рву дистанцию,

пресекаю судорожные потуги попасть в меня серией уклонов и сшибаю его с ног сочным апперкотом. Щепка не отлетает от меня безжизненным кулем как любят показывать киношники, а "осыпается" неровной кучкой там же где стоял. Лежит он ровно то время, за которое я покидаю ристалище. В реальном бою таких уснувших просто добивают...

Шест и Ясень свои вторые поединки проигрывают матерым воякам из числа отборной княжеской гриди. Невул тоже. Ряды моих орлов окончательно редуют после четвертого раунда, когда в упорной борьбе выбывают Воля и Жила. Из Сологубовских держится пока только Фенд, крепкий паренек варяжских кровей да сам Сологуб.

Больших проблем с противниками я не испытываю, что еще раз доказывает преимущество советско-российской школы бокса над манерой древнерусских воинов вести рукопашный бой. Манера, кстати, у всех разная. Меня пытались вязать захватами, бить руками, лягать ногами, бодать, валить с разбегу, в ход шли самые грязные уловки уличной драки. Как то не горел я желанием кататься в мокрой от росы траве даже случайно поскользнувшись, поэтому отнесся к делу со всей возможной серьезностью. Естественно, с топором или мечом в руках я бы так далеко по турнирной сетке не продвинулся. Не хочу утверждать, что имеющихся навыков рукопашки гридням не хватит, чтобы проучить какого-нибудь наглеца или выяснить кто круче между собой. Хватит вполне, мало-мальски драться без оружия умеют все, а члены княжьей или боярской дружине уметь начистить харю другому мужику просто обязаны. Но нынче не тот случай. Когда на обе ноги хромает защита, одного желания победить тактически грамотного и физически подготовленного кандидата в мастера по боксу слишком мало. За сим, каждый получает от меня требуемое для поражения количество ударов и разочарованно отваливает за грань света костров к прочим побежденным.

В пятом раунде, разбираясь с Норком Хорьком, я отмечаю увеличившийся общий шум над клубящейся низким туманом Полотой. Похоже, братве нравится мой изящный и зрелищный стиль избавляться от соперников. Особо красивые финты, уклоны и удары вызывают взрывы одобрения, причем орут не только "обитатели" лодейного двора, а, практически, вся сводная полоцкая дружина. Громче болеют лишь за Рогволда с Ингорем и за воеводу Змеебоя.

Наконец, на стадии четвертьфиналов остается горстка участников. Помятых, потных и слегка подуставших. Кулаки и локти сбиты, лица в синяках и ссадинах, голые торсы в бурых пятнах засохшей бычьей крови и свежих алых потеках, преимущественно, чужой руды. Возможности всех семерых мне примерно известны. Со Змеебоем и Вендаром все понятно это искушенные бойцы на любом оружии и без оногo, а Вран с Морозом могут благодарить старину Сильвестра за то, что до сих в строю. Князьему роду побеждать положено по определению, иначе какие они князья? Так, что Рогволд с Ингорем тоже в восьмерке как и знакомый мне Дудила.

Мне по барабану с кем драться, но путем нехитрого жребия в очередные соперники достается лучший кулачный боец воеводы Змеебоя. Дружина заволновалась в предвкушении интересного зрелища, все, кто сидел у костров отдыхая, занимают стоячие места в зрительском кольце, задние напирают на передних, заставляют делать лишние шаги, сужать круг ристалища.

Рогволд коротко рявкает и кольцо снова расширяется, запуская внутрь поединщиков.

— Биться не буду, — заявляет Дудила, как только мы сближаемся с ним на лугу.

— Не понял, — удивляюсь от всего сердца. — Почему, Дудила?

— Не могу, — честно признается заслуженный драчун.

Вот так номер! Неужели испугался? Не похоже... Скорее всего досталось ему в предыдущих боях неслабо. В частности от Ясеня и Фенда. Заплывшая левая часть лица с напроочь закрытым глазом тому яркое подтверждение и правая кисть посинела, похоже, пальцы выбиты.

— С кем другим, но не с тобой... и князем.

Не поврежденный глаз Дудилы не мигая нацеливается мне в переносицу. Я не помню, чтоб до него кто-то отказывался от поединка. Было дело выходили уже по ходу боя, высоко поднимая руки в знак капитуляции или просто поворачивались спиной к противнику.

— Что там? — нетерпеливо орет Рогволд. — Почему не начинаете?

Мой не состоявшийся спарринг-партнер разворачивается и угрюмо бредет в сторону реки.

— Я отдаю победу Стяру, — на ходу бросает Дудила и проталкивается сквозь круг факельщиков к реке.

Что характерно, осуждающего свиста или еще какого негатива со стороны зрителей не слышно. Народ собрался исключительно с понятием. Стою в одиночестве перед сотнями глаз, жду, вдруг Рогволд пожелает выставить против меня замену. Князь качает головой, говорит, раз Дудила сам отдал мне победу — быть тому. Пожав плечами, освобождаю место Змеебою и Ингорю. Воодушевленный победами коренастый княжич под оглушительный рев гриди с ходу ввязывается в открытый размен с воеводой. Ему даже удается разок здорово пошатнуть более тяжелого и рослого противника, но довести дело до нокаута не получается. Змеебой добить себя не позволяет, быстро приходит в себя и обрушивается на Рогволдова отпрыска как камнепад на зазевавшегося альпиниста. С минуту Ингорь беспорядочно отбивается, стремительно расходуя оставшуюся энергию. Кое какой удар я ему поставил, а вот защиту не успел, вернее, упрямый княжич сам не пожелал учиться правильной защите. Натиск воеводы страшен, каждый удар его кулаков подобен удару тяжелой палицы. Ингорь не помышляет о контратаке, старается прикрыть руками голову, выставив вперед локти, шатается под ударами и... не падает. Вот так чудеса! Впитать столько оплеух и не свалиться! Я бы на его месте давно выбросил полотенце для остановки боя за явным преимуществом соперника. Здоровье дороже.

Чтобы наконец уронить оппонента Змеебою приходится ухватить Ингоря за пояс и сбить с ног простой подсечкой. Обмякшего княжича уводят под руки не принимающие участия в соревновании Ольдар и Голец.

Вендар с Морозом возятся минут десять. Все эти десять минут Мороз никак не может толком приложиться, а попросту говоря — попасть в сотника, чтобы вбить в него хотя бы нокдаун. С защитой у Вендара все в порядке. Видимо это природное, некоторым всей спортивной жизни не хватает усвоить технику уклонов, нырков и подсадок. Этот варяг, определенно, самородок, его бы в бокс, да чемпиона слепить...

Ударная техника у Вендара значительно слабее, но и ее хватает, чтобы доставить Морозу неприятности.

— Закручивай! Мороз! Влево! — ору я, срывая голос. — Влево уходи! Двойка в голову!

Бесполезно. Кулаки Мороза прилетают либо в пустоту, либо в грамотно выставленный блок. Молодой психует и на этой волне совершает отчаянный и мощный выпад ногой в попытке совершить убийственный пинок в нижнюю часть Вендарова туловища а-ля японский мая-гери. Естественно не попадает, так как удар выполнен безобразно

неправильно. Мороз теряет устойчивость, проваливается вперед, низко припадает коленом в густую траву и тут же получает страшный кик сбоку в голову. С расстояния в десять метров мне слышится недвусмысленный треск шейных позвонков, либо височной кости...

Не знаю какая сила удерживает меня от спринтерского рывка в эпицентр событий. Вендар с опущенными по швам руками стоит у поверженного им соперника, гудящее сборище на секунду умолкает, чтобы взорваться одобрительными возгласами, завидев шевеление в луговой траве. Мороз яростно трясет головой как пес, которому в ухо заполз муравей, затем принимает протянутую сотником руку и рывком оказывается на ногах. Я облегченно выдыхаю придерванный в легких воздух. Крепкая башка у моего корешка, отделался легкой контузией, а мог бы и в ящик сыграть, добавь Вендар в свой удар толику злости.

В следующей паре Рогволд разделяет под орех Врана. Я даже представить не мог, что князь умеет так ловко двигаться, стремительно и резко менять направление, ловить на финты и пускать неплохие удары опытного дружинника вскользь и мимо своей плотно сбитой, густо татуированной тушки. И без того красное лицо Врана делается багровым от натуги, нос и губы разбиты вздыг, кровавая слюна жидкой смолой склеила бороду. Очередной выпад гридня князь встречает коленом в солнечное сплетение и добавкой локтем между лопаток.

Дружина на победу главнокомандующего реагирует оглушительным собачьим лаем и дружным топотом ног. Врану требуется три минуты на восстановление дыхания. Князь широко раскидывает руки, приглашая проигравшего к дружескому объятию. Облапившись с Рогволдом, Вран довольно скалится, слизывая кровь с разбитых губ. Князь тоже лыбится, такой соперник ему по нраву.

Давно стемнело. Поднимается довольно ощутимый ветерок, превращающий ползущий с Полоты туман в пенные ошметки. Звезды затягивает огромной тучей словно гигантской шпорой, воздух свежеет и уплотняется. Если б меня спросили, то я бы предположил, что надвигается гроза...

Снова тянем жребий и делимся на полуфинальные пары. Я со Змеебоем, князь против Вендара. Народ просто в экстазе. Какие там бег и метание копий, вот настоящее действо! Лучшие бойцы княжества схлестнутся в поединках за дар, что через князя вручит сам Перун!

Удивительно, но Рогволд ни в чем не уступает своему сотнику, которого я считал на голову выше всех, кроме себя, естественно. Оба высоко держат руки, маневрируют, дергают один другого ложными выпадами и лупят от души, уловив любую возможность для пробива в брешь обороны. Счет по результативным ударом пока равный, но, чувствуется, Вендар начинает потихоньку сдавать. У князя поистине звериная сила и дыхалка будьте-нате, не даром родовой тотем у него — дикий бык тур. Сбить Рогволда с ног просто нереально. Один мой знакомый хоккеист утверждал типа вне льда никогда не падает, настолько здорово развиты координация и умение держаться на двух точках в любых условиях. Но Рогволд в жизни коньков не надевал, не видел даже, а равновесие держит просто великолепно. Поступь его пружинисто-легка и одновременно тверда. Сдается мне все это дело оттого, что на мечях, как говорят, князю в Полоцке равных нет, в бою предпочитает щиту еще один клинок и в отличии от меня бьет с двух рук одинаково виртуозно.

Все медленнее двигается сотник, а Рогволд, чуя близкую победу, ускоряет темп своих атак. Вендар пытается отвечать, удары его делаются более размашистыми и слабыми. Наконец после очередного усталого замаха "из за уха" правый удар сотника приходится

внутренней частью предплечья на подставленный Рогволдом локоть. Вендар бросает ушибленную руку вниз и вскрикивает от резкой боли.

— Твоя взяла, княже, — произносит Вендар, прекрасно понимая что сулил ему не донесенный Рогволдом удар в голову.

Рогволд одобрительно треплет сотника за потную шею.

— Этот варяг — славный воин! — кричит Рогволд и широким жестом приглашает дружину поприветствовать сотника. Гридь отзывается одобрительным гулом.

Под этот гул я выхожу в круг против Буруна по прозвищу Змеебой. От него же я пропускаю первый ощутимый удар в голову — не успеваю закрыться и ловлюсь на противоходе. Рев толпы возноситься к чернеющим небесам, срываясь в дикое крещендо. Воевода прилежный ученик и хорошо заучивает уроки. Яростное желание поставить меня на место и отыграться за позор на праздник Коляды пляшет чертями в прищуренных глазах. Меня он мощнее и выше, физический перевес остается за ним, но не тактический. Должок я возвращаю идентичным ударом в крепкую как рельс челюсть. Змеебой сотрясает. А ты как думал? Тот проигрыш был совсем не случаен, приятель, и сейчас я тебе это докажу.

Переждав в глухой обороне свирепый натиск пошедшего ва-банк воеводы, я взрываюсь серией в корпус, резко ухожу вправо, засаживаю крюка по ребрам, ныряю под руку, левой в солнечное, правой — снова по ребрам. Выныриваю уже за спиной потрясенного скоростью моих перемещений Буруна. Лупить по затылку не хочу во избежание серьезных травм, жду пока развернется. А вот и подбородок! Прямой правый летит как метеор. Бурун встречается с моим кулаком на встречном движении. Я принимаю в сторонку и не мешаю тяжелому телу воеводы упасть лицом в утопанную до состояния силоса травку.

Правый кулак болит уже не по-детски! Кожа с костяшек стесана напрочь. С Рогволдом драться придется в половину возможностей, окончательно увечить руку не имею никакой охоты.

— Ну, Стяр! — кричит мне Рогволд. — Одни мы с тобой остались!

Я и сам вижу, что — одни. И дружина видит, сотни душ затаили дыхание как одна.

— Передохнешь или как?

Каверзный вопрос Рогволда порождает смешки среди гриди. Я включаюсь в игру.

— Я с твоим воеводой уже отдохнул, княже, можешь выходить, я готов!

Едкому словцу все возрасты покорны, накал страстей выходит на пик. Несутся крики в поддержку меня и Рогволда. Чисто теоретически мне любопытно на кого из нас двоих чаще ставят увлеченные представлением дружинники. Я пропускал один раунд, но только что из боя и буду беречь руку, так что, думается, ставки не в мою пользу...

Поигрывая мускулатурой, Рогволд выходит на арену под громкий лай своей лютой стаи. По спине с бешеной скоростью бегут мурашки, меня пронимает до самых костей. Набыченный князь сейчас мне сильнее обычного напоминает моего родного тренера Захарыча. Этот хрен кому уступит. Я часто смаргиваю, дабы прогнать наваждение и начинаю круговерть...

...Мы лежим параллельно как два срубленных ствола. Кто первым упал я не помню. В башке колотится метроном пульса, вставать не хочется. Краем зрения вижу неподвижно вытаращенный на меня глаз князя Рогволда. Зарево костра тускло отражается в пожелтевшем белке. Убил я его что-ли? Вполне возможно, сил я не жалел, бил в полную мощь кулаком, коленями, головой... Князь не отставал, превратил мой шнобель в сливу, ухо левое ломит словно по нему кувалдой заехали...

Трепещут ресницы — живой, значит, князюшка, это есть хорошо. Не убится, значит, родимый.

Не только живой, но и встать пытается, кажись...

Собираю в комок оставшуюся силушку заодно с волюшкой и поднимаюсь одновременно с Рогволдом сначала на колени, а затем в прямоходящее положение. Стоим как два бомжа после ментовской облавы — хари вдрызг, ноги подкашиваются, с ног до головы в черной, жирной земле с вкраплениями зеленых травинок. Глаза пьяные, но довольные...

Только мы укрепляемся на ходулях — в небе раздается оглушительный треск (от неожиданности я чуть снова не падаю), длинная молния откуда-то из космоса чертит зигзаги прямо в речку Полоту. Спустя несколько секунд на землю рушится тяжелый ливень.

— Перун! Перун! Перун! — перекрывая голос грома несется со всех сторон. Беснуется дружина. — Рогволд! Стяр! Слава!

Меня охватывает суеверная дрожь. Чудится мне огромный бог воинов с грозным лицом усатого деревянного истукана что сыплет из поднебесья жгучими молниями и скалит огромный как пещера рот.

Начинается отходняк от поединка, я стучу зубами как механическая молотилка. Дождик хлещет плетями, смывая с тела кровь и грязь, а мы с Рогволдом продолжает стоять глаза в глаза. Что ж, финал достойный эпической экранизации — разом упали, разом поднялись... Мне такая победа не нужна.

— Ты победил, княже Рогволд, — говорю, чтобы покончить с дуэлью взглядов и поспешить чем-нибудь накрыться.

— Смотри как радуется Перун Молниерукий! — кричит князь весело вскидывая руки навстречу ливню. — Это был Его день! Мы оба ему нравимся! Мы оба победили, десятник но награду я тебе не отдам!

— Пусть так и будет, — говорю, ибо так, наверное, будет честнее.

Потом я часто гадал как и почему князь Рогволд не проиграл мне схватку. Анализировал, думал, но внятного ответа у меня не находилось. Если я стану копировать каждое движение чемпиона по айкидо, таким же чемпионом я не стану, не получится у меня. А у Рогволда получилось... Мистика какая-то! Хорошо все таки, когда тебя "крышует" сам Перун, а ты его верный слугитель.

Мы обнимаемся с Рогволдом по-мужски крепко. Вот это я понимаю — праздник! День Перуна... Кто б мне сказал при каких страшных обстоятельствах я буду отмечать его через пару лет.

Глава четырнадцатая

К моему большому удовлетворению исполнительный Рык справился с поручением на пять баллов: доставил из Вирова Кокована и Младину в лучшем виде. Привел обоих под вечер в корчму, где я принимал у мальчишки растирателя соли проделанную работу. Старый хрыч, правда, явился без гуслей. Не хотел, видишь ли, покидать свою берлогу и перебираться в Полоцк. Рыку пришлось наобещать ему с три короба плюшек, подпоить слегка, музыкант расслабился и на радостях оставил где-то инструмент, растяпа!

Из поклажи один на двоих плетеный заплечный короб, старик в потасканной льняном рубище и рваных под коленками портах, ладную фигурку Младины охватывает длинная, новехонькая, красного цвета рубаха с опояской. Я с удивлением разглядывал округлившееся формы Младины и понимал, что нравится она мне все больше и больше. Хозяйские харчи пошли девчужке явно на пользу. Здесь вообще худышки не в цене, тощая, значит — больная, бабы и девки все поголовно "в теле". Степень полноты бывшей боярской чернавки меня вполне устраивает, как раз посередине между селедкой и пышкой...

На шею мне не кинулась, стоит с опущенными руками, глаза свои синие распахнула, глядит недоверчиво, с ожиданием.

— Здравствуй, Младина, — говорю с неожиданной дрожью в голосе. — Вот, как и обещал, позвал тебя к себе. Не рада, гляжу?

— Будь и ты здоров, Стяр, — отвечает степенно и, глубоко согнувшись, достает пальцами утоптаный пол корчмы.

— Эй, давай завязывай поклоны бить, — говорю. — Я тебе не князь!

— Боярыня Любослава велела тебе кланяться.

— М-м-м... понятно. Как она там? Легко отпустила?

— В полном здравии, терем почти закончили, скоро переселится от Бадая. Отпускала без охоты, но за меня порадовалась.

— Ну и ладненько, — говорю, проглатывая намек. С задержкой начинаю соображать куда ее пристроить. Девке отдельная жилплощадь нужна, а места для ночлега в корчме маловато, не селить же ее в одной камерке с Кокованом или Лбом... Придется разместить соратницу в своей комнатенке через стенку от мужиков, сам притулюсь где-нибудь, а завтра порешаю как быть дальше. Мне еще предстоит втолковать девчонке, что не баклуши бить позвал, а работать на общее благо, не то снова нафантазирует себе романтики.

Через несколько дней после своей добровольной отставки Дикань познакомил меня с основными поставщиками продовольствия для корчмы. Это только на первый взгляд кажется, что добыть припасов для готовки в древнем мире проще пареной репы. Та же репа — сезонный продукт, как и многое другое, произрастающее в теплое время года на огородах и не терпящее длительного хранения. Кое-какую зеленку сушат для приправы к блюдам, этим же способом заготавливают на зиму ягоды, грибы, яблоки со сливами. Ежедневно и в большом количестве на кухне требуется мука, крупы, свежее мясо, рыба, птица, молоко, масло, яйца, обычный и хмельной мед, квасы и сбитни. Вся эта красота под ногами не валяется и требует закупки, следовательно, нужны значительные вложения. Осознанию этого удручающего факта подсобила Роса, показавшая мне на три четверти пустые кладовые корчмы. На этих остатках мы сумеем продержаться максимум неделю и то на постном меню. Подобный расклад совсем не в тему, но поправлять положение нечем: большая часть

взятых у Диканя средств ушла в уплату мастерам на изготовление мебели, остальное извела Роса на покупку самого необходимого. Надеюсь чертову варягу в его мрачном аду сейчас несладко...

Здорово бы сейчас пригодился Голец с его врожденными интендантскими способностями, но дергать его не хочу, своей службы парню хватает, он и так здорово выручил, где-то раздобыв потертые гусли для Кокована.

Серое вещество в моем калгане оказалось не таким уж и серым, чтобы решить возникшую проблему. С помощью красноречия вперемешку с щедрыми посулами мне удалось уломать прикормленных Диканем торговцев на отсрочку и вытребовать с провинившегося барыги положенную телегу с продовольствием. Таким нехитрым образом кладовка и сусеки корчмы за пару дней забились под завязку и даже сверх того: мешки, корзины и бочки стоят в проходе вдоль стен, затрудняя передвижение.

На тюки с мукой я накидал толстый слой соломы и скоротал в корявом неудобстве пробную ночку. Поступок благородный, но не умный и уж точно не полезный моему органону, щепотку муки можно легко сдуть со стола, а слежалая в мешке она не мягче асфальта. Итогом затекшие конечности и отмятые ребра от Перунова дня еще не отболевшие. Однако выселять из второй каморки старого лабуха и ушастого рядового не решился, ибо нечего было словами бросаться, обещать людям приличное жилье. Половину следующей ночи я промучился в трапезном зале, лежа как покойник прямо на столе, повышенную жесткость этого ложа не смогла нивелировать толстая лосиная шкура с соломенной подложкой. Вместо сна голову наполнили бессвязные, обрывочные видения, из глубин подсознания в хаотичном порядке всплывали образы матери, бати, майора Гранита, Миши Рваного, Младины...

Да кого я обманываю?! Себя болезного главным образом. Недомолвки все эти, глаза ищущие да печальные... Ожидала другого, это понятно, но я жениться не обещал, как сейчас помню...и взгляды мои с тех пор не поменялись. Жалко девку, хорошая она... Что я тряпка безвольная, с бабой объясниться не могу? Нет, не тряпка, пацан я. Решительный и дерзкий... Вскакиваю со столешницы, едва не скovyрнувшись с непривычной для лежбища высоты. Хорош над собой издеваться, пойду и лягу на свое законное место. Если разбуду ненароком прямо сейчас все и растолкую... перемучается... доля бабья такая — мучиться. Где это гребаное покрывало?

Со шмотками в охапке, в одних легких подштанниках стараюсь без шума пробраться между лавок и столов к угловой каморке без единого окошка. Получается отменно, ни один вор так не сможет. Лапы у меня что надо, как у тигра сильные и мягкие. Хищный кот да и только...

Мое остывшее с позавчера ложе принимает тело точно пенная, прохладная ванна. До чего же хорошо оказаться в своей постели. Не шелка настиранные, вкусно пахнущие подомной и не перины пухлые, да и не номер это в "Хилтоне", а лачуга средневековая, но все же намного лучше большинства случайных мест, где мне за последний год приходилось ночевать. И сон, словно почуяв, что может брать меня размякшего и счастливого со всеми потрохами, накинулся как коршун на цыпленка, впился когтям и потащил в черное, глубокое гнездо, чтобы растрепать там на сотню мелких кусочков...

Осторожное прикосновение к заросшей щеке толкает мою руку вниз за оставленным возле топчана мечом. В кромешной тьме ладонь натывается на гладь чужой обнаженной ноги. Сердце мощными пинками расталкивает кровушку по венам. Пальцы скользят вверх по

голому бедру, на мою раскрытую грудь щекотно падает копна душистых волос. В другой раз подорвался бы, но сейчас я точно знаю кто это и что-то ей рассказывать нет ни малейшего желания...

Когда мы вернулись в сознание и мне удалось собрать себя по частям как замысловатую мозаичную картинку, я сразу же мысленно обзываю себя идиотом. Два раза. Первый за то, что почти год назад отказался от теплой, мягкой, жарко дышащей рядом юной богини, второй — за предательство сотворенное с ней сейчас. Жестоко раскаявшись во всех грехах, принимаюсь искать губами ее жадный, влажный рот. Трижды идиот...

Проснулся я в одиночестве и на полнейшем расслабоне, давненько мне не было так кайфово. Из щели от неплотно притворенной двери пробивается серое нутро корчмы, оттуда же приплывает запах жареного мяса. Рассвело и, похоже, давно. Черт, без часов как без рук! Вроде и привык уже, а все равно иногда жутко хочется узнать точное время. С досадой стряхиваю негу — проспал! Изрыгнув нецензурное проклятие, трачу несколько минут на поиски нательных портков. Полностью одетый выхожу из логова, так внезапно сделавшегося местом любовных утех. Снова нахлынувшее чувство вины окончательно портит настроение.

— Почему не разбудили? — сердито набрасываюсь на подошедшего Рыка.

— Хозяйка не велела, — говорит и скалится как цирковая лошадь на представлении.

— Какая хозяйка, чего ты несешь?

— Младина твоя, какая еще?

Захлопнув раззявленную в изумлении пасть, нахожу в себе силы ухмыльнуться. Девка-то совсем не промах, молодец чернавка, своего добилась, сама к мужику в постель не постеснялась, с такой ушки на макушке, видать и совладелецей себя уже объявила...

Я бы не был настолько удивлен, кабы не знал некоторые особенности поведения здешнего женского пола, по крайней мере незамужней его части. Слышал я как вольно ведут себя с работными девками знатные люди: бояре, купцы и прочие, а те и рады стараться, половина Полоцка незаконнорожденных. В порядке вещей это. Тем более меня поразил тот факт, что стал для Младины первым мужчиной. Мало что ли у нее было подходящих случаев понравиться хозяину? При Головаче с его сыновьями жила, потом у Бадая... Именно поэтому не мог скрыть раздражения.

— Она сама назвала себя хозяйкой?

— Не-ет, — осторожно тянет Рык, чувствуя, что не по делу вытянул язык.

— Тогда завали хлебало и займись столами! Сегодня будем пировать.

А чего откладывать? Все готово к давно намеченному торжеству, да и Дрозд просил не тянуть. Дело за малым — пригласить на попойку всю верхушку и актив Полоцка во главе с князем. Устраивать пиры не возбраняется никому, если, конечно, гроши в мошне звенят, но я намеревался зазвать немного оттянуться всю знакомую гридь, бояр и купцов, но хрен его Рогволда знает — вдруг приревнует и обидится... Тем паче присутствие на банкете по случаю открытия высшего руководства уж точно не навредит репутации заведения.

Заходить на поварню не стал, чтоб не наговорить лишнего коварной соблазнительнице и не мешать ей с Росой стряпать на большую ораву. После разберусь... Отдаю уточняющие распоряжения Лбу с Рыком и спешу на лодейный двор служить княжью службу.

На верфях ворота настезь, людно как на ярмарке. Гридь перемешана с мастеровыми, много незнакомых, но лица у всех мирные, радостные даже. В страстном желании узнать причину колыхания масс, прохожу ближе к кораблям. Они хоть и недостроенные, но уже красивые. С самого момента закладки лодий я полюбил наблюдать как Глыба со своими

парнями из десятков заготовок словно из деталей конструктора собирает корабли, способные преодолевать морские просторы. Обходились как-то без чертежей, без гвоздей и скоб, работали одними топорами...

Возле первого стапеля вальяжно уперев руки в бока стоит князь Рогволд, подле него Минай, Змеебой и несколько незнакомцев. Глыба отдает команду на время прекратить работу, что-то объясняет гостям.

Высокая комиссия... Мне там не место, для обзорной экскурсии хватит Ольдара с Сологубом.

— Мы уж думали ты не появишься, — лениво роняет Мороз, опираясь плечом на него, безответного Сильвестра.

— Кто это с князем?

— Ночью из Турова прибыл брат Рогволда. Пожелал осмотреть лодии, — поясняет Жила.

Вовремя я. Лучшего случая невозможно представить.

Князь Тур это вон тот черноволосый, плотный малый с кудрявой бородой. Плечами пошире Рогволда, зато на полголовы ниже. Среди сопровождающих туровского гостя замечаю осанистую, плечистую фигуру с распущенной гривой седых волос. Седовласу лет шестьдесят или больше, лицо у него широкое и плоское как медное блюдо для жареного гуся, а сочетание белой шевелюры и желтых, круглых глаз делает облик бывалого служаки схожим с полярной совой. Нос вот только подкачал — не крючковатый и клювоподобный, а прямой и длинный как у породистого грека. Жидкая, белесая борода клином сходится к пупку. К широкому поясу приторочены сразу два топора и длинный нож. Воевода, наверное, какой-нибудь или боярин...

Рогволд приглашает всех следовать за Ольдаром и обойти каждый корабль. У Миная по правую руку рослый громила нетипичной наружности. Продолговатый череп ошкурен до блеска, с голого затылка ниже плеч свисает туго переплетенная черными лентами русая коса, в бороде сразу две косицы. Штаны и безрукавка из кожи, загорелый бицепс как два моих... Должно быть это и есть Старлуг, цепной пес боярина Миная...

— Измельчал нынче урман.

К моему дикому удивлению эти слова с нотками разочарования в скрипучем голосе изрек похожий на сову спутник князя Тура. Разглядывая Минаева наемника, я упустил седого из виду, а он уже в метре от меня...

— С чего ты взял? — с интересом вступаю в диалог. — Гляди какие у него руки, корабельный канат порвет, не вспотеет.

— В прежние времена лицо этого херсира покрывала бы сплошная вязь оберегов, а у Старлугссона кожа чистая как у девицы.

— Хм, и о чем это нам говорит?

Старик кривит бледные губы в неприязненной гримасе.

— Северные воины постепенно теряют веру в своих богов, поклоняются злату поболее Одина с Фрейром и Тором. Они готовы за плату служить любому хозяину, будь то наши князья или христианские владыки. Собственная мощна для них гораздо важнее благосклонности исконных богов. Урманы давно уже не те, как и даны...

Окидываю взглядом прикид деда и прихожу к выводу, что уж у него-то с оберегами все в полном порядке, даже порты исшиты узорами.

— Ты ведь из Турова?

— Я — Велг. Присматриваю за своим князем.

— Издалека присматриваешь?

— В этом деле мне глаза не нужны, — говорит и зажмуривает желтые омуты, показывая как именно он "видит".

М-да-а... любопытный старикашка...

— Не любишь христиан, значит?

— Не люблю, — отвечает, испуганно разлепив веки, будто его разбудили. — Но здесь их нет, а вот в Царьграде полным-полно. Там, скажу я тебе, христианин на христианке лежит, новых христиан мастерят денно и нощно... Но ничего, наши боги еще себя покажут. Думается мне, придет заморской вере скоро конец, разгневается Перун, обрушит на всех поклонников мертвого бога по небесной стреле, когда молиться некому станет, то и вера сгинет... Год остался, может два...

Не стал я старика на этот счет жестоко разочаровывать, а спросил доводилось ли ему бывать в Царьграде?

— За малым не дошел, — говорит, оглаживая блеклую бороду узловатыми пальцами.

— Один шел?

— Почему — один? С войском Великого князя Игоря.

Ух ты, оказывается батя Святослава хаживал лупить ромеев! Силен...

— И почему же не дошло до Царьграда войско князя Игоря?

— Сгорело.

— Целое войско?

— Да, почти целое. Из всех лодий вернулась едва ли четвертая часть. Я часто вспоминаю тот день и хотя случилось это довольно давно, помню все в мельчайших подробностях.

— Расскажешь? — спрашиваю, подступая ближе, но вижу в глазах сильное нежелание. — Расскажи, Велг, я ведь все равно не отстану.

Кашлянув в ладонь, Велг медленно кивает.

— Князь Игорь собрал огромное войско. Из устья Днепра вышло почти две сотни лодий набитых воинами как шишки семечками. Помимо киевлян с нами шли черниговцы, смоляне, изборцы, уличи, древляне и новгородцы. Остерегаясь штормов, двигались вдоль побережья пока из душного марева не появились каменные башни и крепостные зубцы главного ромейского гнезда. Было нестерпимо жарко, спокойное море под лучами солнца казалось густым и тяжелым как масло. Лодии на веслах втянулись в бухту, воины надели брони и приготовились к высадке. От берега нам навстречу двинулись лодки ромеев. Быстрые, помельче княжеских, с малым количеством людей на борту. Те из варягов, кому уже приходилось драться на воде потирали руки в ожидании легкой победы. Ударили веслами, ускорили ход, полетели на ромеев в сшибку. В бой они не вступили, кидая редкие стрелы, спрятались за шестерку больших, неповоротливых кораблей. У этих здоровых на носу находилось что-то наподобие рогов из которых даны и урманы пьют свой жидкий эль, только намного толще и длиннее. Стали они с нами сближаться, а сблизившись, далеко выплевывать из своих рогов жидкое пламя, которое невозможно потушить. В тесноте строя загорелось сразу несколько десятков лодий, страшно кричали объятые огнем люди, ища спасения прыгали в полыхающую воду да там и пропадали. Даже вода в тот день горела!

— Как же тебе удалось уцелеть?

— Когда князь Игорь велел уходить в море, оставалось едва ли четвертая часть лодий.

Ромеи долго преследовали нас на своих быстрых лодках, на ходу осыпали стрелами и камнями. Парус болтается тряпкой, весла от натуги того гляди переломятся... Я в жизни так не греб, готов был жилы порвать только бы больше не встречаться со страшными огнеплюющими ромейскими лодками...

Велг на выдохе замолкает, мне же лезет на ум мысль о том каким невезучим парнем был приснопамятный князь. То хитрые греки его полководческие потуги передовыми технологиями напрочь задавят, то обидчивые древляне напополам разорвут...

— Скажи, Велг, зачем Великий князь пошел на Царьград?

— А зачем ходят? Взять на копье, забрать добычу товаром и золотом и наложить ежегодную дань.

Ясно, грабить отправился, ничего нового.

— Думаешь, могло получиться?

— У Олега Вещего получилось. Давно.

Вот тебе и ромеи. От Олега огребли и к следующему нападению неплохо подготовились. Сразу видно — цивилизация. Каменные крепости, готовый прообраз огнемета... Обладание подобным оружием ставит военную тактику на недостижимый уровень. Не удивлюсь, если и сам прибор и технология изготовления "неугасимого пламени" строго засекречены. И это, в общем-то, правильно. В моем времени "ядерные" страны тоже не горят желанием поделиться супероружием с многочисленными африканскими племенами. Себе дороже...

Скорлупа секретности иностранного изобретения мне на один зуб. Что там может быть секретного? Сильногорючую жидкость я знаю только одну. Ясно, что нефть у ромеев не чистая, видимо, какая-то смесь навроде напалма. В составе смеси кроме нефти обязательно должно быть масло для поднятия градуса и увеличения длительности горения. Пропорции легко подбираются опытным путем. Что еще? Сера? Селитра? Не знаю. Может быть. А может и не быть... Чем "плевать"? Нужен какой-то насос, чтобы создать выталкивающее давление. Окованный, хорошо просмоленный бочонок, клапан из куска плотной кожи, поршень... Можно еще попробовать кузнечные меха... Подающую трубу склеить из бересты или кожи... с кузнецом побазарить на предмет выковать подобие раструба...

— Эй, десятник!

Окрик Рогволда выпнул из головы все конструктивные мысли. Занятый обдумыванием рассказа я не заметил как высочайшая комиссия, завершив полный круг по лодейному двору, собралась на выход.

— Слышал ты устраиваешь пир...

— Верно, княже, устраиваю! Вот хотел спросить не изволишь ли ты с братом, гостями и боярами на нем присутствовать?

— Еще как изволю, десятник! Пир нам сейчас очень даже кстати!

Наставшим вечером я мог не постеснявшись предположить, что закопченные стены этой несчастной корчмы за все время своего существования не вмещали такое количество посетителей. За шестью длинными столами внутри заведения расселось по двадцать пять-тридцать человек и два дополнительных стола установили снаружи слева от входа. Парень я компанейский, бывал на свадьбах и юбилеях неоднократно, да и Фрол с Конем любили собирать братву для совместной попойки, но даже мне становится чуточку не по себе от наплыва желающих попить. Приглашая только кого знаю лично, на прибытие князя Тура я никак не рассчитывал, да и Рогволд притащил с собой немало левых людишек. Потому и

появились на корчмовом подворье два дополнительных стола, а гридень Малай из Вендаровой сотни привел двух своих сестер старшего подросткового возраста в помощь Росе и Младине.

Младина порхает между столами будто ей крылья волшебные приделали, грациозно уворачивается от загребущих лап подвыпивших гридней, белозубая, озорная улыбка не сходит с лица. Много ли девке для счастья надо? Оказывается сущую малость. И пускай милый хмурится в ответ на ее прямые взгляды, все равно — хорошо...

Вот ведь шельма...

Гости за столами вразнобой. Змеебоевские сидят с княжкими да боярским, туровские с мастеровыми и купеческими и наоборот. Лишь за одним столом вдоль северной стены случайных нет, здесь пирует начальство... и я вместе с ними.

Ровно посерединке рядом с Рогволдом сидит его брат, слева от князя — верный Дрозд. За Дроздом Минай с херсиром Старлугссоном и четверо городских купцов из самых важных. С Туром сидят княжичи Ольдар и Ингорь, дальше — Велг и Змеебой. Я восседаю аккурат супротив полоцкого князя, а с боков у меня Вендар и Голец. Тут же Сологуб, старые бояре Прень и Тарш, у них по соседству трое урманов и несколько людей туровского владыки, правее заняли места Мороз, Жила и Праст. С двух противоположных торцов стола на стульях с высокими спинками устроились Невул с Враном, по моему наказу только едят, не пьют — секут за обстановкой в зале.

Все безоружны и скромно одеты, вероятно, чтобы не жалеть за попорченный гардероб по непредсказуемом окончании пира. Светлые, редяющие волосы князя зачесаны назад и блестят как набриолиненные.

На столах от обилия плошек, мисок, медных блюд, кубков и братин с хмельными напитками нет свободного места. Рогволдовы охотники незадолго до начала торжества принесли целую, неразделанную еще оленью тушу и связку битой птицы, из княжеских погребов доставили бочонок кислого ромейского вина. В полутьме корчмы, расцветенной отблесками жаркого пламени настенных факелов, все это богатство поглощается десятками мужских глоток. Чавканье и бульканье перемежается громкими выкриками, смехом, здравницами в честь князей, с грохотом сдвигаются кубки и чарки во славу богов, за процветание Полоцка и Турова. Из угла у входа доносится веселое треньканье гуслей Кокована...

Всю эту атмосферную красоту портит присутствие Миная. Не пустить, а уж тем более выгнать его я не в праве, боярина притащил с собой Рогволд, которому или невдомек или плевать на отравление моего личного комфорта.

Старый вировский черт стал еще более холеным, выглядит лучше самого князя. Кончики своих знаменитых усов заплел в косицы и на урманский манер продел в металлические гильзы. Только у норвегов они медные, а у Миная из золота да еще с висюльками хитрыми. Пьет и жрет как боров за троих, широко разевает в хохоте пасть, когда кто-то из князей или бояр грубовато сострит и делает проникновенную мину если речь заходит о чем-то важном.

Впрочем, о важном говорили крайне мало и редко, да и то не с самого начала, а пока не была выпита первая, пущенная вкруговую, десятилитровая братина. Болтали в основном о житье-бытье в Турове и Полоцке, пересказывали услышанное о делах в Киеве, Чернигове и Новгороде. Князь Тур не переставал восхищаться и нахваливать брата за чудесную идею построить корабли для ходьбы как по рекам, так и по морю, а его люди быстро нашли общий язык с нашей гридью, едва не лобзаются.

Я машинально закидываю в себя хавчик, но пью не много, ибо сам себе вменил в обязанности мониторить ситуевину в корчме. Как никак, находясь в ранге принимающей стороны, за жизнь, здоровье и сытость животов всех присутствующих отвечаю здесь я. Периодически, насколько хватает высоты роста в сидячем положении и гибкости шейных позвонков окидываю взглядом раскрасневшиеся лица пирующих. На Миная я мысленно махнул рукой — пусть сидит, не стоит портить никому праздник, да и Голец успел шепнуть мне, что скоро упитанный боярин набьет утробу и уползет в свою нору как сытый змей, еще никогда до конца не высиживал. Несколько раз подзывал к себе Младину с просьбами унести пустую тару или добавить съестного-хмельного на столы. Через час с небольшим под одобрительный гул с уличного вертела стали подносить дымящиеся куски жареной оленины и это радостное событие способствует новому витку чревоугодства.

Гладко все проходит, умеренно и в рамках соответствующих эпохе приличий. То ли присутствие чужого князя сказывается, то ли еще чего... Перебравших хмеля под руки не уводят, рожи от удалых оплеух не трещат, посуда об головы не бьется. Восьмое марта в бухгалтерии, не иначе... даже скучновато как-то...

Но, как выясняется, кручинился я зря. Настает момент, когда после громкой отрыжки Минай с треском бахает кулаком по столешнице, упирает в меня мутные, выпученные зенки и нарочито громко произносит:

— Эй, корчмарь! Подай-ка мне еще сбитня! И подсоленных сухарей принеси!

Рогволд с неподдельным интересом в изрядно тронутых стоялым медом глазах поворачивается к боярину.

— Ты ошибаешься, Минай, Стяр не корчмарь, он десятник моей гриди.

— А мне думается, раз держит корчму, значит корчмарь и есть. А раз корчмарь, стало быть должен мне, сидящему за столом в его корчме, обслуживать. Разве не так?

Лица сидящих обращаются ко мне в ожидании достойного ответа, но Рогволд, видимо решил впрямь за меня не на шутку.

— Стяр мой человек, боярин, и я сам знаю какую службу ему поручить. Прислуживать за столом тебе иль еще кому-то на этом пиру я его не просил, а сам он, как видишь, не желает.

Рогволд обводит притихший стол немигающим взглядом, выискивая несогласных.

— Кстати, брат мой, это тот самый гридень, что голыми руками валит противника и благодаря которому моя гридь одолела в кулачной стенке Змеебоеву свору. Да и про Перунов день я рассказывал тебе...

Тур на секунду прекращает жевать, одобрительно поджигает подбородок.

— Я помню, — говорит с набитым ртом. — Это он гонял тебя под дождем?

Рогволд дебилковато ухмыляется и утвердительно кивает. Честно говоря, достала уже эта притча об убивающем кулаками мне. Доведет однажды до беды...

— В том и дело, что голыми, — подтверждает мои опасения Минай. — Мне говорили, будто с оружием твой десятник не больно дружен. Боевой учебой пренебрегает, десяток свой распустил до безобразия, только и знают, что лупцевать мешок да в корчме лавки седалищем протирать.

Лицо Рогволда делается строже.

— Снова ты не прав, Минай, — говорит назидательно князь. — Я видел Стяра в бою и этого мне вполне достаточно, но гляжу ты еще не выговорился или предложить чего желаешь?

Я вдруг вспоминаю, что с прибытием партии гостей в которой был и Минай, в толчее перед пиром заметил толстозадую фигуру Неждана. Со спины заметил, потому и подумал — показалось... Сейчас ни за одним столом его нет. Если допустить, что бывший мой дружинник обретается при Минае, то непременно успел наболтать боярину всяких гадостей. Надо будет попросить Гольца, чтоб прошевелил этот вопрос.

— В общем бою, княже, даже углежог сражаться сумеет если в ополчение потянут, а это — гридень, десятник... вот и пусть покажет свою способность биться не только на кулаках.

— Уж не с тобой ли, боярин? — с усмешкой косится на выпирающий живот Миная близкий родственник Рогволда.

— Конечно не со мной, князь Тур. Я свою силушку растерял едва из отрока в мужа превратился, слаб здоровьем стал, не то что мой погибший брат Головач... Так что не со мной... С херсиром Старлугом или любым из его хирдманов. Учебный поединок, но с настоящим оружием, как любят урманы, даны и свеи. До первой крови. На мечях или топорах, да со щитом... Чтоб каждый потом мог сказать — абы кого князь Рогволд в дружину не берет.

Профессиональный провокатор каких поискать, за живое берет, гадина! Ведь наш князь-кормилец во хмелю запросто может возжелать развлекалова. Погоди, тварь, ты мне еще за ножик в спину, за Виров, за Мишу да за Ляпин кистень ответишь...

Смотрю рядом деревенеет спиной Вендар, Дрозд по ту сторону стола нервно заскреб птичьей лапой левую щеку. Зашептались меж собой купцы, заперемигивались дружинные с хирдманами. Херсир Старлуг с отсутствующим видом продолжает медленно жевать, облизывая выпачканные жиром губы, будто не его только что подписывали на опасный поединок, а я отчетливо понимаю, что согласись сейчас Рогволд на предложенную Минаем подставу, этот пир с большой вероятностью станет для меня последним. Несколько уловов со щитом в моем арсенале есть, мечом владею уже вполне себе сносно и в поединке смогу положиться не только на везение и внезапность, но и на кое какие умения, однако, спарринг на настоящем оружии с мотивированным противником мне не потянуть однозначно. Понятие "до первой крови" никак не отрицает того, что первая кровь запросто обернется и последней. Не смог вовремя задержать руку, ударил чуть сильнее не плашмя, а режущей кромкой — вот вам трагический случай на тренировке. Тут и щит не поможет. Для обученного бойца он значит не меньше топора или меча. Я видел как Вендар шутя уматывает троих дюжих отроков одним лишь щитом. В реальном бою окованным металлом краем деревянного блина забить переносицу оппонента поглубже в мозг для сотника элементарно... Гонит, конечно, Минай, утверждая, что подготовкой мы не занимаемся. Любое свободное время парни тратят на упражнения с различным оружием, подтягивают общую физику, бегают, плавают, отжимаются... Бойцы в моем и Сологубовом десятках мало чем уступят остальной гриди, а кое где и превзойдут. Просто Минай об этом еще не знает...

Как не знает он того, что подвести меня под монастырь сейчас никак не сумеет. Я не безмозглый гладиатор и биться на потеху больше не стану, тем более против этого монстра с косичкой, которому меня прищучить, что лицо умыть...

Почесав сальным мизинцем уголок правого глаза, вокруг которого цвел радугой отечный синячина (моей левой работа), Рогволд заводит речь далекую от предложенной Минаем темы:

— Скажи мне, Стяр, зачем ты устроил этот пир? Хотел кого-то задобрить? Меня, бояр моих? Или ты излишне богат, чтобы потчевать эдакую прорву? Твоя соленая рыба чудо как

хороша, не возьмусь спорить, но ты мог продать ее на торге за очень хорошую цену и вместо обглоданных костей поиметь немалую выгоду. Объясни мне, десятник.

Голос князя спокоен, но прекрасно различим за общим гвалтом в корчме. Ответ на его вопрос у меня готов заранее и я спешу его озвучить, понимая, что наклевывается шанс вывернуться...

— Я поимею еще большую выгоду, княже Рогволд, когда все эти люди станут приходить ко мне утолить голод и жажду. Не в корчму на пристанях, а ко мне, понимаешь? Это тонкий расчет и никакой безумной щедрости. Плата со своих будет ниже, но в накладе я не останусь.

— Значит, помимо крепких кулаков у тебя есть и купеческая жилка, — делает вывод князь, ломая выгибом бровь.

И вот я начинаю подтягивать запасенный козырь...

— Кстати, князь, о купцах...

Успев вооружиться костью с хрящом, Рогволд обрывает меня взмахом мосла, словно гаишник тормозит автомобиль полосатым жезлом.

— Скажу тебе, не долюбливаю я этих мошнотрясов. Да... но без них никуда, сам знаешь. Князю отказывать в чем либо последнее дело и у некоторых оно становится самым последним в жизни... Но мои полоцкие купцы вовсе не такие, по моему первому слову согласились помочь в снаряжении лодий для похода.

— Вот об этом я и хотел с тобой поговорить.

— Десятник хотел поговорить с князем о будущем военном походе? Уверяю мне есть с кем обсудить это и без тебя. К тому же вече еще не сказало свое слово. Ничего не решено...

Князь с хрустом вгрызается в кость. Минай морщится будто зубы Рогволда вонзились ему в плечо.

— Скажи тогда, княже, слышал ли ты что-то о горючей жидкости под названием "нефть"?

— Никогда и ничего. Но то, что она горючая мне уже нравится. Пожалуй, кроме масла и топленого жира, чем мы заполняем светильники, никаких других горючих жидкостей я не припомню.

Рогволд вдруг теряет ко мне всякий интерес и подается головой к Дрозду.

— Что там слышно из Новгорода дельного?

— Волнуется Новгород, — отвечает Дрозд, не успев поднести к губам кубок.

— Что так?

— Посадник киевский не по нраву.

— М-м-м, какой по счету?

— Третий за четыре года.

— Нового хотят?

— Хотят. Да уже не посадника, а князя.

Рогволд с силой выплевывает на пол неразжеванный хрящ и снова обращается ко мне.

— Вот видишь, а ты говоришь — купцы... Ни ума, ни совести. Только и умеют что торговаться да делить. Князя своего захотели... Что ж, скоро будет им князь. Так что ты там говорил, десятник? Продолжай.

Дрозд еле заметно кивает, видимо, подбадривая нерешительного меня. Не бойсь, дядя, я сам знаю как сделать себя нужным и полезным для начальства. Так, чтоб пылинки сдували...

— Смесью на основе этой жидкости ромей не так давно сожгли флот Великого князя Игоря... Ты, наверное, слышал... Это не масло. Нефть вспыхивает даже от слабой искры и горит сильнее любого жира.

Рогволд бросает на брата резкий, абсолютно трезвый взгляд. В мимолетной хищной улыбке обнажаются блестящие жиром зубы. Тур в ответ хмурится, выпрямляет спину.

Самое время закрепить достигнутый успех.

— Я хотел сказать, княже, будь у тебя несколько бочек нефти, я попробовал бы соорудить устройство, выплескивающее неугасимый огонь на твоих врагов, будь то на воде или в поле.

Над серединой нашего стола повисает таинственная тишина. Чавкать и глотать на миг прекращают все, включая беспрестанно жующего Ольдара обладателя молодого, растущего организма.

— Я слышал, ромейский кесарь рубит голову всякому кто пытается вынести за пределы его земли способ приготовления огненной смеси, — веско произносит князь Тур. — Откуда он известен тебе, дружинник?

— Со способом ромеев я, к сожалению, не знаком, но легко найду свой, когда в руках у меня будет нефть. И это оружие будет не хуже царьградского, зуб даю.

Рогволд наваливается на стол тяжелыми локтями.

— И где же взять эту нефть? Где она течет? Может копится в болотах или бежит вместе с подземными реками? Стекает с холмов, падает как дождь с неба или растет как грибы в оврагах? Я долго живу, но еще ни разу не встречал эту волшебную жидкость. Где мне ее раздобыть?

— В этих местах нефти нету, княже, как ты ее не ищи. А если бы и была, то ее пришлось бы доставать с огромной глубины из земных недр. Нефть гораздо дороже соли, которой ты меня упрекаешь, ее еще называют "черным золотом". В некоторых землях нефтяные озера лежат не столь глубоко, почти на поверхности, ты можешь дать задание своим купцам, что выбирают далеко за привычные пределы, купить или выменять какое-то количество нефти и привезти сюда.

Уморился я слова подбирать! Разговариваю как средневековый рыцарь в театральной постановке. В прошлой жизни мне хватило бы одного предложения, чтобы донести до собеседника весь смысл своего посыла. Но, ничего, зато как складно получается, самому приятно...

— Это очень долго! — после недолгой паузы вскрикивает Рогволд. — Ты не мог раньше похвастаться своими знаниями?! В некоторых землях... Где эти земли? В какой стороне? На восход? На полночь?

— На полдень, княже.

Князь убирает со стола руки, берет наполненный кубок.

— Нет, я не могу столько ждать! Да и нет в моем княжестве купцов способных отправиться в далекие полуденные дали за какой-то нефтью, даже если я пообещаю за нее отсыпать полной мерой злата.

Полоцкие купцы ерзают, глаза отводят. Ясное дело не в кайф им снаряжать экспедиции на розыски неведомого товара с очень неопределенным исходом.

— Не обязательно искать подходящего человека именно в полоцких землях. Я вот совершенно случайно знаю одного такого в Новгороде и, думаю, что сумею с ним связаться. А пока суд да дело, могу озадачиться и попробовать смешать горючие масла и смолы как

заменитель нефти. Если ты пожелаешь, конечно...

Еще бы он не пожелал! Старый барсук сразу прочухал выгоду и преимущества от возможности обладания секретными технологиями. Тут не только курши, все соседи трепетать будут.

Но с куршами какие-то непонятки. Виляет князь, что еще за вече, зачем оно ему? Разве вече походы утверждает? Говорил мне дружище Голец, хитрый, мол, Рогволд, скрытный, что затевает никто толком никогда не знает. К чему были намеки на новгородского князя? С Филином снести разрешил и то ладно. Всякого нужного мне мастерового позволил брать за ноздри и требовать незамедлительной помощи. За упавший волос с моей буйной головушки обещает круто взыскать с любого — вообще красота! Задача минимум выполнена, теперь ни одна падла, включая Миная, в мою сторону даже высморкается не посмеет. Воды до весны утечет предостаточно, за это время можно город построить, не то что кустарный огнемет смастерить...

Рогволд быстро сворачивает мой вопрос и переключается на бояр, напоминает им свою былую просьбу увеличить личные дружины, особенно укоряет Преня и Тарша в не особой охоте угодить своему князю.

— Как скажешь, Рогволд, — Минай как и остальные бояре наклоняет голову в знак подчинения, но тут же вскидывает упрямый взор. — Но хочу напомнить тебе, князь, что я уже нанял в дружину отличных воинов, как ты и просил. Кормлю их, содержу... Думаю, давно наступила пора поручить мне заботу, которую мы обсуждали еще в Вирове.

Рогволд щурится, точно никак не может взять в фокус широкую физиономию Миная.

— Опять ты за свое, боярин? Говорил я тебе уже, повторю еще: не время нынче смолян межить. Едва твоя дружина появится в тамошних лесах, посадник отправит гонца в Киев. Ссориться со Святославом, когда он на Руси, мне не с руки. Для тебя и людишек твоих у меня другое дело сыщется, не думай. А теперь разрешаю тебе удалиться, вижу как тяжело дышать начинаешь.

Раздосадованный Минай в компании с молчаливым херсиром вразвалку покидает корчму. Воевода Змеебой провожает их тяжелым взглядом. С чего бы это?...

Рогволд неторопливо поднимается с места, обводит гуляющий зал отеческим взором, а затем могучим ревом перекрывает праздничный шум. В относительной тишине князь провозглашает, что очень желает поднять кубок за хозяина пира, за удачу и за богов, которые благоволят Полоцкому княжеству. Под гул одобрения князь мощными глотками опустошает тару, просит привести поближе гуслеяра и я с волнением осознаю, что пир наш только начинается...

Глава пятнадцатая

Расползлись под утро. Самые стойкие, такие как оба князя, сыновья Рогволда, Змеебой, Вендар, боярин Тарш и еще два десятка взрослых гридней удалились с достоинством и на собственных ногах. Большинство, проспавшись прямо за столом, покидали гостеприимные стены уже засветло. Для некоторых пришлось искать "такси" до укрепленного города, да развозить на телеге по подолу с доставкой к домашнему порогу. Окончательно опустела корчма часа за три до полудня. Облегченно вздохнув, я запираю изнутри все двери, велю персоналу немедленно отдыхать и, спеша подать личный пример, срываюсь в мягкое ложе как зрелая слива с ветки. Все работы на сегодняшний день князем отменены и у нас есть время до вечера, чтобы перевести дух и убраться в зале до прихода той части приглашенных, что по причине ночного дежурства на стенах города присутствовать на общем пиру не смогла. Ожидалось немного, человек тридцать, сущая ерунда по сравнению со вчерашним базаром-вокзалом. Успеем подготовиться по-любому, сначала — поспать... Пробыть в отключке удалось не столь долго как хотелось. Из ватного, без видений сна меня вынимает громкий, сотрясающий всю корчму стук в заднюю дверь. Настойчивый и сильный. Так стучать может только свой... Поднимаюсь с ложа, поправляю шерстяное покрывало на плечах Младины, лежащей на соседнем топчане. Умаялась девка. Умаялась, но ни одним движением, ни единым словом или гримасой не показывала своей дикой усталости. Собственно, на ней весь пир и продержался. Весь вечер, ночь и утро захватила, не захворала бы... Отстранив от вздрагивающей под ударами чьего-то кулака двери подоспевшего к ней Рыка с копьем в руках, я безбоязненно открываю засов и обнаруживаю на пороге Гольца. Молча отворачиваюсь и пускаюсь в обратный путь до лежбища. — Постой, Стяр! — удивленно зовет Голец. — Чего тебе, кайфоломщик? — оглядываюсь через плечо. — Пожрать найди себе чего-нибудь, выпить тоже... сам... Если побазарить приперся, то жди до начала заката, я еще не выспался. — Да я не за тем, — мотает вихрастой башкой старый приятель. — Князь тебе дар прислал, за пир вчерашний, значит... Чего кривишься, заболел? — Кривлюсь, потому что ты не даешь мне поспать. А еще я не люблю подарки. Ждешь одного, а получаешь совсем другое. У меня с детства так. Сплошное разочарование. Нежданчики типа сюрприза вообще не перевариваю и отношусь с подозрением... Ладно, давай, чего там у тебя? Я протягиваю Гольцу раскрытую ладонь, думая: ну чем скуповатый Рогволд может отдариться, в лучшем случае какой-то цацкой... Покумекав, протягиваю и вторую. Рогволд князь все таки, у него и подарки должны быть княжескими... Ухмыльнувшись, Голец разворачивается к двери и быстрыми шагами выходит из корчмы, чтобы тотчас вернуться, не слишком почтительно подталкивая перед собой долговязого, сутулого типа с клиновидным лицом и усталыми, серыми глазами. Одежда беднее некуда, ножа на поясе нету, а наружность гостя кажется мне до боли знакомой, но с ходу понять где встречались не могу. Прическа у него совершенно идиотская — сидящая шевелюра неровно пострижена под очень короткий "горшок", такую примечательность я бы обязательно вспомнил... — Это что за Гулливер? — спрашиваю, растеряв последние шансы на самостоятельную догадку. — На кой ляд ты его сюда приволок? Кто он? — Его зовут Ольсе... — Ольсе? И что дальше? — Теперь он твой. Можешь убить или отпустить, но я на твоём месте оставил бы при себе. Языку нашему он выучился, силы хоть отбавляй, работает неплохо. Забирай, от подарков отказываться не лепо. Ек макарек! Андрюхе Старцеву раба

подогнали! Заслужил, по ходу... дорос до собственного холопа. Нет, ну до чего рожка знакомая! Где же я его видел? — Вы там конопля что-ли дунули в детинце своем? — спрашиваю, отказываясь верить в происходящее. — Ничего мы не дули, — обижается Голец. — Князь Рогвод велел отдать его тебе, сказал, что ты сам привел этого Ольсе из похода на земиголов и будешь несказанно рад такому подарку. Точно! Терпила, которому я проткнул ножом плечо и взял в качестве "языка" где-то под Кумсом. Он со своей братвой спалил княжеские лодии, а потом вывел нас на самого Рогволда и на Вилкуса. Разбойная морда! Гляди-ка, живой! В нашем обозе ему плохо было, болела рана и мерз всю дорогу.. Вендар еще переживал, что довезет труп вместо живого товара. — И чего мне с ним делать? Лучше б девку какую подарили, если уж на то пошло... в корчме работать некому. — Дрова заготовливать отправь, мало работы что-ли по хозяйству? — Он же свалит, как только за город выберется. — Ты ему на лбу знак выжги, тогда любой вой или свободный людин его как беглого раба зараз прикончит. — Какой еще знак, ты в своем уме, Гольчина? — Какой у тебя на плече. Знак скорпиона. Многие так своих холопов метят... — Не свалю я, — мрачно произносит Ольсе, показывая убитые кариесом зубы. — В родных местах меня давно не ждут. Я здесь жить хочу. Ишь ты, хочет он... И я бы хотел, кабы раскаленным тавром как скоту шкуру припечь грозили. — Ладно, сам разберусь, — говорю и думаю, что никакого скорпиона этому мужику жечь, конечно же, не стану и вообще я против любой формы рабства. В школе так научили... Я против этого в горах с бармалеями воевал. После ухода Гольца, прошу Росу сварганить нам с Ольсе чего-нибудь пошамать. — Чем в детинце занимался? — начинаю разговор как только вдвоем с подаренным мне холопом усаживаемся друг перед другом за центральным столом в пустой корчме. Видно, что латгалу не по себе делить трапезу с новым хозяином — стеснительно ерзает, в глаза не глядит, голову держит в полупоклоне. Ничто рабское человеку не чуждо, поначалу тяжело, потом привыкается... — Конюшни чистил, ямы выгребал, упряжь починял... много чем. — Ты говорил — не ждут тебя дома... — Нет никакого дома, — отвечает Ольсе, опустив глаза. — Даны сожгли вместе со всей семьей. Ест Ольсе вяло, видать покормили перед выходом. Он возвышается над мисками как Дядя Степа над малышами с картинки из детской книжки. Для человека, недавно освоившего словенский язык, изъясняется он прекрасно, совсем без акцента и запас словарный в норме. — Зачем данам жечь латгалов? — А я и не латгал вовсе. Длинными, костистыми пальцами Ольсе выщипывает мякоть из лежащего в миске куска хлеба, неторопливо засовывает в рот. Деревянный кубок на поллитра меда полностью исчезает в его лапе. Четыре шумных глотка и тара пустеет. — Надо полагать, ты также не Ольсе... — делаю осторожное предположение. Я ловлю взгляд его серых прищуренных глаз и понимаю, что попал в точку. — Яромиром когда-то звали, но было это так давно, что Ольсе уже привычнее. Тебе может и привычнее, а мне вот Яромир больше по нраву, роднее как-то... — Где был твой дом, Яромир? Далеко отсюда? — Далеко. На морском берегу, в славных велетских землях. — Велетских? — переспрашиваю я. — Никогда не слыхал о велетах. Значит ты — велет? — Нас еще лютичами кличут за свирепый нрав и воинственность. Прошли времена, когда мы были многочисленней и сильнее, чем сейчас киевские русы, нас боялись и варяги и даны с норгами. Мы строили города, вели торговлю, пахали землю, в набеги ходили морем и сушей, но доброго мира на нашей земле не было, сосед завидовал соседу, один князь ненавидел другого, года не проходило без войны. Кто-то приводил себе в помощь саксов, кто-то ругов или данов. На мою весь напали даны. Загнали жителей в обчищенные до зернышка амбары и сожгли заживо. Я в это время стоял со своим князем у

Лютца, ждали мы там дружественное войско саксов и знать не знали, что даны орудуют у нас в тылу... Узнав о случившемся от боярского гонца, я бежал из княжеского войска и отправился в родную весь. Не знаю как у меня получилось обойти засады зоркой вражеской охраны, но я попал куда так торопился... Лучше б не попадал... Как пьяный бродил я по пепелищу, ворошил остывший прах и был на шербагую луну в дикой тоске и злобе. В тот миг я действительно хотел обратиться в страшного, беспощадного зверя и рвать зубами глотки тем, кто так поступил с моей семьей. Всех богов перебрал — просил дать мне возможность отомстить... Не знаю кто из них услышал мои мольбы, но утром в весь зашел обоз из трех бычьих повозок в сопровождении десятка данов. Они расселились по трем опустевшим без убитых хозяев домам. Весь день шарили по жилищам и клетям, подчищали то, что не смогли найти их предшественники, складывали добычу в телеги. Я прятался в отхожей яме и беззвучно смеялся, предвкушая сладкую месть. Когда наступила ночь, я убил их всех. По двое на каждого из моих родных. Отрезал головы и выложил ими руну "феу" на дороге в весь. Потом я выбрал себе оружие по-лучше и пошел куда глаза глядели, подальше от тех горестных мест... Воевать мне больше не хотелось. Я проходил весь за весью, город за городом, переплывал реки, нигде надолго не задерживался. Шел я так целый год пока на одной проезжей дороге не напоролся на шайку кровожадных татей. Брать с меня нечего, оставили в живые и взяли к себе, а еще через полгода атамана задрала насмерть раненая медведица и меня выбрали главным. Промышляли мы все больше на правом берегу Двины, в латгальских землях. Сытно жили, народец там не пуганый, главное на одном месте не сидеть, перемещаться, постоянно менять сидки... Перебить охрану и поджечь лодии меня уговорил невысокого роста, хорошо одетый незнакомец, наткнувшись на нас в лесу на лежке. Обещал прилично заплатить. После тяжелого боя со стерегущими лодии русами я ног под собой не чуял, вас увидел, подумал, что земиголы... Про пинок в лицо и нож в плечевой сустав Ольсе-Яромир предпочел вслух не вспоминать. Оно и правильно, незачем лишний раз повторять, что враг оказался хитрее, сильнее и удачливее. Заканчивая рассказ, Яромир, посетовал, что сделал неправильный выбор, когда бросил огнища и пошел со своим князем воевать соседей. Останься дома, глядишь, защитились бы от морских собак — данов... Или в вместе с родными навстречу с богами. Впечатляюсь я грустной повестью Яромира как школьник просмотром героической драмы в видеозале. Проникаюсь нехило и наполняюсь уважительным расположением к собственному рабу. Досталось мужику, под сорок лет, ни дома, ни семьи, так еще в холопы попал на чужбине. Теперь земельку в свое удовольствие не попашешь, соседа не ограбишь — кончилась волюшка. В одном ему повезло однозначно. В том, что дважды попал в мои руки. Там в земиголии, когда я его сразу не порешил, верно угадав в нем предводителя шайки, и сегодня. Силищи в нем еще навалом, при таком росте и длине рук боец, наверняка, не самый худший, как и пахарь... Чуднее подарка я в жизни не получал, зато еще раз убедился в верности собственного постулата о нелюбви к сюрпризам. Огорчится Рогволд? Его проблемы... — Ты свободен, Яромир, — говорю, треская опустошенным кубком по столу. — Топай на все четыре стороны, да смотри не вздумай снова податься в разбойники, узнаю — найду и убью. Лютич шумно сглатывает и замораживается с поднесенным ко рту хлебным мякишем. Сильной радости, однако, в глазах не заметно, оно и понятно, чтобы принять внезапно свалившееся счастье как и горе нужно время... На мягкий шорох за моей спиной я не оборачиваюсь, ибо поступь эта легкая мне хорошо знакома. На столе перед нами возникает липовый жбанчик с хмельным медом и плошка с очищенными орехами. Удаляясь, Млада, будто невзначай задевает бедром мою

спину... Вот зачем поднялась не-угомонная, велел же отдыхать! — Я и вправду могу идти куда пожелаю? — опустив перед собой руки, уточняет Яромир. — Да, ты больше не раб. Хотя... Голец прав, по твоей прическе любой на воле признает в тебе не свободного человека. Отрасти сначала волосы и усы, потом уйдешь. Живи пока в корчме, работай тут, охраняй добро, платить стану, а весной уйдешь. Ну как, согласен? Яромир порывистым жестом гладит коротко стриженную, седую макушку. Крякает в сердцах и молчит с минуту, часто смаргивая влажно заблестевшими глазами. — Если позволишь, я стану помогать твоей женщине подносить блюда к столам, таскать с торго припасы и за порядком в корчме послезу. Только лишь за еду и кров. Моей женщине? Да провалиться! И этот в курсе?! — Ну, что ж, дерзай, я не против. Считаю, что я тебя нанял. На щетинистом лице появляется робкая улыбка. Лютич перекидывает ходули через лавку, делает полтораметровый шаг назад, вытягивается во фронт как урядник перед поручиком и отвечает в мою сторону величественный земной поклон. — Благодарю тебя, Стяр. О своем решении ты не пожалеешь, клянусь богами! — Очень на это надеюсь, приятель, — говорю со всей серьезностью. — Завтра подыщем тебе одежду, хоть и будет нелегко нарядить эдакую оглоблю. — Этой обойдусь, — машет беспечно рукой беспокойный сын велетского народа. — Мне оружие нужно. Хотя бы нож. Нож на поясе — атрибут свободного человека, холопу никакого оружия, кроме дубины, иметь не полагается. — Будет тебе нож, — говорю. — Как плечо, болит? — Побаливает мало-мало... Не ожидал я от тебя... думал вы люди Вилкуса. — Понятное дело, слышал уже... Ладно, ступай к хозяйке, спроси что делать нужно, а я пойду ласты вытяну, часик еще посплю. Башка не варит, а у нас впереди трудный вечер. Направляюсь в опочивальню и по дороге прикидываю как так получилось: Рыка ругал, а сам Младину хозяйкой обозвал? Все таки подсознание штука вредная, обязательно засунет в голову или вытолкнет на язык какую-нибудь гадость, когда ее совсем не ждешь. За базаром нужно следить получше, Андрюша! И рожу стряпать не такую довольную при виде этой девчонки. Посторонний гражданин, вон, и тот догадался. А может ему Голец разболтал? Зачем бы это Гольцу? Двери корчмы открылись под вечер. Погода радовала теплом и ласковым солнышком, птицы оголтело гомонили в "зеленке", гортанно орали возле небольшого прудика по соседству домашние гуси. Усталый и голодный народ повалил с торго в большинстве своем через корчму, зал сразу за-полнился больше, чем на половину. Чуть погода подтянулись дружинные, отоспавшись после ночного дежурства. Яромир своей неподражаемой журавлиной походкой обносил столы закусью и выпивоном, Рык в закромах вскрывал бочонки, ворочал мешки, Роса с Младиной гоношили в поварне. Я снова занял маленький квадратный столик в углу как в тот первый раз, когда знакомился с работой еще при Дикане. Сижу наедине с деревянным кубком кисловатого пива, разглядываю публику, радуюсь про себя тихонько, на приветственные возгласы отвечаю кивком и улыбкой. — Позволишь? В ладной фигуре в темной одежде с распущенными седыми власами поверх серой льняной накидки я сразу признаю ближника туровского князя. — Присаживайся, Велг, поешь и выпей со мной, — приглашаю его на любое свободное место за моим столиком. Туровский аксакал опускается на табурет справа, брякая своими оберегами, словно отшельник веригами. На широком лице тусклыми фонарями горят желтые совиные глаза. — Стол твой пуст, — резонно замечает Велг и поправляет белую бороду. — Сейчас исправим, — говорю и взмахом руки подзываю Яромира, прошу принести нам с Велгом ужин, трудно оставаться в стороне, когда столько ртов вокруг занято поглощением съестного. — Кто этот человек? — спрашивает туровец, провожая взглядом спину моего

нового работника. — Яромир. Я победил его в бою и привел в Полоцк вместе с остальным полонем. Князь Рогволд сегодня пожаловал его мне в холопы. Он мой раб. Был... — Что значит — был? — Я освободил его. Теперь он вольный людин. — Ты дал свободу рабу? — Ну да, а что тут такого? — Ничего особенного, — говорит задумчиво и глазами круглыми хлопает. — Дюже ты мне любопытен, отрок. — Какой же я отрок, двадцать пять годков скоро приплывет как Александру Македонскому. Слышал про такого? — Я много про что слышал и многое ведаю, но ты для меня загадка. Телом молод, а головой старец мудрый, ибо видится мне, что знаешь ты то, чего мне никогда не дано даже предположить. — Что еще тебе видится, Велг? — Что ты не тот, за кого себя выдаешь. Крутой, однако, поворот. Если б я сейчас жевал, то наверняка подавился бы насмерть. На понт берет иль в самом деле чует что-то. Вот с этого самого места захотелось узнать все подробно-сти. — А за кого я себя выдаю? — Я людей чую как собака дым. Одни как травинка на ладони, дунул слегка, перевернул и со всех сторон рассмотреть можешь, другие точно вросший в землю тяжкий камень, верх торчит, а что под ним не увидать. Пряжи в светлом тереме наверху плетут нити судеб из наших поступков, помыслов и желаний, мне же самим Родом дана возможность предугадать некоторые из них. Я вижу печать скорой кончины на лицах людей, могу сказать, что должно ждать человеку в скором будущем, уготованы ему радости или страшные горести, предсказываю рождение детей за несколько лет. Бабе в подходящем возрасте и я роды предсказать сумею, коль мужик у нее стоящий есть, эка невидаль! — Не увиливай от темы, я тебя не звал, ты сам пришел, значит имеешь чего сказать. Так говори: что обо мне знаешь? — Мертвый ты, от тебя Кромкой веет. Не удивил. Но мертвый я в той жизни, а в этой пока еще нет... — Хочешь сказать, я скоро помру? — Мертвые не умирают. Запутал совсем старый хрыч. Что значит: мертвые не умирают? Я ж не зомби, в натуре, а такой же живой как и он! Зомби я в кино видел и совсем на них не похож... — Не понимаю тебя, Велг. Скажи, ты — волхв что-ли? — Не волхв. Волхвы богам требы кладут и ворожат тому кто пожелает, а я — ведун. Ведаю, значит. И вижу. — Хм, один тут в Полоцке вот тоже видел, да порвался насовсем... — вылетает из меня прежде, чем успеваю прикусить язык. — Ты о Живне? Он как раз настоящим волхвом был. Князя... — Велг обрывается из-за мощного взрыва хохота в корчме. — Князя Рогволда с семьей от нечисти хранил неплохо. Говорят — убили его... — Не убивал его никто, сам помер. Сердечный приступ скорее всего... — Я так и думал... Не смог одолеть окружающую тебя преграду. И я не могу, чую лишь — не здесь ты рожден, не есть ты дитя Рода — отца всего живого. Одни обрывки и непонятные видения... ждут тебя тяжелые испытания и страшные события. Что ищешь найдешь, но очень не скоро... Явился Яромир в сопровождении Младины. В четыре руки они заставляют наш столик яствами и хмельными напитками. Велг налегает на угощение, будто сутки постился. Глядя на него, я с внезапно проснувшимся аппетитом уминаю кашу с кусками вареной дичины, заливаю прожеванное медовым пивом, наблюдаю в полглаза как лопухий Лоб втирается в доверие к группе заезжих товарищей с торгового двора. Хотя кто-то делом занят, одни лоботрясы кругом... В двери корчмы вваливается мой десяток в полном составе. Я морщусь, ибо завтра поутру всем на службу, а у парней лютое желание покутить на лбу написано. — Здрав будь, Стяр! — смеясь орет во всю глотку Мороз. — И вам не хворать, — отвечаю негромко. Так и быть, часа два дам им посидеть, добрая половина из них вчера по моему приказу ни капли не проглотила, пушай порезвятся. — Не жилец, — отмечает Велг, скользнув взглядом по веселой физиономии Мороза. Кто не жилец, Мороз? Да его об асфальт не расшибешь, самый здоровый после Врана! Нет, лет через пятьдесят то оно

конечно... все там будем... Покончив с трапезой, я намереваюсь еще пораспрашивать Велга о своей будущей судьбе, но он вдруг встает и начинает прощаться. — Благодар тебе, десятник, — говорит с легким кивком. — Будешь в Киеве — найди старого дядьку Асмунда, передай ему от меня низкий поклон. Прощай. В Киеве? На кой шут мне Киев? Я туда не собирался никогда и сейчас не собираюсь. Мне с Рогволдом в поход идти совсем в другую сторону... Какой еще Асмунд? Широкая спина в льняной накидке быстро растворяется среди посетителей. Догонять не бегу, по ходу, Велгу уже больше нечего мне сказать.

Глава шестнадцатая

Закрываемся немногим за полночь. Наконец-то этот день закончился и можно облегченно выдохнуть. Башка гудит от хлопот, шумит от выпитого. Сил хватает только на раздеться и плюхнуться в усталое шкурами гнездо. Заснуть получается не сразу. У меня так бывает после трудного и бес-покойного дня — взбудораженное тело и мозг успокаиваются далеко не сразу. Слышно как за стенкой бубнит старый гусяр, предьявляет что-то ушастому Лбу, тот парирует горячей скороговоркой. Их сдвленная шепотом перебранка уволакивает меня в сонную муть, всплывающие в усталом сознании картинки плавно меняются как кадры в диапроекторе. Осторожные шаги возле ложа заставляют меня вздрогнуть и вытаращиться во тьму. Серое пятно длинной нательной рубахи на расстоянии вытянутой руки и тихий Младин голос: — Любится хочу, соскучилась! С шорохом стекает на пол одежда и прежде, чем я успеваю воспротивиться, прохладное девичье тело юркает под мое покрывало и крепко прижимается во весь рост. Желание возмутиться беспардонностью быстро сменяется желанием совершенно иного свойства. Я не железный бесчувст-венный дровосек, а здоровый, молодой мужик, таю на раз-два, на ласку отвечаю еще большей лас-кой, руки скользят по бархату податливых изгибов женского тела. Длительное воздержание — удел монахов, а служителем господ я не собирался становиться ни при каких раскладах. В этом, можно сказать, Младине здорово повезло... Любимся мы до утра с небольшими перерывами на сон. Что удивительно, поднявшись, разбитым и уставшим я себя не ощущаю, даже наоборот, испытываю подъем физических и душевных сил, будто с санаторного отдыха вернулся. Однако, труба на службу зовет, Ольдар способен и прогул влепить, невзирая на нашу с ним почти что дружбу. А может отпуск взять на недельку? Стоит обдумать этот вариант... Глотнув парного молока из поднесенной Младой глиняной бадейки, принимаю из ее рук собранный в мешок сухой паек. Княжеские охотники ежедневно доставляют на верфи свежатину, которую мы либо жарим на вертеле, либо варим в большом котле. Не голодаем, короче. Но иногда охота перекусить, погрызть чего-нибудь, особенно сильно за полдень. Младина об этом, видимо, знает, вот и приготовила снеди. Давненько я не чувствовал такой заботы, наверное, с той поры как мать оборачивала газетой бутерброды в школу. Милое личико светится таким неподдельным счастьем, что я, не сдерживая нахлынувших чувств, заключаю тонкую талию в крепкий захват и отрываю смеющуюся чаровницу от пола. — Поставь на место, — сдвленно мурлычет мне в ушную раковину. — Помнешь... — Прости, — говорю, — не удержался. — Вечером жди подарка, — говорит и довольно сильно прикусывает мочку моего уха. Блеснув крупными, белоснежными зубами в озорной улыбке, Младина упархивает в поварню, где призывно гремит посудой Роса. Я озадаченно тру укушенную часть тела, чувствуя как мочка наливается жаром. Ну вот, теперь минут двадцать буду как дурак ходить с пунцовым ухом... Покончив с не свойственными мне нежностями, собираюсь выдвинуться на лодейный двор. Попрошу там у Ольдара разрешения истопить баньку, что Глыба со своими успел наскоро скатать из негодных для строительства кораблей бревен. Позарез нужно смыть усталость и пот последних дней, да и отросшие до плеч волосы засалились, висят сосульками. Бужу заспавшихся Кокована и Лба — пора открываться, уже всю гудит разноголосое торжище. Ночевавшие под навесом у коновязи Яромир с Рыком с кем-то перекрикиваются снаружи, ржут как кони, брякают чем-то. Скорешились парни и это неплохо, внутри любого

коллектива важна по-ложительная атмосфера. Воспользовавшись отпертой Росой задней дверью, в корчме появляется Голец. Мы буквально сталкиваемся с ним в проходе. — Кого я вижу! — восклицаю удивленно-радостно. — Кофейку с круассанами зашли испить? Так кофе еще не подвезли, а булки не успели испечь. Есть молоко и вчерашний бублик. — Здрав будь, Стяр! — говорит гость, не обращая внимания на мои придуривания, потому как давно привык. — Я уже в детинце поел. Вот пришел узнать сколько выручки за первый день принесла тебе корчма? Вот это я понимаю деловой подход, не то, что у некоторых... Каюсь, проشياпил. Вопрос Гольца пробуждает во мне запоздалое, но дикое желание узнать насколько хорошо мы вчера отработали, даже на службу резко расхотелось. Не в убыток отработали это точно. Люди едва ли не в оче-реди стояли, чтобы попасть внутрь корчмы, совсем как у входа в модный ночной клуб густонаселенного мегаполиса. Будь у них руки пусты, никто б их задарма кормить и поить не стал, у нас не заба-луешь. — Да я и сам не знаю, — признаюсь, смущенно шкрябая пальцем в бороде. — Яромир в короб складывал, потом убрал в кладовую. Пошли глянем. Светильник только захвати со стола. На складе среди кулей и корзин с провизией я с трудом нахожу берестяной короб с ляжками для заплечной переноски и тесемками на крючочках в качестве замка. В него вчера прятали плату, принятую от посетителей корчмы. Помню сам скинул в глубокое прямоугольное горло горсть сереб-ра и несколько беличьих шкурок. Я присаживаюсь на перевернутое деревянное ведро с жировым светильником в руке, со сдержанным любопытством наблюдаю, как Голец, опустившись на корточки, вскрывает кубышку. — Прилично здесь, — Голец уважительно качает головой и начинает перебирать ценности, коих без четверти полна коробочка. На поверку, кроме честного серебра в количестве пятидесяти пяти целых потертых кругля-шей, десятка резаных и одного золотого с корявым ликом византийского императора, денежных средств в копилке катастрофически не оказалось. Зато полным полно всякой всячины, имеющей свою цену на здешних торжищах, как то: рухлядь беличьья и кунья, железки какие-то, типа пряжек и заколок из меди, костяные гребни для волос, цветные стекляшки с аккуратными сквозными дыроч-ками и даже увесистый восковой шарик размеров с гандбольный мяч. Чего-то подобного я, в сущности, и ожидал, потому расстроился не сильно. Все это добро при желании легко сбывается на рынке и превращается в полновесные деньги, а если припрет, то используется в хозяйстве или выменивается на другой товар. — Это что — жемчуг? — спрашиваю, заметив на ладони товарища молочно-белые ядрышки вели-чиной с мелкую горошину. — Ага, речной, двинский. Дешевле морского, но тоже красивый. Тут его на запястный браслетец хватит. А это, гляди, какой-то умелец оставил... — Голец подносит ближе ко мне раскрытую ла-донь с торчащей на ней искусно вырезанной фигуркой рогатого лося. — Косторез постарался. Тонкая работа и стоит немало. Он даже не представляет сколько бы стоила эта вещьца в любом из антикварных салонов лет эдак через тысячу. Да не в серебре и злате, а в бумажных долларах... — Ты ручонки-то прибери, — говорю, когда мне становится понятен примерный объем вырученного в первый день. — Я часть вечером Диканю снесу, ему жинку врачевать да и самого себя поправлять надо. Реабилитация штука дорогая. — Снеси, — милостиво разрешает Голец. Бросает костяного лося обратно в короб поверх других сокровищ и зачем-то трет ладони, будто стряхивает что-то. На простоватом лице появляется тень сомнения, вижу как прячет, готовый выплеснуться насущный вопрос. — Не беспокойся, каждый, кто помогал, получит свою долю через четыре седмицы, когда месяц отработаем. Не раньше. Голец согласно кивает. А что ему еще делать как не согласиться? Понимает, что на

полученную ежедневную выручку требуется закупать товары на следующие дни и так до бесконечности. Чистого навару будет оседать в разы меньше регулярного прибытка, но бизнес есть бизнес... — Неужели ты доверяешь ему? — неожиданно спрашивает Голец, придирчиво наблюдая как я закрываю хлипенький короб на веревочный "замок". — Кому? — Яромиру этому... Думаешь, он так и будет подносить плошки всякому сброду? Ведь он тать, душегуб! В нем волчья суть... — Да и мы с тобой не свинопасы, брат Голец. Или забыл как по лесам шастал? У нас с тобой суть какая? Прямого взгляда Голец не выдерживает, смущенно отворачивается. — Тебя на лихой промысел голод с нуждой подтолкнули, а его безнадега и утерянный смысл жизни. Это не оправдание, это — горькая явь, братан... Доверяю, он богами поклялся. — Ну раз богами, тогда да... — кивает. — А с Младой у тебя как? — Просто замечательно. А что? — За себя брать станешь? — Не знак пока... не собирался вроде... посмотрим... Я реально не знаю. Положение гражданского мужа меня ни разу не смущает, но вот что удивительно — совесть гложет. Ни разу со мной не было, чтоб себя из за бабы виноватым чувствовал. В моем мире мне от женщин было нужно совсем не многое, а им от меня еще меньше к нашему обо-юдному удовлетворению... — Значит, как надоест, дай знать, я ее в княжий терем пристрою, а тебе другую девку приведу не хуже... — без тени ехидства заявляет Голец, истолковав мою нерешительность по своему разумению. Чему тут удивляться? Верный пацан хочет угодить старшему товарищу, как лучше хочет, наивно полагая, что я сладострастный охотник до беспорядочных половых связей. Жизнь подле бояр-ских теремов наложила свой низменный отпечаток на неокрепшую психику вихрастого отрока, на-гляделся там непотребства... — Не надо, братан, — решительно отвергаю неожиданное предложение. — Я тебе не озабоченный папик, а Млада не дворовая давалка, к тому же, по ходу, она меня любит. — А ты ее? — Говорил же уже — не знаю я. Мне с ней хорошо, вот и вся басня. В обиду ее не дам, это уж точно. Я жалую приятелю самый строгий взгляд, на какой был способен. — Понял... батяка, — уважительно произносит Голец, вдруг вспомнив субординацию. — Ладно, проехали, — говорю. — Ты сам-то как с Вешней? Когда свадьбу наметил? — По весне, — не очень-то весело отвечает Голец. — С корчмарем вроде сговорились. Собираю свадебные дары, да боюсь — надорвусь. Понятное дело. Владелец корчмы у причалов, судя по бывалой роже, за просто так дочурку никому не отдаст, но и со своей стороны приданого не зажмет. — Что, много просит? — интересуюсь, взглянув на Гольцову грустную физиономию. — Много, — вздыхает влюбленный отрок. Я вызываюсь перетереть с "коллегой по цеху", чтоб не слишком лютовал и не требовал с же-ниха лишнего, но Голец наотрез отказывается от такого рода помощи. Говорит, что сам разберется. Я больше не лезу, но внутри себя делаю памятную зарубку слегка увеличить долю паренька с доходов корчмы. Полезный паренек, преданный, вдруг и вправду не осилит сбор свадебной дани, глупостей наделает... — Вот и чудно, — произношу нарочито жизнерадостно, — Погуляем, значит! Если в поход уйти не успеем, — добавляю задумчиво. — Не успеешь, — уверенно обрубает шустрый подручный боярина Дрозда. — Князь Тур обещал Рогволду поддержку войском и лодиями. Глыбе поручено за зиму построить еще столько же, а боярам собирать все годные лодии по полоцким весям и городам. Дрозд считает, что пойдут поздней весной, когда соберут четыре десятка полных лодий. Я произвожу губами мелодичный, короткий высвист. Ай да Рогволд! Не знает он... дуру загнал, вече приплел... Видимо, дивно опохмелились с братцем опосля моего пира, решили весь мир захватить что ли? Сорок кораблей с десантом не шутки. Это почти четверть той армии, что вел к Царьграду Великий князь киевский Игорь

Рюрикович. Бедным куршам мало точно не покажется. — Откуда ж князь возьмет столько воинов? Помнится, в Вирове дружину набирали абы из кого... — Уже послали гонцов кинуть клич у варягов и вендов, Рогволд с Ингорем, как встанут реки, отправятся в полюдь, будут звать мужей и отроков в войско. Голец добавляет, будто князь также надеется, что с приходом весны вернется из Киева Рагдай с четырьмя сотнями дружины закаленной в боях с болгарями, а это уже реальная и очень грозная си-ла... Беспощадная машина по изъятию у чужеземного населения изрядной части нажитого непосильным трудом добра. Я прошу Гольца проводить меня до лодейного двора, он охотно соглашается и мы вдвоем то-паем через посад по залитым бархатным августовским солнышком пыльным дорогам. — Дрозд просил узнать когда начнешь собирать метатель огненного зелья? — Как только, так сразу, — отвечаю уклончиво, так как даже понятия не имею с чего начать. Но начинать, видимо, все же придется, настырный Рогволд не позволит себе упустить шанс обзавестись "сверхоружием" на горе всем врагам. — Думаю, Дербень согласится тебе помочь. — Не знаю такого. — Зато я знаю. Живет за торгом, по соседству с Варшем-ковалем. Лучше всех в Полоцке варит горючий жир для светильников, умеет смешивать смолы. Полагаю, будет полезен, но решать тебе. Я хлопаю товарища по плечу, выражая тем самым свою благодарность. — Это весьма кстати, друг мой! Мне бы еще путного бондаря и кузнеца смекалистого, чтоб понял, чего я от него хочу. — Бондарь в Полоцке один — Пяташ, когда Виров под боком, нет нужды делать бочки всем поголовно. Пяташ сам вировский, так что справится. Кузнецы здесь все хорошие, к Варшу обратись, когда до Дербеня пойдешь, не откажет. Не откажет, как пить дать, ведь у меня княжеская индульгенция на привлечение к общественно-полезному труду любого здешнего умельца. За Рогволдов счет, разумеется... — Надо бы к зиме жилой пристрой к корчме сварганить да клеть попросторнее для припасов, — делюсь с моим попугачиком прикидками на ближайшее будущее. — Расширяться, стало быть, намере-ваюсь. — Дело хорошее, только Глыбу постарайся не привлекать, князь не поймет. — Я и не собирался, сами сляпаем, — беспечно машу лапой, словно всю жизнь занимался одним строительством. — Яму вырыл, четыре венца накатыл, крышу настелил, вот тебе и жилье. Дешево и сердито, мы не бояре. Самим жить или постояльцем сдавать сгодится вполне. А из похода вернусь, можно и об усадьбе подумать, тут пустырек один есть... Однако разболтался... Уйти в поход еще не значит вернуться. Мне бы Мишу отыскать под шумок, если живой он еще, а не о собственном тереме мечтать... Я затыкаюсь и кошусь на спутника, но Голец моей осечки не замечает, вместе со мной проходит в ворота лодейного двора отгороженного от любопытствующих граждан защитной стеной и сразу же умудряется пропасть из виду, затерявшись среди гриди и мастеровых. Надо сказать, работают Глыбины мастера с опережением графика месяца на два, не меньше, ибо яростно впахивают как многократные победители социалистических соревнований, а два приданных для охраны труда дружинных десятка им посильно подсобляют. Шесть из восьми лодий, практически, готовы к спуску на воду. У двух последних не хватает лишь мачт и все восемь нуждаются в оснащении такелажем, но это вопрос одной недели. Тюки со свертками грубой ткани для парусов и палубных тентов сложены под навесом рядом с бухтами просмоленных канатов и веревья различной толщины. Там же стоят четыре огромные бочки со смолой для финальной обработки корабельных корпусов. В общем, осталась сушая ерунда. Выкрашенные черным рогатые туры головы украшают носы боевых лодок и этот вид нравится мне гораздо больше, чем прежние, с зубастыми лебедиными клювами. Весь набор весел, незначительно различающихся по

длине, готов и сложен у подножия угловой башенки, ждет своего часа. Красота да и только! У меня рождается законный вопрос, вернее — два: куда Рогволд станет прятать снятые со ста-пелей корабли? Ведь он так не хотел, чтобы про их строительство знали все кому не лень, ажно крепостицу вокруг верфи воздвиг. И где Глыба возьмет лес пригодный для строительства дополнительных лодий? Вопросы как родились, так и зачахли. Не мое это дело за князя проблемы решать, у него голова на плечах не только, чтоб в нее пиво заливать, вот пушай и думает. Советники, опять же, подскажут, если спросить пожелает, их у него как у дурака махорки. За старшего на верфях сегодня Сологуб. Молодой княжич отсутствует по уважительной причине — провожает родного дядю в обратный путь до Турова. Не машет вослед заплаканным платочком, а по-серьезному сопровождает до половины дневного перехода, чтобы к сумеркам успеть вернуться. Ольдар хоть уже и воин, а все же еще пацан зеленый, поэтому отец его одного не отпустил — с ним поехал и Ингоря прихватил. И сотню гриди. Косточки поразмять да накопленный жирок в седле подрастрясти. Вечером добрую треть вчерашней выручки отношу Диканю. Посидели с ним на крылечке, медку жиденького хряпнули. Я рассказал ему как прошел пир, поделился планами, а заодно испросил дозволения у законного владельца недвижимости на строительство жилого и хозяйственного приделов. Кроме разрешения на перепланировку, получаю добрый совет по возможности придерживать серебро, чтобы иметь накопления "на всякий случай". Собственно, именно так я и подумывал поступить. С купцами без звонкой монеты вряд ли получится, а вот с рыбаками, охотниками, пиво-варами и прочими "натуралами" сгодится расчет стеклянными бусами, медными побрякушками и мехами. Мы с Диканем сердечно друг друга благодарим, прощаемся как близкие родственники. Я воз-вращаюсь в корчму, где один за другим случаются два достойных упоминания события. Сначала, по просьбе Младины отгородившись от галдящего трапезного зала дверью нашей "спальни", я принимаю подарок. Это светло-коричневой свиной кожи перевязь-портупея шириной в три пальца, с креплениями к боевому поясу в виде плоских колец. На перевязи присутствуют четыре отделения для метательных ножей спереди и еще одно сзади. Ножички тоже в наличии. Пять отлично сделанных обоюдоострых, узких клинков без рукоятки длиной с ладонь и выемкой-крючком в тыльной части, чтобы легче вытаскивались из кармашка, а также из поверженного тела. Дар речи у меня исчезает напрочь. Эта снаряга стоит весьма приличных денег, особенно ножички, уж больно ладные, уверен, швыряются они так же как выглядят. На возникший в моих глазах безмолвный вопрос Младина объясняет, мол, подарок этот не столько от нее, сколько от боярыни вировской Любославы за добрую службу. Саму перевязь доделать не успели, ее доводил до ума местный мастер, потому и задержалась с вручением. Не откладывая примерку, тут же снимаю с себя пояс с мечом и ножом, прилаживаю на него портупею. Пробую по очереди вытаскивать метательные ножи, расположенные в тесных чехольчиках на ремне под сильным углом пяткой вниз для удобства быстрого извлечения. Что сказать? Быст-ро и удобно, то, что надо, короче... Увешенный оружием вываливаюсь в зал покрасоваться. Перевязь при движении слегка поскрипывает, но дискомфорта это у меня не вызывает ровно никакого — со временем кожа притрется и станет мягче. А вот шумное поведение четверки нетрезвых типов за столом у левой стены действительно напрягает. На моих глазах обросшие давно нечесаной волосней парни докапываются до Яромира, в грубой форме требуют принести пива в долг, обещают вырвать длинные ноги, если откажет. Рослый лютич десятка не хлипкого, спокойным голосом посылает их к хозяину, ко мне, то бишь... Внимание парней тут же переключается на занимающего противоположный конец стола

мужичка лет пятидесяти, сидящему в компании белобрысого недоросля перед обильным ужином. Возбужденная компания орет в четыре горла и разобрать конкретику невозможно. Дядька им не отвечает, медленно опускает руку под стол. Интересно, нож у него там или топор? Определенно назревает конфликт. Этим, судя по всему, уже нечем оплатить приятное времяпрепровождение, так что самая пора проверить ножички в деле. Метательный нож плавно выходит из гнезда как яичко из куриной гузки, я подбрасываю его на ладони и с силой всаживаю в бревенчатую стену трапезного зала корчмы. Совершив незаметный глазу полет до ближайшего препятствия, короткий клинок на треть своей длины вонзается вдоль волокон застарелой древесины как шило сапожника в кожаный каблук. Аккурат у правой щеки самого горластого хулигана. Внезапно выросшая в непосредственной близости от драгоценной части тела острая железяка заставляет бузатера перейти к поискам посмеявшегося ее кинуть. Я и не думаю скрываться от праведного гнева. С трудом сдерживая довольную ухмылку (ножик в деле оказался просто отличным) я прошу прощения за проделку у невольных свидетелей в лице двух десятков вечерних посетителей и отправляюсь вытаскивать из стены свое имущество. При виде перетянутого боевыми ремнями, вооруженного мечом незнакомца с нехорошим взором, парни напряжиниваются. Ничего опасного в них я не вижу, обычная рыночная шпана, но рожи не примелькавшиеся, чужие. Заводила с торчащими вперед как у мерина верхними зубами довольно в грубой форме начинает выяснять какого-такого я здесь ножами расшвырялся. Я спокойно предлагаю им расплатиться и дуть на свежий воздух, пока я каждого из них не утяжелил вот на такую штуку и делаю красноречивый взмах подаренным ножом перед собой. — А ты кто такой? — с наглым вызовом вопрошает Зубастик, выпрямляясь во весь отнюдь не гигантский рост. — Я — князь корчмы, а это моя дружина, — я указываю пяткой ножа на приблизившихся Лба и Яромира. — Ты присядь, разрешаю отвечать с места. — Мы за все платили вперед и ничего тебе не должны! — уже не так борзо заявляет горлопан, плюхнувшись на задницу. — Так ли это, Яромир? — Не успели задолжать, — дает оправдательные показания мой новый помощник. — Ну тогда пошли вон отсюда, еще раз заявитесь — надену на вертел, поджарю хорошенько и подам к столу с яблоком во рту. Не верите? Поверили. Ни единого меча у них при себе нет, а у нас на троих целых два. Лоб еще и копье прихватил. Осталось без лишних вопросов ретироваться, что задиристая компания без особой спешки и делает. Я еще раз напоминаю своим о сугубо мирном статусе нашей корчмы. Хочется пошуметь и побалагурить — пожалуйста, а вот любителей позадирать других сразу в шею без всяких соплей. Пар-ни расходятся по делам, мне лежит путь на двор — хочется испытать весь метательный боезапас в ме-нее людной обстановке. — Неплохой бросок! — доносится одобрительное замечание с дальнего края стола от несостоявшихся терпил залетных дебоширов. — Самому понравилось, — отвечаю без преувеличения и внимательно приглядываюсь к автору фразы. Мужичок не похож ни на ремесленника, ни на торговца, пацан тем более. Оба кучерявые как породистые пудели, лица круглые, глаза светлые, не в смысле цвета, цвет у них — голубой, а в смысле таимого внутри головной кости интеллекта. Одежка проще некуда, зато добротная, удобная для дальнего путешествия. Штаны и обувь выпачкана пылью дорог, кое где буреет пятнами засохшей грязи. Возле ног пожилого лежит тощий вещмешок на полуистлевшей лямке. Интересные субъекты. Что-то толкает меня исполнить долг перед Дроздом и подсесть на сво-бодное место к любопытной парочке — вдруг чего полезного поведают? — Издалека пожаловали, любезный? — закидываю удочку, взмахом руки подзывая Яромира с просьбой принести чего-нибудь пожевать и смочить

горло. — С Киева, — отвечает старшой, подкрепляя слова прямым, открытым взглядом. Хм, вот так удача, пока мне определенно везет. Теперь надо аккуратно постараться их разговорить. — Не очень близкий путь, — замечаю участливо. — А в Полоцк надолго? Синие очи мужичка прищуриваются, выражая немой вопрос — а тебе что за дело? Однако вслух он ничего не произносит, подносит к дырке в бороде кубок с пивом и начинает неспешно хлебать. — Я почему спрашиваю — хочется узнать как часто столь покладистые гости смогут посещать мою корчму, — произношу с обезоруживающей улыбкой. — Как ты, должно быть, уже слышал, я в от-вете за этот скромный причал для голодных и жаждущих. Кормить, поить и защищать — моя прямая обязанность. В Полоцке меня называют Стяром, в следующий раз скажете, что от меня и Яромир много не возьмет. Мужик от своей посуды так и не отрывается. Пацанчик тоже какой-то грустный... — Не буду мешать, — подвожу я неутешительный итог своим потугам зацепиться языками с не-многословными посетителями. — Все, что принес Яромир — за мой счет, угощайтесь. Я поднимаюсь с намерением все же попасть на воздух за пределами душной корчмы. Надо бы окошек побольше в стенах прорубить да слюдой затянуть, да чтоб открывались... — погоди, Стяр! — слышу поспешный оклик. — Вижу, человек ты в Полоцке уважаемый. Помоги Юрку пристроить, век признателен буду. Меня как кипятком — Юрку? Юру, Юрия, значит? В кои-то веки нормальное греческое имя, как большинство в моем времени. Сотни мыслей одна другой фантастичнее сталкиваются в мозгу. На греков не тянут, базарят по-нашему без акцента. Христианской веры ребята? Тоже нет — у старшего на шее и рукавах обереги явно языческого толка, у молодого на шее шнурок с какой-то фигуркой вместо крестика. Лазутчики? Вряд ли, только что сами себя выдали. Такие же как я перемещенные из более позднего времени? С тщательно скрываемым возбуждением, снова опускаюсь на лавку. — Куда нужно пристроить Юрия? — спрашиваю, глядя на зардевшегося юнца. — Не Юрий он. Юрок. Юркий, значит. Юрка. Сын он мне. А сам я — Вован. Свое имя он произносит с ударением на первый слог. Жаль, хороший бы вышел дуэт — Вован и Юрка...

Глава семнадцатая

Почему-то именно с этого дня я начинаю вести счет наиболее знаменательным событиям в моей беспокойной жизни в Древней Руси. Как будто само мое здесь появление, перевоплощение из рэкетирского бригадира в лесного разбойника, затем в княжеского дружинника и корчмаря — не в счет. Как показало дальнейшее развитие, действительно, все, что я успел пережить и испытать — только робкие цветочки в преддверии жирного урожая ягод.

Одна из таких вот воображаемых ягодок сорвалась с тяжелой ветки и упала в мое лукошко при встрече с Вованом и Юрком. История их не слишком оригинальна, но все же достаточно интересна для досужего слушателя.

Итак, жила-была в Киеве семья. Сам Вован с жинкой и трое деток, кроме старшенького Юрка еще две девки. Была четвертая да померла двух лет от роду. Глава семейства собственным батшкой с юных лет был обучен скорняжить. Все же — ремесленник, ошибся я поначалу, поди их разбери, один в лохмотьях бродит, а руки золотые, такие вещи из лозы плетет — ахнешь, другой разоденется как боярин, спросишь — подмастерье красильщика тканей. Мог Вован смастерить любую обувь, пошить куртку или боевой кожух из нескольких слоев дубленой кожи, починял конские сбруи и бычьи упряжи, но особенно ладно получались у него воинские пояса и перевязи, типа той, что через Младу прислала мне Любослава. Мою он, кстати, оценил очень положительно.

Так вот и жили, мамка с дочками по хозяйству, папка кожи и меху сшивал, сына к ремеслу приучал. Ремеслишко не пыльное и не грязное. Вострый скорняжный ножик, набор шилец, заклепочный молоток, иголки, нитка посуровее, острый глаз да крепкие пальцы, вот и все, чем должен обладать мастер.

От нехватки заказов не страдали, народу в Киеве много, почитай каждый день кто-то да придет на поклон к искуснику. Не голодали и не бедствовали, обитали не в землянке сырой, а в рубленой хате с тесовыми полами и крышей. Даже когда к городу подступили жадные степняцкие стаи, Вован не прекратил работу. Чего не скажешь о Юрке. Сорванец целыми днями пропадал в объятном ужасом городе, по приказу княгини Ольги он вместе с такими же малолетними дружками толкался на крепостных стенах, дабы визуальное увеличить число защитников. Печенегу ведь издалека не видно — пацанье это или настоящие вои в шлемах да с копьями. Обложили их тогда наглухо — птица не вылетит. Брать крепкие и высокие городские стены штурмом наивные степняки не умеют, а вот голодом заморить — это всегда. Слишком кусок лакомый. И быть бы настоящей беде, кабы не тот же Юрок со своим корешками. Вернее, один из его друзей — смугловатый мальчонка печенежских кровей. Святослав привез его из похода еще совсем мелким да так и оставил при князем тереме. Поговаривали, что сын какого-то степного кагана да никто не проверял.

В общем, надумали пацаны печенежка этого за подмогой слать. Он переоделся погрязнее, взял в руки уздечку, выполз из осажденного Киева и пошел через вражеский стан, типа коня потерял, не видел ли кто? Коня не видели, а вот пинка дали, чтоб не канючил и не шпаялся под стрелами, изредка летящими с высоких городских стен. За своего приняли, а как не принять, печенег же. Пацан у всех на виду дошел до Днепра, бултых в воду и на тот берег. Смекнули печенеги, что их обхитрили, сотню лучников согнали, и если б не плавал мальчуган как судак — пришлось бы Киеву очень худо. И ему тоже... А так, малец речку

переплыл, подмогу привел, город спас. Святослав ему потом хотел орден вручить, да не придумали еще ни медалей, ни орденов. Перед дружиной князь снял с пояса нож и подарил смелому печенежку за заслуги перед отечеством. Юрку и остальным ничего не подарили — на словах побасибкались.

С возвращением Святослава из Болгарии отбою от заказчиков не стало вовсе. Дружинному люду требовалась починка старой амуниции, переделка добытой в бою, изготовление новой и все это срочнее срочного. Завалился Вован работой по самые уши.

Однажды утром пришли два варяга. Важные такие, в одеждах добрых. Приволокли целый тук ремней с мертвых печенегов снятых, во вторсырье, значит, а для себя просили широкие пояса сварганить с сумками, подробно рассказали какие хотят. Вован их честно предупредил — не быстро, дескать. Спорить не стали, сделаешь как сделаешь и ушли. Через шесть дней приперся наглому виду, шустрый холопчик и стал требовать готовые пояса своих хозяев. Вован ему вежливо объяснил: не закончил, мол, так тот начал угрожать. Тогда скорняк взял назойливого гостя за шкурку и вышвырнул с подворья. Вечером тот вернулся с двумя дружками, в руках — дубинки. Дубинки дубинками, так и Вован не из утиного дерьма слеплен — копыце достал. Обращаться с копьем он умел, сказались трудное детство и лихая юность. Короче, пришили Вован у себя на дворе тех резвых ребят. Одного, так уж вышло — наглушняк, другому мясо попортил. А что же третий? Третьего завалил Юрок — топорик в шею вогнал. Не смотреть же молодому со стороны как родного отца трое метелят.

Потом был суд. Варяги те оказались уважаемыми людьми из старшей дружины боярина-воеводы Свенельда. Своего холопа один из них прислал всего лишь поинтересоваться как долго еще будет Вован тачать пояса. Видимо, важность хозяина передалась и рабу. Перегнул палку паршивец...

По причине чрезвычайной занятости Святослава, он как раз уехал договариваться с печенегами, суд правил тиун Великой княгини Ситень.

Холопу на свободного человека руку поднять, не говоря о дубине — до казни дойти может. Но, поскольку, зачинщик драки уже казнен ответчиком, то и взятки с него гладки. Чего не скажешь об убийце. Налицо превышение мер самообороны. Убил — плати. Холоп чужой, за него тоже плачено. Варяг еще тот знатный оскорбился, говорил, что сильно на тех рабов в свое время потратился, к тому же, третий, похоже, останется калекой. Врал, скорее всего, но Ситень ему поверил, слишком велик в Киеве авторитет воеводы Свенельда — присудил за троих виру серебром или эквивалентным товаром. Чтоб отдать сей штраф, Вовану придется трудиться не покладая рук около года, при этом не есть и не пить, что привело бы к неминуемой смерти всей его семьи. Дороговато обошлись скорняку чужие дурные холопы.

По окончании судилища пострадавший варяг предложил Вовану в счет уплаты виру забрать у него Юрка. Насовсем. Из мальчишки, топором укоротившего на голову взрослого мужика, пусть и холопа, будет толк. Вован отдавать, а попросту — продавать сына отказался наотрез. Варяг тот проживал в Изборске и собирался через неделю отъезжать в усадьбу. Предупредил Вована, что спустя шесть дней придет за долгом сам да не с дубиной, а с мечом. Ночью испуганный скорняк тайком отвел жену с дочерьми к дальней родственнице на другом конце Подола, а сам вместе с сыном тиканул из Киева...

Рассказчик из Вована неплохой, я аж заслушался и не заметил как осушил целый кувшин пива вприкуску с вареными раками. Собственно, притчу про мальчика с уздечкой, спасшего Киев, я знал с детства — то ли в книжке читал, то ли мультяшечку смотрел, не помню.

Вторая часть повествования меня заинтересовала больше и я спрашиваю нового знакомого — почему они прибежали в Полоцк. То, что парня нужно прятать — базара нету, но почему именно здесь?

— Сестра тут у меня. Была... — Вован с горечью встряхивает светлыми кудрями. — Сгорели вместе с домом два года тому. Не знал я.

Понятно теперь почему просит пацана пристроить. Деваться некуда... Что-то я не слышал про пожар в Полоцке. Хотя два года назад мной здесь еще не пахло.

Юрка спрашивает отца дозволения выйти на двор до параши. Ишь ты какой послушный... Ну иди, пописай, я пока батьку твоего еще поспрашаю...

— Сам в Киев вернешься?

— Бабье там у меня. Жаль, если сгинут. Пес с ним с домом, разорили уже, наверное, но девок жалко.

— А чего дом не продал?

— В счет виры-то? А жить где? Кабы мы втроем были...

— А Юрка ты спрашивал? Вдруг сын не прочь попасть к варягу?

— Да ты что! Если б он его в вой брал, я бы еще подумал, а в дворовый люд мой род не скатится. Свободные мы, понял?! Ему дело мое продолжать следует, а не в походы ходить.

Глядите, какой гордый! Надо было с посланником заказчика повежливее общаться, глядишь, лежал бы сейчас у себя в хате, в одеяло попердывал. Тут с папашкой все ясно, он и слышать не желает о том, чтоб отдать сына, ремесло передавать будет некому. Подход, несомненно, правильный, с моей колокольни не поспоришь. Отдавать родных детей в счет уплаты долга в этом мире не совсем чтобы принято, но случаи такие происходят регулярно, Голец рассказывал...

У стола появляется Младина. В другое время я бы с удовольствием полюбовался ладной фигуркой и симпатичной мордашкой, но больно уж мордашка встревоженная.

— Не вашего там убивают?

Мы с Вованом успеваем переглянуться, затем я подрываюсь как подпружиненный чертик из коробочки, оттолкнув в междустолье Яромира, чешу к дверям на выход. Вован за мной, по пути топорик из поясного кольца вынимает.

А во дворе перед корчмой представление. Вернее — бенефис одного актера.

— погоди! — хватаю я за руку с топором наперевес дернувшего мимо меня Вована.

Понимаю — сына бьют, помочь хочется, но что-то мне подсказало — не сразу осият четверо выгнанных мною из корчмы дебилов одного шустрого до нельзя подростка. Вот сучата, видать спецом поджидали, то ли деньги отнять, то ли еще чего похуже хотели сотворить.

Двор у корчмы немаленький, есть где разбежаться, чем Юрка и пользуется, с лихвой оправдывая свое имя. Юрк туда, юрк — сюда, финт на финте. Никак не могут подвыпившие парни ухватиться за пацана по-серьезному, носятся бестолково, падают, ругаются, друг другу мешают. Я замечаю, что не одни мы с Вованом и любопытным Рыком наблюдаем за этим забавным действием, а еще добрый десяток потенциальных посетителей корчмы застыл у отворенной калитки корчмового тына. Юрке бы с подворья улизнуть да покинуть ограниченное пространство, но отца бросить не может, кроме того, города не знает, куда бежать толком не представляет. Вот и шныряет, один от четверых ускользает, как ушлая деревенская курица-молодка от недотепистых городских студентов. Двоих только что лбами на противоходу столкнул аж звон пошел. Собравшийся народ реагирует громкими

выкриками — понравилось, еще хотят. Белокудрый Юрка сам по рожам не бьет и правильно делает, стоит завязаться с одним, другие тотчас подключатся.

Безрезультатная беготня длится уже минут пять. Юркины движения похожи на странный танец — плавные и резкие одновременно, ноги согнуты в полуприсяде, руки выше пояса. Похожие коленца выделял Вендар на состязании в день Перуна, когда не хотел, чтобы в него попали кулаком или коленом.

Что интересно, на свидетелей развернутой ими бурной деятельности четверка наглецов ни капли внимания, словно, на самом деле курицу ловят или свинку, а не человека. Наконец парню с лошадиными зубами все это дело порядком надоедает, тянет он с пояса ножик.

— Иди сюда, червяк! — кричит, задыхаясь от бега и перехватывается для броска.

Я, как и Вован, не успеваю предотвратить трагедию, мы лишь обомлело наблюдаем за полетом большого ножа, с немалым искусством пущенного с десяти метров.

Впрочем, от летящего ножа Юрок уклоняется, а вот один из его ловителей нет — лезвие мягко входит в середину живота и остается чернеть рукояткой словно обломанный березовый сучок. Парень обхватывает продырявленное пузо руками и медленно валится наземь, непонимающе хлопая выпертыми болью зенками.

В следующий момент потерявшего на миг концентрацию Юрка сзади хватает один из недоброжелателей. Юрка налимом извивается в его объятиях, изворачивается к нападнику лицом, а так как малолетний киевлянин заметно уступает в росте всем своим недругам, то ему приходится подпрыгнуть, чтобы достать своим лбом подбородок сграбаставшего его хулигана. Хотя какие там хулиганы?! С оружием, вчетвером на одного — полновесная разбойничья статья... По здешним законам таких следует валить безо всякого суда и никакой вира за убийство не будет.

Зубастый вынимает нож из пробитого брюха своего приятеля и кидается к Юрку, которого держат теперь уже двое.

Народ заволновался за судьбу ловкого юнца. Взволновался и я, потому мухой преодолеваю разделяющие нас метры, сшибаю с ног сначала обладателя ножа, а потом пускаю в ход кулаки. Бью сразу наповал, чтоб не сбежали голубчики. Зубастого пакуют Вран с Морозом, очень удачно зашедшие хлебнуть на халяву пивка перед сном. Им же я поручаю передать ухарей в руки городской стражи, пушай там в детинце с ними разбираются как полагается разбираться в таких случаях.

Каких-то полчаса проходит и зал корчмы набивается под завязку. Человек десять уже подошли к нашему столу, похвалили Юрка за храбрость и ловкость. Оценили. Я тоже оценил.

— Кто драться учил? — спрашиваю сына ремесленника.

— Дядька Асмунд, — не без гордости отвечает пацан.

Опять это имя! Это ему я должен передать привет от Велга, когда буду в Киеве. Надо бы навести о нем побольше справок, а то мало ли чего...

— Асмунд — пестун Святослава, — охотно поясняет Вован. — Старый уже. В походы не ходит, все, на что его сейчас хватает — учить понемногу отроков воинскому делу. Святослав его ценит, к сыновьям приставил. Мой в ватажке у младшенького княжича Владимира бегал, вот и перепала щепотка воинской науки.

Понятно — пацанье. Надо же детишкам с кем-то дружить, несовершеннолетние князья тоже люди. Не думаю, что сыны свирепого Святослава сидят в тереме при мамках и дядьках, шныряют по городу как и все пацаны, с городскими лоботрясами дружбу водят, играют,

купаются, с ними же и тренируются.

И такого парня засадить ремни шить?!

— Да я бы не прочь, — грустно отвечает Юрок на мой вопрос о том варяге. — Да отец и слышать не хочет, говорит — из холопов не возвращаются. Мне варяг не показался дурным человеком, понравился бы я ему, глядишь и освободил бы со временем...

— Много ты знаешь, — бурчит недовольно скорняк. — Не дурной человек... такой же как и все у Свенельда — убийца... как и сам он — пес кровавый!

— Не убийца, а воин! — пытается перечить Юрок.

— А ну цыть, щеня!!! — кулак кудрявого Вована с грохотом опускается на столешницу. — Он за свою жизнь чужой руды выпустил больше, чем ржавой воды выссал! Цыть, я сказал!

Эк у них все запутано! Пацану всего тринадцать, а он уже не по годам физически развит и к отцовским иглам и шильцам душа не лежит однозначно. В Полоцк шел неохотно, дорогой твердил родителю, что зря не согласились на предложение избороского варяга, за что по итогам своей болтовни схлопотал чувствительную затрещину — батя лучше знает, дело отрока слушаться и не нудить.

Вмешиваться в процесс семейной педагогики я не собираюсь. Гораздо мне интереснее узнать кто такой этот Свенельд и почему Вован назвал его кровавым псом?

Возвращаются Вран с Морозом, докладывают, что довели хулиганов до городских ворот, просили передать Дрозду свое намерение быть видоками на суде. На обратном пути в корчму они прихватили с собой Волю и Ясеня возжелавших слегка подкрепиться перед сном.

Я прошу Яромира принести за наш стол побольше пива. Отошедший от потрясения, вызванного совершенно необоснованным покушением на собственного сына, Вован охотно поведал нам пятерым некоторые факты биографии знатного киевского боярина, варяжского воеводы Свенельда.

Родился варяг давно, зим пятьдесят с лишним тому, а может и все шестьдесят. Нрав имеет вспыльчивый и грозный. Умен и очень опасен при столкновении. В Киеве пришел еще до свадьбы князя Игоря с Ольгой. Верой и правдой служил отцу Святослава, со своей личной дружиной примучивал, то есть — приводил в подчинение Киеву древлянские земли и каких-то неизвестных мне улечей. В бою яростен, беспощаден и хитер, его дружина отлично выучена и опытна, состоит, преимущественно, из взрослых, матерых мужей, вроде того, что хотел забрать Юрка. Почему кровавый? Потому что свирепее Свенельда и его дружины в войске Святослава нет. Святослав поручает старому варягу самое сложное и ни разу еще верный воевода не подводил своего князя. За то любим и уважаем Святославом. После гибели Игоря Свенельд оказывал поддержку Ольге, помогал осуществлять месть древлянам. Поговаривали, будто овдовевшая Великая княгиня и варяжский воевода тайком дружат организмами, но разговоры остались разговорами — на людях Ольга и Свенельд ведут себя подчеркнуто нейтрально.

Честно говоря, так я и не вкурил чего киевский скорняк имел против пожилого воина, заслуженного княжеского воеводы. Если и имел когда-то место конфликт с самим воеводой или его людьми, то Вован предпочел о нем скромно умолчать. Я так понимаю, в окружении Святослава не мало верных псов и ярых волков. И все кровавые. А иначе — никак. Игры, в которые играет киевский князь требуют слаженной работы всей команды.

Зато становится понятно почему Вован спрятал своих женщин и подался с сыном в бега.

Человеку Свенельда ничего не стоит сделать так, чтобы о семье простого скорняка никто в Киеве не вспомнил. Тому немало способов: сгорели в собственном доме, грабители напали да всех вырезали, отравились до поноса смертельного и далее по списку насколько фантазия позволяет.

— Я как чуял, что в Полоцке не все ладно — баб не взял, — мрачно хвалит себя за проявленную прозорливость Вован. — Знать бы, в Чернигов ушли, брат у меня там, калека, ему и без нас тяжело... Сколько раз к себе в Киев звал, жалел свой надел бросить. Прожили б какнибудь...

Выпитые литры пива не лучшим образом сказываются на дикции киевлянина. В глазах блестят стоялые слезы. Разомлел батяня...

М-да, навалили делов папаня с сынком. Пристроить Юрка — пристрою, не вопрос, а вот как помочь и что посоветовать Вовану ума не приложу. Денег на виру дать? Так он мне не брат и не родной дядя по маминой линии. Я первый раз его вижу, мне даже толстожопый Воля ближе и дороже. Я не жадный, дать страждущему копеечку, поощрить старательного, взбодрить ленивого умею и умением этим часто пользуюсь. Но тут дело кардинально иное. Тут меня жаба душит, как это не прискорбно. Видать, не дорос еще до меценатства или как Фрол не настолько погряз в грехах, чтоб на общаковое бабло содержать церковный приход и прикармливать насквозь пропитых бомжей.

Вован не бомж, не священник и не юродивый художник, которых, как известно, может обидеть каждый. Сынка может оставить, определим в лучшем виде, а проблемы свои пуцай решает самостоятельно, я в этом деле ему не помощник. Весточку пришлет или сам придет — получит пацана обратно в целостности и сохранности.

На том мы по рукам и ударили. Вован косноязыко благодарил, пацан крепился, чтобы не заплакать, мои парни хлопали нас всех по спинам, одобряя принятое решение.

Засидевшиеся за полночь последние посетители корчмы покидают гостеприимное заведение и я разрешаю четверке моих дружинников, чтобы не тащиться по темному городу до лодейного двора, переночевать прямо в зале, на лавках у никогда не простывающих углей очага. Хоть и лето еще, а ночки какие-то не слишком теплые, похоже, будет в этом году ранняя осень. Мороз пытается меня уверить, что когда он при мече да в такой теплой компании, то ему абсолютно пофигу день на дворе или ночь, впрочем, как и троим его сослуживцам. Воля и Ясень вяло ему поддакивают, им самим не очень-то в кайф ночной вояж. Вран как самый трезвый из нас помогает мне убедить остальных остаться в корчме вместе с Вованом и Юркой.

...Мне снится гроб. Пузатый, черный и блестящий, похожий на огромного жука. Левая сторона днища гроба покоится на моем плече и плывет. Плывет вниз по лестнице между третьим и вторым этажом моего подъезда. Желтую дверную обивку бабки Шабанихи я ни с чьей другой не спутаю. Перед глазами темное пятно Валеркиного затылка. Он тоже несет гроб. Справа от меня по другую сторону гроба идут Серега Квалрат и Буба. Я знаю, что впереди первым несет отец. Я не вижу ничьих лиц, не слышу слов и звуков, но твердо уверен: внутри полированного ящика — мама. Холодная и неживая.

Разрывая горло, из меня выплескивается крик. Как же тяжело плечу!!! Я не хочу больше нести! Как же так, мама?! Валерка! Батя...

Сердце ухает ниже пупка, мне становится невыносимо душно, хочется рвануть ворот, разять руками грудицу, чтобы страшный крик шел напрямую из души...

— Стяр! Стяр! Очнись! Что случилось?!

Меня мелко и тревожно трясут за плечо. Дышат в лицо. Прохладная женская ладонь гладит мою щеку.

— Это я — Млада... Что с тобой, Стярушка? Трясет тебя всего...

Нет подъезда, нет Валерки и тяжелого гроба нет. Только темнота и вьевшийся в стены запах корчмы. Но я понимаю, что сон — это явь, только без меня...

— Мама умерла... — говорю я и замуриваюсь от режущей глаза черноты.

Глава восемнадцатая

Жуткий сон мучил меня три ночи подряд. С убийством Фрола в бильярдной также было. Три ночи, а потом отрезало. Потом я наяву заснул при попытке Дрозда меня допросить. Миша сильно возмутился моим поведением, еле сумел ему доказать, что не нарочно я вырубился... Где теперь мой Миша? Какие сны смотрит? Батя и Буба с Квадратом понятно, все трое на том свете, один баранку крутит, другие чертей боксу учат. Мама, допускаю, не вынесла моей смерти, дождала ее болезнь. Я тоже как бы того... не очень живой в том времени. Но почему у гроба был Валерка? Убили? Все может быть, швали там развелось как блох на помойном кошаке. Ментовская служба стала как никогда опасна и трудна. А вдруг из-за меня? Варианты с жестокой болячкой как у матери или шальным грузовиком на пешеходном переходе тоже имеют право на жизнь. Одно я узнал точно — все, кто нес мамин гроб — мертвы и я начал верить, что с помощью сна этот факт мне передали свыше, из конторы, благодаря которой я тот гроб наяву не нес. Поверил и смирился, что во всех временах я остался один-одинешенек. Не к кому мне возвращаться в привычный мир будущего да и незачем... Беспокоил вопрос — а кто же был шестым? Я четко видел ноги в черных полуботинках и синих джинсах. Во сне достаточно просто знать, видеть вовсе не обязательно, но я именно видел. Ноги. Без лица. И я не знал кто нес покойницу, держа скорбный груз посередине с другой стороны от меня. Кто-то родной или близкий, кто также лишился жизни или стоит на пороге. Другого толкования моему сновидению я не находил как бы не напрягал извилины. Три дня я ходил под впечатлением точно пришибленный. На четвертую ночь к моему облегчению сон не повторился, но вопрос о личности шестого несущего остался. Я не удержался и поведал встревоженной Младине содержание ночного видения, уж больно шибко она переживала, когда я будил ее своими воплями. Рассказал я, естественно, без лишних под-робностей, но и этого ей хватило, чтобы оценить мое состояние как достойное сочувствия. — Тебя снятся вещи сны? — спросила она потом с уважением и крохотной толикой страха в голосе. Видно, что жалеет меня со всей широтой своей незатейливой души, свою мать она потеряла семь лет назад и знает каково это, ибо видела ее смерть воочию. У меня же все не как у людей. Дерусь преимущественно голыми руками, рабов освобождаю, из лесных татей в князьи десятники, добрый и умный. Вдобавок ко всему потенциальный ведун... Еще бы, ведун как и волхв весьма авторитетные люди в древнем социуме. Только они бывают настоящими как Велг, который явно почуял неладное в отношении меня, и откровенными шарлатанами, кои за определенную мзду могут и поволховать и поворожить и наплести простодушному населению о будущем почище мастеров пера, творящих в жанре фантастики. Настоящий ведун, если он еще и воин, человек высшего пошиба, почти князь...Нет, я не ведун. К счастью или сожалению. Мои сны касаются только меня и моего далекого прошлого. Или будущего, тут как посмотреть. Да и насчет их правдивости можно спорить. Тем не менее, я был поражен и подавлен самим фактом материнских похорон. Младу я успокоил, сказав, что еще ни один мой сон не сбывался. А вот Гольцу рассказывать свой сон я не стал. Он видел настоящую мать Стяра в Вирове и наверняка удивится моему удрученному состоянию, ведь тогда я даже повидаться с ней и сестрами не соизволил, предпочел откупиться. Не сказал, несмотря на то, что Голец один из немногих с кем я могу говорить открыто. Я ему больше не атаман, он мне не подчиненный, даже в моем десятке не состоит. В Полоцке кроме него нет, кого бы я знал

дольше. Ну еще Невул с Жилой. Те тоже — свои, но подо мной как под десятником, им место знать положено, а Гольчина — равный. Почти. Все же помладше меня, пацан еще по сути, душара... Зато с некоторым самодовольством выложил Гольцу добытые от скорняка сведения, рассказал про отрока с уздечкой и про киевского воеводу Свенельда. Скривившись словно от зубовой боли, Голец поведал мне об общеизвестности этих фактов, а также о том, что печенежского паренька зовут — Сыкча. — Мальчишку при себе оставил? — спрашивает придиричиво. — А куда его? — жму плечами. — При корчме будет, подай-принеси. Платить не стану, хватит с него и прокорма. Взгляд у Гольца чудной, как у мужика, который сунул в потайное место заначку, а теперь ее там не находит. — Не пойму, ты чем-то встревожен? — Думаю, скорняк врал тебе. — С чего бы это? — А не сходятся концы с концами. Если он такой распрекрасный умелец, каким себя выставил, то уж наверняка нашел бы чем отплатиться варягу за побитых холопов. Не воинов, заметь, обычных холопов. Дворня — пастухи да ездовые. Не так дорого они и стоят. С варягом можно было ряд заключить, отработал бы малец срок и вернулся к семье. Там дело в чем-то другом. Ты бы у отрока того прыткого поузнавал зачем на самом деле родич его сюда притащил и на чужих людей кинул, глядишь — узнали бы. — Поспрашаю, — обещаю я. — Пооботрется и сам все выложит. Слова Гольца заставляют меня задуматься. Обвести вокруг пальца доверчивого меня Вовану не составило труда. За проведенные здесь месяцы я начал понемногу разбираться в оружии, знаю цены на рынке, понимаю толк в товарах первой и не первой необходимости, научился выстраивать свой десяток в правильный боевой строй. Однако, в нюансах местного права я путаюсь как сопьяк в приспущенных колготках. Ребята из моего десятка начала нашего с киевлянами разговора не слыша-ли и, слабо въехав в основную тему, тоже не насторожились. Если этот Вован меня запросто просчитал и надул в уши развесистой пены — сам виноват. А Юрок-то, ничего пацанчик. Шустрый, исполнительный как корабельный юнга. Вьется возле длинного Яромира как пчелка вокруг медоносного цветка, Младину слушается точно мамку родную, ночует в общей зале в уголке, ест мало, спит тоже... Ладно, разберемся... Осень приходит плавно и незаметно. Дела в корчме идут просто великолепно. Под своим топчаном я вырыл нычку для хранения драгоценностей и прячу туда кубышку с самым дорогим из того, что удастся взять за обеды и ужины. В основе своей это редкие золотые кругляши, серебряные слиточки — гривны и украшения из драгметаллов. Шкурами и прочим товаром расплачиваюсь с поставщиками пива и жорева, никого не обижаю, со всеми честен и обходителен. Парням своим выплатил месячные дивиденды, не особо большая, но все же прибавка к княжьему жалованию приятная. Не обделил и княжонка. Ольдар тоже приложил руку к "соленому" делу и по праву получил свою долю, равную с остальными. Княжич, собственно, и без этого не голодал да кому ж помешают карманные денежки, дело-то молодое... Несмотря на то, что я по сравнению с дружной братией лодейного двора нехило так приподнялся аж до управляющего древнерусской забегаловкой, разлада между нами никакого. Относятся ко мне как к своему в доску, но без панибратства, соображают, что я не просто корчмарь — десятник. Причем умный и удачливый. Уважают, короче. Особенно после памятного турнира на день Перуна. Уважали и до праздника, но теперь — особенно, некоторые так и вовсе в рот заглядывают, не вылетит ли из моих уст чего дельного. Я склонен полагать, что парни мои за мной в огонь и в воду. Да и не только мои, Сологубовы тоже. Как и сам Сологуб. Через четыре недели после торжественного пира в честь открытия обновленной корчмы, рано поутру является в нашу каморку Млада. Встает она раньше меня, деликатно оставляя в постели потянуть ляжки с часок в преддверии

трудного рабочего дня, но сейчас возвращается в комнатку не для того, чтобы выполнить роль будильника — сообщить чего-то хочет. Особо приятное, ибо сияет как натертое серебряное зеркало. — Ты чего такая довольная? — спрашиваю, сладко потягиваясь. — Понесла я! — объявляет и улыбается во все лицо. — Чего понесла, куда? — никак не могу врубиться я. Ну и понесла и понесла, чего так радоваться? — Потяжелела ребеночком твоим. Нашим... Я принимаю сидячее положение на мягких шкурах, служивших нам постелью последний месяц с лишним. Она, понятно, рада, а вот я не знаю какие слова выдавить из сведенного спазмом гор-ла. Фонтан мыслей бушует в голове. Почему? Зачем? А ты как думал? Пользовать девку и не иметь далеко идущих последствий? Это тебе, Андрюша, не конец двадцатого века! — Так ты это... не предохранялась что ли? — только и могу ошарашено промямлить я. — Не понимаю тебя, Стярушка... что за пред-охранялась? От кого? — Ну я не знаю... микстуры, снадобья травяные, чтоб не зачать... — Зачем? По ходу, искренне не понимает зачем. Вспоминаю Алену — управляющую Фроловским кинотеатром-рестораном "Стрелой" и бывшую Фроловскую же любовницу. Постарше меня, но всем бы дамам в ее возрасте такую внешность и фигуру. С Аленой у нас случались плотские отношения без обязательств, утехи ради, здоровья для, что называется. Насчет каких-то последствий я не переживал ни на грамм, знал, что у нее все под контролем. Ей и так хорошо, зачем ей дети? Расслабился осел! Ох, недаром с языка при Гольце слетела внезапная мысль о собственной усадьбе с домиком. Подсознание сработало. По ходу, придется полноценной семьей обзаводиться, не кидать же девчонку в интересном положении. А что, мне она по сердцу. Насчет великой любви не скажу, но, чувствуется мне, Млада будет хорошей матерью и отличной женой. Запретов на вольный секс в этом мире нет. Многие незамужние девки свободно кувыркаются с парнями, особенно жалуют отроков и гридней из княжеской дружины, родить от воина — родить воина, защитника. Такого в любой род примут, своим запишут без вопросов. Я обреченно откидываюсь на валик подушки. — Не рад? Улыбка слетает с лица Младины. Смотрит почти испуганно — вдруг не угодила! От жалости к ней меня переворачивает да так, что мысли, наконец, выстраиваются ровными рядами как городской частокол. — Рад, — говорю и думаю — будь, что будет! Вернусь из похода живой с Мишей или без, сыграю свадьбу, да дом построю. Будем с Младой Рогволду паству плодить, дело общепитовское развивать, может и со службы княжьей уйду. А не вернусь — память по себе оставлю, пушай чудо босоное по земле бегаёт, папку со слов матери знает... — Рад я, Млада, рад. Иди ко мне, подождут там... Настроения — ноль. Полный и абсолютный как в космическом вакууме. Я бы с удовольствием остался при корчме, но долг толкает присутствовать на строительстве корабликов для грядущего военного похода на куршей. Воздав ежедневное должное старине Сильвестру, поднимаюсь на надвратную башенку поглазеть на речную ширь-синь да поболтать со скучающим под четырехскатной крышей Прастом. Болтать особо не о чем. Праст сонен и пребывает в мрачном настроении вследствие хорошо проведенного вечера, переходящего в утро. Башка раскалывается у Прастушки, кваском опохмелиться хочет да коварный я не позволяю. — Смены дождешься — отпущу, а пока стой, в оба гляди как бы кто чужой вынюхивать чего мы тут строим не полез. — Кому надо все уже давно знают, — недовольно бурчит Праст, но, повинувшись приказу, покрепче сжимает копьё и устремляет мутный взор на речку и побережье. — О! Гляди-ка, Стяр, а вот и чужие! Хм, чужие здесь это из ряда вон. Заглянуть в наш маленький острожек обычно желающих не сыскать. Гляжу вниз. У ворот огороженной стеной верфи появляются двое. Вообще-то появившихся пятеро, но я вижу только двоих, настолько они

колоритны и ярки по отношению к своим спутникам — на вид обычным людям, только очень смуглым. — Пригляди, — велю Прасту и спускаюсь по связанной из толстых жердей лестнице, отворяю ворота, выскальзываю наружу навстречу гостям. Эти двое тоже смуглые. Один повыше и постройнее в отлично сшитом, черном камзоле без воротника и пуговиц, украшенном серебряной вязью от горловины до края подола. Широкий пояс украшен золотыми и медными бляшками, а также двумя кожаными кошельками, явно не пустыми. С пояса на правое бедро свисает кинжал в сверкающих драгоценными камнями ножнах, на левой стороне — длинная, тяжелая сабля в таких же умопомрачительных ножнах. Штанцы на нем из мягкой черной кожи с обмотками цвета спелого апельсина от колен до коричневых башмаков. Под камзолом проглядывает шелковая рубаха небесно-голубого цвета. Лицо как у болеющего желтухой пациента инфекционного отделения районной больницы. Черные глаза в обрамлении длинных, изогнутых ресниц, тонкий длинный нос, тонкие губы, подбородок узкий. Порода, одним словом. Я бы сказал — арабская кровь, вот только арабов я здесь еще не видел и в своем предположении остаюсь очень скептичен. Замечаю еще один штрих в облике "араба" — белесый шрам сантиметров в пять длиной над правой бровью. От меча или сабли, я так думаю... Второй смуглячок — полная противоположность меченого. Он пониже, поупитаннее, с мяси-стыми губами и носом, глаза большие, влажные. Одежда цветастая как у цыганки: желтые шаровары, подвязанные красными тесемками, свободная синяя рубаха в красных неровных пятнах, поверх рубахи кожаный панцирь с железными нашивками. А на голове... на голове — тюрбан. Вернее, что-то типа тюрбана — в складку намотанная белоснежная ткань с торчащим из макушки павлиньим пером. Из вооружения при нем выгнутый в крендель, короткий лук и сабля как у "араба", только не в таких богатых ножнах. Всем своим видом я выражаю немой вопрос — на кой ляд приперлись, чужие люди? — Сборщик податей на причалах сказал нам, что здесь мы сможем отыскать князя этого горо-да. Скажи, так ли это? "Араб" не дурно болтает по-нашему, акцента почти не слышно, если на рожу не смотреть, не поймешь, что нездешний. — Князя Рогволда здесь нет, — говорю, не кривя душой. Рогволда вообще нету в Полоцке, так как вторые сутки изволит охотиться в подвластных лесных угодьях на косолапного любителя малины и медка. А где охота, там и пьянка по результатам, так что еще дня три хозяина в городе не будет. — Есть его сын княжич Ольдар. Известить? Мне поспешно и утвердительно кивают и в этом жесте читается тревога. — Откуда вы и что вам нужно? — с ходу берет чужаков в оборот младший сынишка Рогволда. Посланный мной Жила оторвал его от игры в кости со Стегеном — слабаком по части этого развлечения, оттого любимого соперника Ольдара. Внутри лодейного двора княжич прибывших незнакомцев не впускает, Праст прикрывает за нами воротину, поднимается наверх и демонстративно накладывает стрелу на тетиву своего лука. По ту сторону ворот Сологуб собрал еще четверых на всякий случай. В кои-то веки — происшествие, уставшие валять дурака дружинники рады любому нетривиальному событию как щенки, впервые увидевшие кота. — Мое имя Джари, княжич Ольдар. — с низким поклоном отчетливо проговаривает "араб" и указывает на щекастика в тюрбане. — Это мой спутник Мадхукар, он не говорит по-словенски. Гости, кажется, ничуть не смущены возрастом княжича, полны уважения и почтительности. — Говори ты, — разрешает Ольдар и подпускает в выражение своего лица важности. — Но учти, чужеземец, если ты собираешься просить беспопытного прохода вверх по реке или уменьшения стоимости работы грузчиков — лучше сразу уходи, мзда неизменна. Точно — араб! Глаз у меня — алмаз. Однако не совсем понятно, что за араб.

Воин или торгош. Прикид богатый, шрам опять же... — Нам не нужно послабление мзды, нам требуется помощь иного рода, — говорит Джари. — Нас хотят убить. Мы желали бы получить защиту у князя Рогволда. Мы хорошо заплатим. Золотом. Брови безусого княжича хмурятся. Он бросает на меня нерешительный взгляд. Я мотаю подбородком в сторону араба — пушай, дескать, дальше буровит... — Мы шли в Новгород из земель данов, но по воле богов и по воле морских волн оказались под стенами этого великого города и просим помощи у владык столь сильного княжества... — В Новгород вы шли? — перебивает Ольдар. — Да, юный князь, — снова отвесив поклон, подтверждает свои слова Джари. — Мы направлялись туда для торговли, но сбились с пути. Все же — торгош. Хотя может и наврать... — Не может быть! — восклицает пораженный Ольдар. — Никакой кормчий не может промахнуться настолько! Тебе бы следовало его посадить на кол за такое вождение корабля. Кстати, что у вас за корабль, боевой или торговый? Молодец, Ольдар, папина школа! — Торговый, мой князь, но на нем можно и воевать. — Я пока что не твой князь, — ухмыляется Ольдар и подзывает Сологуба, подслушивающего и подглядывающего сквозь щель в неплотно сдвинутых створках ворот. — Отошли кого-нибудь на пристань, десятник, пусть глянет на лодью моих гостей да поскорее. — Мы вышли из города датского конунга на острове Зиланд и направились сквозь холодное северное море. В пути нас застал трехдневный шторм, в котором мы потеряли два корабля. Мы оказались возле устья большой реки, незнакомой нашему кормчему. Мы пристали к берегу и стали ждать — не появятся ли наши пропавшие товарищи. На второй день на наш лагерь напали жители побережья и нам пришлось снова выйти в море, где мы заметили парус. Чая близкую встречу с друзьями, пошли навстречу, однако это был не наш корабль. Нас обкидали стрелами и копьями, хотели взять на абордаж. Это были даны. Мы потеряли много людей и гребцов, чтобы спастись от верной смерти, поставили паруса и вошли в устье незнакомой реки. Мы просили помощи в двух больших селениях, но нам везде отказывали из-за страха перед свирепыми разбойниками, даже еды не дали. Даны преследуют нас уже много дней и ни за что не отстанут. — Почему ты так считаешь, Джари? — интересуюсь я, прикидывая, где Дания и даны, а где наш Полоцк и на хрена бы эти смуглые ребята сдались тем данам? У страха глаза велики, в особенности когда ты не воин, а торговец... — Я знаю. Ведь Мадхукар убил сына главаря датских разбойников. Вонзил стрелу прямо в глаз. Мы опережаем их на один день пути, но наши гребцы выбились из сил, а ветер не попутный уж как третий день. Неожиданный поворот. У данов действительно есть повод для мести. Я бросаю взгляд на Мадхукара. Стоит пеньком, ни бельмеса не понимает, только лук свой пальцами по изгибу оглаживает. Подходит Сологуб с полученным от дружинника донесением. — Ну, что? — спрашивает Ольдар. Сологуб сначала утвердительно кивает, что означает — чужой корабль у пристаней действительно есть. И тут же жмет плечами по поводу его, корабля этого идентификации, хрен его знает торговый или боевой... Тут Ольдар принимает решение и объявляет его иноземным торговцам. — Князь Рогволд с княжичем Ингорем отправились на ловитвы. От имени князя Полоцкого говорю вам: вы вольны не платить пошину, но обязаны покинуть пристани до захода солнца, подниметесь вверх по Двине до волоков, дорогу на Новгород вам укажут. Ольдар разворачивается и с прямой спиной двигает в ворота крепости. Надо видеть смугленькие лица наших просителей — вытянувшиеся и опустошенные полученным отказом. Джари со спутниками начинают разворачиваться, чтобы уйти не солоно хлебавши, а я спешу догнать Ольдара. — Слушай, Ольдар, перебьют ведь их. Не жалко? — Нисколько, — честно отвечает, мечтающий вернуться к игре в кости

княжич. — На твое земле, вообще-то, перережут. Ты как будущий князь должен всегда думать об этом. — Почему — на моей? Они успеют отойти от Полоцка на должное расстояние. Вот ведь засранец! В голове у меня уже сидит шальная задумка и выветриваться не собирается. Надо его уговорить! — погоди, княжич, давай поможем иноземным купцам! Я знаю как! вспомни наш поход за солью. Тогда ты наоборот рвался со мной и не прогадал, все вышло просто замечательно, сами в наваре, еще и Рогволдову казну пополнили. Решайся, княжич, дело верное, поможем этим нерусским, они нам до смерти благодарны будут. А ты снищешь славу, заставлю Кокована песню сочинить как сын Рогволда морских разбойников разбил. Кроме того, если хорошенько поразмыслить, у разбой-ников тех лодчонка должна быть недурная, если по морю и рекам ходить может, захватим — наша будет. Отцу твоему каждый кораблик на пользу! Глаза Ольдара вспыхивают и я понимаю, что попал в самое яблочко. Княжич взволнованно втягивает носом теплый воздух. — Останови их! Вот так-то лучше. Это я мигом...

Глава девятнадцатая

Глава девятнадцатая

В разгар навигации плотов, лодок и больших грузовых судов на Двине как мурашей на мурашиной дороге. Торгуют, прогуливаются, на другой берег желающих переправляют, идут вверх к Днепру или до ловатских волоков, спускаются ниже в сопредельные земли. Новгородцы ходят, смоляне, варяги, бывают и урманы со свеями на своих пузатеньких кноррах. Не особо я приглядывался ко всей этой водоплавающей братии, но боевую лодию от насада мне отличить как высморкаться.

Корабль у крайнего причала, на который указал Джари, не подошел ни под один из знакомых мне классов. Стремительное, длинное тело с длинным острым носом под совсем небольшим градусом вверх от воды. Две мачты с убранными парусами, на корме — высокая надстройка с крышей и сплошными дощатыми стенками. Посередине между рядами скамей для гребцов имеются углубления до самого киля, прикрытые деревянными крышками, этакое подобие грузового трюма. Когда крышки закрыты получается ровная палуба, способная вместить несколько тонн товара в тюках, корзинах и бочках. Полсотни десанта, не считая гребцов тоже втиснет влегкую. Добрый кораблик, вместительный и быстрый. На местных я ни разу не видел двух мачт, все как-то обходились одним единственным парусом или как тут называют — ветрилом.

Ольдар и все мои спутники-полочане так же как и я весьма впечатлилась увиденным. Какие-то выводы о ходовых и других прикладных качествах посудыны на основании беглого взгляда никто из них вслух делать не стал, у меня же в голове окончательно сложился план дальнейших действий...

Джари Массуд ибн Садуллай — дальний родственник Кордовского хаджиба Аль Мансура.

Я понятия не имел кто такой хаджиб и где находится город Кордова — столица одноименного халифата. После нескольких уточнений, полученных от Джари Садуллаевича, я определил его местоположение в районе современных мне Испании и Португалии. Полуостров, как там его... забыл... ну да пес с ним, не важно. Стерлось из памяти и ладно. Зато из этой же памяти всплывает давно забытые слова: сарацины и мавры. Сарацины, на мой взгляд, звучит более благородно...

Родственник хаджибу, но настолько дальний, что величественный Аль Мансур, второй человек в государстве после самого халифа даже не представлял о существовании скромного сына погонщика верблюдов. Не представлял, пока Джари сам не заявился из далекой провинции прямо в столицу государства город-крепость Кордову и через других родственников не попросился на службу в личную гвардию халифа. В гвардию молодого Джари приняли — хороших и верных воинов мало не бывает. Обучили правильному оружному бою, искусной верховой езде, виртуозной стрельбе из лука и всему остальному, без чего не бывает воина-мавра. Обучили и... отправили воевать. Эти проклятые христиане спать не могут, чтобы лишний раз не подумать как бы раздавить неудобный халифат с помощью оружия, года не проходит без нескольких боевых столкновений.

Воин из Джари получился просто великолепный. Это он сам сделал такое утверждение. Великолепный, иначе ему бы не удалось прикончить нескольких напавших на их корабль

пиратов, среди которых были настоящие великаны.

После этих громких слов араба Вран скептически кривится. Я понимаю своего опытного дружинника — сабелькой, что свисает с пояса Джари против кольчужных, доспешных быков данов, как с прутиком на кусачую собаку — только злить.

Мы сидим за столом в полутьме трапезного зала корчмы-конкурента у двинских причалов. Мы — это я, Ольдар, Джари с Махдукаром и Вран с Сологубом.

— А это точно были даны? — прерываю я рассказ сарацина и получаю утвердительный ответ, мол, во время боя тот расслышал несколько знакомых слов из языка на котором изъяснялись при дворе конунга данов Харальде.

Хороший ответ. Как знать, будь он иным, я бы, наверное, смог врубить задний ход. Потом Стеген сказал мне, что датский от норвежского отличается не сильно, но было уже поздно.

Нет, ну до чего ж паскудное местечко! Я тут во второй раз, но кажется с той поры стало только хуже. Наш стол еще самый чистый, другие, вижу залиты блевотиной и захарканы не меньше земляного пола. Убранство убого до слез. Ни тебе оленьих рогов на стенах, ни медвежьих и рысьих шкур, даже кабаньей башки как у меня над входом в поварню нету. Народец толчется подозрительный, по лавкам трутся темные личности с самого городского дна. Интересно, откуда у них лавэ на кутеж? Кажется, вся эта братия перекочевала сюда из Диканевой корчмы когда я перестал их там привечать. Местный корчмарь держится молодцом, так как имеет в своем распоряжении двух молодых костоломов с рожами а-ля булыжник и борцовскими ручищами. А вот дочки что-то не видать, наверное дома по Гольцу сохнут...

Задетый за живое ужимкой Врана, Джари спешит перечислить в скольких смертельно опасных стычках он принимал участие и оставался жив лишь благодаря своему тактическому мастерству. А сабля у него из сварного дамаска, сечет любой доспех, кожаный или стальной как хлыст тростник, этому клинку без разницы. И цены ему нет. Даже золота по весу не возьмет за такое славное оружие.

Это я потом выяснил, что белозубому арабу прихвастнуть как с горы скатиться. Не наврать, не преувеличить, а именно — прихвастнуть, лишний раз напомнить какой он замечательный. Сейчас же я чувствую как за пустой болтовней уходит отведенное нам время, а он еще не все рассказал.

Я вежливо прошу хаджибова родственника продолжать повествование и он продолжает...

Когда в спокойном море возник одинокий парус на торговом судне сарацин не напряглись и плохого не заподозрили, скорее — обрадовались. То есть гости из халифата были наслышаны о беспощадных северных пиратах, но на свой счет стремительное приближение чужого корабля не приняли — все же далековато от берегов любой из норманнских стран да и принимали их там радушно, с торжественным пиром в доме конунга на датском острове Зеланд. Прибытие восточных торговцев всегда вызывает сильный ажиотаж на далеких торжищах. Вот и в этот раз отторговались знатно, сбыли большую часть своих товаров за вполне приличную цену, загрузились пушниной, ворванью, моржовой и рыбьей костью, шерстью, медом, воском и взяли курс на Новгород. В этом богатом и славном городе Руси хозяин каравана по имени Зифат мечтал прикупить рабов обоих полов. Славянские мужчины ценятся за силу и выносливость, к тому же не так упрямы и строптивы как жители Севера, а женщины красивы, покладисты и работящи.

Сначала Зифату не повезло с погодой. Шторм раскидал маленькую флотилию по Балтике как изюмины по коврику. Затем коварные обитатели неизвестного берега захотели узнать что есть полезного в трюмах диковинного корабля, причалившего к каменистой отмели. А добил Зифата грабительский налет северных воинов. Добил — это в прямом смысле. Нет больше уважаемого самим главным визирем человека, главы многодетной семьи, владельца нескольких усадеб, десятка наложниц, полусотни рабов, удачливого торговца восточной экзотикой и живым товаром. Скончался благородный Зифат от тяжелых ран на борту единственного из уцелевших своих кораблей.

В некотором роде сарацинам помогла уверенность пиратов в своих силах и высота бортов собственного корабля. Далекий парус в море быстро превратился из неясного пятна в стремительно приближавшийся корабль. Морская вода вскипала под слаженными ударами весел, а носовая фигура хищно раскрыла драконью пасть в предвкушении бури смертей.

— Расправляйте паруса! — закричал Джари, первым почувшавший неладное еще когда до чужаков было с тысячу шагов. Ему ли не знать как сверкают под лучами солнца, пусть даже такого тусклого как здесь, начищенные шлемы воинов. Друзья так не приходят, парус скатывают, а веслами молотят как сколопендра лапками.

— Чего это ты раскомандовался? — недовольным басом поинтересовался хозяин Зифат, стоя у ближней к носу мачты. — Знай свое место, я плачу тебе за охрану, а не за то, чтобы ты тут распоряжался!

Через четверть минуты после этих слов на собравшихся вдоль правого борта любопытных арабов с расстояния в сотню локтей обрушился залп стрел и коротких копий. Десяток сразу на повал.

— Паруса! Ставьте паруса!!! — визгливо завопил уважаемый купец и согнувшись в три погибели припустил в кормовую часть судна под укрытие прочной надстройки.

Несколько человек поспешили выполнить распоряжение начальства, шустро завозились с такелажем.

В последний раз ударив мелкую волну, втянулись внутрь чужого корабля весла и страшная деревянная драконья башка с налитым красным глазом заскользила вдоль борта будущей жертвы, а спущенный с мачты грязный парус трепыхался на ветру как пойманный змееловами удав. Прижаться вплотную помешали толстые весла сарацинского судна. Это мудрый Джари Массуд сообразил приказать веслами отталкивать бок пиратской посудины, чем успешно и занимались арабские гребцы...

— Постой, уважаемый Джари, — я перебиваю захватывающее повествование под недоуменный взгляд княжича Ольдара. — Как ты очутился на торговом судне? Ведь с твоих собственных слов, ты — воин!

Я не хотел ловить араба на лжи, ведь по комплекции он едва превосходил субтильного Гольца, просто пока у меня кое что не вязалось.

Оказывается, не стерпев оскорбления, горячий Джари в личном поединке убил командира сотни тяжелой конницы халифова войска. Убил во время трудной военной кампании, что для победителя имело нехорошие последствия. Из гвардии Джари поперли, войну он заканчивал в обычной пехоте, а потом и вовсе уволился со службы. Ну как уволился... сбежал. Нанялся в охрану к купцу Зифату — большой шишке в одном из отдаленных приморских городков. Это был их первый совместный поход и последний для почтенного Зифата.

Трюк мавров с веслами данов задержал не надолго. На борт торговца полетели веревки

с крючьями, несколько мощных рывков и корабли притянуты друг к другу на расстояние упертых в борт датского судна, вставших в распор арабских весел. Вот прямо по этим веслам с жутким ревом ринулись захватывать чужое добро несколько самых смелых и ловких данов. К этому времени Джари успел организовать какую-никакую оборону. Арабское судно больше датского, а, стало быть и народу на нем побольше. Да, основная часть далеко не воины, гребцы так и вовсе — забитые рабы, но вся команда слаженно встретила нападающих в копья и клинки, кому ж охота помирать на краю света неизвестно у чьих берегов. О добровольной сдаче вопрос не стоял, так как все, даже рабы знали какая ужасная участь их ожидает, попади они в руки лютых северян.

Экипаж сарацинского корабля вознамерился дорого продать свои жизни. Каждый, включая невольников-гребцов, бился как лев. Но налетевшие даны были как коршуны среди утиного выводка. Одна группа ворвавшихся на торговое судно бородачей сразу кинулась к кормовой надстройке, справедливо полагая, что именно там найдет кубышку с материальными ценностями. На их пути возник хозяин Зифат с тремя помощниками и сыном своей младшей сестры. Зифат хоть и толстоват для такого рода занятий, но саблей и копьем орудует неплохо.

На палубе вскипела сеча. Полтора десятка опытных вояк данов против превосходящих количественно рыночных торговцев с юга. Лязг, крики, стоны, звериный рык неистовых северян...

Джари ловко уклонился от летящего в голову топора, нырнул под руку с мечом и обратным хлестом сабли рассек правый бок первого в своей жизни дана. Дерьмо кольчужка, его сабля расшила ее как гнилую ткань. Перед Джари сразу же возник еще один. Лохматый, без шлема, рычащий по звериному, с кровавой кляксой во все лицо. Джари крутнулся, пропустил меч мимо себя и рубанул по открытой шее. Бывший гвардеец халифата рвался к борту. Подхватив выроненный кем-то щит, Джари прикрыл им голову и верхнюю часть туловища. Нужно обрубить абордажные веревки, ведь это дурачье не догадается... В щит прилетели сразу две стрелы с вражеского корабля. Джари подивился с какой силой были посланы снизу вверх эти стрелы, раз обе проклюнулись острым жалом сквозь мягкое дерево щита. Не высовываясь над бортом, родственник кордовского хаджиба сумел смахнуть саблей абордажную веревку. Впившаяся в обшивку железная лапа с острыми когтями осталась торчать на месте. Джари откатился от борта прямо под набегающего дана. Пятью секундами раньше этот дан двумя росчерками меча сразил двоих бездоспешных гребцов. Легко убил, будто мимоходом, словно не живые то были люди, а речной камыш. Чувствуя лопатками жесткий настил палубы, Джари сильнейшим ударом под чистую ссек бородачу правую ногу ниже колена.

Оскальзываясь на залитой кровью палубе, не обращая внимания на творящееся вокруг смертоубийство, Джари метнулся к следующей веревке. У плеча свистнула стрела. Справа отвалился куда-то вбок северный воин с выросшей в правой глазнице древком с черным оперением. Еще свист — хрип и грохот тела позади. Ему даже не надо смотреть кому обязан жизнью. Махдукар. Лупит из своего диковинного лука с носовой части корабля, укравшись за объёмными тюками с овечьей шерстью.

Этот Махдукар и сам диковинный, достаточно на него взглянуть... Он из далекой, загадочной Индии, но как и Джари — настоящий воин, стрелок не знающий промаха. Сообразил толстоносый своими стрелами отгонять врагов от Джари и ставящих парус людей.

Плохо, что Джари не успел надеть свои доспехи, бой застал его в рубаше и походной накидке. Поэтому копье жидкобородого дана с легкостью вспорол ничем незащищенное плечо. Благо в этот момент Джари уже начал смещаться, чтобы избежать удара и острие копья вскользь взрезало мякоть не задев кости. Дан ринулся добивать подранка, но напоролся сначала грудью на выставленный щит, а затем кадыком на дамасскую сталь.

Джари смахнул еще одну веревку. Он понимал, что единственный шанс выжить — не драться с пиратами в открытом бою, а попытаться уйти от них, используя преимущество в скорости перед их кораблем. Насколько он смог высмотреть в весельное отверстие в борту, там внизу оставалось еще около двух десятков соплеменников свирепых викингов, но к его удивлению, следующая партия не спешила карабкаться по веслам, дабы подсобить товарищам по палубе. Ждали чего-то...

Последняя веревка. Корму пиратского корабля стало относить от носа арабского судна. Лопасты весел опустились в воду, а с ними туда же опрокинулись и нерасторопные даны из, кто все же решился помочь партнерам по опасному бизнесу. Одновременно со взмахом сабли по последней абордажной веревке, ветер с силой хлопает в развернутый парус, корпус корабля содрогается и задирается носом к небу. Пошли! Джари радостно закричал. Почти сразу расправили второй парус. Высунувшись над бортом, Джари увидел как быстро удаляется от них корабль данов. Отличный ветер, вот только несет он к берегу...

Дружный вопль, славящий аллаха, проводил шестерых оставшихся в живых, щедро орошенных чужой кровью данов за борт. Они еще могли драться и перебить кучу народа на торговце, но предпочли отступить, чтобы соединиться с оставшейся на корабле компанией и повторить налет.

Кто-то догадался встать к рулю. Ветер по прежнему налегал от моря, наполняя паруса крепким соленым духом. Только сейчас Джари заметил тело хозяина Зифата лежащее в кровавой луже общей с родным племянником.

Джари велел рулевому править на неизвестную реку, так как посчитал, что сейчас будет уместным взять командование в свои руки и попытаться оторваться от данов вверх по руслу.

Убитых со стороны нападавших было восемь. Матерые, взрослые мужчины с густой растительностью на обветренных лицах и большим количестве памятных зарубок вынесенных из многочисленных стычек. Шестерых приговорили Джари и Махдукар, еще двоих совместными усилиями свалила сарацинская команда торгового судна.

Взгляд на тело одного из данов заставил Джари поднапрячь память. Здоровый, молодой волчара. Бронь хорошая, одежда тоже не самая худшая. На не тронутом мужской порослью лице застыло обиженное детское выражение. Парень явно моложе остальных своих товарищей, лет восемнадцать, самое большое — двадцать...

И тут Джари вспомнил это наивное лицо, за личиной которого скрывалась сущность разбойника и убийцы.

Сын датского ярла Хастейна Пустая Берлога. Джари даже вспомнил его имя — Хролейв...

Покойный Зифат с племянником Кадаром так славно подружились с Хастейном и Хролейвом на пиру у конунга. Смеялись, рассказывали о своих приключениях, Джари тоже пил с ними из одного рога...

Хролейва метким выстрелом завалил Махдукар, но перед этим юнец успел порешить пятерых в числе которых были Зифат и Кадар. Соратники ярлова сына убили еще двадцать человек. Ранеными оказались почти все, исключая Джари, Махдукара и нескольких гребцов.

Трое тяжелых.

Никто из арабов за всю свою жизнь не слышал такого страшного, звериного рыка, что родился на палубе датского корабля и настиг набравшее ход сарацинское судно как удар бича.

Похоже старина Пустая Берлога выловил из моря своих людей и понял, что живьем сынка больше никогда не увидит.

— Этих ободрать и за борт! — скомандовал Джари, указав на трупы данов. — Кто не занят — на весла!

Если судить по расстроенному реву, заставившему кружащих над волнами чаек втянуть головы, за смерть сына ярл Хастейн намерен мстить и мстить крайне жестоко. Лучший выбор для сарацин — дуть вверх по реке до первого большого селения, где смогли бы дать отпор страшным людям севера. Еще одной схватки с данами им не вынести...

— Ты хорошо говоришь по-нашему, — замечаю наблюдательный я, как только Джари перестает говорить.

— При дворе великого халифа много склавинов. Личная охрана, боевая дружина, есть среди них и военачальники. Так что — да, я хорошо говорю на языке склавинов.

Я задумчиво наблюдаю за беспрестанно жующим Махдукарком. Он и Джари сожрали вдвое больше нас четверых. Оно и понятно — с припасами на судне последние дни большая напряженка, хорошо хоть вода кругом пресная. Сожрали и на здоровье. Собственно, за тем и пригласили...

Услужливый хозяин с масляной улыбкой подводит к нашему столу пару светловолосых, румянощеких соплюх, предлагает попользоваться в качестве десерта. Каков мерзавец, но расторопен подлец и сервис такой ненавязчивый, как раз в духе этой тухлой рыгаловки.

— Не надо девок, — машу я на него. — Потом.

Оживившийся было Джари, понимающе кивает — дело превыше всего, тем более такое, когда на кону собственная жизнь. Он смотрит вослед уводимым корчмарем девкам и шумно вздыхает.

Если я правильно понял, Ольдар за отсутствием батяни и старшего братца в Полоцке нынче самый главный. Не знаю, может и оставил папа Рогволд кого из бояр за себя на пару дней да и узнавать неохота, Ольдар как исполняющий обязанности меня вполне устраивает. Делиться ни с кем не надо будет.

Я подвожу итоги сказанному Джари и прочавканному Махдукарком. Гражданин Пустая Берлога сильно огорчен убийством сынули какими-то торгошами и страстно желает побазарить с ними по душам. Людей у него еще предостаточно, чтобы разнести сарацинский корабль в щепки, а экипаж покрамсать в лапшу. Это ж сколько километров убитый горем папаша протащился за своими кровными врагами сквозь чужие земли ради одной единственной цели — довести начатый абордаж до логического конца! Ну а зачем откладывать месть в долгий ящик? Вот он — враг, удирает на всех парусах, нужно только догнать и вгрызться в глотку...

Итак, что мы имеем? Двадцать три человека вместе с двумя нашим сотрапезниками на сарацине. Два десятка бойцов у меня с Сологубом, то есть у Ольдара. Желание арабов сохранить свои жизни и товар, плюс наше желание немного подзаработать и обзавестись боевым корабликом. Мне кажется, вполне достаточно, чтобы ввязаться в эту авантюрку. Вот только в отличии от операции по изъятию соли у недобросовестного хозяина, в этот раз

необходимо валить всех, остаться чистенькими не получится, с данами такие шуточки не пройдут. Всех валить наглухо, никого не щадить. Ну, может быть, одного, на поболтать...

До утра, когда по прикидкам Джари Садуллаевича стоит ждать появления корабля данов у полоцких причалов, времени еще навалом. Я начинаю в подробностях излагать свой план.

Когда мы впервые осматривали корабль магометян, Джари представил нам почтенного Файзуха. Невысокий, слегка переупитанный смуглец лет сорока, с бабьей фигурой, жгучими черными усиками и грустными глазами циркового пони сейчас является первым человеком на корабле после трагически усопших хозяина Зифата и его племянника. Файзух подвизался у Зифата кем-то вроде казначея или счетовода. Именно Файзух уговорил Джари попросить помощи у русов, нас то есть, ибо над телами погибших патронов сам себе поклялся привести корабль и большую часть средств за вырученный товар обратно в халифат семье купца Зифата.

Я поначалу напрягся. Человек, по долгу службы имеющий дело с деньгами, в особенности с чужими деньгами, как правило, очень расчетлив и фантастически прижимист, каждую копейку жмет пуще своей. Однако Файзух оказался сущим душкой. Балаболит на своем очень эмоционально, рассказывал как сильно он нас всех отблагодарит, если избавим их от преследования ужасных данов.

Обещать, не значит жениться, но я склонился уверовать в посулы казначея и даже задаток брать не хотел, да Ольдар настоял. Саму казну — небольшой сундучок в углу помещения в кормовой надстройке я видел собственными глазами, когда, заслонив жирной спиной, Файзух вытаскивал из него десяток золотых солидов. Оставалось надеяться, что заветный сундучок так же полон золота и серебра как я энтузиазма.

— Странная у них лодка, — делюсь я своим мнением с окружающими, едва мне удастся как следует разглядеть бесшумно возникший в призрачном утреннем тумане корабль, на который с веским: "Идут!" указал Джари.

Идут...

Вот ведь мстительный народ эти даны! Столько речных миль пропахать в погоне за непролитой кровью, это надо быть очень терпеливым. И очень смелым. У Хастейна Пустой Берлоги определенно железные яйца, коль на одном кораблике с кучкой бойцов безбоязненно чапает по чужим землям, вернее — водам, аки по своему собственному подворью. Мне любопытно кем он представляется мытарям пристаней, проход мимо которых платный, как у нас в Полоцке? Купцом? Тогда с него потребуют плату в серебре, соразмерную количеству перемещаемого товара, или самим товаром частично. Зато, пока находится на территории полоцкого княжества, такой торгаш под защитой княжеской дружины и сможет рассчитывать на справедливый суд в случае какой либо передраги. Поразмыслив, я прихожу к выводу, что ярл Хастейн не станет притворяться купцом. Не купеческое у него судно, это издалека видно даже мне. Да и защита ему на хрен не сдалась, сам кого хочешь обидит. Скорее, лепит легенду, мол, идет к комунибудь в гости или по делам, да мало ли тут разных затейников плавает, а уплатить пяток серебряков за "крышу" — не велика трата. Ежели транзитную пошлину не платить, то княжеские людишки могут устроить какую-нибудь бяку на обратном пути, либо если рожу топором и переть буром мимо пристаней — догонят на боевых лодках и чешую сбреют от головы до хвоста. Тут вам не в Дании. Разбоем русские князья давно не промышляют. Живут поборами с торговых путей, с волоков на междуречьях, да со смердов шерсть состригают в качестве ежегодной дани различным товаром. Рогволду повезло, Полоцк стоит уж больно удачно — на пути в Балтику, доход стабилен большую часть года. А зимой князь сам за данью катается, каждую

подчиненную ему весь, каждое городище объедет, положенное заберет, кого потребуется словом княжьем обласкает, кого надо строго накажет, спорщиков рассудит. Так надежнее, чем постоянно ходить за добычей в набеги, из которых очень легко однажды не вернуться.

Полоцкий князь гарантированно рассердится, когда узнает, что какой-то дан на его участке Двины быкует. Город-то большой, с реки видны и подол и крепость нехилая, значит дружина тоже есть и не малая. То, что корабликов боевых в поле зрения не наблюдается ни о чем не говорит, корабли можно в протоках попрятать.

Нет, не станет ярл в Полоцке пальцы гнуть. Пристанет и заплатит сколько положено, заодно про сарацинского купца вскользь поинтересуется. И узнает — ушел мавр. Ушел еще затемно...

Сам поражаюсь насколько я стал шарить в различных вопросах здешнего бытия и психологии. Учителя хорошие попались, земной им поклон...

Ушли мы недалеко, но с запасом. Поднялись вверх по Двине, так, чтобы с причалов и городских стен нас не видели да притулились к левому бережку. Ярл должен чувствовать себя комфортно и не переживать, что с Полоцка примчится подмога терпящему насильственное бедствие арабскому купцу. Пускай почувствует себя волком в овчарне, а мы ему в пасти отбойным молотком постучим.

Корабль у Хакстейна действительно интересный. Вроде и лодия типа тех, что Глыба со своими строгает, но и не лодия. Поуже да подлиннее чуток, все изгибы деревянного тела чуть более выраженные. Носовой фигуры нет, будто ее спилили, что вкупе с полосатым черно-белым парусом большего размера придает кораблю чудной вид. Хотя, есть у меня подозрения, что внешность и качества плавательных средств в этом мире сильно зависят от конкретного мастера их собравшего.

— Это — драккар, — авторитетно заявляет Стеген с затаенным трепетом в голосе. — Двенадцативесельный.

— Да ну? — ехидно восклицает Сологуб. — А мы думали даны тоже на лодиях по морям ходят!

Стеген не обращает внимания на подначку, прищурившись, продолжает впиваться взглядом в скользящий по речной глади корабль.

Драккар, пахари морей, великие северные воины, викинги... У меня аж кровь в жилах вскипела. Я почему то только сейчас осознаю, что нам будут противостоять те самые безжалостные морские хищники, наводившие ужас на всю Европу... Те самые ребята, которые втрое уступая числом, почти сумели захватить судно хозяина Зифата.

Урман присматривается получше.

— Гребут только четыре ряда.

Отлично, видать и вправду народу не хватает, чтобы усадить за все весла, берегут смену. Я прошу Джари отдать команду гребцам начинать свою работу — тянуть торговца прочь от затынутого осокой и камышом берега, выбирать на стрежень.

— Увидели! — констатирует радостный для Хакстейна факт Стеген. — Ходу прибавили.

Я кидаю многозначительный взгляд на Ольдара — датский ярл заглотил наживку!

— Все по местам! — рявкает неожиданно прорезавшимся баском княжич. Положение старшего обязывает руководить совместно продуманной до деталей операцией. — Налечь на весла!

Смуглокожие арабы из числа принадлежавших Зифату работников, поднимают на

мачты сразу два косых острых паруса и поднявшийся с ночи ветерок стегают наш корабль с места в карьер.

Чувствуя как меня начинает потряхивать от прилива адреналина, лезу в грузовой отсек в один из палубных люков. Ко мне притискивается Жила. Кто с кем будет прятаться оговорено заранее с учетом габаритов людей в полном боевом облачении. Сколько там у данов на борту человек нам не видно — далеко, а вот на нашей посудине не должно быть никого лишнего. Только арабы, гребцы и Джари с Махдукаром. Живописный тюрбан индуса с торчащим к небу пером павлина заметен издали и способствует притуплению бдительности. Спугнуть Пустую Берлогу блеском шлемов проще простого...

Гребцы изо всех сил налегают на весла. Все они получили оружие и готовы выкупить свободу ценой крови. Так что данам придется попотеть, чтобы нас настичь. Попотеть и подустать перед абордажем. Будет лучше, если у них заработают все весла...

Нет, тесновато нам с Жилой в грузовом отсеке. Мы полусидим, полулежим валетом в боевом железе и натянутых на головы шлемах. Ни сесть, ни лечь нормально не позволяют габариты встроенного в палубу ящика. Товар складывать самое оно, добра в шести таких ямах поместиться прилично. Его и было прилично, но весь товар арабов мы выгрузили на пристани и оставили под надежной охраной в портовом складе. Сейчас главное, чтобы конечности не затекли и не подвели в бою. Остается надеяться, что парни на драккаре поднажмут и догонят сарацинского купца быстрее, чем мы потеряем боеспособность. В том, что нас догонят я не сомневаюсь, задача поставлена и пять раз разжевана. Джари вроде бы все понял, обещал справиться. Еще он сказал, что после стычки с данами, когда он и Мхадукар своими героическими деяниями спасли жизни оставшимся членам купеческого каравана, они, члены эти, теперь слова боятся пропустить из того, что скажут два воина. Правда, Махдукар все больше помалкивает, зато Джари болтать горазд за четверых. Вот и сейчас на палубе, перекрывая всплески весел и шум ветра, царит его звонкий голос. Несколько коротких, быстрых фраз и ход нашего корабля заметно замедляется. Приказал приспустить паруса, не иначе. Должно быть даны отставать начали. Красавчик Джари Ибн Садуллай, пока все идет по плану, до славной драки и не менее славной награды осталось всего ничего...

И все же чертов Хакстейн сумел преподнести нам сюрприз.

Через некоторое время корпус нашего корабля содрогается от мощного удара, слышится сухой треск, будто в бочку со всего размаху всадили топор. Мне кажется, что сила этого удара кратковременно слегка приподнимает судно над спокойной речной волной. Тряхануло знатно и, судя по вектору приданного ускорения, нами овладели через филейную часть. Факт весьма неприятный и не слишком почетный. Видимо, ярл Хакстейн извлек урок из неудачного абордажа и решил больше не подставлять свой борт под весла коварных мавров, а пойти кратчайшим путем.

Я мысленно представляю как должно со стороны выглядеть столкновение двух кораблей. Отсутствие длинной шеи с резной драконьей головой на драккаре сделало нос этого корабля похожим на носорожий костяной нарост, что при выполненном условии наличия у врага более высоких бортов сыграло роль тарана. Пинком под корму с палубы сарацина сметает всех стоящих на двух ногах. Кто-то громко вопит от боли, неудачно упав, иные принимаются злобно костерить клятых данов на языке пророка Мухаммеда. Пользуясь наведенным шухером, безучастные к проклятиям викинги швыряют свои крючья на крышу надстройки и предпринимают стремительное восхождение на господствующую высоту, а

затем оттуда прыгают вниз на палубу, на лету рубя из арабских мореплавателей крошку...

— Пора что ли? — беспокойно шепчет в районе моих пяток Жила.

— погоди! — отвечаю я в полутьме, прислушиваясь к звону железа в районе кормы. Топота ног по палубе не слышно, но почти сразу после столкновения возникают звуки яростного боя. Значит, даны не через борт поднимались, а через "черный ход", стало быть, наши ранее согласованные действия сибирскому коту под хвост. Я не сомневался, что набившиеся внутрь помещения надстройки без малого десять вооруженных дружинников под руководством Сологуба смогут достойно встретить данов, а вся команда халифатского торговца им из всех сил поможет. Перед нашим засадным подразделением стоит задача захвата вражеского судна и, чтобы подтвердить или развеять свои нехорошие подозрения, я во всю силу своих тренированных легких команду:

— Пошли!

Мой рев распространяется по подпалубному пространству как эхо гаубичного выстрела в лесу. Крышки лючков подпрыгивают и отваливаются в сторону, выпуская на свободу полочных дружинников. Часть перепуганных гребцов еще глубже вжимается под лавки, другая часть с полученным от нас оружием выражает готовность пободаться с викингами.

Так и есть! Ни по одному из бортов сарацина датского корабля не наблюдается, зато отлично виден шпиль мачты со все еще поднятым полосатым парусом позади надстройки. Встает вопрос — как нам теперь попасть на драккар для его захвата, если он торчит носом у нас в заднице?

Хитрая тварь этот Хакстейн!

Хотя...

Может быть не все так плохо.

И не хитрый он, а отчаянный...

Мы ведь как хотели? Пока основные силы данов скованы боем на палубе атакованного ими корабля, мы из засады прыгаем на драккар, бьем всех кого там найдем, чтобы не вздумали увести судно, и возвращаемся на торговца решительным натиском завершая разгром. Облом-с. Драккар сзади и попасть на него можно только пробившись через толпу дерущихся острыми железками мужиков.

Внутренний голос вкрадчиво вещает, что драккар от нас никуда не денется. Если мы, конечно, выживем...

Хакстейн и вся его команда на нашей палубе. Нет никого на драккаре. Ярл пришел сюда убивать или умереть.

Полтора десятка данов, прикрывшись круглыми щитами встали плотной стеной поперек палубы, аккуратно у кормовой мачты и рулевого рычага. В две шеренги стоят. Спина к спине. Не знаю кто из них ярл, ребята все как на подбор здоровые, в добрых бронях и шлемах. Взлетают окровавленные клинки, звенят щиты и брони, отваливаются убитые и раненые, в основном из уроженцев южных стран. С носа корабля, со своей любимой точки Махдукар никак не может прицелиться — мешают спины и головы своих же сопалубников, мешают качка и паруса, которые никто не озаботился спустить, мешают результативно послать стрелу вражеские щиты и доспехи.

Звонкий голос Джари доносится с кормы, по ту сторону живой стены. Ревет буйволом Сологуб, кричат сарацины, лязгает сталь.

А хорошо стоят сволочи, твердо. Арабы насаждают, но пробить стену щитов не могут,

бьются как мухи о стекло. Сердце у меня екает, наполняясь дерьмовыми предчувствиями. Мавры наши хоть и воинственные хлопцы, биться ни один не отказался, не скажи, что обычные продавцы, но все же данам не чета, жидковаты супротив профессиональных вояк.

— Клинь! — кричит юный Ольдар. Мы хватаем щиты и строимся, образуя нисходящие крылья по бокам от острия во главе с Враном и Стегеном.

Черт, молодец княжич! Вовремя сообразил. Я бы, наверно, еще не скоро вспомнил что и как нужно противопоставлять плотному щитовому строю.

По правде говоря, в центре нашего построения должен быть я как командир подразделения, как десятник, как старший гридень. Я честно пытался занять причитающееся место, но был оттерт литым кольчужным плечом Врана, а потом и Стегена.

— Княжича гляди, — бросает мне скандинав и хищно щерится.

В итоге меня подвигает еще и Праст, молча втискиваясь между мной и урманом. Ничего личного, просто эти парни опытнее меня и в пустые споры я не вступаю.

Мы с разбегу врубаемся в стену данов как тяжелый колун в березовую плашку. Стеген с Враном в два клинка убирают центрального викинга и проминают строй до второй шеренги, ударом в спину вынося из нее здоровенного дядьку в блестящем шлеме прямо на копья Сологубовых парней. Зажав в правом кулаке рукоять меча, обеими руками упираюсь в свой щит да так и налетаю на ближайшего врага. Наши щиты сталкиваются с глухим треском. Я присаживаюсь, пропуская над краем своего щита топор на длинной ручке, одновременно рублю по ногам, достаю самым кончиком меча по голени в кожаных обмотках. Кость не разрубил, но вломил прилично. Рыкнув от боли, мой оппонент остался на ногах и принялся методично разваливать топором мой щит, а его напарник слева активно ему в этом деле помогать.

Выходит зря я раньше полагал, что дай любому смерду или холопу щит с топором и он будет славно держаться в общем строю ничуть не хуже обученного гридня. Хрена с два! Сохранять строй очень тяжело, по себе теперь знаю. Если я сейчас уберу свой щит, то все удары, соответственно, будут прилетать в мой органон. Мало того, достанется Ольдару слева от меня и Прасту справа. Праст в свою очередь прикрывает Врана. Вран — Стегена и так далее по цепи. Сложная штука боевой строй, малейшая прореха — вклинится, разделит на части и сожрут с потрохами. Примерно как мы сейчас поступаем со строем данов...

Здоровый сучара! Спутанные белесые патлы торчат испод шлема с полумаской в виде очков, прикрывающей верхнюю часть лица. Бородища всклокочена, избрызгана кровью. Черный, открытый в крике рот зияет в провале бороды как пещера в Гималаях.

Сильный падла. С раненой ногой рубится как ни в чем не бывало. Своим чертовым топором он сносит мне верхнюю часть измочаленного щита. Еще один такой удар и мне нечем будет прикрывать себя и Ольдарову правую сторону. Все мою потуги достать его мечом отбиваются топором или принимаются на щит с выпуклым железным умбоном. Рядом пыхтят Праст с Ольдаром, разбираются со своими оппонентами, каждый из которых ничуть не слабее моего. Вот Праст, отбив очередной удар, контратакует и слишком сильно отводит руку со щитом. Я в этот момент с трудом уворачиваюсь от пролетающего по горизонтальной дуге топора, пущенного даном в "очкастом" шлеме. Топор на излете лупит Праста в закрытое кольчужой плечо. Плетеная вязь металлических колец лопаается, моего дружинника ведет в сторону. В ту же секунду, пока рука дана не успела отдернуть топор, я исполняю нечто вроде колющего оверхэнда, вонзая жало меча прямо в рожу патлатого дана. Хорошо попал, глубоко, со скрежетом. Прямо в правую глазницу полумаски. Инерцией удара

дана отшатывает назад. Клинок моего меча зажат в металлической глазнице как железный клин в деревянном топориче и под тяжестью падающего мертвого тела выскользывает из руки.

Приятель убитого мною дана — рыжебородый крепыш из всех сил лупит по мне мечом, окончательно добывает щит и тут же замахивается снова. Я испытываю жгучее желание зажмурить глаза, но храбро решаю встретить смерть лицом к рыжей харе бородатого убийцы и замечаю смазанное скоростью полета древко свистнувшей над моим левым плечом стрелы. Шатен цапает себя за пробитое горло и навсегда обо мне забывает.

Махдукар! Наконец-то...

Я не успеваю заметить как рослый викинг в отличных доспехах оказывается в одиночестве у нас на фланге, возле самого борта у последней гребной скамьи. Зато вижу как он сильнейшим ударом сверху-вниз глубоко разрубает ключичную кость лопухого Лба, оглушает ударом щита Волю и наискось хлещет мечом Ольдара. Движения дана стремительны и выверены как движения когтистой лапы хищника. Его русые патлы спутаны с бородой и щедро окроплены алой кровью. Матерый гад. Княжич с великим трудом отбивается щитом, тогда дан с наскока лупит ногой в щит Ольдара и пацана отбрасывает на меня. Чтобы не упасть самому, мне приходится принять его в свои объятия и придержать. Дан только этого и ждал. Каким-то чудом он мечом сбивает в полете пущенную с двадцати шагов стрелу, будто веткой от комара отмахнулся, и прыгает к Ольдару с очень нехорошими намерениями.

Тут бы и сказочке конец, ведь с гибелью отпрыска неминуемо настала бы хана и мне как подстрекателю на несанкционированную операцию. Рогволд не простит по любому даже если победим и добудем ему драккар.

Кручу легкого княжича вправо, отворачивая от сверкающей полосы датской стали.

Хорошая кольчужка была у покойного атамана разбойников Тихаря. Прочная, плотного плетения, колечко к колечку...

Выдержала давно ставшая моей кольчуга резкий и сильный удар. Острая кромка меча скрежетнула по левому боку, через секунду заставив стиснуть от боли зубы, будто битой бейсбольной схлопотал по почке.

Не давая возможности повторить, лягаю ногой наскочившего дана в область паха и тут же стрела индуса бьет его сбоку в шлем. Голову викинга резко мотает к левому плечу, а его самого разворачивает на сорок пять градусов. Чистый нокдаун, уж я то вижу как проседают его колени. Кому другому таким прилетом могло и шейные позвонки сломать, а этому не мешает даже секнуть мечом почувывшего легкую наживу одного из гребцов.

— Не лезь! — кричу я Воле, устремившемуся побеждать ярла. В том, что нам противостоит сам Хакстейн у меня уже нет сомнений. Больно уж справно прикинут и бьется как дьявол вылезший из преисподней. — Назад, Воля! Назад!

Надо крутить его, попробовать зайти за спину. Сейчас Махдукар выцелит ярла, хорошо бы не мешать ему стрелять, но Воля уже меня не слышит — опрокидывается на гребную скамью с разрубленным поперек лицом.

Ярл бросает быстрый взгляд за борт. Ну да, с таким весом бронного железа как на нем только в воду и прыгать. Сразу раков кормить будь хоть самим Ихтиандром...

Из-за наших спин Хакстейну в правую половину груди прилетает короткое копьё. Стальное жало пробивает нагрудник и кольчугу под ним на треть своей длины. Пошатнувшийся ярл хватает меч рукой вдетой в лямки щита, со звериным рыком выдирает

из себя копьё и с силой посылает обратно. Кольчуга вожака данов ниже нагрудника набухает кровью, но он и не думает прекращать бой. Мне некогда смотреть кто это у нас такой умелый по части метания сулил, забираю из безжизненной Волиной длани меч и шагаю к дану с намерением отвлечь его внимание от стрелка на носу корабля. Пустая Берлога делает финт щитом на который я покупаюсь как ребенок и поднимает руку с мечом для завершающего удара. Однако опустить клинок на мою бедовую башку ему не позволяет стрела, пробившая правую кисть. Хакстейн разжимает пальцы, выпавший меч звякает по палубе. Он отбрасывает щит, левой рукой снимает с пояса топор. Вдвоем с Ольдаром мы с трудом отбиваемся от серии быстрых ударов на всех уровнях. Этот монстр десятерых стоит! Периферийным зрением замечаю спешащих нам на помощь бойцов, значит там уже закончено или близко к тому. Продержаться бы против этого...

Очередная стрела с узким бронебойным наконечником пробивает кольчугу ярла на пядь ниже подмышки. Шустрый Ольдар все таки заскакивает Хакстейну за спину, пользуется секундной заминкой дана и рубит изо всех сил. Хорошо рубит, точно сбоку по шее, высекая из человеческой плоти кровавые искры.

От падения за борт Пустую Берлогу уберегает подоспевший Джари. Одной рукой подхватывает под спину, дергает на себя а второй сует под бороду нож, совершая, надо полагать, контрольный укол.

Глава двадцать первая

— Скольких вы потеряли?

Недовольный голос Рогволда заполняет Большую палату, заставляя всех присутствующих заткнуться.

Князь вырядился как на парад. В одежде превалируют дорогуший шелк и сочно выкрашенная, тончайшей выделки шерсть. Пояс с серебряными и золотыми вставками в виде кругляшей и квадратиков. Замшевые сапожки радуют глаз изумрудно-травяной зеленью. На шее — толстая голдовая цепь полтора сантиметра в диаметре, на пальцах пяток перстней, два с довольно крупными камушками. Борода расчесана, волосы убраны со лба назад, блестят как насаленные.

Богатый видок, нечего добавить. Оружия, правда, при нем нет, даже ножа, но и так хорошо, есть чем придавить менее обеспеченного собеседника.

Это не суд, а что-то типа военного совета, иначе не сидели бы сейчас участники речного боя с данами за одним столом с полоцким князем и шестью его боярами. Рогволд пришел минуту назад и сразу же уселся во главе в устланное шкурами резное кресло с высокой спинкой и подлокотниками. Все остальные чуть раньше устроились на лавках за пустующим столом.

Я совершенно расслабленно и спокойно рассматриваю убранство княжеской приемной. Разглядываю затейливую резьбу на потолочных балках и опорных столбах, олени и медвежьи головы на стенах вперемешку с рубящим, режущим да швырковым оружием и жду обеда. Говорят, княжеская охота добыла нескольких оленей и мишку. Князь Рогволд сам взял косолапого, запыряв ножом. Мясной дух готовящегося угощения пропитал весь терем от горних палат до девичьей светелки на самом верху.

Будет, будет обед и очень скоро... В кои то веки Андрюху Старцева вкусно пожрать на халяву пригласили.

— Семерых.

Ответ младшего княжича звучит в полнейшей тишине.

— Семерых? То есть ты хочешь сказать, что взяв два полных десятка с десятниками, умудрился заплатить морскому ярлу жизнями больше, чем одна к двум? К тому же, насколько я знаю, воины халифата были на вашей стороне.

— Даны оказались очень сильны, отец, а люди на корабле магометан не все были воинами, — спокойно отвечает Ольдар.

— Какая разница? Вас было вдвое больше! Вдвое!

Усы Рогволда гневно приподнимаются, ноздри округляются, глаза наливаются кровью. Сейчас он как никогда похож на священное животное своего рода — дикого быка. Не пришлось бы вызывать тореадора...

— Напомнить тебе как мы двумя сотнями всю земигольскую рать гоняли или сам напряжешься?

В том, что разборка, подобно этой, случится, я не сомневался. Князь обязательно пожелает выяснить какого хрена младшенький из сынов полез в несанкционированную драку. Причем сделает это обязательно прилюдно. Тут важен сам процесс виртуальной порки, все какие нужно подробности он уже и так знает.

Юный княжич держится молодцом. Мы заранее договорились, что всю ответственность

как и всю славу заберет себе Ольдар. Первый поход как никак. Да еще такой удачный. Помимо доставшегося по наследству от Хакстейна Пустой Берлоги драккара со всем его содержимым, мы собрали с мертвых данов уйму трофеев железом, шмотками и серебром из поясных кошель, разделив всю добычу поровну, включая убитых и тех из арабов, кому посчастливилось уцелеть. А вот усатенькому Файзуху дико не повезло. Кто-то из данов мастерским ударом вскрыл котелок бедолаги Файзуха как консервную банку. Там от головы только усики и остались. Зато мне не пришлось унижаться и выпрашивать плату за службу на погибших товарищей — Джари насыпал золота из заветного сундучка ровно столько, сколько я запросил.

С Джари, кстати, теперь не все так просто. С гибелью Файзуха никого из официальных представителей хозяина Зифата на сарацинском корабле не осталось. Одни рабы и наемники, да и тех, к слову, восемь человек всего. Джари с Махдукаром в это число входят. Но Джари деятельный и шустрый, а молчаливый индус... молчаливый индус.

Ладно, потом с ними разъяснимся. В любом случае средств нанять команду и вернуть корабль наследникам законного владельца (что таковые существуют я не сомневался) маврам хватит на десять попыток.

Сейчас я просто наслаждаюсь своей прозорливостью и умением переводить стрелки. А что? Пацан (хотя какой там пацан, ростом почти с меня, здоровый бугай вырастет) был совсем не против присвоить всю славу себе. Я подсказал ему эту идею, он и ухватился. Уж с собственным папашей добазариться у него выйдет всяко получше чем у меня, а меры дисциплинарного воздействия в отношении Ольдара как зачинщика будут несравнимо слабее, нежели в отношении меня или Сологуба.

Ребят жалко аж кровь из десен капает. Из моих убили Волю и Лба, а вот десяток Сологуба уменьшился на половину. Ранены почти все. Трое тяжелых, включая Праста.

У меня в корчме лежит раненый дан. Не знаю зачем я притащил его. Плохой совсем. Ударом топора вскрыты ребра. За ним ходит бабка, что пользовала жинку Диканя, но, говорит, отойдет за Кромку не сегодня-завтра. Второго взятого в плен дана забрал Дрозд. Тот страдания от ран переносит легче, жить, если позволят, останется...

Ольдар насмешливо скалит ровные зубы, потом хихикает, точно отец сморозил очевидную чушь.

— Хакстейн ярл не вождь голопузых земиголов, княже! Опытен и хитер как десять лисиц, а его хирд стоил сотни земиголов. Брать с собой больше людей было не вместно, мы могли спугнуть данов. Признаю, бой прошел очень трудно, даны преподали мне урок на будущее и я учту его, отец, обещаю тебе. Вины с себя не снимаю, но прошу не винить твоих верных дружинников, они действовали по моему указу. Десятник Стяр спас мне жизнь, заслонив собой от меча.

Было дело...

Бочина болит при движениях и потягивает в покое. Синяк присутствует, но не особо большой. Из пээма в броник если шмальнуть, то поболее будет. Та же бабка поит меня целебной жижей и накладывает компрессы, говорит ребра целы, обычный ушиб ливера без внутреннего кровотечения.

Справившись с нахлынувшими чувствами, Рогволд шумно выдыхает и откидывается на спинку кресла. Похоже, он уже слышал эту героическую историю. Князь уже не так страшен и походит не на свирепого лесного тура, а на смиренного домашнего бычка, которому задали распаренного зерна. Старинный закон не судить победителей работает в этом мире ничуть

не хуже остальных. Папка страшно горд отпрыском, но открыто вида показать не может, иначе сопьяк совсем от рук отобьется, умотает куда-нибудь как старший Рагдай...

Я ловлю одобрителный и немного удивленный взгляд Змеебоя. Ингорь тоже смотрит по-доброму, а вот остальные бояре и сотник Вендар недовольны.

Гниде Минаю лучше, чтоб меня на свете вообще не было, боярин Тарш стар, вечно поддат, и мало чего уже соображает. Прень от Тарша ушел не далеко. Князь изволит гневаться, значит и он будет сурово сдвигать брови. Чихать мне на них! Меня беспокоит Дрозд. Гоняет желваки и взглядом тяжелым давит. Наверняка в курсе кто вдохновитель и разработчик учиненного насилия над залетными скандинавами. Злитя на меня и на себя, что не выявил тайную операцию и потерял одного из своих людей — Лба.

Вендар тоже зол. Косится недобро из за Сологубова плеча. Обиделся, что не предупредили и не позвали.

— Тогда ты должен возблагодарить богов за посланную тебе невиданную удачу, — заключает Рогволд, проглотив насмешку сына.

— Именно этим я и займусь сегодняшним вечером на капище, — кивает княжич. — В этот раз сам Перун бился нашими руками и одолел Одина, который дрался мечами данов. Но не стоит полагать, что наша победа заслуга одного лишь Перуна. Люди, с которыми я более полугода провел на лодейном дворе — верные и умелые воины. Если бы вся твоя дружина состояла из таких бойцов, клянусь, отец, соперников у тебя не будет.

Хм, славно сказано! Парниша не перестает меня удивлять. За упомянутые им полгода практически в отрыве от семьи он здорово повзрослел и сейчас заставляет отца взглянуть на себя другими глазами.

Рогволд продолжительное время молча смотрит в лицо младшего сына. Видно, что последние слова Ольдара его чувствительно задели. Так задели, что ответить нечего. Хорошую дружину собрать дело чрезвычайно трудное. Лучшие, уже обученные, опытные воины идут сразу в Киев под руку Святослава. Со Святославаом и добыча и слава, а в Полоцке что? Земиголов бить, да с проезжих по реке мзду брать? Есть о чем князю поразмышлять, потом, с собой наедине, когда не мешают чужие ждущие глаза...

— Плененный вами дан признался, что у ярла Хакстейна было три драккара, — словно нехотя делится добытыми сведениями князь Рогволд.

Опаньки! Кто-то опоздал на праздник? Хотя в лапах умельцев из стаи боярина Дрозда любой признается и упомянет в составе флота Хастейна Пустой Берлоги атомную подводную лодку вместе с линкором "Тирпиц". Рогволд имеет полное право ерзать, но я не слишком верю в чудесное прибытие к стенам Полоцка двух драккаров, потерявшихся при штурме на Балтике, с возмущенными, горящими жаждой мести викингами на борту. Одно чудо там уже произошло — морские волны вынесли ярла прямоком к своей жертве. Воистину говорят: кто хорошо ищет, тот обязательно найдет.

— Если они придут, твоя дружина встретит их как подобает, — отвечает Ольдар, пожав плечом. — А у тебя станет на два корабля больше.

Ответ сына Рогволду нравится. Князь еле заметно кивает. Приросший к рукам боевой драккар он уже успел осмотреть и остался доволен неожиданным приобретением. Заодно распорядился приделать на нос корабля фигуру с рогатой турьей башкой и сменить полосатый парус викингов на парус с тотемом Полоцка.

Бояре переговариваются меж собой, гудят одобрительно.

В углу за спиной князя тихонько вскрипывает низенькая дверца. Собрание

настороженно притихает. Рогволд резко оборачивается, навалившись на подлокотник своего деревянного трона. Несколько секунд всматривается в темный угол, затем ласково просит:

— А ну-ка иди сюда.

Дверца медленно отодвигается, пропуская в зал девочку лет шести-семи в длинной голубой рубахе подпоясанной цветастым пояском. В обрамлении светлых, вьющихся по щекам волос на милом личике сверкают поразительно синие глаза. Босые ножки несмело шлепают по дощатому полу до места, где восседает Рогволд. Девочка улыбается и кладет руку на княжеское запястье поверх толстого браслета из чистого золота.

— За что ты ругаешь Ольдара? — щебечет тонким голосом, заглядывая князю в очи.

— Подслушивала?

— Ага, немножко совсем.

Она обводит присутствующих серьезным, пытливym взглядом, поочередно и очень важно отвечает на уважительный кивок каждого из бояр. Долше всех одаривает небесной синевой мою скромную персону. Я киваю, не отрываясь от бездонного волшебства ее глаз.

Как с картинки деваха, будто нарисованная, аж засмотрелся.

— Кто это, отец?

— Это мой человек, — степенным голосом отвечает Рогволд. — Десятник Стяр.

— Он смешной, — заявляет девица. — И сильный.

Рогволд хмыкает.

— Да нет, он совсем не смешной.

Князь придает своим словам странную интонационную окраску, что мне совсем не нравится, будто с угрозой затаенной сказал.

— Ох, княжна!

Из той же скрипучей дверцы вырывается краснощекая девка старшего школьного возраста в простой серой рубахе и опрометью кидается к мелкой с вытянутыми руками.

— Сгинь, дура! — лениво бросает ей Рогволд. — Еще раз упустишь — висечь велю.

— Ой! — испуганно пищит девка и так же быстро скрывается за дверью.

Я прикрываю рот ладонью, чтобы вслух не заржать над комичными метаниями юной холопки. Прикольно у нее получилось...

Крепкие пальцы Рогволда гладят волосы синеглазки.

— Ты иди, Рогнедушка, мамка заволнуется. Я потом к тебе загляну, принесу чего-нибудь, хорошо?

— Ага! Только Сишку сечь не надо, она мне песни поет...

Чмокнув князя в подставленную волосатую щеку, девчонка сверкает пятками на выход. Рогволд провожает ее глазами, крякает удовлетворенно.

— Веревки из меня вьет, — качнув большой головой, сетует князь и снова обращается к Ольдару. — Где сейчас магометане?

— Стоят на Полоте, чинят свой корабль.

— Как починят — духу их чтобы в Полоцке не было!

Ольдара согласно кивает, а я думаю, что насчет скорейшего отбытия мавров будем посмотреть. Есть у меня для Джари одно предложение...

Дрозд дырявит меня черными сверлами зрачков. Вот чуйка у человека! Я не успел подумать, он уже стойку принял.

Боярину Дрозду я улыбаюсь и дружески подмигиваю, чтоб не сильно расстраивался.

Как итог всему сказанному князь Рогволд во всеуслышание объявляет, что несмотря на

своеволие сына, он рад первому удачному самостоятельному походу Ольдара, доволен взятой добычей и кораблем. Мало кто смог бы повернуть это дельце лучше.

Но...

— Зимой в полюдьё со мной пойдешь, — добавляет князь. — Одного в городе я тебя больше не оставлю. Не забудь отдать долю погибших дружинников их родне, ежели таковых не отыщется — используй остатки для набора людей в свою дружину. Стяр и Сологуб со своими людьми отныне полностью под тобой. Решил взростеть, так тому и быть, но учти, сын, спрашивать стану строго.

Вот так в несколько слов князь окончательно переподчинил меня младшему княжичу. Что бы это значило? А это означает, что Рогволд разрешил Ольдару иметь собственную дружину, костяк которой составят служивые с лодейного двора. Даже у Ингоря свой дружины нету, так парочка друзей детства вот и все войско. Да Ингорю и не надо, слишком привязан к отцу, не отколется, а вот младший, по ходу, скоро реальной славы захочет...

Закончить мысль не позволяет переключенное на меня внимание князя.

— А ты, десятник, как реки встанут, отправишься с посольством в Новгород к твоим знакомым купцам. Будем искать горючую нефть.

Ишь ты, проникся доверием, значит. Отлично, небольшое путешествие будет только в масть. До Новгорода напрямки по снежку не так уж и много. Конечно отправлюсь. Недели за две-три обернусь, это не всю зиму за Рогволдом и Ольдаром в полюдьё скитаться.

За сим официальная часть нашего междусобойчика заканчивается. Рогволд кличет теремных девок для сервировки стола под обед. Пятеро пышнотелых мамзелей, игриво поблескивая глазенками на ту часть сборища, что помоложе, меньше чем за десять минут забивают стол под завязку и меню княжеского угощения скромностью не отличается.

Снедаем часа полтора или около того. Пью я немного, время далеко за полдень, а дел еще невпроворот. Девчонку хорошенькую вспоминаю. Рогнеда. Самая младшая у Рогволда. Есть у него еще две дочери, но те старшие, замужем уже где-то здесь в Полоцке. А этой соплюхе можно все, даже на мужскую половину терема забегать, отец все равно не накажет, потому что любит сильно и подарки часто приносит. Больше года тому назад покинувший этот мир боярин Головач тоже ей дары собирал ко дню рождения да отправить не успел.

Вот интересно, почему маленькая Рогнеда сочла меня смешным? Я не кривлялся, не улыбался даже. Смешон в смысле ничтожен или смешной как клоун? И так и так беспонтово на мой взгляд. С чего взяла, что я сильный? На Змеебоя поглядеть и сразу понятно кто тут сильный, да хоть и на князя самого.

В компании Сологуба и Вендара, как следует откланявшись как велит обычай, я покидаю Большую палату князя Рогволда. Бояре и княжичи остаются за столом перетирать государственные делишки без лишних ушей.

— Начистить бы тебе харю... — на ходу мечтательно проговаривает Вендар, как только мы спускаемся с крыльца княжеского терема и берем курс на ворота детинца.

— Да зубы жалко? — усмехаюсь я.

— Не в зубах дело.

— Тогда в чем?

Я останавливаюсь, позволяя сотнику конкретно обосновать свой наезд. Мы оказываемся с Вендаром лицом к лицу, перед моими глазами отчетливая розовая полоска длинного щрама на лбу сотника.

— Рогволд прав — тебе не стоило связываться с данами и втягивать в это Ольдара.

— С чего ты взял, что князь имел ввиду именно это?

— Думаешь он не знает чья это затея? Если бы с княжичем что-то произошло, Рогволд бы с тебя шкуру живьем спустил.

— Не произошло же, — парирую я. — Что плохого я сделал? Князь в добром наваре, княжич зарубил настоящего ярла, люди с добычей.

Сотник горько усмехается.

— Доля не всегда на стороне того, у кого больше воев, запомни это хорошенько, десятник.

— Я отлично это знаю, но на всякий случай еще раз освежу в памяти, — говорю, охотно соглашаясь с сотником. — А как бы ты поступил на нашем месте, Вендар? Позволил бы данам догнать магометан и перерезать как свиной?

— Я бы привел всю свою сотню на пристань, чтобы напасть на данов, пока они платят пошлину.

— Считаешь, что потерял бы меньше бойцов? А если бы они успели отойти от берега прежде, чем твоя сотня оказалась на драккаре? Мне сказали, что плату за проход по Двине они перекинули мытарю прямо с судна, гребцы в это время сидели за веслами. На чем бы ты их стал догонять? На купеческом насаде или на плотках?

— Да уж догнал бы, — отвечает уверенно и глядит с вызовом.

Ага, с Божьей помощью...

Просто удивительно, как они тут все любят все свалить на богов. Боги то, боги се, курицу зарезать без их упоминания не могли.

Эх, бесполезно это все...

— Ладно, Вендар, прости, — я примирительно прикладываю к груди ладонь. — В следующий раз обязательно позову тебя на веселье. Пойдем-ка лучше со мной, чего покажу да и совет твой нужен.

— Куда идти?

Остыл, кажись... Должно быть прикинул, что его идея с захватом имущества ярла и лишения данов жизни ничуть не лучше моей.

— До Полоты прогуляемся, к почитателям аллаха заглянем. Сологуб, ты с нами?

— Вы идите, я кое куда заскочу и — к Глыбе, — машет рукой носатый десятник и бодро направляется в сторону городских усадеб.

На мосту, ведущем из укрепленного города в Заполотье, в дневную пору как всегда довольно оживленно. Движение в обе стороны интенсивное, но не суетливое. Степенные бычьи повозки, медленно вращающиеся тяжелые колеса, бабки с тюками и корзинами, молодухи с детишками, ремесленники с товаром и совершающие променады бездельные полочане шлифуют ногами толстые бревна моста. Речка внизу синее, чайки орут, дерутся с воронами. Ровно над середкой речного русла Вендар интересуется на кой ляд мы премся к арабам.

— Ты видел их корабль? — спрашиваю я, ковыряя в зубах сорванным сухим стебельком.

Отвечает, что видел. Ничего особенного не наглядел. Необычный, да, но не более того.

А вот я вчера при более пристальном осмотре сарацинского корабля обнаружил небольшую плоскую, треугольную площадку на носу у основания балки бушприта. Ни на лодиях, ни на драккарах такой конструкции нет, да и вообще корабль арабов мне показался прогрессивнее своих северных побратимов. Пусть весла тяжелее и управляться с одним должны двое, зато мачт с парусами тоже в два раза больше чем на здешних кораблях.

Джари уверяет, что по спокойной воде мавр летит как стрела и маневренность вроде неплохая.

— Я хочу попробовать его выкупить.

Остановившись так резко, что в него едва не врезался тощий тип с плетеным коробом за спиной, Вендар внимательно изучает мое лицо секунд двадцать, точно врач инфекционист в поисках опасной сыпи на щеках пациента.

— Зачем тебе, тем более такой? — спрашивает он наконец.

— Огнеметатель на него установлю. Как думаешь, князь не взбрыкнет, если у меня будет свой корабль?

Глава двадцать вторая

— Эк, завернуло! — недовольно ворчит Ясень, плюхается на лавку и принимается с силой растирать озябшие кисти. — Того и гляди снег сыпанет, холодно как посередь зимы, бр-р-р... Таким ходом день-два и Двина закроется.

— Пройди к очагу, отогрейся и не скули как щенок без суки, — хмуро советует Ясеню Вран, поправляя на плечах мягкий лисий воротник. В отличии от уроженца виrowsкой стороны, он уже перешел на зимнюю форму одежды, одет и обут жарко, ибо начало октября, действительно, теплом не балует. Мороз уже не только по ночам, но и днем градусов пять-шесть наскребает, а может и всю десяточку, потому как реально холодно. Врану студиться никак нельзя, совсем недавно покинул хворобное ложе в доме своей зазнобы, где долго отходил от ран, полученных в схватке с данами. Вроде бы и не страшные раны, а крови через них вышло многовато, всегда красное лицо опытного дружинника сейчас чуть розовее выбеленной холстины.

— Я лучше чаркой отогреюсь, — хитро блеснув очами, отвечает Врану Ясень. — Плесни мне сбитня, Яромир!

— Да смотри не добавляй в пойло моему другу лошадиной ссаки как ты любишь, а то он быст-ро захмелеет! — встречает Мороз. Ему меньше недели назад сняли с лица повязку. Клинок дана разва-лил до кости щеку от виска до подбородка. Теперь дружинник щеголяет с устрашающим багровым шрамом как у Франкенштейна. Что не мешает ему отпускать дурацкие шуточки.

Ясень явился последним. Я обвожу взглядом званых гостей и не могу сдержать прущее из ме-ня чувство радости и гордости. Вон как приоделись хлопцы, не хуже бояр полоцких выглядят. Одежка на всех добротная, дорогая — шерсть, меха и кожа. Обувка — тоже. Пояса и ремни новехонькие, оружие лучше прежнего, если месяцем раньше никто из них не брезговал простецким топориком в качестве основного орудия самозащиты и нападения, то нынче у каждого в наличии хороший меч, кольчужка и пластинчатые брони. На шее у кого цепка золотая, у кого кусок серебра — гривна, на пальцах перстеньки с самоцветами.

Вот что узаконенный гоп-стоп с храбрецами делает — в состоятельных, уважаемых людей превращает. Про наш наезд на ярла Хакстейна в Полоцке легенды ходят, дружинный народ завидует люто.

Кольчуг, шлемов и броней сейчас на нас нету, не на драку собрались, а на праздничный акт чревоугодия по случаю выздоровления всех членов моего десятка. Вран, Стеген, Жила, Невул, зале-чивший глубокую рану в плече Праст, Ясень, Мороз и примкнувший к ним Голец, куда ж без него. Здесь же и Сологуб с одним из своих лучших дружинников — Чусом.

— Рад вас всех видеть, братцы! — объявляю я со всей искренностью, потому как действительно рад. — Хоп!

С деревянным треском дружно сдвигаются кружки, плесканув бурым содержимым на стол. Это я их научил. Не проливать хмельное, а чокаться. Так веселее. И литровые кружки с ручками тоже я умельцам заказал. Мне так привычнее, никак не могу приспособиться к здешней посуде.

— За тебя, Стяр! За удачу твою и нашу! — весело кричит Мороз.

— За Стяра!

— За удачу!

Взапой хлебают из кружек как слоны из бочки, пока дышалки хватает. Первую обязательно до дна. Вторую — за помин погибших товарищей, теперь они не с нами, теперь пускай их боги в светлом Вирии балуют.

Я пристально вглядываюсь в довольное лицо Мороза. Вот он сидит живой-здоровый, крепкими зубами мясину с полуметровой берцовой оленьей кости отрывает. Напутал чего-то Туровский ведун Велг со своим нехорошим предсказанием насчет его, Мороза гибели. Бывает. Хорошо, что напутал...

— А хороша у тебя милка! — замечает Ясень, провожая принесшую к нашему столу горячие ржаные лепешки Младину завистливым взглядом. — Она же Вировская? При боярыне челядинкой была?

— Была при боярыне, теперь при мне. Боярыня Любослава освободила ее и ко мне отпустила.

— Везучий же ты, десятник! — кивает Ясень и поднимает кружку. — Иному хоть всю жизнь за удачу пей, все равно до смерти в дерьме ползать будет, а к тебе она сама липнет, как бабы! За удачу!

Голодный жор после дневной смены потихоньку ослабевает, жадное чавканье, глотание и бульканье переходит в спокойную фазу, сопровождаемую воспоминаниями нашей славной победы. Рассказывает в основном Мороз, Прасту с Враном лишь изредка удается вставить словцо, чтобы до-полнить или поправить товарища. Я помалкиваю, пускай братва потешится, вон как Голец уши оттопырил, каждое междометие ловит, интересно ему бедолаге в очередной раз послушать как великие дела делаются.

Когда описание наших приключений подходят к логическому концу, Голец ни с того, ни с сего вдруг заявляет, что этим летом скончалась Великая княгиня киевская Ольга.

— Тоже мне новость, последний в городе холоп это знает, — фыркает Вран.

— Крутая была баба. Ей бы не с бородой между ног уродиться, а с мужским торчком, всем князьям князь бы вышел! — подхватывает тему Мороз.

— Она и была как князь. Пока Святослав в походах развлекался, всеми киевскими землями она управляла и кое какой порядок навела. Нападение печенегов на Киев здорово ее подкосило, чуть не сдала осажденный город, чтобы упасти жителей от надвигающегося голода.

— Это все из за веры в христианского слабого бога, — лезет с авторитетным словом Сологуб. — Ни один из почитателей Перуна не стал бы отдаваться на милость степнякам. Уж лучше в бою пасть, чем смуглорожим руки лобзать...

Я слушаю их болтовню и все больше склоняюсь с выводом, что Голец не просто так завел этот разговор, больно уж надулся он от важности. И не ошибся...

— Выкладывай давай, а то лопнешь, — приглашаю помощника боярина Дрозда к разглашению государственной тайны.

Еще немного поважничав, Голец рассказывает, что по свежим агентурным сведениям Великий князь Святослав собирается возвращаться с дружиной в Болгарию, так как в Киеве его больше ничего не держит. Княжить за себя оставляет старшего сына Ярополка, среднего Олега сажает к древлянам в Овруч, а младшенького Владимира у него выпросили князем новгородцы. Старший сын Рогволда княжич Рагдай уйдет со Святославом.

Судя по выражению лиц братвы, новость эта не производит на них должного эффекта. Ну уходит Святослав, Ярополк останется за него, не вернется Рагдай, им до этого нет никакого дела. Они тут в Полоцке и князь у них свой, сильный и независимый. Почти.

Малую толику дружеских даров киевскому князю Рогволд все же иногда отсылает. Не дань, а именно дары, в знак союзнических отношений. Так было с Ольгой, так было со Святославом. Как будет с Ярополком, когда грозный победитель хазаров будет за тридевять земель?

Ясно мне одно — теперь куршскому походу быть стопроцентно. Рогволду больше нет нужды оглядываться на Святослава.

— Вот никак не пойму я, Стяр, зачем тебе понадобилось покупать корабль! — неожиданно вопрошает Голец, — Лучше бы дом купил, с садом и хозяйством.

Бывший вировский лесной лиходей, похоже, искренне возмущен таким недальновидным вложением чужих денежных средств. Нет сомнений, уж он бы потратился куда более мудро и постарался приобрести упомянутое им самим материальное богатство. Никак не поймет главного — я не хочу остаться сторожить Полоцк, когда Рогволд пойдет туда где пропал Миша. Этот корабль моя контрамарка на танец с саблями.

— Дом я построю когда нужно будет, а в поход лучше идти на своем кораблике, — терпеливо объясняю соратнику, отпивая из кружки стоялого квасу.

— Хм, даже у Змеебоя своих лодий нет, — справедливо замечает Голец, шлепая себе в миску половник густой сметаны.

— Это потому что он — Змеебой, а я — Стяр. К тому же, Вендар сказал, что княжескому дружиннику не возбраняется иметь личное имущество в любом количестве и размере. Корабль и есть имущество, такое же как телега с конем или усадьба, разве не так?

— Так, — согласно кивает Голец. — Только всякому кораблю полагается иметь гребцов и кормчего, иначе это не корабль, а груда сухого, просмоленного дерева, не годящегося даже на то, чтобы как следует прожарить оленину.

Железный довод. Корпусные корабельные доски с несколькими слоями смолы горят будь здоров и жар от них приличный. Сам был свидетелем как весело и дружно пылают княжеские лодии под земигольским Кумсом. В кострах для тепла и света подойдет, но открытым способом готовить хавчик на корабельном ломе невозможно, так как исторгаемый топливом черный дым исходит токсичной, удушливой вонью, которая быстро въедается в пищу и делает ее непригодной к употреблению. Предки наши дураками не были и добровольно травиться не спешили.

— Кто тебе сказал, что у меня нет кормчего? — ухмыляюсь я и пристально наблюдаю за реакцией Гольца.

— Если ты о том магометанине, что перепутал два берега в Варяжском море, то, думается мне, с тем же успехом за кормило можно поставить барсука.

Молодец разведка, не зря свой хлеб из рук Дрозда ест. Те, кто сидел поближе и слышал наш с Гольцом разговор, заржали. Мороз одобритительно треснул ладонью плечо тщедушного Гольца, оскандился весело и пьяно.

— В Варяжском море ему помешала буря, — напоминаю, посмеявшись за компанию. — На реках таких непогод не бывает и берега всегда видно, даже барсук не промахнется.

— А на весла ты намереваешься посадить весь остальной арабский выплодок?

— А я не расист, по мне что араб, что монгол что еврей. Если люди испытывают жгучее желание принести пользу своим трудом за небольшую долю в добыче, то почему нет? Джари и Мадхукар тоже в деле и мечтают как вскроются реки отправиться покорять куршей вместе с князем Рогволдом. На моем корабле.

— Рожи у них не потрескаются? — хмуро интересуется Сологуб. — И так, небось, серебро складывать некуда. Сколько ты им отвалил за корабль, Стяр? Скажи, мне

любопытно!

— Почти все отдал, — честно признаюсь я. — Княжескому тиуну за год заплатить теперь едва хватит. Придется слегка подрасти в ценах на харч, но для своих все останется по-прежнему. Что касается Джари и индуса, то, насколько я успел понять, серебро и золото для них что козье молоко для собаки: есть — хорошо, нет и не надо. Они оба — воины и очень хорошие. Князю в походе точно не помешают.

— Так они Рогволду будут присягать или... тебе?

— Они никому не будут. Останутся со мной пока не захотят уйти. А вот Торельф желает присягнуть мне как вождю.

— Торельф? — морщит лоб Мороз. — Кто это?

— Это тот дан с драккара, — говорю, острагивая ножом лучину поковыряться в зубах.

— А я думал ты его давно прирезал.

— Я не для того его лечил, чтобы резать. Он был учеником кормчего на судне ярла Хакстейна, так что теперь у меня два кормчих, но страсть как не хватает гребцов и стоящих воинов.

— Так ты собираешься набирать дружину! — наконец прозревает Голец и тень восхищения проносится по его веснушчатому, детскому лицу.

— Нет, друг мой, дружину набирать я не буду. Я не князь и не боярин да и зачем мне дружина, когда есть такие орлы как вы!

Опытный Сологуб первым соображает куда я клоню.

— А Вендар?

— Сотник поспособствует, чтобы оба наших десятка, Сологуб, оказались на моем корабле и еще людей подкинет.

— Это уж как князь решит, — с сомнением произносит десятник.

— Князь решит правильно, не беспокойся, ведь у нас будет не простой корабль, а с огненным боем как у ромеев. Пусть не такой верткий как лодья и более осадистый, зато быстрый и с таким вооружением, что куршам и не снилось.

— У меня молодняк один в десятке, — скептически кривится Сологуб. — Ничего толком пока не умеют.

— Знаю, что не умеют. Веслами махать большого ума не нужно, а мечом научатся, вся зима впереди.

Мой взгляд падает на мнущегося неподалеку Юрку. С Яромиром они спелись как два тенора на совместном концерте. Юрка от бывшего военнопленного и раба не отходит, помогает по корчме, лютич в свободное время обучает мальчишку всяким взрослым житейским премудростям. Жестом я маню пацана подойти и прошу привести к нашему столу Торельфа.

Про то, что некоторые особо одаренные индивидуумы действительно выражают желание пойти под мое начало до сей поры знал один Стеген. Знал и помалкивал как я его просил. Но сегодня я задумал познакомить с этой реальностью братву и свести поближе с плененным нами даном, которого я практически безнадежным притащил в корчму на излечение. К сильному удивлению бабки-эскулапки и моей радости он умудрился не загнуться от полученных в бою ран. Мало того, что выжил, но и очень скоро встал на ноги, передвигается, правда, пока исключительно с помощью палки-костыля, ибо насквозь пробитое копьем мясо правой ляжки еще причиняет боль при хождении.

Он назвался Торельфом и если его помыть и облагородить, любая баба в любом

времени или эпохе назвала бы его настоящим красавцем, а уж в Голливуде стал бы мегазвездой однозначно. На два годка меня помладше, рослый, плечистый, отлично сложенный атлет с белозубой улыбкой, голубыми глазами и светлыми, длинными волосами. Лоб высокий, мохнатый подбородок похож на прикроватную тумбочку, взгляд как у автомобильных фар — бездушный. Слащавости в Торельфе — ноль в квадрате. Типичный скандинав, викинг, как я их себе представляю. Лундгрэн отдыхает. Торельфу хоть сейчас на фотосессию для агитационных плакатов пропагандирующих образ жизни северного завоевателя.

Я с самого начала рассчитывал захватить "языка" из числа данов Хакстейна, но в жарком угаре боя сам же и позабыл о своем намерении. Пришлось добирать из раненых, коих не успели добить наши с Сологубом молодцы. Двоих взяли. Дрозд забрал в детинец одного из них поживее, а на Торельфа махнул рукой, сказал, что не протянет и дня, а в таком состоянии из него никаких показаний не вытянешь.

Я попросил Кокована и Рыка освободить на время один топчан в их камерке для раненого пленника, где дан начал проходить курс реабилитации. Как только он окреп настолько, что смог связно разговаривать, я стал учинять ежедневные допросы. Стеген переводил почти синхронно как заправский работник МИДа и довел до моего сведения несколько интересных фактов из жизни бес-покойного ярла Хакстейна Пустой Берлоги и биографии его хирдмана Торельфа.

Торельф в дружине Хакстейна менее полугода и особых навыков убийцы-профессионала приобрести не успел. По слухам с Пустой Берлогой любому из его соратников обеспечены веселые и опасные приключения, кое когда перепадает сносная добыча, вот Торельф и согласился вступить в боевую дружину ярла. Не лежала душа молодого дана к землепашеству. Батя его тоже землю никогда не пахал, он был жнецом человеческих колосьев на лебединой дороге викингов. С десяти лет Торельф рос у родной тетки в маленьком поместье ее мужа — мирного, покладистого бонда, но как же хотелось юному Торельфу когда-нибудь навсегда свалить из опостылевшего селения. Прошедшей весной на рынке в ближайшем городке Торельф услышал как человек ярла Хакстейна вербует народ в хирд, решил, что его час пробил и домой больше не возвращался.

Про себя я с решением Торельфа беспрекословно согласился. Эдакому парню да корешки в земляной грязи ковырять? Грешно, ей богу! Сам бы поступил точно так же, но лет на пять пораньше...

Хакстейн ярл вождь не слишком богатый и надел земельный у него не самый большой. Родовая деревенька в маленьком фьорде, старенький драккар да полсотни смердов и рабов-трэлей составляли все его достояние. С такого нищего надела не больно покормишься, поэтому Пустая Берлога ежегодно хаживал на своем корабле в грабительские вики, пиратствовал, то есть, и считался больше морским ярлом, нежели рачительным помещиком как многие его соседи свободные бонды и другие ярлы.

Что характерно, конунг данов Харальд Синие Зубы Хакстейна за эту его особенность недолюбливал. За Хакстейном водилась слава грабителя и душегуба, способного за пригоршню золота придушить самого Одина. Сам-то конунг все больше тяготел к христианству и откровенно подумывал обратиться в новую веру подвластную ему часть Скандинавии. Но гены свирепых пращуров поборошь сложно. Датский конунг в скором времени планировал окончательно разделаться с конунгом урманов, своим тезкой Харальдом Серая Шкура и прибрать до кучи к рукам всю Норвегию, предвзвительнс

хорошенько ее пограбив. Для этого Синезубому требовалось собрать немалое войско и конунг требовал от подвластных ему мелких ярлов вроде небогатого Хакстейна увеличить свои хирды за счет обученных и боеспособных хускарлов. Совсем как нынче Рогволд требует от своих бояр поднабрать воинов в дружины к весеннему походу. В Дании этого добра вдоволь. Причалъ к любому из маленьких городков во фьордах и объяви набор в боевой хирд, вот тебе и войско.

Вот Хакстейн и набрал. Трохи серебра у него водилось, с самыми ценными кадрами расплатился сразу, другим обещал повышенную долю в предстоящей добыче.

Нет, трех драккаров у Хакстейна не было. Он едва нашел достаточно людей, чтобы обеспечить две смены на веслах своего единственного корабля.

Узнав в Роскилле при дворе конунга Харальда, что поход на урманов откладывается на неоп-ределенное время, Хакстейн решил немного подзаработать, подговорил одного из знакомых ярлов ограбить корабли арабских купцов, радушно принятых конунгом и собирающихся отплывать в Гар-дарыку. Пустая Берлога знал, что лари арабов лопаются от золота и серебра, а на их кораблях еще полно ценного товара, который можно будет выгодно сбыть на дальних торжищах.

Дальнейшую судьбу Хакстейна и его дружка ярла обладателя двух драккаров я в общих чертах уже знал. Подвели Пустую Берлогу собственные пороки — алчность и самоуверенность. Сначала сына потерял, а потом и сам концы отдал. Ну и поделом, нехрен беспределом заниматься.

Дела по службе на несколько дней отвлекли меня от дальнейших расспросов. Все это время молодой дан оставался под бдительным присмотром Рыка и Яромира. Стреножить его веревками я счел излишним, с такой ногой он все равно не сможет далеко уйти даже если захочет, а он, судя по всему, не очень-то горел желанием покидать теплый и сытный кров. Так вышло, что четыре дня назад под интересующую меня тему Торельф подлез сам. Заявил, что хочет поступить ко мне на службу. Сказал, что видел как на палубе драккара я убил Тювельда Касатку. Тювельд был славным воином, в хирде ярла Хакстейна мало кто смог бы одолеть его в поединке, а я возьми да и воткни ему в глаз острие клинка как дикому вепрю на охоте.

На мое замечание, мол, это был не поединок и не охота, Торельф пояснил, что, как ему было известно, в битвах Тювельд всегда закрывал спину Хакстейну. Бог, что присматривает за мной, по-слал Касатке всего лишь краткий миг замешательства, чтобы отправить его на пир к Одину.

Я удивился. Бог, что за мной присматривает? Что за чушь? Кто там еще присматривает? У всех известных мне богов таких как я миллионы. Нету надо мной никого, ни бога, ни черта, иначе не болтался бы здесь...

Затем смысл сказанных Торельфом слов всосался в мое сознание. Выходит, не вынеси я совершенно случайно и крайне удачно этого Тювальда, Хакстейн ярл, почувывший отсутствие прикрытия со спины, не развернулся бы на нас, разорвав свою шеренгу и хрен его знает чем бы все у нас с данами закончилось.

Однако дан начинал этот базар явно не для того, чтобы помочь мне поднять пункты самооценки. Если он в родстве с Тювельдом Касаткой и пожелает объявить меня своим кровником или же виру деньгами слупить, то здесь его ждало глубокое разочарование. Ни того, ни другого он не получит. А получит тридцатисантиметровое перо в бок и полтора метра сырой земли в глубину. Хороший дан — мертвый дан как говаривал Стеген...

Нет, не родственник. Тювальд — урман. Все его родные в Норвегии. А он, Торельф — здесь, на землях Страны Городов, где заправляют варяги и если бы не я, пировать ему в чертогах Одина, добитому победителями на палубе драккара. Выходит, должен мне Торельф ни много, ни мало — жизнь. Один со своими пирами в Вальхалле может лет двадцать еще подождать.

От одного человека в Роскилле Торельф краем уха слышал, что варяг Рогволд неохотно берет к себе воинов с севера, но надеется, что у меня нет подобных закидонов. У этого человека в доме гостили два знатных полочанина и Торельф их обоих видел. Затем дан с максимальной точностью описал внешность пропавшего год назад в куршских землях дружка моего сердечного Мишу Рваного и его спутника, отпрыска боярина Головача Бура.

Я тогда от психологического шока чуть под лавку не свалился. Таких совпадений просто не бывает! Торельф своими глазами видел Рваного! Живого и здорового, гостем у какого-то датского мужика! Сколько я ни расспрашивал о том дане, Торельф больше ничего путного не сказал. Человек не последний, богатый, но не воин, скорее всего торговец и вроде как летом собирается плыть куда-то на юг в большую христианскую страну. Вот и все...

Все таки главные предметы в школе не математика с родным языком, а география с историей, падлой буду! Слабоват я по этой теме, хреново представляю себе карту мира в эту эпоху, где там христиане, где арабы, где кто. Дурак, что в свое время не учился, ох, дурак...

Будь моя воля, я б уже держал курс на Данию. Смею надеяться, Мишаня там времени даром не терял и выяснил как нам вернуться назад в свое время. Но воля нынче не моя, а княжья. Хорошо, что Святослав сваливает в свою Болгарию и тем самым развязывает Рогволду руки. Последние дни я и без того летал как на крыльях, воодушевленный известием о Мише, а теперь и вовсе, кажется, если с крепостной башни спрыгну, воспарю без крыльев.

Дождаться весны! Там курши, там Балтика, там даны близко. Что-нибудь придумаю на месте, отпрошусь как-нибудь у Рогволда за Мишаней сбегать...

Но военный поход на куршей обломился. Не пришлось Рогволду идти добывать прибалтийской землицы. Сначала курши пожаловали в гости сами, а потом...

Глава двадцать третья

Утро я заспал. Вместо того, чтобы подняться в шесть, насилу проснулся около восьми. С легкостью продавил бы еще пару часов, ведь никто из работников корчмы не потрудился разбудить начальника. Опять пожалели. Сколько можно им втолковывать, что с утра у меня княжья служба, сначала на лодейном дворе появиться нужно, порядки проверить, а потом уж корчмой руководить. И Младина туда же. Бесшумно выскользнула испод одеяла и наверняка уже что-нибудь стряпает, а ты, Стярушка, спи-отдыхай хоть до вечера. Сработал внутренний будильник, вернее, мочевого пузыря начал подавать такие мощные сигналы к пробуждению, что я едва успел одеться, выскочить в заднюю и дверь добежать до отхожего места.

Купец Любим оказался профессионалом в плане пожрать, а уж квасы хмельные хлебал как пожарный насос. Смоленские гости в искусстве обжорного отдыха от своего товарища не сильно отставали. Они для того к Любиму и приехали. Поначалу в усадьбе Любимовой гуляли, потом в корчму пожаловали тепленькие уже, с гроздьями висящих на них румянощеких девах. Неплохо оттянулись, самых поздних посетителей с лихвой пересидели. Кокован за то время, что гуляло купечество успел сорвать голос и порвать три струны. Любим упрямил меня уважить и влиться в их развеселую компанию. Пришлось влиться, так как я рассчитывал почерпнуть чего-то исключительно полезного из нетрезвых разговоров приезжих торгашей да и Любима как основного моего поставщика обижать не хотелось.

Наслушать чего-то важного не удалось, прения велись в основном о товарах и ценах на них в разных городах и княжествах, зато выпить и слопать получилось немало, до сих пор мутит.

Сегодня у меня назначена встреча с Джари. Мы собирались сходить к мастерам проверить как продвигаются работы по изготовлению больших мехов для огнемета. Бронзовый бак на сто литров, подводящие трубки и раструб уже готовы. Не особо ровные, зато стенки в меру толстые, швы проклепаны и завальцованы на славу, так что в деле подвести не должны. Огненное зелье на основе горючих смол и масел смешано и в трех бочках доставлено на лодейный двор. Остается дождаться готовности мехов и можно будет приступить к полевым испытаниям. Предстояло еще решить проблему с подогревом масла в котле перед подачей на фитиль, протестировать и отрегулировать всю систему прежде чем устанавливать на корабль. Да и как на корабль ставить надумаешься. Хорошо бы поворотную площадку соорудить, чтобы разбрасывать пламя по сторонам. Короче, дел за гланды, но оно того стоит.

Не завтракая, припускаю по хрусткому снегу подольских улиц, на ходу раскланиваюсь со знакомыми горожанами, на бегу перекидываюсь парой слов с двумя дружинными отроками, топающими на торг следить за порядком. На лодейном дворе меня встречают Джари с Мадхукармом. Араб разодет как сказочный царь в бархаты и дорогие меха, шуба на нем горностаевая, шапка с самоцветными камушками да сапожки теплые с вышивкой по голенищу. На дорогом поясе висит кошель, явно не пустой, на пальцах сверкают перстни, на шее толстая золотая гривна. Думаю, ни разу бедный родственник кордовского авторитета не пожалел, что отправился с торговым караваном в беспокойный путь к чужим берегам, ведь приподнялся он в итоге совсем не слабо, по башке в подворотне тресни да обчисти — на всю жизнь хватит.

Но такого попробуй тресни. При нем дамасская сабля, два ножа и совершенно звериная

ловкость, приправленная многолетней воинской интуицией. Сам кого хочешь обчистит. Тем более, что с ним верный индус. Мадхукар, тот вообще из касты потомственных воинов — кшатриев. Одет по случаю зимы тепло, но много проще, нежели его приятель, только тюрбан стал заметно толще. Лука при нем нет, зато присутствует сабля. А сабля у индуса весьма примечательная, слегка изогнутый клинок в паутине синих разводов, гибкая и твердая одновременно. Литой булат, он как раз из Индии пошел. Такой клинок можно обернуть плашмя вокруг пояса, но при встрече с вражеским железом булат будет как алмаз против глины. "Гора не может раздавить алмаз" — любил приговаривать Мадхукар и был абсолютно прав — против булата подавляющее большинство древнерусских клинков — суцая пакость. Даже мой меч, вернее, оба меча, отобранных когда-то у старины Харана, впечатления на искушенного оружейного знатока не произвели. К моему неудовольствию кшатрий определил качество Харановых клинков как очень среднее и посоветовал как можно скорее от них избавиться. Продать на рынке и купить что-то более стоящее. Про то, что пользуюсь я своим оружием очень редко, я предпочел скромно умолчать, но о приобретении обновки задумался всерьез, больно уж мне сабелька индусова нравилась.

Я едва успеваю перекинуться с Джари словами приветствия, как Сологуб, раздвигая гигантским носом морозный воздух тянет меня на два слова.

— Кто это? — спрашиваю я, когда в избушке Глыбы десятник подводит меня к дрыхнущему на лавке оборванному мужичку. По виду — людин, на поясе в потертом чехле висит боевой нож, харя заросшая, звероватая, потом от него разит за два метра как от пашущего на жаре вола. Должно быть из тех, кто на волюшке расчищает огненным палом участки от леса и возделывает землю, собирая скудный урожай для прокорма семьи и продажи. Огнищанин...

— Бобыль. Из за реки прибежал. Говорит, вражья сила на Полоцк прет.

— Да ну? И много ее прет?

— Пять сотен конных, тысячи две с половиной пешцев. Грабят, жгут, скоро здесь будут.

— Не сказал кто?

— Не знает он, как увидал, сразу к нам на лыжах кинулся, но орали, говорит, не по словенски.

— Давно он тут отдыхает?

— До рассвета пришел, сутки не спал. Сейчас разбужу и в детинец к Ингорю отправлю с кем-нибудь из своих.

Правильно мыслит десятник, тут лучше перебдеть. Сигнал поступил и о нем нужно немедленно доложить вышестоящему начальству.

— Может пошлем кого выяснить? — почесав репу, предлагаю я.

— Куда?

— За реку, откуда этот прибежал.

— Вот Ингорь пуцай и выясняет, а мы посидим покудова, нас и так тут мало как щенят от плохого кобеля.

После этой поэтической метафоры я реально напрягаюсь. Грубое лицо Сологуба серьезно как у подсудимого на вынесении приговора. Если это реально набег неведомого пока врага, то дела наши пахивают тухлятинкой. Князь с основной дружиной неделю назад отбыл в Туров к брату, оттуда собирался проехаться по селищам и весям, собрать причитающуюся ему дань.

— Сколько в городе войска?

— Сотни две копий если считать с боярскими дружинами. Еще сотни две людинов ополчатся, но их собрать время нужно.

Сологуб остается будить горького вестника, я выхожу из темной избы на яркий зимний свет. Задираю голову к надвратной башне, откуда рукой мне призывно машет Мороз.

— Поднимись-ка ко мне, Стяр!

— Что, Морозище, соскучился?

— Сдался ты мне! Дымы вижу! Из-за леса за Двиной!

Дымы это в любом случае непорядок, даже если не знать, что где-то там за лесами прищые потрошат жителей Полоцкого княжества.

По березовым жердинам крепко увязанным в лесенку я взбираюсь к Морозу на верхнюю площадку башни. Дымов отсюда наблюдается несколько. Три жирных, напустивших в небо мутных чернил на большом расстоянии друг от друга — далеко, и два молодых, несмелых дымка поближе, километрах в пяти-шести от реки.

— Давно ты эту красоту сечешь?

— Да не очень. Кто ж их селян знает чего они там жгут...

Верно, о дымах, как о сигналах беды в системе оповещения нас никто не предупреждал, значит, нет ее, системы этой. Кого Рогволду бояться? Кругом либо данники, либо добрые соседи ни с кем из которых полоцкий варяг не ссорился до такой степени. Кто тогда? Киев, Новгород, Смоленск, неведомые варвары? Почему со стороны Двины?

Над деревьями, поднятая зверем или человеком с гортанным гамом закружила стая черных птиц. Через несколько минут на засыпанный снегом речной лед из леса стали выбегать люди. Человек двадцать всего, что-то маловато для заявленной вестником численности напавших на мирные поселения и уж тем более на Полоцк. Только через некоторое время мы с Морозом смогли разглядеть отсутствие у бредущих в снегу людей копий, топоров и любого другого оружия. Тогда же стало понятно, что больше половины из них дети и женщины. Кто-то волочит мешки с наиболее ценным добром, у троих на руках завернутые в тряпье младенцы.

К нам поднимается Джари.

— Это война, Стяр, — молвит он бесстрастно, мгновенно оценив ситуацию. Густая бахрома его девичьих подрагивает, когда Джари настороженно сужает глаза.

Я бросаю последний взгляд на все появляющихся из леса новых беженцев и кидаюсь вниз. Нахожу Жилу, ласково притягиваю к себе за грудки.

— Сбегай-ка, братец, до корчмы, скажи Яромиру и Рыку, чтобы заперлись там до выяснения. Передай — за Младину головой отвечают, а если что, пускай бегут с ней, Юрком и Кокованом со всех ног за городские стены прятаться. Ясно?

— Ясно, батька!

— Ну, дуй давай да не задерживайся там, мигом обратно!

Провожая Жилу напутственным хлопком по торчащей лопатке и вижу как Сологуб отправляет молодого дружинника Рыжка отвести огнищанина в детинец к Дрозду или Ингорю для доклада.

— Что делать будем, Сологуб?

— Затворяться, вот чего!

— Как затворяться, а люди как же, они ведь к нам бегут!

— А куда нам их? Посередь двора согнать как скотину? Мы первые на пути стоим, за нас сразу и возьмутся, не понятно тебе что ли? А ну как навесом стрелами бить зачнут?

Пусть дальше бегут, в город или за подол, там лесов до самого Камня, прячься не хочу.

Большим Камнем здесь называют Уральский хребет. Лесов и рек русских до него от Полоцка, действительно, немерено, всю Европу переселить можно. Но куда людям бежать зимой с детьми и стариками? Снега за городом по пояс...

— Думаешь приступом нас будут брать?

— Не медом поить уж точно. Я вот что думаю, надо работы останавливать, Глыбинных молодцов ставить смолу и воду кипятить, полезут на стены так мы их горяченьким попотчем.

От слов Сологуба мне становится совсем не по себе. Нашу маленькую фортификацию и крепостью назвать трудно, обычный частокол из заостренных стволов с воротами и башней над ними со стороны двинского берега. Изнутри вдоль всей стены по окружности есть деревянный настил в три доски для передвижения по ним защитников в случае нападения. С этого настила можно и стрелы метать и рубить врагов, которые возжелают залезть на стену извне. Никогда я не видел как в этом мире берутся крепости, но сильно подозреваю, что ни количество защитников, ни наши жидкие стены не способны выдержать мощный штурм или осаду. Если со всех сторон скопом полезут, ни за что не удержаться. Но держать крепость надо. Рогволд сам потом нас распылит, ежели отойдем в детинец и оставим ворогам уже готовые и еще не достроенные лодии, порубят или сожгут к чертовой матери, кранты тогда многомесячным трудам и всем надеждам.

Я не сомневался, что с башен укрепленного города тоже заметили дымы за двинскими лесами и отправили гонцов к Рогволду. У князя с собой около трех сотен воинов, включая дружину воеводы Змеебоя. Если бросят санный обоз и на конях поспешат на выручку Полоцка, через несколько дней будут здесь.

Сологуб посылает Чуса с двумя бойцами шугануть народец живущий у пристани и упредить корчмаря — будущего Гольцова тестя, чтобы уносил ноги с подола. Затем носатый десятник отправляется объяснять Глыбе всю сложность ситуации, а я команду дружинникам облачиться в полные брони, взять щиты, встать на стены и глядеть в оба. Ни одного беженца по приказу Сологуба в крепость не впускают, велят бежать в город. Я не спорю, Сологуб в отсутствии Ольдара номинально старший и его слово главнее моего, к тому же, в случае длительной осады нам лишние рты совсем не в масть.

Спустя несколько минут возле стапелей с остовами лодий различной степени готовности тревожно затрещали два костра, Глыбин люд начал прилаживать над ними котелки, подкатывать поближе бочонки со смолой. Весь боеспособный состав крохотного гарнизона собрался на западном секторе стены. Джари с Мадхукарком, раз уж намеченного дела сегодня не вышло, предпочли остаться с нами, для настоящего воина любая драка как послание богов. В обществе Мороза, Сологуба и араба с индусом около получаса проторчав на башне и словив порядочного дубака, я наблюдаю момент, когда заснеженная лесная чаща на противоположном берегу Двину выдавливает из себя кодлу голов в шестьдесят. Наличие у них копий, топоров и круглых щитов за спинами видно даже с такого расстояния. Постояли, огляделись, а пока оглядывались, к ним присоединилось еще с полторы сотни вооруженных подельников.

Авангардная группа. Интересно, сразу кинутся или обождут основные силы?

Кинулись. С угрюмым молчанием, через снежные наносы речного русла, как бродячая собачья свора, завидевшая легкую жертву. Но что-то бегут уж больно ходко, не тонут в снегу по колено как усталые деревенские беженцы. А-а, понятно... у большинства на ногах лыжи.

Биатлонисты, мать их...

В моем горле возникает неприятный комок, сердце противно екает. Скверная перспектива превратиться в поминальный пепел напрочь убивает весь энтузиазм поучаствовать в реалистическом шоу "Оборона средневековой крепости." К тому же растет беспокойство за своих в корчме: успели ли уйти и где черти носят Жилу?

У ворот под башней появляется запыхавшийся Чус с двумя дружинниками, густой пар клубами вырывается из ртов. Их впускают внутрь крепости и тут же припирают ворота тяжелыми бревнами.

Чус докладывает, что враги уже на другом конце Заполотья, корчмарь со своими людьми ушел в город, в окрестностях пристаней тоже никого из жителей не осталось, побросали добро и смылись кто куда. В центре подола слышны крики и бабий визг.

Тем временем самые прыткие из лыжников достигают нашего берега, скрытые из поля зрения наметенными сугробами и густым кустарником, скидывают лыжи и лезут на открытое пространство, причем половина их устремляется левее к пристаням, а другая половина бегом направляется к лодейному двору.

— Будем стрелять или посмотрим чего хотят? — с полатей правее башни подает голос долговязый Невул. Пригнувшись, чтобы не слишком торчать над остриями стеновых кольев, он держит стрелу на тетиве.

— Чего они хотят и так ясно, бейте, чего тут смотреть! Всем, у кого луки, бейте! — кричит Сологуб. — Остальным нести смолу и кипяток! Живее давайте, немощные!

Со стены защелкали луки. Умеющих сносно стрелять у нас всего пятеро, к ним неожиданно подключается Махдукар, пришедший на встречу со мной без лука, но неизвестно где раздобывший себе боевой агрегат и пучок стрел к нему. За несколько секунд индус с башенной площадки выпускает шесть стрел и недовольно кривится разочарованный качеством чужого оружия.

Тем не менее общими усилиями удается успокоить полтора десятка из толпы набегающих врагов, пока те, прикрывшись щитами, не выйдут из зоны обстрела, подобравшись вплотную к частоколу.

Вскользь по Сологубову шлему царапает вражеская стрела, еще несколько вонзаются в бревна надвратной площадки, пролетают впритирку над стеной, чудом не задев никого на полатях. От берега лупят, черти, сейчас пристреляются, вообще не высунешься...

— Головы не высовывать! — орет Сологуб. — Лейте смолу через верх! На звук лейте!

Кипящая смола, расфасованная из котлов по собранным со всего подворья корытам, ведрам и бадейкам, дымливо плещет из перевернутой над зубьями кольев посуды вниз. Оттуда несутся дикий ор и гневные вопли ошпаренных и обожженных. Кто-то из наших благодаря своей неуклюжести тоже обжигается, но это лучше, чем стрелу в глаз принять.

Несколько десятков ворогов окружают нашу крепостицу в поисках слабого места или прорехи. Держатся исключительно впритирку со стеной, чтобы стрелой не подбили и хранят гробовое молчание дабы избежать кипящих струй смолы и кипятка. Побегали, посуетились, толкнулись в запертые ворота да и побежали дальше, вопреки всем военным правилам оставив у себя в тылу непонятный по численности вражеский гарнизон. Нами займутся главные силы, а авангарду нужно быстренько растечься по Заполотью, занять ключевые позиции, обосноваться на мосту и заодно попробовать с ходу ворваться в городские ворота.

Лучники на берегу никуда не делись, их стрелы продолжают свистеть и втыкаться в древесный остов форта. Сколько их там, десять-пятнадцать? Закрывшись щитом, я

поднимаюсь над парапетом площадки, засекаю темные фигуры стрелков за кустами. Десяток, может чуть больше, всех я точно не увидел, зато принял в щит два оперенных снаряда. Между нами метров пятьдесят, для доброго лучника не расстояние. Я снова сажусь и прижимаюсь спиной к бревнам башенного сруба между Джари и десятником.

— А Жила твой так и не вернулся, — непонятно для чего констатирует очевидный факт Сологуб.

— Не вернулся, — подтверждаю я, чувствуя, как поднимается во мне волна жгучего беспокойства.

— Плохо.

Это хуже, чем ты думаешь, Сологуб. Масса вариантов почему Жилы до сих пор нет, но меня начинают одолевать самые плохие предчувствия. Сумел ли он увести Младу? Что с Юркой, Яромиром, Рыком и Кокованом? Чус сказал, что враг уже занял восточную часть подола, а значит и торг и моя корчма в их руках. Напасть с нескольких направлений очень правильное решение для того кто напал и очень пагубное для тех, на кого наскочили. Как потом мне себя прощать, если корчму успели занять до ухода Млады и моих людей? Что сейчас там с ними творят? Девочка моя! Из-за меня все, мы даже поговорить толком не успели...

— Слышь, Сологуб, ты так и не понял кто это?

— Не понял пока. Скажу одно — оружие у них паршивое, на всю ватажку ни одного меча, одни топорики да колья с наконечниками. Щиты обычные, без знаков, брони не у всех. Скорее всего жмудь, земиголы или курши. Может быть латгалы...

— Мы еще основного войска не видели, тот мужик сказал у них и конные есть, — замечает Мороз.

— Даже если и есть, с Полоцком им придется повозиться.

— Зачем тогда пришли?

— Подол с окрестностями пограбят, сожгут да и отойдут. Но сначала, думаю, попробуют пробиться в город. Знают, что князь в отлучке, потому и пришли. У них сейчас одна дорога — на мост и в ворота стучать.

От волнения мне мало места. Надо что-то делать! Сидеть и ждать невоготу уже...

— Мороз, глянь-ка что там на мосту и у ворот! — велю я дружиннику.

Площадка нашей башни — самая высокая точка на полоцком подоле. В зимнюю пору, когда не мешают кроны зеленых насаждений, отсюда видны все Заполотье и северная часть стены укрепленного города, с главными воротами и мостом через Полоту. Дальняя к берегу часть надвратной площадки не видна засевающим на берегу лучникам и недоступна для прицельной стрельбы, так что Мороз обходится без щита.

— Ворота замкнуты! — докладывает Мороз. — Эти перед мостом собираются. Много. Сейчас ломить побегут!

Мы с Сологубом рывком поднимаемся с насиженных мест и встаем рядом с Морозом. Видим, как пришлые плотной гурьбой под прикрытием щитов быстрым шагом тащат что-то тяжелое к городским воротам, волокут длинные жерди с набитыми поперек перекладинами.

Я поворачиваюсь к Сологубу.

— Я должен уйти, — говорю, в упор глядя в карие глаза десятника. — Туда и обратно. В корчму мне надо, вдруг мои еще там. Другого времени не будет.

Сологуб отдаривается таким же пристальным взором, за которым происходит тяжелая внутренняя борьба. Отпустит, не отпустит, мне все равно, я, в сущности, такой же десятник,

уйду по-любому...

— Как знаешь, — произносит он медленно. — Но знай — ты нам нужен здесь.

Я с одобрением хлопаю его по кольчужному плечу, киваю в знак признательности.

— Мороз, Вран, Ясень! Ко мне!

— Я с тобой! — горячо произносит Джари, подступая ко мне вплотную. Индус тоже что-то воинственно твякает в трех шагах от нас и хватается за саблю.

— Нет, Джари, ни тебя, ни Мадхукара не возьму. Лица у вас не свойские, раскроют — кишки в дорогу втопчут, извини, но кишки в следующий раз.

Мавр зло скалится, показывая ровные, безупречно-белые зубы и что-то рычит по-арабски, но отходит, вероятно посчитав мои доводы за вполне обоснованные.

Внизу под башней я собираю подле себя Врана, Мороза и Ясеня. Вчетвером мы снимаем с себя лишнюю снарягу, оружие и цапки, чтобы не сильно отличаться от тех, что валяются мертвыми под нашим частоколом и шныряют вокруг крепостицы. Оставляем лишь кольчуги, на которые напяливаем короткие полушубки, взятые взаймы у плотников Глыбы, вооружаемся боевыми топорами. Я мажу черной головней лоб и щеку, то же самое проделываю с Враном. Мороз рвет на своей поддоспешной рубахе правый рукав, вываливает лохмотья наружу, чтоб были видны. Чус приносит объемистый мешок с каким-то барахлом, типа — добыча. Вот теперь мы как еловые шишки с одной ветки похожи на пришлых героев, побывавших в бою с мирным населением и успевших разжиться трофеями. Почему бы таким славным воякам не посетить корчму и не выхлебать задарма бочонок пивка? Главное вести себя спокойно, пасти не раскрывать и в разговоры ни с кем не вступать, бегом домчаться до корчмы, выяснить обстановку и назад.

Настало время провести отвлекающий маневр и прикрыть наш выход из крепости. Я прошу дружинников на полатах как только мы начнем перелезать дальнюю стену, поднять сдвинутые щиты, между которых Невул, Мадхукар и другие стрелки смогли бы уменьшить поголовье чужих лучников на берегу и заставить укрыться разрозненные шайки все прибывающих из за Двины врагов.

Я прошу Сологуба приготовить веревки и быть готовыми по условному свисту перекинуть нам, чтобы втащить обратно когда вернемся.

— Ну что, бойцы, наш выход! За мной, парни!

Глава двадцать четвертая

Ждать условного сигнала и сбрасывать нам веревки назначили Торельфа. Снаряженный двумя отрезами корабельного каната с узлами для удобства вскарабкивания по ним, дан провожает нас к восточной стене крепостицы.

Метрах в тридцати от частокола форта располагаются огороды и хижины обывателей. Все, что нам нужно — это прыгнуть со стены, бегом преодолеть открытый, заснеженный участок и затеряться среди стожков сена, плодовых кустов, домов и различных подсобных построек. Домики скорее всего уже разграблены, поэтому встретить там мародеров я не слишком опасался. Естественно, риск на провал нашего предприятия огромный, напороться на злодеев проще простого даже в огородах, но самый опасный отрезок пути до корчмы лежит вдоль пустыря с овражком, там придется идти нахрапом, кося под пришлых.

С мутного, низкого неба, просыпался мелкий, косой снежок. С каждой минутой интенсивность снегопада увеличивается, грозя перерасти в сильнейшую метель. Видимость резко ухудшается, но мы ведь не за рулем на междугородней трассе, нам видимости чем меньше, тем лучше. Обрадовался я этим неожиданным осадкам как нашедший бумажник подросток. Метель даже лучше тумана: по глазам бьет, в укрытие гонит.

Осторожно высунув голову над стеной, цепко оглядываю округу. Левее у рыбацких хижин сквозь муть снежной пелены замечаю неясное движение. Серые тени мельтешат вокруг полуземлянок и клетей. Хозяйничают по чужим закромам твари. Справа у пристаней тоже заметно шевеление. До нас далековато, даже если и заметят, скорее всего, примут за своих и не шибко подорвутся. Падающий снег ватным одеялом приглушает звуки, но возня в районе моста через Полоту доносится и сюда.

Первым хватаюсь за острые зубцы кольев. И замираю, полуобернувшись.

— Братцы, если кому запахло, может остаться, это мое дело, думаю управлюсь и один.

— Мы с тобой, Стяр, — после секундного замешательства отвечает за всех Вран. Уж не знаю успели они переглянуться и порешать, но отказников не находится.

— Одному тебе там делать нечего, — уверенно произносит Мороз.

— Ты же нам не чужой, — подводит итог прениям Ясень.

Ага, брат, блин...

Благодарно хмыкнув, я переваливаюсь через стену и после короткого свободного падения по колено утопаю в рыхлом намете. Один за другим прыгивают трое моих спутников. Присев в сугробе, выжидающе осматриваемся не бежит ли кто нехороший по наши святые души.

Сверху раздается шорох, над зубцами кольев показывается сначала колено, а затем и все тело перелезающего к нам человека.

— Торельф, ты куда собрался? Лезь назад! — очумело шиплю я, узнав по шмоткам скандинава. — Кто нам веревки скидывать будет? Ты же не переодевался, дурень!

Упруго приземлившись рядом с Морозом, дан угрюмо мотает большой головой в железном, запорошенном шлеме и смотрит синим упрямым вызовом. Язык наш он учит и неплохо справляется, но дурака, русских слов не понимающего, включать не отучился. Мыкнул чего-то на своем и фейс состряпал а-ля хрен он назад полезет и плевать ему как мы обратно попадать будем, сначала живыми вернуться надо...

Оно и верно.

— Ладно, — произношу я многообещающе. — Потом потолкуем. Вран, мешок с барахлом не забыл?

— У меня.

— Тогда поперли рысью до тех домиков!

Поперли плотной гурьбой. Я заранее предупредил, что двигаться будем кучкой, никто не отстает и вперед не лезет, чтобы в случае кипиша единым кулаком вдарить и пробиться. Ломим насквозь, напрямиком через подворья, благо ограды не высокие и жиденькие, а где и вовсе отсутствуют. По дороге получилось бы быстрее, но опаснее, к тому же я хотел прикинуть масштабы погромов. Первые же несколько домовшек встречают нас черными, слепыми провалами снесенных с петель дверей, вырванными "с мясом" входными пологамии. Во дворах валяется втопанное в снег тряпье, разбитая житейская утварь, расколотая скорлупа пустых сундуков, просыпанное зерно вперемешку с клочками сена и пестрыми куриными перьями. В прогоне между двумя избышками побогаче натываемся на понурого бычка запряженного в большую, набитую награбленным скарбом телегу. Ловко работают сволочи! Чувствуется большой опыт и сноровка в подобных делах. Наверняка тут окрест еще не одна такая телега своего часа дожидается. За каких-то пару часов успели сгношить приличный обозец.

Ближе к центру Заполотья картина начинает меняться. К привычным следам грабежа в полоцких хозяйствах добавляется кровь, уже присыпанная слоем свежего снега, но все еще хорошо различимая на контрасте цветов. И первый труп мы увидели очень скоро. Лежащая на спине в сугробе возле конюшни девка с задраным до груди подолом и распоротым животом глядит в небо потухшими, широко распахнутыми глазами, а набившиеся между век снежинки уже не таят. На этом же подворье, позади добротного дома у входа в подклеть, неестественно подвернув ноги, покоится пузатый мужик с разрубленным лицом. Должно быть не успели эвакуироваться или не поверили, что беда совсем близко.

Ох ты ж... Это ж Любим!

Точно, его это дом, я пару раз здесь бывал, просто заходил не с этой стороны, вот и не узнал поначалу.

Что ж ты так, купец...

В соседствующем с Любимовым подворьем хозяйстве стынут безжизненными буграми еще два тела возле въездных ворот. Оружия в руках нет, либо забрали, либо не было. Такое ощущение, будто люди, действительно, не успели убежать и скрыться за крепкими городскими стенами.

От ломящей боли в стиснутых злостью челюстях темнеет в глазах. Очень захотелось опрокинуть ударом топора по роже кого-нибудь их тех умельцев, аж кровь вскипела.

— Убитых-то маловато будет, — деловито сообщает Вран, вполголоса.

Эта мысль уже бродила во мне, но оформиться не торопилась. Кошунственно звучит, но убитых, действительно, мало. Точнее, мало обнаруженных нами трупов. Ведь у одного только Любима на подворье должно быть душ десять работных да семья у него большая и приятели гостят. Ясень успел пробежаться по хате почтенного купца и кучи мертвецов в доме не обнаружил. Кроме двух во дворе — никого. Здесь, в не бедном на вид хозяйстве, то же самое.

— Там возле хлева двое топчутся, — говорит Мороз, показывая глазами себе за левое плечо, где тянется добротный тын из поперечных березовых жердей и шмыгает носом в запорошенный рукав полушубка, чтобы не громко. — Думаю, они туда полон согнали и

сторожу оставили.

— Не заметили тебя? — спрашиваю быстро.

— Нет, я ползком. Люди там, бабы воют где-то...

Скорее всего так и есть. Живой товар здесь ценится не хуже пушнины, хорошего оружия и драгоценных украшений. Добрый раб, особенно если он владеет каким либо ремеслом, может сравниться в стоимости с конем. Приготовили, значит, к угону, на продажу как скотину. Вдруг и Млада там? Попалась, не смогла вовремя отступить. Юрка, Яромир, старый Кокован...

— Обойдем? — нервно шепчет Ясень. — Шум поднимем...

— Глянуть надо, ждите, — говорю и вслед за Морозом, пригнувшись, с опаской подбираюсь к ограде.

Упомянутый хлев в сорока шагах от нас. Двускатная соломенная крыша занесена толстым снежным покровом, высота стен в рост человека, сам невелик, две коровки с телятами кое как встанут. Людишек, ежели постараться можно набить гораздо больше, тем паче, что крупнорогатых уже, наверное, куда-то увели. Вход в строение нам не виден, но у правого торца сквозь несущуюся с неба зимнюю сыпь отчетливо проступают две темные человеческие фигуры. Значит и вход там...

Бдят сволочи! Опершись на копыя, торчат на ногах, периодически снег с головы и плеч отряхивают. Болтают о чем-то, небось, довольны, что их на убой не потащили, оставили сторожить прибыток.

Эх, шпалер бы мне сейчас, желательно с глушителем, работорговцев этих с безопасного расстояния тихонько успокоить. Подошла бы и СВД с оптикой. Я не большой спец в снайперском деле, так, один "сверчок" из нашей роты пару раз давал побаловаться, пошмалять в дерево. Помню, понравилось, ствол в пятнадцать сантиметров насквозь с первого выстрела. "Сверчок" сказал тогда, что у меня талант, думаю, с такой дистанции не промахнулся бы стопудово и снег не помеха. Вообще, к "плетке" хорошо пулеметик или автоматчика потолковее для создания снайперской пары, гранат, патронов сколько хочешь и разогнать всю эту братию за полчаса...

Хорош мечтать. У меня даже метательных ножей с собой нет. Придется вместо огневого контакта заниматься коренной для этого мира рукопашкой с холодным оружием. По подолу, небось, не один такой хлев с пленными, всех не спасем, но этих, пока не ясно чем закончится конфликт, освободить должны по-любому, авось исхитрятся спрятаться.

Вижу, моя затея с вызволением пленников парням не слишком по сердцу. Переживают, что запалимся и до корчмы не дойдем. Но после моего короткого объяснения в бесполезности похода в корчму если те, за кем мы направляемся находятся меньше полусотни шагов от нас. Хотя и опасения братвы на шуметь полностью разделяю. Ничего, мы на мягких лапках...

Дроблю отряд. Посылаю троих в обход приземистого строения, чтобы они с задков вывалились во фронт сторожам, сам с Торельфом двигаюсь вдоль тына налево, мимо накрытой дерюгой копны сена к выходу из усадьбы. Заявимся с двух сторон для пущей неожиданности.

Неожиданно не получилось. Вернее, получилось для меня и Торельфа. Забежав в ворота соседнего подворья с проезжей дороги, мы заворачиваем за угол хозпостройки и натываемся на крепко сбитого чужака с отъетой харей, деловито завязывающего походный мешок на уровне груди. Нас разделяет буквально метр. Хорошо руки у него награбленным заняты, до

тесака на поясе сразу не дотянутся, а пасть чем-то съедобным забита, иначе кипиша никак не избежать, драться бы стал или орать начал. Тем не менее, когда я слегка тормознул от неожиданности, мародер проявляет внезапную прыть, швыряет наземь добро и тянется к своему оружию с намерением сильно изувечить мой драгоценный органон. Мой спутник дан, видимо, был готов к подобному повороту и, практически, с ходу совмещает лезвие топора с одутловатой рожей толстяка.

— Хорошо? — дан уверенно произносит старательно заученное слово, с противным хлюпом возвращая себе оружие.

— Хорошо, Торельф, очень хорошо, — с благодарностью в голосе отмечаю я и хвалю себя, что не убил и не прогнал этого замечательного скандинава.

К хлеву мы с парнями подходим одновременно. Я и Торельф с тыла, Вран сотоварищи в открытую. Стражи и подумать ничего дурного не успевают, принимают по несколько смертельных ударов и затихают в снегу.

Нету здесь Млады! Никого из наших нету. Бабье, дети, мужички работные, гости давешние Любимовы. Голов тридцать, не меньше. Советую им всем по домам гуртом не ломиться, а схорониться до нашего прихода поблизости и не шуршать.

— Ты потащишь их к нам? — недоверчиво интересуется Вран.

— А куда их девать, снова ведь по хлевам рассуют если не прирежут. К нам поведем, за стены. Возражений не принимаю.

Вран покорно кивает головой и предлагает выбраться из палисадов на дорогу. По наезженному-натопанному оно скорее выйдет, хоть и разошлась метель, но густо засыпать пути еще не успела. Тут недалеко осталось. Вот и пустырек на котором я хотел когда-нибудь заложить усадьбу, за ним овраг и узкая, извилистая тропка к городским воротам. Удобный пустырек. Давным-давно здесь стоял дом да сторел, а строиться на заросшем пепелище желающих не находится. Ивняк за годы вымахал высокий и размашистый, летом здесь козы бродят, зимой наносы снежные по грудь, захочешь — не пройдешь. Знающий и не полезет, потому как другую дорогу к мосту ведает. Тропка эта летом хороша, а зимой от нее проку ноль, больно уж сильно заметает котловину оврага. Что, впрочем, не слишком помешало неожиданно объявившимся врагам Полоцка пройти этим путем напрямик к городскому мосту. В снегу на дне оврага пробиты три глубокие борозды, по характеру следа понятно, что за первопроходцами следовали в изрядном количестве сообщники, пара человек не смогла бы проделать такие колеи.

Однако, что-то разорались там у моста. Метель значительно сократила видимое расстояние, возможности разглядеть происходящее вдалье никакой, но нарастающей шум от городских нравится мне все меньше. Это не шум большой драки, так шумит торжище в непогожий день — звонко и недобро. Видимо, ворваться в город с разбегу не вышло, вломил Ингорь со стен передовым отрядам по сопатке, вот и думают теперь: ждать подкреплений на занятых позициях или расходиться.

— Ускоримся, братцы! — брызгаю тревожным шепотом. — За мной, бегом марш!

До корчмы добираемся без осложнений. Рядышком на торге шум-треск, крики, а здесь — тихо как в раю, жареным мясом разит привычно, будто и нет никакой войны. Соваться в трапезный зал с главного входа небезопасно, вдруг там внутри рота чужаков пирует, могут не обрадоваться. В прямоходящем, гордом положении подходим к задней двери. В отличии от передней она не двойная и широкая, к тому же оказывается не запертой. Первым входит Мороз и в полутьме спотыкается о разваленную по полу утварь, гремит горшками, рассыпает

мешок с горохом. На поднятый шум прибегает Яромир.

— Слава богам вы пришли! — жарко выдыхает лютич, распространяя сивушный дух. Рукава его рубахи закатаны до локтей, тощую грудь и живот прикрывает засаленный передник. Некрасивое лицо пытается изобразить улыбку.

— Младина где? — спрашиваю, торопливо затворяя за всеми вошедшими дверь.

— Здесь, все здесь. Стряпают. Даже Кокован. В корчме пятеро чужих сидят, жаркого ждут.

Глаз он не прячет, но настороженным как у хищника нутром я чую его напряжение. Боится, или скрыть чего хочет? Стискиваю предплечье Яромира и притягиваю долговязую конструкцию поближе.

— Ты, я вижу, тут времени даром не теряешь. Врагов прикармливаешь?

Лютич вздрагивает, словно получил средней силы электрический разряд между лопаток, быстро мотает бороденкой.

— Говори, только быстро. Кто они? Зачем пришли? Почему вас не трогают? Разве Жила к вам не прибежал предупредить, чтоб уходили?

Руку из моего захвата Яромир не выдергивает, я так и держу его пока он не заканчивает свой короткий рассказ.

Это курши. Вернее, курши и примкнувшие к ним земиголы с латгалами. Решили взять с Рогволда дани за десять лет. Самый главный у них куршский князь по имени Горхид, но он с основным войском еще не подошел к Полоцку. Яромир, представившись латгалом, так как вполне сносно болтает на их языке, предложил сотрудничество с оккупационным режимом и услуги корчмы в придачу. Потому и не трогают. Пока куршской дружины нет. А Жилы не было...

Странно, куда он мог деться? До корчмы не добрался, это уже ясно, неужели завалили по пути моего верного разбойничка, ведь не выполнить поручение он не мог, не в его это стиле.

Честно признаться, непроходимой тупостью неприятеля я изумился от всей души. Вот бараны, полезли на крепость без подготовки, не дожидаясь сильного войска. Мало их Рогволд гонял, еще захотели. Видать, здорово обиделись за прошлый раз.

— Значит так, Вран, тех в корчме перебить, главную дверь на засов и уходим! Быстрее давайте! Яромир, дуй к Младине, вели собираться.

— Там в камерке еще хозяин, — помявшись, докладывает Яромир и весьма артистично закатывает глаза, изображая состояние человека при смерти. — Ранен копьем в подмышку.

— Дикань здесь? — вопрошая удивленно, пытаюсь понять что привело сюда номинального владельца корчмы.

— С ним Рык и Юрка. Я сказал, что они мои рабы.

— Молодец, Яромир, — говорю чистосердечно, придя к выводу, что мой бывший невольник заслужил похвалу за проявленную смекалку и изворотливость. Именно благодаря ему живы все, кто мне дорог. Вот только раз Дикань здесь, значит он один и сумел вырваться из дома, стало быть, баба немощная его и Роса либо погибли, либо где-то в другом месте типа того хлева.

С Младой мы обнимаемся, словно сто лет не виделись, цепко и горячо. Держится она молодцом, ни слезы, ни вздоха заполошного. Понимает что к чему и как, только глазница свои доверчивые тарачит как ребенок.

С непрощенными посетителями моей корчмы парни разбираются в два счета, пикнуть

никто не успел, а в зале появилось пять жмуриков с рублеными ранами. С покойников снимали все ценное, коего нашлось сущий мизер, разжились тремя топорами, ножами и двумя копьями. Хоть какая-то прибыль с нерадивых. Рык с Яромиром тут же вооружаются. Юрку достается топор с костяной рукоятью и копье.

Обитателям корчмы собираться только подпоясаться, из вещей два кулька, лишь Кокована не удалось уговорить не брать с собой гусли. Через десять минут мы готовы к выходу. К сожалению без Диканя. Дед совсем плох. Бочину ему просадили знатно, перевязка жирно бухнет кровью. Меня он еще узнает, но по другим лицам мажет взглядом как водой по стеклу. Брать его нельзя, несмотря на всю жалость — не доведем и не донесем. Он и не рвется, просится помереть в родной корчме.

Все, на выход! Я подхватываю под локоток Младу и подрываюсь нестись как испуганная лань от охотников.

— Не уйдем, Стяр! Там десятка два во дворе, за мной гнались! — хрипит вернувшийся из разведки Ясень. Челюсти его сжаты, сведенные то ли страхом, то ли злостью белые губы похожи на куриную гузку.

Мать-размать... Не успели!

Стоп! Отпускаю Малдину. Набираю полную грудь воздуха и с силой выдыхаю в полном соответствии с канонами восточной дыхательной гимнастики. Успокаиваюсь, значит. Окидываю взглядом ставшие дорогими сердцу стены корчмы, убранство, столы, очаг. Это не крепость, сидеть нам тут не позволят, сожгут нахрен, значит выход только один — валить!

Собираю свою маленькую бригаду в кружок. Два десятка для нас многовато, пусть это и не профессиональные вояки, а сброд, жаждущий наживы, мужики-добровольцы, но все равно — слишком.

— Значится так, парни! Внутри нам не развернуться, массой задавят, а выходить на открытый бой тоже все поляжем. Посему предлагаю следующее: нужно приковать их внимание к большой двери, собрать тут всех, а самим выскользнуть через заднюю.

Кисляк на рожах виснет у всех, кроме Юрки, тому хочется драться, а не бежать. Вран и вовсе морщится, словно никогда не слышал большей глупости.

— Ты думаешь, они не станут через заднюю дверь рваться?

— Она узкая, сам знаешь, толпой через нее не вломишься. Оставят пару человек для присмотра, но ведь мы их очень нежно приберем, верно? Это же не гридни, а разбойники с большой дороги, справимся как-нибудь...

Опытный дружинник неуверенно жмет плечами, но больше не перечит. Я произвожу расстановку:

— Юрка, Рык и Ясень держат заднюю дверь. Будут ломить, покажите, что просто так не пустите. Остальные здесь со мной. Нужно их подразнить, чтоб разгорячились...

Договорить мне не дают. Мощных бах в дверь и что-то на громком тарабарском снаружи.

— Чего орут, Яромир?

— Спрашивают: почему закрыто?

— Курши?

— Земиголы.

На том спасибо. Иметь дело с дружиной пресловутого Горхида мне совсем не охота.

— Скажи им, мол, не работает корчма, учет у нас, инвентаризация.

Яромир прокричал через дверь несколько коротких фраз и я не уверен, что перевод его

был точен.

Заткнулись. Переварив услышанное, снова сапогом по двери.

— Хозяева! Эй! Отворяйте, разговор есть!

О, надо же, толмача привели! По-русски без единой запинки балакает и голос такой бодрый, уверенный. Сейчас шнурки погладим и сразу же отворим, раз такое дело!

Но сначала — переговоры. Чтоб не вздумали разбежаться по окрестностям и помешать нам смыться. Я постарался, чтобы и мой голос прозвучал как можно внушительнее:

— Шли бы вы отсюда, ребята, это собственность Андрюхи Старого, виры захотели? Корчма закрыта, говорю вам!

За дверью снова помолчали. Оно и понятно, сколько нас внутри они не знают, кто мы — тоже, а вот меня наглого берут на карандаш.

— Открывай, умник, ломать начнем! — снова кричат на понятном мне языке. — А когда ломаем, яйца твои вокруг березы намотаем!

Очень серьезное заявление, аж холодок по спине. Я не сдерживаюсь и бросаю быстрый взгляд на бледную Младину. Ну, положим, до моих яиц еще добраться надо...

— А начинайте, вам же хуже, первый, кто войдет, живым не выйдет!

На сей раз безмолвие с той стороны длится подольше. Потом слышится яростное переругивание. Наконец тишину прерывает сильнейший удар топора и треск разрубаемой в щепки двери. После нескольких молодецких ударов, отточенное лезвие боевого топора насквозь прошибает неокованные дверные доски, мне кажется, что с тусклого лезвия срывается завиток пара.

Рубят уже втроем, из самой середины правого от нас дверного полотна вылетает кусок древесины в две ладони. Внутри немедленно просовывается торчащая из толстого рукава тулупа лапа в надежде нащупать и приподнять засов. Мороз без раздумий рубит топором. Кисть с безжизненными пальцами брякается о порог, раздается вой боли и взрыв негодований. Слышатся и смешки. Затем чей-то сильный голос повелительно произносит несколько слов. Я не лингвист, но выговор явно не латгальский и не земигольский.

Подвинув мощным плечом Мороза ближе к двери подходит Торельф. Кричит что-то по-своему. Выслушав ответ, произнесенный все тем же сильным голосом, щерится зло и весело, крепче сжимает свой топор.

Офигеть как весело, там еще и даны!

Тот дан снаружи, видимо, имел опыт в процедурах подобного рода и вносит рациональное зерно в дело разрубания дверей своей подсказкой. Топоры взялись вырубать петли. При чем только с полотна в котором зияет дыра.

Жалко двери. Двойные, дубовые, сам заказывал. Об оковке и не думал, разве можно предугадать штурм мирной корчмы? Зато о запорах я позаботился. К засову из дубового же бруса прилагались толстые железные прутки, что по вертикали по краям полотен входят в потолочную балку и в порог для твердой фиксации любой из половинок. Так что с нашими дверьми придется повозиться, но не так долго как хотелось, ведь дерево против топора что трава супротив серпа, двери топорами же и делались...

Через несколько минут, за которые я успеваю метнуться на задки проверить как дела у Ясеня, дверные петли поддаются, но створка не падает и не перекашивается. Сюрприз!

Топоры снаружи продолжают яростно кромсать дверь, чтобы развалить по доске. Одну за одной. Вот уже трех нет, а створка еще держится и край засова торчит.

Наконец ребята снаружи решают попытаться счастья. Закрывая локтем лицо в разбитый

проем, достаточный для протискивания человеческой тушки, с метели в полумрак лезет кто-то из ворогов. Правой рукой он шустро рубит мечом пространство перед собой, уповая задеть кого-нибудь. Не на тех напал. Пробив кожаный кожух, надетый поверх зимней одежды, наконечник копья глубоко входит ему в бок справа от пупка. Вран тут же выдергивает оружие, ударом тупого копейного конца в грудь выталкивает бедолагу обратно на улицу. Выходит заминка, тот, кто шел вторым не ожидал принять на руки раненого собрата, едва удержался на ногах, чтобы не упасть хватается за расщепленный косяк. Мороз уже отработанным движением снова рубит по запястью. Еще одна окровавленная клешня валится нам под ноги. Пылая жаждой мщения, сборная земиголов и лаггалов с отчаянными криками прет напролом. В узком проходе вдвоем делать нечего, а в одиночку соваться в слепой провал желающие быстро заканчиваются. Потеряв еще двоих, нападавшие пробуют зайти через задки, застревают и там, даже дверь не сломали, поняли, что внутрь без потерь не пустят. Встали на совещание. Я понял, что враг полностью деморализован и настал момент для завершения разгрома.

— Валите отсюда! — ору я в разверстый пролом двери. — Сейчас дружина подоспеет, вас мельчить начнет. Валите, пока целы, найдите занятие по зубам!

Мне отвечают надсадным хеканьем, повинуюсь внутреннему чутью, я принимаю вбок. С чудовищной силой посланная сулица с глухим шорохом просовывает острие между лопаток Мороза. Я не смог удержать его от падения, рукав вырывается из захвата. В любом случае, Мороз умер еще стоя.

— А так пойдет? — кричат со двора, хозяин сулицы, наверно.

— Вран! — ору во всю глотку. — Бей, кого видишь!

После короткого разбега Вран посылает в разверстую дыру короткое копье, выдернутое из Мороза. Никого он, конечно, не видел, наугад послал, но, судя по сдавленному крику с той стороны, снаряд пришелся куда надо.

— Можно и так...

Приходит отчетливое понимание — если не сейчас, то уже никогда.

— Ноги в руки, галопом на задки! — шепотом командую я. Пока они там отдупляются, мы успеем выскочить и затеряться в метели, благо она, по ходу, все усиливается. Мороза и Диканя придется оставить, иначе не уйти.

Весь личный состав в едином порыве срывается в указанном направлении. Кроме Торельфа. Дан остается у разбитой двери с двумя топорами наготове. Ветер из пролома играет в волосах и бороде, засыпает лицо мелким снежком.

— Я — здесь, — говорит Торельф и притопывает ногой в пол. — Остаться.

— Не дури, Торельф, бежим!

Мы встречаемся взглядами. У меня неверящий, у него — упрямый. Нет, не пойдет, он так решил, разубеждать бесполезно.

— Хорошо, мы сейчас уйдем, а ты считай до ста и тоже сматывайся, догоняй нас, понял меня?!

Хренушки он чего понял. Щерится зло и головой кивает. Я тоже киваю и опрометью на выход из корчмы. Недолго мне прослужил мой дан, зато верно и честно...

У задней двери нам везет. Там всего двое. Когда я и Вран неожиданно вываливаемся на них, они не успевают вскрикнуть — падают под ударами как срубленные сухие сучья. Важно было бить сразу в голову или шею. Удар топора в толстую зимнюю шкуру может не дать мгновенного смертельного эффекта, сломать кость, а то и вовсе не достать до мяса, тогда

кричи не хочу... Но повезло, справились тихо и быстро. Я бил как в последний раз, вложив в удар всю силушку. Черепуха супостата раскололась как гнилой орех под молотком.

Теперь строго по проекции здания, по кустам, чтоб сразу не заметили, деру! Младина висит на руке, Ясень лосем несется впереди, показывает путь. С ним рядом Яромир. Не случай если нарвемся на кого серьезного, он скажет, что ведет полон, оружие мы предусмотрительно прячем под одежду, лишнее выбрасываем.

Сделав небольшой крюк, всей толпой выбегаем на дорогу, тащиться по огородам — потеря драгоценного времени, важно добраться до верфи до того, как в город хлынут курши. Еще я очень опасаясь погони. Едва в корчме справятся с одиноким Торельфом, счесть наши следы не составит руда. Девять из десяти, что погонятся. Вот и несемся со всех ног сквозь метель как скорый поезд Москва — Воркута. Я тащу за руку Младину, Юрок сопровождает набравшего неплохой ход Кокована. Раскрытые, пышущие паром рты хватают холодный воздух вместе со снегом, лица красные, глаза ошалелые. Собственно, темп задают Млада и Кокован. Баба в положении и пожилой дядька по определению не в состоянии бежать наравне с молодыми, здоровыми мужиками ни спринт, ни марафон. Пробегаем тропку, ныряющую в овраг, стало быть больше половины опасного пути позади, до нашей крепостицы метров пятьсот, но стен ее еще не видно за деревьями и крышами домов. Да и к концу отдельно взятой средней дистанции коллектив наш переходит на шаг, Млада уже буквально висит на моем плече, а старого гусяря тащат под руки Юрок с Рыком.

— Вран, беги за людьми! — кричу на ходу.

Чуть ведь не забыл я про них. Велел ждать на месте, они и ждали бы когда снова в полон загребут.

Вран отделяется и ныряет в распахнутые ворота соседней с Любимовой усадьбы. Пройдя шагов триста, мы сходим с дороги и принимаем в сторону. Вот и последний домишко перед крепостью, нам остается преодолеть дворик и короткое открытое пространство перед стеной.

В этом самом дворике нас ждут. Вернее, не нас, а защитников форта караулят. Пятеро бывалых мужиков с копьями и топорами. Стоят беспечно, позы вольные, видать, соображают как бы так поудачнее попасть за заостренные бревна частокола и навести там шороху. Я, грешным делом, пугаюсь — не курши ли это подошли, но быстро унимаюсь: даже если и так, то численность наша пока равная. Нас они не видят и не слышат, идущий снег все же прилично заглушает звуки. Мы останавливаемся в нескольких метрах, если сейчас кто из них повернется — хана...

С нами нет Мороза, Торельфа и Врана, тем не менее я решаюсь атаковать. Тактика, впрочем, уже отработана: набегаем, рубим каждый своего, убегает. С Рыком и Юркой нас тоже пятеро. Пацан крепко сжимает в руках копьё, которое отказался выбрасывать. Колебаться совершенно некогда.

— Юрок, твой крайний справа. Рык, твой левый. Я по центру, Ясень, Яромир со мной Млада с гусярем стоят здесь, ждут Врана. Все, погнались разом!

Мужики оборачиваются, причем синхронно, когда мы уже в трех шагах. Прими они набегающих нас сразу в острое, свое не рожденное дитя я бы так никогда и не увидел, но они щедро дарят нам шанс. Шансом этим мы благодарно пользуемся. Яромир первым сносит голову одному из врагов, Юрок дырявит своего копьём точно соломенное чучело на учениях. Ясеню и мне тоже удается справиться с противниками. Мой успеваешь вытащить топор, но не успеваешь пустить его в дело, удар топора сносит ему полчерепа. Все происходит настолько

стремительно, я даже не могу понять, что все кончено. Для латгалов-земиголов и Рыка. Его оппонент каким-то чудом умудряется увернуться, поставить провалившемуся в рыхлый снег Рыку подножку и всадить ему упавшему копьё под лопатку. Пользуясь длиной рук, Яромир приканчивает убийцу Рыка несколькими мощными ударами по ребрам, разрубив почти напополам.

С Враном приходят семнадцать человек гражданских. Остальные не послушались моего совета и разбежались искать укрытия. Гурьбой подваливаем под стены крепости. Торельфа с веревкой, понятное дело, на стене нет, зато есть два Глыбиных плотника с узловатыми канатами.

Глава двадцать пятая

Курши подошли примерно через после нашего возвращения на лодейный двор. Метель к тому времени заканчивалась и мы с Сологубом, стоя на башенной площадке, смогли воочию наблюдать как в наступающих сумерках дружина князя Горхида форсирует замерзшее двинское русло. Даже я своим неискушенным взглядом смог найти отличия в экипировке бойцов куршского князя и удалцов латгало-земигольской вольницы, коим расчетливый Горхид позволил первыми ворваться в город. На каждом курше шлем, щит за спиной и в снег они проваливаются глубже, что позволяет сделать вывод о наличии крепких, тяжелых доспехов. Серьезный противник для всей Рогволдовой рати, буде она в городе, о нас и говорить не приходится — раздавят как тлю.

— Сологуб, ты чего такой грустный? Ел горох невкусный? — решаюсь я подбодрить коллегу по званию. Десятник отвечает мне мрачным взглядом исподлобья. Все еще считает, что я подвел наш маленький коллектив, променяв две воинские жизни на толпу баб и детей. Доля правды в его претензиях есть и очень большая. Среди отбитого мною и приведенного за стены крепостицы полона шестеро дядек разного калибра, но вряд ли они будут способны заменить в предстоящей стычке Мороза с Торельфом.

Ничего, мужиков кого покрепче вооружим да на стену поставим, остальные смолу с кипятком подтаскивать будут. Да и будь с нами Мороз с Торельфом, держаться нам не долго. Против силищи, что сюда из-за лесов приперла наша хилая крепостица как песочный замок против стоптанного армейского кирзача.

Подкрадывается стремная мыслишка: а не зря ли я сюда Младину приволок? В чужом полоне, глядишь, живая бы осталась, неволя штука непостоянная...

Младу вместе с другими женщинами и детьми я разместил в землянке для мастеровых, предварительно выставив из помещения Глыбиных работяг. У большей части плотников золотые руки, одним топором такие вещи вытворяют с деревом — обалдеть можно, но, боюсь, попади в эти руки боевой топор, запросто полноги себе отхряпают да и тщедушные они все какие-то, не бойцы, одним словом. В другой раз я бы их поберег, но нынче явно не подходящий случай, будут обороняться наравне со всеми.

Вслед за пехотой реку начала переходить кавалерия на разномастных заиндевелых коняшках. У этих и шлемы и щиты с копьями и брони поверх одежды темнеют. Не полтысячи, как заявлял беглый селянин, но сотни три будет и где-то там среди авангарда конных правит удилами на полоцкий берег сам куршский князь.

Да вот и он! Высокий всадник в круглом серебристом шлеме и опушенном мехами плаще в окружении бояр и личной гвардии таких же здоровяков, но без дорогих плащей на плечах.

Всадников у пристаней встречает группа латгалов с земиголами (кто из них кто я так и не разобрался, одинаковые они как желуди) и начинают весьма активно жестикулировать, докладывая начальству сложившуюся обстановку. Начальство, не покидая седел, минут пять вникает, а затем рослый конник властно машет рукой в нашу сторону.

— Все на стену! — с высоты башни кричит внутрь лодейного двора Сологуб. — Смолу тащите! Стрелы, бревна!

Не поверил князь Горхид донесениям о налаженной обороне нашего форта, решил попробовать на зуб. В стремительно сгущающихся сумерках от растекшейся по берегу

неприятельской толпы отделяется группа энтузиастов численностью в сотню с хвостиком и устремляется под стены верфи. Еще одна группа на отдалении вооруженная луками принимается подавлять наших стрелков. Темновато уже для стрельбы, стрелы летят практически наобум, сильно не в цель. Мадхукар с Невулом, пользуясь господствующей высотой, щелкают тетивами на выбор в набегающую плотную толпу и укладывают в снег с десятков ворогов.

Добежали, приняли на свои горемычные головушки несколько тяжелых бревен, брошенных со стен, затем душ из кипящей смолы, а в заключение разгрома кто-то из наших швырнул в догонку пяток горящих факелов. На сем атака и закончилась. Оставив поломанных, обожженных и раненых кататься в снегу, ватага отхлынула, прекрасно освещенная пылающими товарищами по несчастью. Тут уж Невул с Мадхукаром оторвались, лупили как заведенные пока стрелы в тулах не иссякли.

М-да... я полагал, что Горхид этот поумнее будет. Нет, он, конечно же, не дурак. Дурак не послал бы вперед себя нестойкое и бестолковое союзное ополчение. Жадными, чужими руками зачистил подол, загнал сотни жителей в укрепленный город, чтоб мешались защитникам и лопали запасы. Взятую на подоле добычу милостиво разрешит забрать остаткам лаггало-земиголов, а себе приберет все, что завоюет внутри городских стен. Неплохо продумано. И план действий у него наверняка есть, уверен, собака, что возьмет Полоцк, иначе бы не пришел. И атака эта была не просто так. Глянул на нашу защиту, оценил что да как, заодно узнал, что толковых стрелка у нас всего два. Очень мутный дядя, однако. Сначала попросил у Рогволда помощи от набегов викингов, заманил полоцких послов в ловушку, а затем и сам с мечом пришел. Может у него все-таки с башкой нелады? Расстройство психическое? Не поверю, что с такой неплохо вооруженной оравой он от данов отбиваться устал. Ведет какую-то одному ему понятную игру, надувает щеки как великий завоеватель. Вот бы ему нагадить как-нибудь по-крупному, а еще лучше — устранить, тогда, вполне возможно, вся эта братия сама благополучно разбежится.

— Хорошо мы их шуганули, — без особой радости, но с большим удовлетворением замечает зашедший с боку Вран. Ему как и мне с высоты надвратной башни прекрасно видна картина недавнего разгрома и разбредаящиеся по окрестностям части Горхидова войска.

— Глядите-ка! — тревожно восклицает Сологуб, вытягивая в сторону неприятеля указующий перст.

К группе всадников подволакивают полураздетого, извалянного в снегу невысокого мужичка. Два дюжих молодца вздергивают окровавленное тело пред светлые очи куршского князька. Что-то докладывают, затем разворачивают пленника лицом к нашей крепости, под руки держат крепко, чтобы не повалился. Мои щеки и лоб словно обжигает, горячая волна поднимается из груди к корням волос. Далеко и не слишком светло, чтобы узнать наверняка, но что-то неуловимо знакомое, удивительно родное признается мне в избитой фигуре страдальца по ту сторону крепостной стены. Как не ломай глаза, рассмотреть получше практически невозможно, однако ощущение того, что в руках куршей кто-то мне достаточно близкий только нарастает.

— Кто это? — невольно вырывается у меня. Я растерянно оглядываюсь на собратьев по оружию. — Невул, ты хорошо видишь, разглядеть можешь?

— Это Жила! — через секунду уверенно отвечает стрелок, отличающийся орлиным зрением. — Жила, батька!

В этот самый момент, не покидая седла, глава неприятельского войска после быстрого

замаха сверху вниз вонзает в верхнюю часть Жилиной спины сулицу. У меня перехватывает дыхание, озябшие пальцы впиваются в замороженное верхнее бревно парапета башенной площадки. В обьявшем меня ступоре я наблюдаю как с коротким копьём в пробитой шее Жила медленно и мертво валится под копыта Горхидова коня. Курш как на параде салютует нам картинным взмахом руки и правит коня прямо по телу убитого им пленника, всем своим гордым видом изображая, что образцовая казнь с намеком на наше ближайшее будущее завершена, а завоевателям пора заняться другими делами.

Несколько минут я стою не шевелясь, будто превратился в небольшой айсберг. У меня на глазах только что расправились с моим боевым товарищем, другом, ближником, как здесь называют. Хладнокровно прикончили безоружного. и раненого. Из старой гвардии со мной остались лишь Невул да Голец, о судьбе которого ничего не известно, жив ли... А Жила вон он лежит в кроваво-снежном месиве с острой палкой в теле. Как же ты, братец, умудрился так попасть? В другое время я бы не сходя с места поклялся отомстить убийце и прикончить тварь любым из доступных способов будь он хоть князь, хоть папа римский. Однако, не в моем положении кому-то что-то обещать, поэтому я не стал сотрясать воздух грозным базаром, а просто решил, что ежели доведется выйти из этого попадалова живым — обязательно спрощу с Горхида. Он мне еще за Мороза, Рыка, Диканя и Торельфа задолжал...

Прекратив против нас всяческую активность, латгалы с земиголами снова устремляются грабить окутанный зимним вечерним мраком подол, а курши большей частью сосредотачиваются в районе пристани. Но наивно надеяться, что хитрый князь с янтарного берега оставит наш гарнизон в покое. Несколько маленьких куршских отрядов разожгли вдоль всей окружности крепости с десятков костров, чтобы осветить прилегающее к стенам пространство и не дать нам незаметно выскользнуть, сами же устроились на безопасном для стрел отдалении на ночное дежурство. Обежав по настилу внутренний периметр стены, я насчитываю пять таких отрядов и делаю вывод, что грядущую ночь мы переживем, а вот на следующий день планы строить не стоит — выскребут нас как ненужное дитя из мамкиного чрева. Коли так, то хорошо бы всем перед неравной схваткой прилично выспаться. Выспаться, не забывая о сменных караулах на участках стены, мало ли чего надумает каверзный Горхид.

Вдвоем с Сологубом делим стену на сектора, распределяем очередность караулов. Получается у нас четыре пары на одну смену. Для того, чтобы какое-то время бодрствовать и следить за округой боевого опыта не нужно, здесь нам помогут и плотники и мужички из числа спасенного полона, так что заслуженный, полноценный отдых получают все без исключения.

Погода резко меняется, к ночи заметно крепчает мороз, оседает бледным инеем на бородах и ресницах. Всем приходится утеплиться, накинуть поверх защитного железа у кого что имелось из зимнего.

Общий совет, состоящий из всей свободной от караула мужской части гарнизона собирается на укрытой снежком палубе одной из почти достроенных лодий. То, что все корабли находятся на лодейном дворе — хорошо. Вот они голубчики лежат на боку впритирку как пирожки на противне. Мы уже договорились при приближении смертного часа запалить Глыбины поделки, чтобы не достались врагу в качестве трофейного имущества. Обольем горючей смесью для огнемета приготовленной и запалим, собака Горхид только облизнется.

Собрались все за исключением Яромира, Юрки и Кокована. Хозяйственный лютич

помогает женщинам возиться с поздним ужином, снует подле небольшого костра, пацан таскает дрова, а старый музыкант греет озябшую тушке у огонька.

Я сижу на одной гребной скамье со Стегеном по центру корабля. Зарево костра отлично долетает сюда, разгоняет мрак на палубе, высвечивает детали. На противоположной скамье развалился в одиночестве Сологуб. Боевую бронь он скинул, оделся в меховую накидку с головой так, что только длинный шнобель торчит наружу. На самой корме жмутся друг к дружке окоченевшие южане — Джари с Мадхукаром. Глыба со своими и шестеро вырученных из плена тоже присутствуют, тесно сидят на носу и возле рулевого весла. Воодушевление одержанной победой с их лиц уже спало, уступив место тревожному ожиданию нехорошего. Вот тебе и срубили кораблики князю Рогволду... Впрочем, мастеровым совсем необязательно стоять тут насмерть, ежели сдать скумекают, может еще поживут. Шепну им попозже...

Минут пять угрюмо молчим. Каждый понимает к чему клонится дело, но озвучивать свои догадки не спешит. Тишину на корабле нарушает Сологуб, запрашивает данные о количественном наличии средств активной обороны.

Заранее подсчитав стрелы и запасы смолы, приходим к мнению, что того и другого у нас в достатке: смолы в больших бочках еще полно и стрел земиголы внутрь крепости напуляли щедро. Весь вопрос в том как нам всем этим добром подольше попользоваться и выпустить из супостата как можно больше дурной кровищи.

Припасы съестные нас заботят меньше всего. На пару дней хватит, а больше и не потребуется, сами кормом вороньим станем, если не случится какое-нибудь расчудесное чудо.

Итак, что мы имеем?

Ни хрена мы не имеем!

Около двадцати бойцов, кучку напуганных ремесленников в настоящем бою бесполезных, ревущего во все горло ребенка в землянке и несколько баб...

Из памяти внезапно всплывают пронзительно синие глаза Рогнеды, Рогволдовой дочки. Сологуб сказал, что пока мы мотались в корчму, старший брательник Рогнеды знатно всыпал собравшимся на мосту через Полоту земиголам и латгалам. Полсотни всадников в тяжелой броне и с копьями наперевес вылетели из городских ворот, с разгону смели с моста несколько десятков пришлых, еще столько же порубали в короткой, злой сече да так же стремительно укрылись за воротами, потеряв убитым всего лишь одного воина. Нет, Ингорь княжну-сестрицу в обиду не даст. Отцова любимица девчонка вырастет красавицей, не одно мужское сердце разобьет.

Впрочем, до будущих любовных побед Рогнеды мне нету никакого дела. Мне сейчас больше о сохранности наших шкур беспокоиться нужно, мы не в городе за крепкими и высокими стенами, мы тут как гнойный прыщ на носу.

Сологуб просит самых опытных воинов высказаться. Обычай у них такой — в экстремальных ситуациях выслушивать мнение наиболее заслуженных и попытаться сообща изобрести план действий. Если у молодняка или случайных присутствующих есть сказать чего дельного, то послушают всех, ведь зачастую слово со стороны оказывается весьма ценным. Но не в этот раз. Не то у нас положение, чтобы перебирать варианты. Выступили Вран, Стеген, Чус и сам Сологуб, ничего стоящего не сказав. Упереться, стоять насмерть, ждать помощи...

Ждать помощи это хорошо, правильно даже. Только что-то подсказывает мне ждать

подмоги нам долго не придется. Глухо постукивают на подоле топорики, готовя оборудование для взятия крепостных стен. Я живо представляю как носятся сейчас по брошенным подворьям чужаки в заиндевельных шлемах, ищут лестницы вязаные прежними хозяевами из жердей, сносят поближе к объектам предстоящей атаки. Если для взятия стен укрепленного города понадобится модернизация старых и изготовление новых более длинных, то на лодейный двор сойдут и двухметровые, а таких, небось в каждом дворе одна-две...

В общем, не услышал совет ни одного предложения по существу, а именно — как нам всем избежать неминуемой гибели. Спасительная идея не подана, чуда не случиться. Жаль нету рядом изворотливого Гольца, этот наверняка бы подкинул какую-нибудь интересную мыслишку.

Холода я не чувствую. Напротив, под броней, кольчугой и поддоспешным войлоком у меня жарко, точно не под двадцатку на улице, а по крайней мере плюс пять.

Хорошо бы сейчас включить режим хорька, прогрызть продземный ход, прихватить самое ценное и весь личный состав, дать деру и выползти далеко за пределами оккупированного Полоцка, а князя пушай тут сами разбираются кто круче. Спихватившись, ловлю расплзшиися черным змеиным выплодком мысли, сматываю в клубок. Помечтал и хватит. Неплохой вариант, чтобы качественно удивить старину Горхида, но уж больно фантастический. Даже если копать всем скопом, за ночь такой лаз нам не осилить, тут работы на недели. Необходимо придумывать нечто менее неправдоподобное, но не менее эффективное. Как там говаривал майор Гранит? Даже самый лучший боксер не застрахован от пинка по яйцам! Вот как он говорил и однажды так меня проучил... А еще дед мой, воевавший в полковой разведке, рассказывал как ходил за "языками" во вражеские траншеи и как немцев иногда подводила их хваленая организация. Окопы и ходы у фрицев всегда были на высшем уровне: чистенькие, крепкие. Блиндажики уютные и теплые, все по полочкам там разложено. В этих блиндажах они и дрыхли в ночное и свободное от войны время в майках и кальсонах. В кальсонах их и брали, волокли по снегу на другую сторону нейтралки.

Если откинуть союзников, то на первый взгляд организация у куршей неплохая. Команды князя выполняются точно и без суеты. Думается мне и с самомнением у лидера прибалтов тоже все в порядке, никак не ниже гор. Силу свою знает и себя любимого ценит...

— Слышь, Яромир! — подает голос Жадяй — один из воинов Сологубова десятка. Немолодой дядька, для своих лет обладающий крепким здоровьем и физической силой намного превосходящей силу умственную. — Что ты возишься как ящер обмороженный? Подкинь ты хворосту, жарку поддай под котел, эдак натошак помирать придется!

Вечно голодного бойца со смехом начинают подначивать. Он отбивается, говорит, что не поев даже на бабу не лезет, не то, чтобы воевать!

Вспугнутая воплем Жадяя мысль спотыкается и сразу же вспыхивает радужными красками. Жарку поддать? Голец, помнится, терем боярский подпалить сподобился. И ситуация похожая была. А я чем хуже?

— Как думаешь, Сологуб, где князь Горхид ночевать станет? — интересуюсь я быстро, но не слишком громко, чтобы не возбудить досрочного ажиотажа.

— Ну, обоза ихнего я не видел, стало быть и шатров у них с собой нету, — рассудительно отвечает десятник, жестом призывая собрание к молчанию. — Да и зачем ему шатер, если он в городе где полным-полно домов, выбирай какой побольше и ночуй на здоровье. Хотя какое ему здоровье псу блохатому, сип ему в гниющую глотку!

Десятник еще с полминуты сеет вокруг себя изошренные ругательства, а потом вдруг затыкается, втыкает в меня взгляд полный трепетного любопытства.

— Зачем спросил?

— А какой дом здесь самый большой? Чтоб народу разместить поболее да пожрать сготовить и выпить сгоношить?

— Будто сам не знаешь? Корчма конечно! Но я и сейчас не понимаю зачем тебе это.

Горхид он хоть и князь, но ни майки хлопковой, ни кальсон у него отродясь не было. По виду — воин, предводитель дружины как наш Рогволд. Наверняка и в походах военных бывал, привык спать с оружием, в одежде. Перед сном брюхо набить, пивом крепко запить да не в одно рыло, а с единомышленниками, боярами, воеводами и прочими дружками. Попировать слегка перед боем ни один бог не запрещает. Вот тут Сологуб прямо в точку! Лучше корчмы места во всем городе не найти. Длинные столы, очаг, лавки для спанья, крепкие стены... До моего заведения отсюда не так уж и близко, вряд ли Горхид возжелал тащиться впотьмах через весь подол, когда у него под боком есть почти такая же. Будущее Гольцово наследство...

— Ты хочешь добраться до Горхида? — проявляет недюжинные умозаключительные способности Вран. Глаза краснолицего дружинника заблестели как у лихорадочного, что означает парень принял охотничью стойку и почуял запах добычи, даже задницу от гребной скамьи отрывает в возбуждении.

Взвинчивается не один Вран. Все собрание оживляется, поняв, что у меня созрела какая-то нетривиальная идея.

— Хочу. У меня к этому козлу личный счет образовался! Джари, спроси у Мадхукара сможет ли он достать стрелами стражу за костром у восточной стены?

— Я могу попробовать! — взвывается обиженный недоверием Невул.

— Нужно не пробовать, а наверняка. Поэтому я хочу знать точно: сможете вы вдвоем пришилить тех гавриков? Да чтоб тихо, без хрипов и криков, иначе бесполезно потратите стрелы.

Джари перебрасывается несколькими фразами с индусом-кшатрием, после чего тот срывается с места, легко спрыгивает с борта ладьи в холодную вату сугроба и бегом направляется к указанному месту на стене. Невул припускает следом, топчет снег длинными, журавлиными шагами.

Полезная, все таки штука педагогика! Равно как и здоровая конкуренция. В рамках профессионального соревнования эта парочка теперь батальон земиголо-латгало-куршских захватчиков перестреляет.

Несколько десятков глаз наблюдают как наши снайперы влезают на настил и на полминуты высовывают головы между заостренных кольев. Я знаю, что расстояние там немаленькое даже для таких стрелков как эта парочка, к тому же темно, а при Мадхукаре нет его бесценного лука. Задание трудное, почти невыполнимое, я пойму, если они откажутся или изгадят дело, но это наш единственный шанс...

— Сможем! — безапелляционно заявляет долговязый стрелок, едва они возвращаются на корабль совета. — Трое там, во дворе засели с этой стороны плетня.

— И как только ты разглядел? — ворчит Сологуб.

— Я чернику торбами жру, оттого зрение днем как у беркута, ночью как у совы, — самодовольно делится секретом своих способностей Невул. — Попаду, не сомневайся! Смуглый тоже попадет.

— Попадете, дальше что?

— Как только стража уснет вечным сном, выждем чутка пока свет костра немного заглохнет и полезем наружу, — спокойно объясняю я.

— Все полезем? — требует уточнения Сологуб.

— Нет, всех нас там сразу выкупят и растопчут. Пойду я, Яромир, Вран и... Стеген.

— Вчетвером на целую рать попрете?

— Я не такой уж и конченный как некоторые полагают, Сологуб. Очень надеюсь, что биться мы не будем.

— А что будем? — прилетает от Врана вопрос по существу.

— Князю Горхиду погребальный костер зажигать пойдем.

— Ну ты сказал, Стяр, он же не помер еще! Да и не собирался вроде когда мы его в последний раз видели.

— Вот именно, что — в последний. Поджарим его высокоблагородию пятки по самые уши.

— Это дурной замысел, Стяр, — Сологуб предостерегающе поднимает ладонь. — Думаешь, Горхид позволит себя заживо сжечь?

— Можешь предложить что-то получше? Давай думай, мы подождем до утра когда они на приступ полезут. К тому же совсем не обязательно его сжигать живьем, подавляющая часть погибших в пожарах сначала задыхается угарным дымом, а уж затем сгорает. Главное напустить в корчму побольше дыма. Крыша там из соломы, значит и задымление будет не хилое и довольно быстрое. Двери подпрем снаружи, чтобы не выпорхнули и пуцай там дышат гарью сколько влезет.

— Едва запылывает у корчмы крыша, туда сбежится вся вонючая Горхидова свора хозяина вырывать. Что будешь делать ты?

— Отгонять свору от дверей.

— Ну вот, а говорил биться не будете, — с невеселой усмешкой произносит Сологуб. — Всем нужно идти, иначе толку не будет.

— Все мы даже до корчмы не дойдем, Сологуб, пойми ты, наконец! Заметят большой отряд сразу накинута. Малым числом вернее доберемся, остановят — скажем, что несем князю дары к пиру. Но, пожалуй, ты прав, я согласен взять с собой еще и Джари, его сабля нам не помешает.

— Ты понимаешь, что ведешь людей на смерть? Доля и так устаралась, чтобы ты вернулся из прошлой своей вылазки, а теперь суешься голой задницей в волчье логовище и думаешь кого-то там напугать.

Упрямство десятника меня неприятно удивляет. Почему нельзя просто поддержать, одобрить, ухватиться за козырный план, пусть и чужой? Ведь своего, более путного все равно ни у кого нет...

— Тут нам тоже смерть, Сологуб, как ни крути, надеюсь, ты тоже это понимаешь, — говорю как можно спокойнее, ибо нервишки начинают пошаливать. — Нужно попробовать добыть нам всем жизнь. Свалим князька, считай — победа, я так думаю. Все зависит от совета, решайте, как совет скажет, так и будет, а я пойду прогуляюсь.

Ухватившись за край борта, ловко спрыгиваю с лодьи. Желают как овцы на заклании — флаг им в руки, все, что мог, я до них донес. Взрослые мужики, должны понять, что мое предложение — это последний шанс на всеобщее спасение. Конечно, нет стопроцентной гарантии на то, что с потерей главнокомандующего, войско неприятеля мигом разбежится и

не станет атаковать лодейный двор и сам Полоцк, но деморализующий фактор будет очень сильным, зуб даю...

У костра с готовящемся ужином отзываю в сторонку Младину. Передав деревянную поварешку одной из женщин, легкой, несмотря на тяжелые зимние одежды походкой, она оказывается рядом и я беру ее за руку. Теперь нужно как-то выдать из себя непростые слова.

— Слушай, Млада, мне сейчас уйти надо, если не вернусь и когда сюда ворвутся чужаки, ты не сопротивляйся, сдавайся в полон, поняла? Я тебя очень прошу: не дерись и не беги, покорись. Тебе и дитю нашему жить надо, а не умирать. Слышишь меня? Может так статься, что я не успею тебя защитить, но сам как-нибудь вывернусь и обязательно найду тебя потом. Ты, главное, живи.

Такого лица у нее я еще не видел. Слез на нем нет, но бледнеет до восковой желтизны, будто померла уже моя Младина, даже всегда живые и яркие глаза тускнеют. Меня она слышит, медленным кивком дает понять, что сделает как я сказал. Я прижимаю ее к груди, быстро целую лоб, горячие веки, прохладные щеки, впервые сознавая, что эта девчонка с начинающим выпирать животиком для меня сейчас дороже всего и всех в любых мирах и измерениях. Если пять минут назад я готов был перемахнуть ограду и идти вершить геройства, то сейчас, вдохнув ее родной запах с богатыми нотками дыма и готовящейся на огне еды, чувствую как тает во мне готовность куда-то идти и уж тем более умирать.

— Вернись, — тихо шепчет мне в грудь и вскидывает полный надежды взгляд. — Вернись!

— Вернусь, обещаю. Я бессмертный, ты же знаешь.

Она осторожно выскользывает из моих объятий и возвращается к котлу на костре ни разу не обернувшись.

Совет заканчивается вполне ожидаемо, большинство высказалось за проведение диверсионной вылазки в стан врага с задачей прикончить главаря противостоящей партии. Принесший мне эту чудесную весть Стеген аж подпрыгивает от нетерпения, так хочется ему поскорее отправиться за славой.

— Думал они не решаться, — весело подмигивает урман. — Слышишь как смеется мой топор? Сегодня он наделает много вдов!

— Не слышу, — говорю. — Пошли со мной к Яромиру, дел полно.

Времени для подготовки операции предостаточно. По моим прикидкам у нас более трех часов. Первая стража до полуночи самая легкая, спать сильно не хочется и мороз не такой сильный. Будем ждать смены караульных у костров. Поменяются, хворосту подбросят и устроятся на покой у плетня за нашей стеной следить. Вот тут ночь и холод сделают свое дело, притупят бдительность, качество борьбы со сном понизят до нужного нам уровня.

— Яромир, у нас пиво есть?

— Осталось в двух мешках, с десяток остальных пустые, вылакали все, — с явным неудовольствием отвечает мой помощник.

— Приготовь два с пивом. Возьми Юрку и все пустые заполните горючей смесью из моих бочек, смотри лей осторожно да завяжи покрепче, чтобы не воняло. Понесем от нашего стола князю куршскому гостинцы.

Смышленому лютичу хватило пары фраз, чтобы вникнуть в суть моего рискованного плана. Ныть о его несостоятельности, в отличии от десятника Сологуба, он не стал, лишь расцвел, узнав, что будет выполнять одну из главных ролей в предстоящей затее — роль

толмача и номинального командира нашего отряда. На месте Сологуба я бы и сам сомневался больше других, мне тоже понятно, что в урочный час все светила на небесах должны сойтись как надо, чтобы опасный замысел выгорел. Выгорел заодно с корчмой на пристанях и его временными обитателями.

Глава двадцать шестая

— Бить надо быстро и одновременно! Для начала разберитесь кто в кого будет стрелять, а в третьего две стрелы для надежности.

Я побоялся, что без моих мудрых наставлений стрелки никак не обойдутся, поэтому и вытаращил башку над остроколем вметсе с Невулом и Мадхукаром. Как по мне, если в идеале, то в тех фраеров во всех троих по две стрелы воткнуть неплохо бы, чтобы не думалось. Это же подарок судьбы, а не караульные! Мечта диверсанта! Они даже не попытались добросовестно нести свою службу. Кинули большую охапку веток в костер, потоптались немного рядышком и устроились у плетня на местах нагретых их предшественниками. Должно быть, дрыхнут уже, ведь после смены караулов прошло уже около часа, за это время хворост в костре прогорел и хрустко осыпался в жаркие малиновые угли. Стрела она ведь молча не летит, свистит и в тело бьется с довольно громким хлопком, если рядом случится кто-то с неплохим слухом, может подняться неслабый кипиш. Медлить больше нельзя. Звонко и слитно щелкают две тетивы, посылая в порченную костровыми отблесками темноту стрелы. Краткий миг и следует еще один слитный щелчок.

— Готово, батка! — довольно шепчет Невул, убирая лук в чехол-налуч.

Проверять результат стрельбы некогда, теряющий силы огонь может привлечь внимание соседней стражи, тогда нам вилы. Идти надо, там и проверим.

— Зря убрал, — говорю я стрелку, кивая на его лук. — Доставай, прикроете нас на рывке.

Оглядываю еще раз свой отряд. Парни как охотничьи псы на номерах рвутся в бой, ждут команды. На лице Стегена застыла блаженная улыбка, будто не на опасное дело собрался, а на день рождения к подружке.

— Дернули!

Осторожно переваливаемся через частокол и знакомым путем до ближайших домиков, втянув головы глубоко в плечи, пригнувшись под тяжестью мешков для переноски и хранения жидкостей.

Ночь, как назло, не темная. Тучи, весь прошлый день испражнявшиеся метелью, куда-то отползли, расчистив небо желтому банану луны. Ее неживой свет придает снегу тот странно-таинственный цвет, от которого зимнее одеяло кажется теплее, чем есть на самом деле, лукаво манит прилечь, погреться.

Вспоминается детский кореш Вовка Габатырь. Облопавшись паленого денатурата, вот в таком сугробе закончил он свой земной путь. То то бы Габатырь охренел, узнав куда меня сподобилась закинуть судьба-злодейка. Завидовать бы стал однозначно, зуб даю!

Щитов мы с собой не брали, и так навьючены как ишаки, но брони надели самые лучшие, если схватимся с куршами, защитное железо точно не помещает. Я тащу два бурдюка, один с пивом, второй с горючим зельем. Еще один с пивом у Яромира, из него мы загодя вчетвером изрядно отхлебнули, а чтобы гарантированно источать соответствующее амбре, еще и одежду свою окропили. Воняем теперь сивушно-бражным духом любой ханыга позавидует. Вран со Стегеном тащат по три бурдюка с горючкой, еще за два отвечает Джари.

Перед нашим уходом Сологуб с Глыбой подволокли мешок туго набитый крупночесанной паклей. Посоветовали для пушного дымокопления внутри корчмы заткнуть все продухи под крышей. Очень своевременная и дельная подсказка. Сердечно поблагодарив,

я отдал мешок Стегену. Он самый здоровый из нас, значит ему и тащить.

Глыбе я, как и хотел, тихонько намекнул, чтобы на рожон со своими ребятами не лез. Мастера-корабелы ценятся повсюду, включая янтарный балтийский берег.

До первой усадьбы добираемся незамеченными. Здесь еще лежат неприбранными трупы латгаллов, которых мы побили, возвращаясь из первого рейда до моей корчмы. Снег припорошил тела и я умудряюсь наступить одному на руку, едва не падаю, споткнувшись о твердый как древесина, до звона промерзший труп.

В тени жилого дома берем минуту на роздых и топаем дальше, закладывая небольшой крюк, чтобы выйти к причалам со стороны подола, а не с подозрительного направления от лодейного двора.

Глухо и грозно шумит занятое врагом Заполотье, точно ворочается в глубокой берлоге сердитое чудище. Стучат несколько кузен, колотят топоры, сильно пахнет дымом множества костров возле богатых усадеб и на перекрестках посадских дорог. Слышны возбужденные выкрики и нестройное пение нетрезвых глоток. Над городским посадом плывет ало-желтое заревце. Нет, до пожаров дело еще не дошло, рановато для пожаров...

— Э-э-э!!

Недовольный возглас откуда то с левого фланга заставляет меня вздрогнуть. Свои? Мне хватает секунды, чтобы подавить скачок радости. Какие тут к хренам свои? Этот бараний вопль на десятках языках звучит одинаково...

Заметили. Это нормально. Теперь главное не дергаться и шпарить по плану.

Один за другим из межсарайной темноты вылупляются четверо гавриков с копьями и щитами. Все среднего росточка, не особо плечистые, не слишком крепкие, ровные как оловянные солдатики из одной коробки. Но командир среди них все же находится. Видимо, самый борзый и любопытный. Понятно же, что нас не меньше и общим метражом роста мы на метр повыше, все равно надо прикопаться с вопросами.

Чего он спрашивает троим из нас не понятно, но Яромир охотно вступает в диалог, радостно трясет наливным мешком с хмельной жидкостью. Любознательный курш принохивается, шевеля мясистым, приплюснутым носом. Да, родной, это то, о чем ты подумал, у тебя отличный нюх и соображалка тоже не плохая. Не зря же мы брызгались этой бурдой, словно одеколоном, от нас за пять шагов разит пивнухой. Стеген что-то рявкает по-своему и весело хохочет. Мы с Враном подхватываем гогот, приводя в исполнение домашнюю заготовку. Среди латгаллов и земиголов были даны, там у моей корчмы Торельф переговаривался с ними через дверь. Почему же не быть с ними и урманам? Так мы урманы и есть. Нашли погребок с вкусным пивом и несем князю. А чернявенький с нами. Чего непонятного?

Наше громкое веселье вызывает в рядах куршей некоторую оторопь. Они несмело лыбятся, откровенно побаиваясь безбашенных северян. Только главный их никак не унимается, начинает говорить со Стегеном, проявляя неожиданное знание скандинавского. Это мы тоже предусмотрели. Стеген делает мне знак глазами и я протягиваю куршу свой бурдюк с пивом.

— Угощайтесь, друзья! — произношу я заученную загодя фразу и растягиваю физиономию в приятнейшей из своих улыбок.

Расстаемся мы довольные друг другом донельзя. Они порывались нас проводить, но мы благородно отказались отрывать столь достойных парней от заслуженного отдыха в компании с халявным пойлом.

Я облегченно выдыхаю: как по маслу прокатило. Заодно убедились, что Горхид действительно засел в корчме, до нее всего метров двести остается.

— Надо было их прибить, — недовольно бурчит на ходу Стеген. — Пива на всех не напасть.

— Прибьем еще, не злобствуй, — обещаю я суровому скандинаву.

Черт, как сглазил, урман! Вон, навстречу еще двое чешут. Быстро так, спешат, наверное, куда-то, факелом перед собой машут.

Вот к нам и спешат. Рожы суровые, настороженные, прежде чем приблизиться берут копыя наперевес. Типы куда более серьезные, чем те, которых мы недавно пивом угощали. Патруль из личной стражи старины Горхида, по ходу. Интересно, заподозрили чего или так, службу служат?

Вдруг я почти физически почувствовал как утекают отведенные нам минуты. До рассвета еще далеко, но совсем скоро будут сменяться стражи, к тому же неизвестно на какое время Горхид назначил наступление. Однако, думаю, ему совсем не резон иметь дело с вернувшимся из полюдья Рогволдтм. В общем, занервничал я и решил, что этих надо резать, разговоры с ними разговаривать совершенно некогда, да и двое их всего...

— Бьем! — шепотом командую я, как только мы останавливаемся под сенью огромной раскидистой ветлы, что и в зимнюю ночь дает ощутимую тень.

Опустив в снег мешки, Джари раздвигает плечами меня с Яромиром и протискивается вперед. Незаметным движением араб бесшумно вытаскивает свою саблю и быстрым шагом устремляется навстречу копейной парочке.

Косой взлет сабли, лунный отблеск холодной стали, зловещее шипенье воздуха и у ног Джари лежат два свежих трупа. Путь свободен. Стеген одобрительно крикает и подхватывает мешки араба, по его мнению руки такого бойца как Джари не должны держать ничего кроме оружия.

Причалы безлюдны. Вдалеке возле складов слышны разрозненные голоса. Кто-то кого-то кроем куршским матом...

С первого же взгляда, брошенного на корчму будущего Гольцовского тестя, я понимаю, что непоправимо облажался. Лоханулся как самый распоследний чушок и чего теперь делать Перун его знает. Эти тоже хороши. Ведь для того совет и собирали. Все слышали с чем пойдем и ни одна живая душа не вспомнила, что зима на дворе.

— Стяр, ты чего вкопытился? Примерз что ли?

Вран нетерпеливо пихает локтем мое плечо, подначивая на активность.

— На крышу глянь, — говорю тихо, но твердо.

— Крыша как крыша, чего не так?

— Снег не так.

Вран впивается пытливым взором в выпуклую вершину корчмы, укрытую слоем снега толщиной в полметра и с минуту не может сообразить что к чему. Остальные тоже молчат, так как с ходу не могут въехать в нарисовавшуюся проблему. Затем Вран выдыхает сквозь стиснутые зубы увесистое ругательство и с беспокойством предполагает:

— Счищать будем?

— Некогда счищать да и заметить могут.

— Чего тогда делать?

Нашел чего спросить! Откуда я теперь знаю чего делать! Снег он ведь, сволочь, гореть не будет, чем его ни полей, максимум подтает слегка и просядет. Наш самодельный напалм

быстро выгорит с холодной поверхности кристаллизованной воды и утхнет, не обнаружив питательного для себя вещества.

Надо что-то срочно придумывать. Не мытьем, так катаньем ушатать этого Горхида со компанией. Дымом задушить не получится, значит — спалить его ко всем богам и чертям вместе взятым. Зря что ли перлись сюда! Спалить даже лучше будет...

В этом заведении мне бывать доводилось. Тухловатое местечко, не чета моей люксовой корчме с какого боку не примерься, даром, что похожи как сестры-близняшки. Метраж и планировка один в один, точно по стандартному проекту срубы катали. Все одинаковое: трапезная, две комнатки, поварня, чуланчик с коридорчиком, схороненные там съестные и питьевые запасы.

Я очень хорошо представляю что сейчас происходит внутри, ведь вряд ли пирушка приморского князька сильно отличается от попок полоцкого владетеля. Столы с лавками сдвинуты в пэобразное подобие, где козырные места в поперечине занимают сам главарь и активисты проповедуемого им движения. Вот только не уверен, что в столь поздний час кто-то из пирующих до сих в деле. Полагаю, что, облопавшись трофейного харча и выпивки, верхушка вражеского воинства сейчас отдыхает перед трудным днем, расположившись где попало по всей трапезной зале. Князь, понятное дело, изволит почивать в одной из гостевых комнатушек.

Согнувшись пополам, бегом достигаем ближайшей к корчме хозпостройки. Отсюда подсвеченное лунным серебром подворье корчмы кажется пустынным. Снег перед зданием утоптан до состояния асфальта. Костер под вертелом с истерзанным ножами поросячьим остовом превратился в груды чахлах углей. В самой корчме тихо, ни единого звука изнутри не доносится.

Хорошо, если спят. Должны спать, давно за полночь перевалило, умаялись за день безобразничать, а тут еще жратвы — ужрись да пойла — упейся...

Даю задание Врану пробить пейзаж насчет охраняющей сон командира стражи. Этих нужно будет снимать сразу, пока вой не подняли. Вран уходит и быстро возвращается с докладом из которого следует, что никого твердо стоящих на ногах возле корчмы не наблюдается.

Бегом направляемся к корчме, где возле приземистого сарайчика обнаруживаем троих на разные лады храпящих оболтусов, устроившихся вповалку в больших санях набитых сеном. Чья-то не привязанная лошадь хрумкает прямо из саней, шевеля крупной мордой ногу одного из спящих.

Я кидаю быстрый взгляд на Стегена. Вынув ножи, урман совместно с Враном несколько глухих ударов даруют дюбителям поспать на природе вечный сон. Тоже мне стражники, собственный сон не уберегли! Общими усилиями разворачиваем сани с трупами и толкаем их к главному входу. Дверь здесь не как у меня. Те двойные мне на заказ делали из дуба отборного, а здесь обычная, одностворчатая, но тоже, кажись, дубовая, крепкая. Какое либо крыльцо не предусмотрено проектом здания в точности как в бывшей корчме покойного Диканя. Этот факт помогает нам подогнуть груженные сани впритирку к входной двери.

— Рубите полозья!

Порчу имущества осуществляем слитными ударами двух топоров. Хрен теперь эти саночки куда по такому снегу поедут без полозьев-то, даже если и с места кто столкнет.

— Стяг сюда идет кто-то! — горячо шепчет Вран, тревожно косясь в сторону причалов.

— Примите их со Стегеном и Джари, только без шума постарайтесь, — говорю и оборачиваюсь к Яромиру. — Бери мешки с горючкой, два оставь здесь, остальные тащим к заднему входу! Бегом!

Я подхватываю мешки и, глубоко утопая в снегу, вдоль стены слеую за рослым Яромиром.

Задняя дверь оказалась предусмотрительно запертой изнутри. Безрезультатно дернув ручку, я прислушался. Со стороны парадного входа послышалась возня, затем ветерок принес сдавленные крики и звуки ударов. Потом все стихло. Мы с Яромиром переглянулись. Итог столкновения нам неизвестен, но раз уж там тихо, значит Стеген с парнями не сплеховали. Враги уже бы подняли шухер до самых небес.

— Стучи, — говорю лютичу. — Только негромко.

Я прижимаюсь спиной к стене корчмы с мечом в руке, чтобы когда дверь отворится сильно удивить открывшего ударом боевого железа. Четыре раза Яромир осторожно бьет в черные доски костяшками кулака и менее чем через десять секунд теплое нутро кормы выплескивает наружу смрадную мешанину запахов. В проеме кто-то пискнул, потом ахнул. Я в последний момент удерживаю руку с мечом от непоправимого. Девка. Лет четырнадцать-пятнадцать, но уже по-женски оформившаяся до той степени, когда мужичье начинает пускать слюни. Помятая изрядно, с зареванным, круглым, бледным лицом, распущенными волосами, жирными пятнами на одежде. Обрадовалась, бормочет по нашему. Говорит, что хозяина в корчме нет. Ну еще бы, хитрожопый трактирщик давно сделал ноги, небось, сразу же после того как Чус его предупредил и теперь вместе с родней коротает беспокойную ночь за прочными стенами укрепленного города. А эту девку как и еще четверых пришлые приволокли с подола, обслуживать да развлекать лучших бойцов и воевод чужого князя.

— Звать как?

— Карья, — голос девчонки задрожал.

— Девки все там? — кивая внутрь проема, спрашиваю шепотом.

Там. Все там. Двоих забрал себе на ночь чужой князь, а еще одну утащил его дружок самый свирепый на вид, на страшного вепря похожий.

— Так, — говорю, применив в уме простейшие навыки арифметики. — А еще одна где?

— Убили, — отвечает Карья, еще больше побледнев. — Зарезал один из воевод, тоже страшный как зверюга лесная. Сначала измучил всю, а потом ножом искромсал.

М-да, проблемка. Возможность присутствия в корчме гражданских лиц мы на совете тоже не учли. Душить дымом и жечь наших посадских девчонок — сущее преступление, еще большее преступление — оставить их в лапах кровавых маньяков.

— Слушай меня, Карья, внимательно: ты девчонок привести сюда сможешь? Вывести из корчмы к нам, сумеешь?

Глаза девки испуганно расширяются, кажется, она понимает куда я клоню. Смышленная попалась. Говорит, что много там чужих и нам вдвоем не одолеть, некоторые спят очень беспокойно в обнимку с оружием.

— А мы и не будем одолевать, — говорю. — Ты, главное, подруг своих выведи, а дальше мы разберемся. Ну как, сделаешь?

Девка кивает и пропадает в темном чреве корчмы. Яромир кидает на меня беспокойный взгляд: время, мол, уходит. Знаю, что время, но иначе никак. Не вернется — сами внутрь пойдем. Яромир решительно поджимает губы и непонятно — одобряет или нет.

Карья вернулась. С двумя подружками изрядной потрепанности. Лица перепуганные,

одежи зимней нету, перегаром разит как от матросни.

— Третья где?

— В комнатке с воеводой, — докладывает Карья. — Он не спит еще.

Понятно. Значит Горхид в ауте, раз ей как-то удалось извлечь из его постели этих двух девчонок.

Оборачиваюсь на звук шагов. По глубокому вдоль стены снегу к нам подходит Вран. Левая щека в крови, правый глаз заплыл.

— Семерых успокоили, приперлись какие-то... Твой Джари суший зверюга! Пока там тихо. Как у вас?

Я обрисовал ему ситуацию, закончив свою короткую речь идеей пойти в корчму и выручить оставшуюся там девку. Вран отнесся к затее крайне негативно. По его мнению на войне одним трупом больше, одним меньше, разницы нет. Зато если нас внутри прищучат, то дела мы не сделаем и очень многие сотни горожан завтра сложат свои головы. Одна мертвая девка против населения Полоцка... Ну да, ну да, потери случайные и неизбежные...

Задумался я. Идти или не идти...

— Я пойду! — заявляет вдруг Яромир и решительно протискивается между мной и Враном к двери. Останавливать его я не желаю. Один лютич, знающий вражеский язык может справиться лучше без прицепа в виде меня и Врана.

Я прошу Врана и Яромира отдать верхнюю одежду девкам, сам снимаю свой полушубок и обнимаю им дрожащие Карьины плечи. Как же все таки нам повезло, что дверь отворила именно она.

Остаемся в кольчугах и бронях, сейчас будет очень жарко и меха со шкурами нам будут только мешать. Яромир исчезает в корчме.

— Спрячьтесь пока за амбарчиком, — советую девкам, а Врану велю возвращаться к парадному входу, доложить в сани еще парочку жмуров из свежих и облить их всех горючей жидкостью из двух мешков.

Вран убегает выполнять приказ, а я стиснув от напряжения зубы жду возвращения Яромира, считаю каждый удар сердца. Минут семь его не было, а когда Яромир вынырнул из тьмы служебного помещения корчмы, я понял, что девка в его жилистых руках мертва. Живые так голову не запрокидывают.

— Что с ней? — спрашиваю.

— Задушил сука! — прошипел лютич с плохо сдерживаемой яростью и сплюнул на снег.

Я трогаю неестественно выгнутую шею пальцами. Девчонка холодная минут уже как двадцать, бархатная, молодая кожа то ли в слюнях, то ли еще в какой дряни. Мертвую он ее пользовал что ли?

— Надеюсь ты его выпотрошил?

— А как же. Кишки по всей комнате висят.

Это хорошо. И ничего удивительного, что лютич справился. Этот парень в одиночку перебил десяток данов и сложил из отрезанных голов знак-предупреждение остальным врагам. Настоящий мужик. Было бы совсем неплохо, если б он таким же макаром пробрался в соседнюю комнатку и пришил Горхида к лежанке. Умишка не хватило. Но, что есть, то есть. Пора претворять нашу задумку в жизнь. Крышу нам не подпалить, а вот выходы огнем перекрыть мы сумеем.

Погибшую полочанку Яромир бережно опускает в снег и помогает мне затащить

мешки с горючим в корчму. В служебном проходе так же как и в моей корчме наложено по стенам всякой всячины от мешков с зерном и мукой до охапок сушеных приправ и бочонков с хмельными квасами и пивом. Внутри тепло и изрядно вонюче. Несет давно немытой человечинной, жареным мясом, дымом и свежей блевотиной. Сонное сопенье и многоголосый храп наполняют эфир. На ум приседает воображаемое зрелище висящих по углам гостевой комнатки дымящихся кишок убитого Яромиром латгальского воеводы похожего на дикого лесного вепря и мне становится тошновато. В проем трапезной залы я решаю не соваться, мало ли кто из валяющихся там усталых гостей заметит шевеление. До поварни я тоже решаю не доходить. Лучше вообще не маячить на виду. Очаг в корчме еще теплится, озаряя трапезную призрачным, умирающим светом, но настоящего война может насторожить любая тень. Трезвого и не спящего. Тем не менее рисковать я не хочу.

— Лей на мешки с зерном, — говорю Яромиру и запускаю "ужа" из "служебного" коридорчика в общую залу. Опустошаю весь мешок и швыряю пустую тару в поварню. Пахнет от нашего топлива совершенно терпимо — смолой и растительным маслом, ничего непривычного для самых чутких носов. Затем вдвоем с лютичем мы сваливаем сложенные вдоль стен мешки и тюки с продовольствием прямо в проход, кидаем сверху найденный под ногами мусор. Щедро поливаем баррикаду смесью для огнемета, плескаем на стены. Куча вырастает в половину человеческого роста. Когда вся эта дрянь загорится, никто не рискнет через нее ломиться, жар и высота пламени будет более чем приличными.

Опустошив все мешки с самодельным "напалмом", мы с Яромиром пятимся к выходу, походя бросаем в проход все, что попадет под руку.

— Зажигай, Махмуд! — командуя я, и въедливо слежу как лютич умело тренькает кресалом.

Занялось! Теперь дверь наглухо и толстый кол в качестве подпорки. Минуты не прошло, как из всех щелей повалил густой, черный дым. Я чешу на передки. Если где и прорвутся, то только там. Заметив мое приближение, Стеген со зловещей ухмылкой собирается пустить жирную искру со своего огнива в политые горючкой сани.

— Стой! погоди!

Стеген непонимающе уставился на меня, но огниво убрал.

— Надо, чтобы на задках получше разгорелось. Пока внутри не заорут и огня снаружи не видно, поджигать здесь не будем.

Вран одобрительно кивает, сообразил, что огонь тут же привлечет сюда толпы "пожарных".

Ждать нам пришлось не долго. Буквально через пару минут в корчме раздались душераздирающие вопли, затем послышались громкие выкрики команд и сильный грохот будто столкнулись два деревянных самосвала.

— Вот теперь поджигай.

Стеген ждал команды на низком старте. Получив долгожданный приказ, он резко метнулся к саням, нагнулся над ними и высек жирную искру в смоченную горючим снадобьем сено. Пламя взялось за пищу поначалу нехотя, а затем стало расползаться все быстрее и шире, наконец поднялось над санями ярким столбом всепожирающего жара, взметнув в небо черный хвост дыма. Урман подобрал со снега и зашвырнув в огонь мешок с паклей.

Едва Стеген совершил сей злокозненный акт, со стороны причалов послышался топот многочисленных ног и заполошные крики. Бежало к нам десятка полтора. Откуда только

взялись так скоро? Мы впятером строимся в шеренгу, спинами ко входу в корчму перегородив подворье. Перегородив — громко сказано. Щитов у нас нет и шеренга наша не так длинна как хотелось бы, любой кто захочет с легкостью проберется нам в тыл. Но тыл наш надежно прикрыт жарко полыхающими саями с сеном и трупами куршей. Полыхает, действительно, знатно, аж загривок печет. Незваных гостей принимаем в клинки. Нападают они, к слову, вполне бестолково, сказывается желание как можно быстрее затушить разгорающееся здание с боссом внутри. Это суетливое желание существенно облегчает нам задачу отбиться. В первые же секунды поголовье наших оппонентов сокращается на четверть.

А горит восхитительно. Отличную смесь мы забодяжили, не бензин, конечно, вспыхивает туговато, но для наших целей, думаю, сойдет. Сани полыхают огромным костром, языки его пламени лижут небо повыше корчмовой крыши. Почти сразу же занялись огнем входная дверь и бревна сруба. Все это я успеваю заметить в краткий миг между наскоками куршей. Рядом со мной Джари. Он где-то раздобыл тесак во вторую руку, и теперь его клинки покрытые потеками крови, отражающие яркий пламень пожара, сверкают как огненные молнии. Я зацепил мечом только одного из нападавших, других не подпустили ко мне Джари и Стеген.

— Уходим? — тяжело дыша спрашивает Вран, прикончив последнего врага.

— Нет, рано, — говорю.

Я не хочу уходить не убедившись в трагическом финале жизненного пути куршского предводителя. Этот здоровяк, если поднапряжется, может вырваться из огненной западни. Не знаю, правда, как бы он смог это сделать, но предчувствия у меня самые нехорошие.

Крики в корчме становятся все громче и безумнее. В большую дверь начинают методично долбить чем-то тяжелым. Длинным столом, больше нечем... Давайте, давайте, ребята, дышите глубже и почаще.

Совершенно неожиданно во чреве горящей корчмы раздается низкий, трубный глас, похожий на гудок небольшого пароходика. Потом еще раз.

— В рог дует! — с беспокойством поясняет Вран. — Сейчас налетят.

Да хрен там налетят. Это нам тут слышно, а метрах в ста от корчмы уже глухо как в танке. Стены у корчмы толстые да и слой снега на крыше отлично приглушает звуки.

Дверь трещит и содрогается под мощными, размеренными ударами. Чувствуется, что там внутри кто-то умело координирует действия попавших в плен к огню людей. Хоть и дубовая, а столь варварского к себе отношения дверь скоро не выдерживает. С одной стороны объятые пламенем, с другой расщепляемое тяжелым тараном дубовое полотно с треском разваливается на несколько частей. Из корчмы повалил густющий дымина, а из черного тумана прямо в бушующий на саях огонь как демоны из преисподней полезли люди. Жуткое зрелище, вообще-то...

Неполный десяток их выскочил. Пока перебирались через костер успели подхватить огоньку на сухие шмотки. Самым первым из пылающего капкана вырывается двухметровый великан. Рожа перекошенная, волосы на башке дымятся, глаза совершенно безумные, из груди вырывается частый, надсадный сип. Судя по росту — это сам Горхид. Без доспехов и брони что не удивительно — спал человек, а тут мы со своим "напалмом".

Кашляя и ругаясь они валятся с ног, пытаются сбить с себя пламя, трут снегом закопченные лица. Кто-то из горящих дружков князя Горхида, извиваясь на черном от сажи снегу и сухо харкая, рвет скрюченными пальцами с пояса боевой рог и норовит приложиться

к нему губами. Если дунет, нам хана, это не в закрытом помещении трубить, на морозном воздухе эту музыку слышно будет не хуже, чем в Большом театре. Курши сбегутся на концерт как муравьи на патоку.

— Вран, завали его! — кричу что есть сил. — Завали его, мать твою!!!

Вран темной молнией кидается к куршу да слишком поздно. Гул боевого рога утробно оглашает окрестности и прерывается с ударом Вранова топора.

Нужно отдать должное Горхиду. Он мгновенно оценил ситуацию и сразу же понял, кто его запер в горящей корчме и не подпускает помощь. Вот те ребята с оружием наголо. То есть — мы...

Куршский князь, не обращая внимания на горящую сзади штанину, тянет из ножен меч. Болезненное сипение из разгоряченной пасти сменяется львиным рыком. Горхид прыгает вперед как заправский легкоатлет. Я первым бросаюсь встречать главаря куршей, ведь он — наша главная цель, все остальные нас не интересуют. Завалим его и можно уходить. Краем глаза вижу, как на подворье со всех сторон вливается дюжины две решительно настроенных куршей и как мои парни встают спина к спине.

Первым же ударом своего меча князь Горхид срубает пластину с моего нагрудника и я понимаю, что здорово влип. Ручищи у него длинные как у гориллы и шаги не маленькие, дистанцию рвет играючи. Ясно мне, что стоит попасть по нему лишь однажды и финита ля комедия, ведь на нем даже кожаного панциря нету, но все, чему смогли научить меня мои инструктора-поединчики против Горхида не работает. Его клинок с легкостью пресекают все мои потуги и контратакует с поразительной скоростью и умением, так, что меня спасает только натренированная увертливость и не меньшая скорость движений. Не проходит минуты, как дымящийся гигант-курш меня ловит. Обманым финтом разворачивает и на секунду оказывается с левого боку и чуть позади, я на противоходе не успеваю ни вскинуть в свою защиту клинок, ни уклониться от падающего на мой загривок чужого меча.

Каким-то отстраненным, будто чужим зрением вижу Врана, в партере отбивающегося сразу от троих прихвативших его выходцев из корчмы...

Все, капец...

Удар тесака подбивает летящий вниз клинок Горхида, а удар булатной сабли оставляет на горле главного курша глубокий разрез.

Джари.

Оп-па! Я с большим удовольствием и с не меньшей силой всаживаю свой меч в живот Горхида. Лучше поздно, чем никогда. Вот теперь можно и когти рвать. Я быстро оглядываю местность и смекаю, что когти рвать сейчас будут из нас. Наживую.

Трупов на снегу уже не меньше трех десятков. Корчма пылает что твой костер в пионерском лагере в последний вечер смены, жар от нее такой, что всем присутствующим пришлось отодвинуться на достаточное расстояние. А присутствует на огненном шоу кроме нас не меньше роты вражеских воинов. Со щитами и копьями. Даже луки у кого-то есть, но стрелять не спешат, живьем взять хотят. А как нас возьмешь, коль мы впятером оцетинились в разные стороны острым железом? Правильно — сдавить, стиснуть щитами. Нашлись и среди куршей-латгаллов светлые головы. Кто-то выкрикивает команду и кольцо щитов вокруг нас начинает сжиматься. Справа от меня кряхтит подраненный Яромир, слева невозмутимо потряхивает клинками араб-родственник самого Кордовского эмира. За спиной у меня стоит Вран, кровь льет с темени прямо на лицо, разрубленная в плече левая рука плетью висит вдоль тулова.

Курши надвигаются мелкими шагами. Кольцо щитов неумолимо сжимается. Они не торопятся, знают, что никуда не денемся. Сейчас сдавят так, что рукой не взмахнешь, настучат по кумполу и упакуют как ценную бандероль. Стеген, задрав подбородок, на высокой ноте испускает протяжный волчий вой, но не тоскливый, а, скорее, радостно-счастливый.

— Один!!! — туром взревел мой урман и молодецки рубанул топором в ближайший куршский щит, разбив его на щепу.

— Один!!! — вторит ему сочный рев за пределами кольца щитов.

Раздается лязг, негодующие вопли сменяются тревожными криками, заглушаются звуками хорошей драки. Организованный круг щитов дрогнул и смешался. Некоторые курши поворачиваются к нам спинами, чтобы встретить надвигающуюся извне опасность.

Кажись, подмога подоспела! Кто бы это мог быть? Неужто князь Рогволд?! Хорошо, кабы так...

Железный клин врубается сзади в толпу куршей и как корабельный форштевень океанскую волну разваливает ее напололам, вынося пред мои светлые очи "носовую фигуру" в виде окропленного чужой кровью морского волка.

— Вы тут закончили или еще задержитесь? — спрашивает, скаля крепкие зубы.

— Торельф!? — ору я, обалдев от радости. — Я думал ты хлебаешь пиво в Вальгалле!!!

— На меня еще не сварили, — сварливо, ворчит дан. — Ну так что, отходить будем?

— Обязательно будем. Яромир, Джари, приведите Карью!

Отходить нужно срочнее срочного. Курши только прибывают, пожар и зов боевого рога поднял на ноги, наверное, весь враждебный лагерь. Насколько я успеваю заметить, с Торельфом всего человек пятнадцать. Здоровенные ребята, как на подбор. При бронях и добром оружии. Они грамотно строятся в подобие маленького каре, втиснув меня, Врана, Яромира и трех девок из корчмы в самую серединку, закрываются щитами и начинают движение по направлению к лодейному двору. Курши преследуют неорганизованной, разрозненной толпой, боятся подойти на расстояние удара, подтягивают лучников.

Вдруг линия строя обращенная к корчме распадается, из нее выскакивает Стеген.

— Я сейчас!

В отчаянном броске урман расшвыривает пяток находящихся поблизости куршей и кидается к лежащим у горящих саней трупам. Склоняется над одним и дважды лупит топором в область шеи. Свистят брошенные короткие копья, отсекая от Стегена желающих его остановить. Нас он догоняет, держа под мышкой обгорелую, безволосую голову.

— Горхида забыли, — поясняет урман, счастливо ухмыляясь. — А теперь ходу в крепость, пока они все тут не собрались!

Глава двадцать седьмая

Дана звали Эйнар Большие Уши и уши у него, действительно, большие, волосатые с оттянутыми тяжелыми золотыми кольцами мочками. Под стать огромной голове, что венчает широченную раму литых плечей. Обширная как басовый барабан грудная клетка, ноги штангиста, а толщина запястий превосходит толщину моих лодыжек. Вот только ростом Эйнар не вышел. Метр шестьдесят пять от силы. А лицо... Ну что лицо? С лица воду не пить. На первый взгляд на темном, морщинистом фейсе Эйнара я насчитал шесть шрамов разной длины и глубины и неизвестно сколько их еще под бородой, напоминающей густую метлу. Нос приплюснутый, глазенки маленькие, умные, лоб выпуклый, весь в глубоких горизонтальных бороздах морщин. Так, должно быть, выглядит гном-переросток, только не тот в колпаке и полосатых гетрах из детских мультиков и книжек, что прячет горшочки с золотом в лесу и бегаёт с киркой на плече, а настоящий боевой гном, житель горячего подземелья.

Эйнар Большие Уши был "кровником" ярла Хакстейна Пустая Берлога. Когда мы еще не покинули мою осаждаемую неприятелем корчму, Торельф через закрытую дверь перекинулся парой фраз с данами по ту сторону, а затем вызвался прикрывать наш отход. Когда дело дошло до драки, даны сразу убивать Торельфа не стали и для начала спросили кто таков да откуда. Когда в ответе Торельфа прозвучало имя Хакстейна и выяснилось, что алчный ярл отдал концы, даны вероломно прикончили с десятков латгаллов, что были вместе с ними и заперлись в корчме, где за бочонком хмельного меда потолковали по душам с бывшим дружинником Хакстейна. Предводитель данов Эйнар выслушал обстоятельства гибели кровного врага, поначалу возрадовался, а потом огорчился, что не от его руки пал моржовый выкидыш Хакстейн.

Посидели даны, подумали да и надумали под покровом ночи к нам пробираться, настолько сильно Эйнар желал отблагодарить Торельфа, а заодно поглядеть на руса, убившего Тювельда Касатку, на меня, то бишь. Кроме того Торельф старательно расписал Эйнару мою особенность выходить сухим из воды, в чем Большие Уши усмотрел потенциал безмерно удачливого вождя.

Я не стал разочаровывать ни Торельфа, ни Эйнара, ведь удача или везение, действительно, присутствует в моей жизни и не в малом количестве. Как я успел понять, эта неочевидная, неосязаемая субстанция ценится здесь выше золота и всяких там шелков. Очень уж благоговейно относятся аборигены к положительным для них проявлениям Божьего промысла. Считают, что я удачлив, пусть себе считают, мне от этого только лучше, личный авторитет поднимается, как-никак.

Собственно, это все, что я успел выяснить относительно личности пришедшего нам на выручку скандинава, командира маленького, но боевитого хирда. Выучке этих ребят позавидовал бы любой спецназ. Отбиваясь от нападающих куршей, освещаемые заревом пылающей корчмы, мы дошли до стен лодейного двора без единой потери и так же слаженно и быстро перебрались внутрь, вызвав нехилый переполох в стане защитников.

Не смог узнать больше, потому как добыче сведений из первых уст помешал стихийный митинг устроенный вооруженными и очень агрессивными настроенными людьми по ту сторону частокола. А спровоцировал это безобразие наш неугомонный урман, который не пожелал прятать по углам отрезанную башку Горхида, а водрузил ее на метровую палку и привязал к

парапету площадки надвратной башни на всеобщее любование. Завидев такое дело, курши злобно и жадно взвыли как голодные псы, загнавшие kota на дерево. Не прошло и получаса как вокруг нашей крепостицы собралась немаленькая толпа желающих отомстить за гибель и поругание шефа. Поначалу наиболее недоверчивые из прибалтов с факелами в руках силились рассмотреть точно ли это Горхидова голова торчит в башне, но Мадхукар с Невулом быстро отбили охоту подходить к крепости на дистанцию убойного выстрела да еще с огнем в руках. Куршам урок пошел впрок, они быстренько затушили костры вокруг огороженной верфи, побросали факелы, еще немного попомонили и начали замышлять недоброе в полнейшей темноте, так как к этому времени кривой осколок луны куда-то запропастился.

— Чую, насыдут скоро, — сквозь зубы цедит Сологуб шибко недовольный тем, что мы на своих плечах притянули к крепости сотни ворогов. Вот дурной, никак не поймет, что штурма нам не избежать. Не сейчас, так утром. Не разбежались курши после гибели предводителя как было задумано, виноват я что ли? Со своей стороны мы с парнями сделали все как планировалось на общем совете и даже сверх того. Зато теперь с нами Эйнар со своими хирдманами. Не бог весть какая подмога против тысячной армии, но все же подмога. Будем отбиваться и надеяться, что в детинце заметят наше трудное положение и придут на помощь.

А вот насчет Эйнара у Сологуба имелись сильные сомнения. Слишком легко, говорит, он переметнулся на другую сторону.

— Если бы не Эйнар, мы бы не вернулись, — напомнил я. — Кем защищаться стал бы?

— Я вообще не уверен, что они будут драться, — желчно промолвил Сологуб. — Эти хитрые даны купят у лисицы ее же шкуру, стравят кабана с волком, а затем примкнут к тому, с кем выгоднее, то есть к победившему. Ты притащил сюда кровавого волка, его нужно либо сделать ручной собакой, либо вовремя спустить шкуру.

С этими словами я спорить не стал — отсутствовали аргументы. Я видел как слаженно и грамотно бьется хирд Большеухого. Ежели встанут в щитовой строй как давеча у корчмы, то и сотня куршей не сможет их одолеть, а уж про наше жалкое воинство и говорить нечего. Троянский конь в виде Эйнаровой бригады нам здесь очень мало интересен, а вот окончательно склонить их на свою сторону стало бы моей маленькой победой. Участие Эйнара в драке у корчмы почти ничего не доказывает. Это могло быть минутным порывом, куражом, бурлившим в венах после крепкого пива, который так же быстро спал, как и начался. Ничего не поделаешь, надо бежать на поклон к гордому сыну ледяных фьордов, но для начала предупредить Невула с Мадхукаром, чтобы глаз с данов не сводили и держали наготове свои луки.

— Ты, должно быть, пришел спросить будем ли мы драться за вас? — спокойно спрашивает Эйнар, когда я в сопровождении Джари подошел к стапелю с недостроенной ладьей прояснить животрепещущий вопрос.

Ишь, какой проникательный, прямо телепат!

Хирдманы Эйнара в полном составе собрались на палубе одного из кораблей, сосредоточенно проверяют экипировку, их командир стоит передо мной в шлеме и со щитом за спиной, он прыгнул с борта, заметив наше приближение. Бросил внимательный взгляд на стройный стан араба, вероятно, в попытке оценить его воинские способности.

Вообще-то, Большеухий мне нравится. Не суетливый, обстоятельный, спокойный как удав. Двигается медленно, но уверенно, толстые ноги ступают тяжело, хрустко вминаясь в

уже утоптаный снег. Думаю, если посадить Эйнара перед детектором лжи и начать задавать неудобные вопросы, хитрая машинка задымится от переключения, дан уделает полиграф и бровью не поведет. Из той породы дяденька, по глазам видно. А вот с ним хитрить бесполезно, он сам как детектор, лукавство чувствует как хищник кровь. С ним нужно напрямик и максимально честно...

— Это так, Эйнара. Нас тут не шибко много и ваши мечи нам бы не помешали. Помоги еще раз, коль уж ты теперь здесь. Я в долгу не останусь...

В этот момент я готов был пообещать отдать всю свои сбережения, лишь бы заручиться поддержкой данов в предстоящей схватке, но вовремя вспомнил, что казна осталась в захваченной корчме и осекся, похвалив себя за осторожность.

Эйнара заметил мою неуверенность и скривил правую сторону прячущихся в бороде губ в подобии ухмылки.

— Чем будешь расплачиваться обсудим после, а сейчас скажу, что ваших врагов слишком много и стен вам не удержат. Похоже, у них нашелся еще один толковый вождь взамен убитого тобой, бесхозная толпа так себя вести не станет. Поэтому я и мой хирд станем биться на стенах неподалеку от башни, не удержимся — отойдем к воротам. Ворота — наша единственная возможность выбраться отсюда.

— Ты собираешься выходить из крепости? — искренне изумился я.

— Я несколько раз проделывал подобное и ничего — жив, как видишь. — Эйнара крепко треснул по моему плечу лопатообразной ладонью, подмигнул, сморщился в ободряющей гримасе. — Иди к своим, Стяра, поговорим после боя, если богам будет так угодно.

Дан отвернулся и полез по сходням обратно к своей бригаде.

Прошло еще с четверть часа, снова выскользнул на видное место. За это время у меня заговорил вопреки сновать по лодейному двору, налаживать оборону, в обустройстве которой у меня не было даже самого малого опыта, благо, сработала генетическая память накопленная в русском человеке за тысячи лет войн. Именно по этой причине каждый здесь лучше меня понимал что делать, оставалось только проконтролировать, одобрить и подбодрить.

У склада с мачтами и корабельным такелажем вновь встречаемся с Сологубом. Он как и я, носится по вверенной территории, руководит подготовкой к отражению штурма.

— Где встать думаешь, Стяра? — быстро спрашивает десятник, сурово сдвинув брови и отведя взгляд, точно не ко мне обращается. Вот ведь обидчивый...

Сам бы я предпочел находиться неподалеку от землянки куда мы с Враном отвели гражданских. Только баб да детвору, ибо всех мужиков мобилизуем на борьбу с оккупантами. Всех, кроме Яромира, его я оставляю в землянке, держать вход, если сунутся чужие. Понятно, что одного Яромира мало, но враги попадут внутрь только через его труп, а это еще постараться нужно... Там среди прочих и Млада моя. Лицо, небось, до сих пор от слез мокрое, так ревела, когда я вернулся...

— Нужно держать башню, — говорю. — И ворота, а всех стрелков наверх поставить. Эйнара тоже будет неподалеку от башни.

Сологуб одобрительно крикает, трет пальцами озябший шнобель, лицо его светлеет. Неужто полагал, что я совсем деревянный и не понимаю важность надвратной башни? Это же единственное здешнее строение выше человеческого роста, господствующая высота, стратегическая точка. Вход на башенную площадку можно удерживать сколько угодно долго, просто обороняя узкую и единственную лестницу, ведущую наверх. Оборонять до прихода

помощи или пока красного петуха не запустят.

— Добро, тогда на тебе вежа и ворота, а я с Чусом на дальней стороне встану, если собьют, будем пробиваться к тебе.

Сологуб направляется к готовым лодьям лично проследить за выполнением приказа облить их горючей смесью. Я возвращаюсь к башне, где у ворот Ясень с Прастом руководят раздачей оружия каждому у кого пусты руки. В дело идет все, чем можно нанести ущерб человеческому организму, включая заостренные колья, деревянные дубины-палицы и плотницкие топоры. Я посылаю Невула и еще двоих с луками на башню, откуда можно держать под прицелом не только наружу, но и все нутро лодейного двора. Мадхукар уже давно там с толстыми связками стрел, уж он-то знает где самая выгодная позиция для стрелка. Там же два Глыбиных плотника с ковшами кипяченой смолы, приготовились прижигать супостата у ворот.

Покоцанный в схватке у корчмы Вран вместе с Торельфом занимают место на деревянном настиле справа от башни. Нести щит Вран не может, раненая левая рука перевязана и висит вдоль туловища сложно неживая, но этот парень с одной действующей рукой не уступит любому куршу даже трехрукому. В этом я уверен, так как считал Врана сильнейшим бойцом в своем десятке. С Торельфом в паре ему будет в самый изаз. Джари и Стеген встают со мной слева. С недавних пор араб постоянно держит меня в поле своего зрения. Вероятно, решил заделаться личным телохранителем, ни на шаг не отходит как служебный пес. Я поначалу чувствовал дискомфорт от столь навязчивого внимания, но быстро забил: а пускай не отходит, мне же лучше.

Отражаемое ночным небом зарево пожара уже почти полностью пропало, конкурирующая фирма благополучно догорела, по причине своей достаточной удаленности от других деревянных зданий, не причинив вреда соседним строениям. Большой, но единственный костер не в силах осветить все внутреннее пространство крепостицы, видимость на стенах дрянная, угадывается лишь силуэт стоящего метрах в пятнадцати соседа. Я знаю, что там дальше рассредоточились Эйнар и его люди, но даже с ними плотность защитников не вдохновляет. Остается надеяться, что свои впотьмах не сцепятся с чужими, но это уже вопрос десятый.

Мне не давали покоя слова дана. Эйнар рассчитывал встретить первых врагов на стенах, успокоить самых борзых, затем, когда станет туго, отходить к воротам. Ума не приложу как дан собирается покидать окруженную неприятелем крепость. Открыть ворота — значит запустить внутрь стен толпу обозленных врагов. Скорее всего на том этапе количество куршей в крепости будет значительно превышать наружный контингент и можно будет выскользнуть. Но, вот незадача, Эйнар клятву верности никому из нас не давал, захотел — пришел, захотел — ушел, мне же с Сологубом за вверенных людей отвечать и покидать тонущий корабль в последнюю очередь, а не шкуру драгоценную спасать. Не наемники мы, люди княжьи...

Костром у стапелей командует Юрок. Пацан в защитной кожаной куртке с нашитыми железяками, на поясе топорик, в случае чего — сможет отмахаться и дать деру. С ним двое городских из тех, что помоложе. Им всем поставлена задача поддерживать огонь под закопченным котлом и таскать на башню кипящие средства защиты.

Занять места на стенах едва успели. Словно по какому-то сигналу курши полезли разом и отовсюду. Думаю, что кроме принесенных с подола лесенок, там, под стенами они

сооружали нечто вроде живых пирамид — вставляли друг дружке на плечи, хватались за зубцы частокола и подтягивались на руках вверх.

— Рубииии!!! Перрруун! Одииин! — многоголосо взревел гарнизон крепостицы. Застучали, залязгали удары по шлемам, по пальцам, по перекинутым через частокол ногам, свистнули первые стрелы. Заорал под воротами кто-то щедро политый пузырящейся смолой. Я от души рубанул по шапке с перекрещенными железными пластинами, которая первой появилась над остроколем в моем секторе. Пластины с хрустом вмялись в череп, голова пропала, за ней тут же появилась другая, рядом еще одна и еще...

Следующий противник умудрился заблокировать мой удар древком топора, успел перекинуть ногу, но мой повторный удар угодил ему под шлем в область уха и опрокинул во тьму по ту сторону стены. За спиной слышатся лязг, рев и вопли. Стеген с Джари не дают врагам переползти стену, а вот передо мной уже двое. Один снял со спины щит, прикрылся, взмахнул топором и двинул на меня при поддержке второго курша в лапах которого имелось копьё.

Я сцепился со щитоносцем и один за другим парировал два удара топора. Узкий настил не позволил мужику с копьем встать рядом с подельником, ему оставалось только исполнить номер швейной машинки и беспрестанно тыкать в меня своей острой палкой из-за спины пыхтящего товарища. Подняв свой щит на уровень лица, чтобы не получить копьем в переносицу, я попытался достать врага боковым ударом по ребрам, но удар меча наткнулся на подставленный щит. Я тут же с силой влупил туда ногой и резко двинул щитом вперед. Топорщика опрокинуло на товарища, от неожиданности тот упал, лишив тем самым напарника точки опоры. В общем повалились оба. Я прыгнул вперед, вмял подошву сапога в пах барахтающегося, срубил мечом наконечник выставленного копья и наотмашь просек кожаный тыльник шлема курша с топором. Прикончить копейщика мне помешали. Со стены спрыгнули сразу трое, я успел подставить под удар топора щит, мотнулся в сторону, пропуская мах тесака. Копейное жало чиркнуло по броням на груди и скользнуло в темноту. Свистнула над плечом стрела с башни, темный силуэт в полуметре от меня рухнул как подкошенный. В этот момент подошва моего сапога с ускорением съехала по краю доски и я сорвался с деревянного настила на твердый снег. Мигом закатился под настил, выиграв пару секунд пока тот, что спрыгнул за мной соображал куда я мог подеваться. Мечом по голени пониже колена и вот он уже не стоит, а лежит, но долго корчиться от боли я ему не разрешил — добил ударом клинка в шею.

Несколько ударов сердца, чтобы оглядеться и понять, что дела наши плохи как никогда. Так как желающих перелезть стену с той стороны оказалось существенно больше, чем защитников, клинков и стрел на всех не хватило, за первой волной нападавших нахлынула вторая, а за ней и третья. Отовсюду несутся крики, звон железа, стук топоров о щиты. Дерутся на настиле и в снегу рядом с ним, барахтаются в сугробах, ожесточенно рубятся с врагом гридни, хирдманы Эйнара во главе со своим большеухим командиром, городские мужики и несколько мастеровых. Чем-то тяжелым бухают в ворота извне, стрелы летают над головами как гудящие шершни. В красном свете костра дерущиеся, хрипящие, рычащие люди кажутся сцепившейся в свалке собачьей сворой.

С настила вниз падают сразу три безжизненных тела. За ними спрыгивает Джари с окровавленными клинками в руках, встречает ударами с обеих рук четырех набежавших куршей. Рядом с ним возникает Вран. Я швыряю нож в спину одного из куршей, подбираю щит и спешу перенять еще двоих пока араб с Враном разбираются со своими оппонентами.

— Стяр! — кричит Вран, не отворачивая головы от очередного противника. — Сологуб! Сологуб попался!

Краем щита в рожу, мечом по ляжке, поворот, отбиваю приходящий в голову тесак, бью в ответ, разрубаю плечо, добавляю уколом в пузо, уклоняюсь от летящего в грудь копья. Совсем рядом вижу коренастую фигуру Эйнара, укладывающего своей секирой очередного оппонента. С ним четверка хирдманов, слаженно работающих мечами и топорами.

— За мной! Вран, Эйнар, за мной!

Двадцать шагов бегом и мы железным тараном врubaемся в толпу куршей плотно облепивших Сологуба с двумя гриднями возле занесенной снегом кучи гнилого обзола. В самый раз подоспели, иначе пришел бы к десятнику с его людьми пушистый северный зверек с острыми зубками. Врубилась в самую гущу щитами вперед, мечами и топорами вдогонку. Я с разбегу сую в чей-то открытый бок, выдергиваю клинок, рублю сверху-вниз следующего, прикрываюсь щитом от удара сбоку. Все как учили. Джари за это время уложил троих, а бойцы Эйнара продавили куршей словно это не люди, а соломенные чучела. Затоптали, перебили...

— Сзади! — предостерегающе кричит Сологуб и хищно, по-звериному скалится, тяжело выдыхая теплый пар.

Быстро разворачиваемся, встаем в линию и принимаем в щиты ораву набегающих куршей. Один из них на бегу вдруг взвился в воздух и как молодой козел влупил в мой щит обеими ногами. Такой коварной подлянки я, естественно, не ожидал, поздно вато сгруппировался, но не упал и из строя меня не вынесло, пошатнуло лишь нехило. Прыткий курш упал на пятую точку прямо мне под ноги. Шанса подняться я ему не дал — с силой опустил край щита на круглый шлем, аж гул пошел. Затем рубанул мечом по шее. Пока я радовался победе, кто-то слева виснет на моем средстве активной защиты и неодолимо тянет его вниз. Лямка лопается и предприимчивый вражина падает вместе с моим щитом уже мертвый — Вран снес ему полбашки.

— Не спи! — рычит Вран, сбивая мечом куршское копье, нацеленное мне в грудь. Затем краснолицый гридень заслоняет меня плечом и оттирает назад, треснув локтем под дых. — Иди продышись!

А я и не сплю, просто устал. Все таки первый раз в таком месиве...

Я оказываюсь позади нашей шеренги, притиснутый широкими спинами соратников к снежной куче. Проваливаясь по колено, делаю несколько торопливых шагов вверх по сугробу, чтобы оглядеться вокруг. Черт! Как же их много! Даже в полутьме я вижу, что эти драные курши повсюду. На стенах уже никого нету, все внизу и наши и не наши. Но чужих ощутимо больше. Защитники сбились в кучи и отчаянно отбиваются, вовремя сообразив, что в одиночку тут никому не устоять, слишком велик вражеский количественный перевес. Пока еще отбиваются, но критический момент не за горами и будь курши с земиголами хоть немного мастеровитее в плане воинского умения, все бы уже закончилось. Даже белым днем за тушами кораблей я не смог бы разглядеть что творится у землянки битком набитой женщинами и детворой, но на хорошее надежды мало, вряд ли набежавшая масса атакующих обойдет постройку стороной.

У костра на полусогнутых шустрит щуплая фигура, швыряет в пламя древесный корм.

— Юрка! Юрка! — ору изо всех сил. — Дуй к Глыбе, пусть зажигает лодии!

Хрен им под хвост, а не наши кораблики!

Сквозь гвалт схватки пацан меня услышал и понял, выхватил из костра горящую ветку,

низко пригнулся как конькобежец и ловко залавировал между дерущимися, пробираясь к лодиям.

— К башне! — ревет Эйнар. — Сейчас ворота проломают!

В щит Большеухого прилетает короткое копье. Дан отбрасывает расколотую деревяху и устремляется к воротам. Все, кто был рядом, следуют за ним, на ходу отбиваясь от наскაკивающих куршей. К воротам, к воротам, пока их не сломали или не открыли изнутри!

А у ворот уже нешуточная свалка. Полдесятка своих дерутся с чужими, свищут с башни стрелы, летают сулицы, вопли, лязг, треск... бойня, короче...

Ударить в спины как в прошлый раз не получилось, куршей и земиголов слишком много, успели понабежать и связать нас боем, пока другие разбираются с защитниками ворот. Стук в створки снаружи становится все чаще и настойчивее. Джари с Эйнаром как два атомных ледокола через ледяные толщи прорубается сквозь толпу в подбашенный проход. Клинки араба сверкают отблесками костра, при каждом взмахе брызжут красным, словно сами ранены. Сосредоточенно ухаёт Эйнар, проламывая черной секирой шлемы и жидкие брони напастников. Я не отстаю, прикрываю спины товарищей, когда мечом, когда кулаком вмажу, верчусь как мангуст.

Вдруг резко становится светлее, будто из за тугой тучи выкатилось вечернее солнышко. Должно быть, Глыбе все же удалось подпалить корабли, коли густая ночь разом превратилась в предзакатные сумерки, когда глаза еще могут узнавать лица за несколько метров.

Вот мы уже под башней. Под ее сводами нам не помогают стрелы Невула, Мадхукара и других лучников, но и врагов тут осталось немного. Треск от разбиваемых тараном ворот стоит просто оглушительный. Жуткий оскал залитого чужой кровью Джари пугает куршей не меньше его смертоносных клинков, от араба шарахаются врассыпную и попадают под работу лезвия датского боевого топора.

Сильный удар по затылочной части шлема, отчетливый железный "дзеньк" в моих ушах заглушает голос боевого рога по ту сторону крепости. Я понимаю, что ворота еще стоят, пока держатся упертые в мороженую землю порные бревна и если никто не будет мешать им держаться...

Твою мать! Что это он творит, сукин сын?!

— Эй, куда?! — ору, принимая на плоскость меча чужой клинок и машинально лупя в ответ. Я не могу вспомнить имени старого Сологубова дружинника. Не могу и все тут...

— Стоять! Стоять, падлаааа!!!

Сильный удар сбоку в плечо разваливает кольчугу вместе с мясом. Меня отбросило к стене. Следующий удар взрезает штаны на лежке, задевает плоть. Я делаю нырок под бьющую руку, одновременно коля в живот настырного курша, выдергиваю из пробитой утробы меч и бросаюсь к воротам. Боец из десятка Сологуба уже успел повалить одно упертое в створки бревно и вознамерился убрать второе, подсев под него плечом. Я хватаю его за локоть, разворачиваю к себе.

— Чего творишь?! Жить надоело?!

Харя у него перекошена, разрезанная щека в крови. Из рук вырывается и падает в снег один конец вынутого из скобы запорного бруса, почти сразу же сильный удар извне настезь распахивает левую воротину. Я успеваю увернуться от тяжелой створки, но самым краем меня вскользь задевает по шлему. Оглушенный я падаю сбоку от ворот, ударяюсь о бревна стены и замутненным взором наблюдаю как вереница огромных всадников затекает внутрь

крепости.

Из под сени надвратной башни на простор лодейного двора вырвался боевой клич полочан — рывкающий собачий лай. Раздалась громовая команда:

— Полоцкие, в сторону!!! Оружие вниз!

Кони грудью ударяют в ряды куршей, сбивают с ног, топчут копытами, рвут зубами. Всадники умело работают копьями и мечами, роняют на неприятельские головы тяжелые булавы. Прошло совсем немного времени и весь лодейный двор заполняют вооруженные до зубов конные в остроконечных, хвостатых шлемах, тесня дерущихся пеших к стенам крепости. Перекрывая человеческие крики и конское ржание, низко и протяжно вострубил сигнал рога.

— Рогволд! Князь пришел! — с великой радостью и облегчением выкрикнул кто-то.

— Рогволд! Рогволд! Слава! — взметнулись в дымное, зимнее небо немногочисленные вопли.

Шум битвы внутри крепости усиливается и стихает за считанные минуты. Угрюмый гул рукопашной сменяют победные выкрики вперемешку с возбужденным гамом.

Подняться с земли мне помог тот самый воин, что так самозабвенно пытался открыть ворота людям Рогволта. Это я сейчас понимаю, что он сообразительный малый, сумел в пылу драки отличить голос полоцкого боевого рога от куршского, а тогда готов был разорвать, хорошо, не успел.

Присев на перекладину лесенки, ведущей на верхнюю башенную площадку и заляпанной алыми пятнами, перевожу дух, верчу в трясущихся руках помятый шлем. Подходят Сологуб с Враном. Оружие убрано, оба потрепанные, буквально залитые кровью, преимущественно чужой, иначе бы не выглядели довольно сносно.

— Стяр! Цел? — быстро спрашивает Вран, оглядев мою согбенную фигуру.

— Почти, — говорю, шевеля пальцами в теплом и мокром носке сапога. — Шлем, вот, испортили, паскудники.

Порез ноги оказался глубже, чем я поначалу думал, штанина пропиталась кровью до самых портянок. Башка гудит, разрубленное плечо адски ломит. Смотрю я на сбитые кулаки и боюсь спросить кто кроме нас еще жив и что с Младиной. А спрашивать придется, потому как сам я до землянки, пожалуй, не доковыляю.

С лесенки осторожно, чтоб не задеть меня по очереди спрыгивают Невул и Мадхукар. Оба с пустыми колчанами, глаза красные от дыма.

— Что там видно, Невул? — интересуется Сологуб.

— Дружина хозяйничает. Одну лодию в сторону оттащили, чтоб догорела, другую затушили.

Вовремя князь вернулся, еще немного и остался бы Рогволд без лодий...

Невул хотел еще что-то добавить, но его прерывает низкий, протяжный гул, докатившийся со стороны укрепленного города.

— Ингорь! — уверенно молвит Сологуб, жадно втягивая запах гари, словно поймал звук не ушами, а носом.

Оказалось, что правильные выводы сделал не только Сологуб. Лодейный двор накрывает пронзительный свист, выкрики команд. Из дымных сумерек к башне выезжает отряд конных, правит к выходи из крепостицы.

— Старший кто здесь?! — остановившись возле нашей компании, спрашивает усатый воин в очкастом позолоченном шлеме. Он восседает на злом мускулистом красноглазом

жеребце цвета свежего снега. У коня седло и вся сбруя лучшего качества из того, что мне доводилось видеть, даже в княжеской конюшне такой богатой оснастки не водилось. Тут тебе и шитье серебряными нитями по коже и камушки полудрагоценные в золоченой оправке и висюльки прозрачные. Рядом с усатым воином тоже верхом молодой безусый парень и взрослый бородатый мужик с темным от загара лицом. Все трое в доброй броне поверх кольчуг, за спинами круглые щиты.

— Шорох, веди сотни в город, я догоню!

Повинуясь приказу, конное войско вытекает в распахнутые ворота и тает в темноте. Усатый ловко спрыгнул с коня, снял с головы шлем, бросил молодому и сразу стал выглядеть еще более колоритно. Голова у него выскоблена под ноль, только прядь волос с темени на ухо свисает, являя миру модельную варяжскую стрижку.

— Рад видеть тебя, Сологуб, в добром здравии!

— И я рад, княже!

Они обнялись почти по-братски. При этом полоцкий десятник сморщился от боли и досадливо крякнул.

— Раны увеличивают славу, они заживут и исчезнут, а слава останется! — посулил с ободряющей улыбкой незнакомый мне князь.

— Вот он старший... Стяр, — кивает на меня Сологуб.

Я встал с жердочки, с трудом разогнув пораненную ногу, взглянул в синие глаза и вдруг отчетливо понял, что передо мной — прирожденный убийца. Не в смысле — маньяк-садист, а — боец, воин, лучший воин, когда-либо мною виденный...

— И тебя рад видеть, Стяр. Вижу, что в Полоцке-граде не перевелись храбрые и умелые воины. Силы еще есть? Закройте ворота, обходите раны, соберите павших, свяжите полон. В городе мы справимся без вашей помощи. Все, что снимете с мертвых внутри этих стен — ваше.

Затем чубатый обернулся к молодому всаднику и только сейчас я заметил, что на коне за спиной паренька сидит и довольно скалится наш Юрок.

— Владимир, вам с Добрыней лучше остаться. Поможете здесь, обоз и заводных лошадей разместите внутри стен, заодно наших заморских друзей сохраните в безопасности.

Юнец с Юркой за хребтом попытался возразить, но бородатый дядька положил ему тяжелую длань на плечо и тот умолк.

Князь с варяжским чубом вернул себе позолоченный шлем, изящно взлетел в седло белого коня, гикнул и наметом выскочил в ворота догонять свою дружину.

Я озадаченно хмыкнул.

— А ведь это не Рогволд! А, Сологуб? Что скажешь? Кто это по-твоему?

Сологуб пристально поглядел на меня и громко шмыгнул большим носом.

— Это — Рагдай, старший полоцкий княжич.

— Так он же, вроде, со Святославом был...

— Был, а теперь — здесь. Вернулся, стало быть.

— И то хорошо, — говорю, отчего-то чувствуя, что еще хлебну я с этим Рагдаем опасных приключений.

Глава двадцать восьмая

Куршско-земигольских жмуров на площадях лодейного двора насчитали сто девять штук. Еще семнадцать тяжелым явили милость в виде острого клинка в область кадыка. Живых и подраненных налетчиков набралось без малого полторы сотни. С приходом Рагдаевой дружины наиболее сообразительные индивидуумы совершили поспешное путешествие через частокол в направлении обратном тому, которым они сюда попали и разбежались по подолу где Рагдай с Ингорем их успешно повырезали да в полон побрали.

Безвозвратные потери среди защитников укрепленной верфи оказались внушительными. Больше никогда не возьмут в руки оружие и орудия созидательного труда двадцать два человека, среди них две женщины. В числе прочих догонять Мороза, Жилу и Рыка по дороге в небесное царство светлого ирия отправились мои верные бойцы Ясень и Праст, успев, однако, перед гибелью оказать мне неоценимую услугу.

Когда озверевшие от крови курши наткнулись на засыпанную снегом землянку и вознамерились вывернуть неказистое жилище наизнанку в надежде найти внутри нее немало ценностей или кого не убитого, Яромир был не единственным, кто встретил их на пороге. Несколько женщин вооружились кто чем и встали рядом с их единственным защитником. Сообща уложили троих, а затем куршам впятером удалось свалить Яромира и ворваться внутрь землянки. В это же время рядом оказалась теснимая противником группа защитников крепостицы. Праст с Ясенем сразу поняли что могут сотворить с детьми и бабами жаждающая крови чужеземная братия и поспешили на выручку. Зачистив землянку, парни снова подались в гущу событий, оказались вдвоем против толпы прибалтов, бились до конца и вот...

С мрачным видом я разглядывал лежащие на кровавом снегу порубленные тела двух своих боевых товарищей и вдруг понял, что во многом сам виноват в их гибели. Ведь это я притащил сюда с подола ораву баб с детишками и водрузил ответственность за их безопасность на всех. Не знаю как в подобной ситуации повел бы себя условный наемник, да хоть тот же Эйнар, но пацаны мои были родом из Вирова, маленького городка, где все друг дружку знают. Младина тоже вировская...

— Не кручинься, десятник, — буркнул Вран, словно прочитав мои мысли, — все правильно ты сделал. Ты не позволил людям сгинуть на подоле, Праст с Ясенем загородили их здесь. Такова воинская доля — погибнуть с мечом в руке.

— Яромир выкарабкается, — сообщил Сологуб, — раны у него неглубокие, а вот Глыба и еще двое корабелов свое отжили.

Потерял двоих не самых худших воинов в хирде и Эйнар Большие Уши. Даны отделили своих павших от общего числа погибших, раздели их до исподнего и уже готовили погребальный костер.

— Я одному развалила башку! — злорадно объявила Млада, после того как мы вдосталь наобнимались и нацеловались, — Вот этому! — она указала на лежащий у землянки труп то ли курша, то ли земигола с глубоким кровавым пробором в шевелюре и счастливо улыбнулась.

— Чем это ты его?

— Вот этим, — Млада указала на валяющийся неподалеку небольшой плотницкий топорик.

Топор хоть и относительно маленький, с короткой гнутой ручкой, но все равно — топор, его копной волос не остановить.

— Ты у меня большая умница, — похвалил я и прижал к себе трясущуюся от возбуждения девушку. Это у нее нервное, я вспомнил свое состояние когда впервые убил человека колюще-режущим оружием: руки-ноги дрожат, в голове туман... Пройдет, главное, чтобы будущий Андреич в ее чреве не принял мамкин стресс близко к сердцу.

Я наконец-то избавился от всего железа, что таскал на себе последние сутки. Надел свой удлиненный полушубок с лисим воротом и сразу почувствовал себя отдохнувшим и почти здоровым.

До конца дня собирали павших, предварительно сняв с тел все, что имело хоть какую-то ценность для живых. Полоцких, у которых могли оставаться родственники не раздевали, родные с ними сами разберутся. Раненых собрали в землянке, где их обихаживали Млада с Карьей и другими женщинами, знающими маломальский толк во врачевании. Мою ногу перевязали, остановив кровотечение, дали похлебать горячего куриного бульона.

После полудня в крепостицу завились Ольдар с Дроздом, в сопровождении Гольца и десятка дружинников. Чинно поприветствовали Владимира с Добрыней, поздравили нас с победой и принялись восстанавливать картину произошедшего здесь боя. Следственная бригада, ни дать ни взять, ходили, смотрели, считали, разве что в протокол не заносили.

Владимир оказался ни кем иным как отпрыском Великого князя киевского Святослава Игоревича. Старшим или младшим я так и не понял, понял одно — "нарисовал" его Святослав на стороне, поимев тайную связь с ключницей своей мамы Великой княгини Ольги. Незаконный сынок получился у Святослава и девки-холопки Малушки. Любовь зла, как говорится. Тем не менее, Святослав Владимира считал вполне себе равным с другими своими сынами Ярополком и Олегом и даже жаловал наряду с ними целое княжество. Правда, одногодку Владимира Ярополку досталось самое большое и богатое Киевское, Олегу как младшему — лесное древлянское, а Володе перепало княжить в буйном и непослушном Новгороде, тем более, что сами новгородцы просили Святослава дать им настоящего князя взамен опостылевших киевских посадников. Таким вот образом рассадив сынов по княжеским столам, Святослав снова наострил лыжи в теплую страну Болгарию, чтобы окончательно там закрепиться.

Едва получив назначение, молодой князь новгородский в сопровождении дядьки по мамкиной линии Добрыни выдвинулся в путь, а так как в это же время в Полоцк направился княжич Рагдай с тремя сотнями ветеранов отцовской дружины, то и поехали они вместе. Владимиру безопасней — мало ли татей по дорогам шастает, а Рагдаю — возможность представить бате нового хозяина Новгородщины как ближайшего соседа.

Несмотря на юный возраст, на взгляд лет пятнадцать-семнадцать, черноволосый Владимир широкоплеч и статен. Глаза синие и цепкие, губы всегда готовы расплыться в белозубой улыбке. Такие породистые экземпляры очень нравятся бабам. Не удивлюсь, если и этот расплодит ублюдков от холопок и теремных девок по всему Новгороду. Подумал так и сразу получил укоризненный укол от рожать, а я ее до сих пор в жены не взял.

Надо бы с этим князьком подружиться, глядит он на меня вполне доброжелательно, даже успел поблагодарить, что приютил его давнего киевского корешка Юрку.

И закралось у меня подозрение, что сказка Вована о боязни за сына из-за мести какого-то там знатного варяга есть не что иное как художественный вымысел. Уж больно Владимир с Юркой рады друг другу, чуть ли не в обнимку бродят да шепчутся беспрестанно как давние

кореша, у которых есть что скрывать. По ходу, накосорезили парни в столице киевского княжества, у княжича, понятное дело, железная индульгенция, а вот Юрка спрятали от наказания подальше.

Заморскими же гостями, о которых упоминал Рагдай оказались доверенные лица нескольких очень почтенных византийских купцов, стремящихся расширить географию своей торговли за счет русских земель. Доверенных лиц, собственно, приехало всего трое, остальные двадцать человек — слуги и охрана. Хотя, лучше охраны, нежели полоцкая дружина придумать сложно. Повезло ромеям с попугчиками, ибо по дороге они успели заручиться поддержкой Рагдая в вопросе организации в Полоцке торгового представительства или по простому — ромейского двора как в Киеве, рассчитывая на покровительство Рогволда. На что Дрозд скептически хмыкнул и сказал, что с ромеями равно как с магометанами и прочими индусами Полоцк давно торгует безо всяких дворов. Чтобы снарядить и отправить торговый поезд никакой двор не нужен. Всякие там дворы и посольства это — сборище соглядатаев и шпионов.

К закату, когда подоспел поздний обед, Сологуб позвал присутствующую старшину в избушку мастеровых отведать вареной зайчатины и обсудить насущные дела. Помимо Владимира с Добрыней, пригласили Эйнара и троих нарочитых ромеев. Сносно болтал по-русски лишь один из них — чернявый красавец по имени Леонидас. Впрочем все они далеко не блондины, южная кровь видна сразу какую шубу и шапку не напяль.

Устроились за небольшим столом при свете факелов, воткнутых Сологубом в кольца на бревенчатых стенах. Центр стола занимал малый походный котел, руками из него выуживали парящее мясо и рвали крепкими зубами. Закусывали получерствым хлебом, запивали хмельным теплым кваском. Особой радости от повода совместной трапезы никто не испытывал. Железа и добра с убитых куршей насобирали богато, но вряд ли всего этого хлама хватит, чтобы покрыть причиненный ущерб и высушить слезы о погибших полочанах. Разговор не клеился, даже здравицы в честь князя и победителей звучали сухо и вяло.

Чуть погодя разомлевший в соболиной шубе до пят Леонидас заявил, что слова Дрозда о ненужности торгового двора ромеев в Полоцке ему не понравились. Являясь представителем одной из богатейших торговых династий Империи, он выразил недоверие о существовании связей зачуханного Полоцка с далекими странами. Также дерзкий ромей вслух заметил, дескать, произойди случившееся на его родной земле, что само по себе маловероятно, то нападавших перебили бы как муравьев, ведь у великой империи самое сильное и многочисленное войско, каждый город представляет собой неприступную каменную крепость и охраняется большим, прекрасно вооруженным и обученным гарнизоном.

Хвастался пацан, короче. Видать, русский квас пришелся его организму покруче привычного, разбавленного водой южного вина. Пришла очередь Дрозда скривить тонкие губы.

— Вот гнида заморская, — прошипел "начальник службы безопасности" Полоцка. — Сейчас я тебя умою. Стяр, сделай одолжение, приведи сюда своих новых друзей с корабля.

Слабо представляя замысел закусившего удила Дрозда, я вышел на двор и быстренько отыскал славного уроженца Кордовы и представителя далекой Индии. Увидев перед собой таких же смуглых как и он сам Джари и Мадхукара, Леонидас слегка опешил, перекинулся с двумя земляками несколькими словами и загрустил.

— Видишь, ромей, я не врал тебе, эти люди с торгового корабля, они пришли к нам из-за моря с товарами. А чтоб ты также убедился, что хорошие бойцы есть не только в вашем

Царьграде, я тебе кое что покажу, — с ухмылкой заявил Дрозд и попросил Гольца раздобыть четыре учебных меча.

Голец отсутствовал минут пять, появившись с двумя парами деревянных мечей, он сиял чуть тусклее солнышка.

— Не откажи, уважаемый Джари, — сказал Дрозд, протягивая два деревянных клинка арабу. — Давай покажем уважаемым гостям, что даже бояре и торговцы в Полоцке дерутся не хуже хваленых ромеев.

Молодой Владимир довольно крикнул и потер руки в предвкушении забавы. Добрыня нахмурился и вместе со всеми потянулся к выходу из избышки.

На лодейном дворе светло как днем, пылают десяток костров, люди занимаются уборкой территории, разбирают остовы пострадавших лодий. Дрозд остановился в центре треугольника из ближайших костров, скинул на снег полушубок, оставшись в зимней шерстяной рубахе без всякого доспеха, взял в каждую руку по деревяшке, призванной имитировать боевое оружие на воинских тренировках.

— Споем же песнь мечей, Джари, в угоду нашим гостям из солнечного Царьграда!

Я чуть недожеванным хлебом не подавился. Доходяга Дрозд с его куриными лапками хочет петь песнь мечей с арабским мастером двуручного боя? Ну, насмешил, ей богу! Мужик Дрозд, конечно, не самый дрянной, но здесь в лучшем случае ему удастся просипеть пару слов из первого куплета, не больше.

— Дерево не поет, — громко заметил затесавшийся среди воинов Эймунда Стеген. — Оно не пьет крови.

— До первого пропущенного удара! — произнес Дрозд и встряхнул мечами, словно сбрасывая с них налипшую грязь.

— Сейчас будет потеха! — с хитрящей ухмылкой произнес Голец, оглядывая собравшийся на представление люд.

— Даже не сомневаюсь, — говорю. — Ты б за лекарем сразу сбегал, боюсь, Дрозду Младнины примочки не помогут.

Сухой треск первых ударов похожих на винтовочные выстрелы вознесся в чернеющую высь и высек искры из моих ушей. Через несколько секунд я почувствовал как моя нижняя челюсть безвольно валится внутрь мехового воротника. Опомнившись, я захлопнул пасть и с непреходящим удивлением стал наблюдать как атакует Дрозд. Да, Дрозд атаковал! Сильно, стремительно, с двух рук. Джари защищался также ловко и искусно, не оставляя ни один выпад соперника без должного внимания точными, выверенными движениями. Четыре меча исполняли барабанную дробь, ноги бойцов зашлись в диковинном шаманском танце родом из багровой зари человечества. Когда пришел черед Джари, араб атаковал с еще большим натиском, сплетал удары и выпады в едва постижимые глазу связки, вставлял в кружево обманные петли, пытаюсь поймать противника, заставить ошибиться в защите. Но Дрозд не ошибался, отбивал и уклонялся с точностью часового механизма. Его сухое, всегда строгое лицо преобразилось, не потеряв извечной сосредоточенности. Он, словно аскет после долгих месяцев воздержания, добрался-таки до заветного предмета вожделения. Щеки красные, глаза горят, руки мелькают...

— Я удивлен, боярин, — промолвил Джари с поклоном, едва тяжело дышавшие соперники опустили учебное оружие. — Я ни разу к тебе не прикоснулся!

— Я к тебе тоже! — удовлетворенно воскликнул Дрозд. — Благодарю за удовольствие, с меня добрый подарок!

Дрозд вернул уважительный поклон арабу и повернулся к ромеям.

— Не желаешь ли и ты, уважаемый, Леонидас, скрестить со мной клинки и показать нам свои способности?

— Я — торговец, не воин, — поспешил отказаться Леонидас, смиренно потупив взор.

— Да? — не поверил Дрозд, не глядя протягивая измочаленные мечи Гольцу. — По моему, стать у тебя совершенно воинская и на правой ладони мозоли от оружия... Ну как знаешь, не хочешь — как хочешь, неволить не стану, но про постановку в Полоцке ромейского двора забудь. Поезжайте-ка лучше дальше с князем Владимиром в Новгород, там как раз купцов не хватает.

Зрители гоготнули: в Новгороде да купцов не хватает? Ну и шутник боярин!

Да уж, вот тебе и Дрозд! Вот тебе и птичьи косточки да кажущаяся крепость кузнечика. Мне, чтоб так научиться, быстрее гора раздавит алмаз, как любит говорить наш индийский друг... Я потом интересовался у Джари не поддавался ли он. Правая рука у Дрозда чуть помедленнее левой, но, в общем, нет, не поддавался, разве что самую чуточку.

— Почему ты отшил их? — спросил я Дрозда перед его уходом в город. — Разве не выгодно занять долгосрочные торговые связи?

— Потому что это не купцы, — сухо ответил боярин. — Вернее, не совсем купцы. Соглядатаи ромейские. Нравится Киеву гнать в Царьград меха, воск, мед и прочее за бесценок, получать взамен товар в три цены — на здоровье. Мы тут сами с усами.

— Зачем ромеям следить за Полоцком?

— По чьей-то просьбе, например. И совсем не обязательно по просьбе их родного императора.

Гольца Дрозд оставил при мне с наказом не спускать глаз с ромеев, извинился перед Эйнармом, что не может остаться на тризну по погибшим и отбыл восвояси.

Едва ушел Дрозд, с города прибыла смена — два десятка из сотни Куги, не участвовавшей в бою с куршами.

— Рагдай велел отпустить вас на отдых, — пробасил дородный Куга. — Мы тут присмотрим за всем.

— Благодарю, дружище! Ворота только прикрой! — напутствовал я сотника и бросился к Эйнару уговаривать перенести похороны на завтра.

Обрадованные, все, кто имел отношение ко мне и Сологубу собрали нехитрые пожитки, подхватили на носилки Яромира и отправились ночевать в мою корчму. Карья и еще одна девчонка из спасенных нами от Горхидовых упырей двинули с нами.

Князь Рогволд вернулся в Полоцк к ночи. Тяжкий гул его боевого рога встрепенул готовящиеся ко сну окрестности. Сутки назад Ингорь отсылал людей во все погосты, где мог находиться отец, в одном из ближних его и нашли, сообщили о напасти.

Вернулся князь и сразу же начал подсчитывать причиненные городу убытки. Ранним утром, еще затемно он позвал с докладом два десятка свидетелей, среди которых оказался и я с Сологубом. Получилось что-то вроде большого княжеского совета с участием всех нарочитых мужей: бояр, воевод, ремесленных старшин и наиболее значительных купцов. В Большой палате княжеского терема собралась прорва народа, сидели на лавках по периметру, некоторые стояли у входа, воинского снаряжения при себе никто не имел.

Мне как одному из главных действующих лиц отвели местечко посередине восточной стены между Змеебоем и юным Владимиром, что так удачно пришел с княжичем Рагдаем нам на выручку.

Рогволд восседал в деревянном, резном кресле на небольшом квадратном подиуме и выглядел хреново, аж лицом почернел. Я его понимал, почернеешь с такими делами. Стоило ненадолго отлучиться и столица княжества подверглась гнусному нападению. И кто напал? Какие-то вшивые курши с земиголами и латгалами, коим вместе взятым цена как воинов — мешок сухих лягушачьих шкур. Что побудило этих нищелюбов на конфликт с сильным княжеством, пусть и на кривичской земле, но все же — варяжским? Или, может быть — кто?

Памятуя о разборе, учиненном Рогволдом после нашей с Ольдаром операции по защите представителей веры в Аллаха и зная непростой характер князя, я был готов к долгому и детальному допросу да и друг Голец успел шепнуть, мол, настроение у князя дерьмовое.

Меня князь решил заслушать первым. В отличии от Владимира и большинства присутствующих он поглядывал в мою сторону с явным недовольством. Я мяться не стал, поднялся с лавки, проковылял на середину палаты, встал спиной к подпорному столбу и с готовностью выложил все как на духу. Рассказал как первыми встретили врага, поведал про вылазку почти через весь подол в свою корчму, про поход за башкой князя Горхида, про то как дрались на лодейном дворе и, стоящий у дверей Сологуб, полностью подтвердил мои слова.

Слушали меня внимательно, одобрительно кивая. Один лишь Минай криво ухмылялся и все время переглядывался с херсиром Старлугом.

— Если я правильно тебя понял, десятник, ты сжег городскую корчму, ее пристройки и две только что выстроенные лодии? — ледяным тоном пожелал уточнить Рогволд, когда я закончил свое повествование.

Слегка смутившись, я взял себя в руки и продолжил свою линию не отпираясь и не оправдываясь.

— Да, княже, сжег. Иначе к Горхиду было не подобраться. Приказ спалить корабли отдал тоже я, чтобы они не достались куршам или кто там они, — вывалил я и добавил, что с тем же успехом предал бы огню свое собственное заведение если того потребовала ситуация. Я понимал, что похерил чужое имущество и был готов возмещать убытки, коли у кого-нибудь, включая князя, хватит ума возбудить иск.

Рогволд еще больше насупился и сделался совсем неприветливым.

— Ты, должно быть, полагал, что Горхид, червей ему в печень, со своим под себя срушим войском сможет взять и ограбить Полоцк, а потом по зимним рекам увести мои лодии? — ровным прокурорским голосом спросил он. — И подольских баб с детьми в крепость ты нагнал, чтобы сподручнее было обороняться, так что ли?

Кто-то в палате хихикнул, народ нахмурился и засопел, десятки глаз впились в мое лицо, десятки ушей наострились в ожидании ответа. Новоиспеченный новгородский князь ажно рот раззявил от любопытства, а дядька его Добрыня с изрядно заинтересованным видом приготовился ловить мои ответные слова.

Ну что за гадство! Лучше сидеть за стеной и просто ждать когда крошить начнут? Все с ног на голову. Думают я за пригоршню золота задницу рвал? Темнота! Я военных академий не заканчивал и то знаком с термином "активная оборона", здесь, похоже, до этого еще не додумались...

— Я полагал, что Горхиду с войском вполне по силам разнести в щепки подол, предать его огню, жителей кого побить, а кого в полон увести. И, да, Ингору со Змеебоем с их малыми силами не удалось бы помешать куршам увести твои груженные награбленным

добром лодии прямо по снегу. Запрячь по десятку лошадей в кораблик не долго, лошадок в Заполотских дворах полно. Про то, что старший твой сын Рагдай с дружиной уже на подходе к городу никто из нас знать не мог. Именно по этой причине я привел в крепость жителей подола. Твоего подола, князь! Спасти их хотел. Лодии — что? Дерево! А люди в княжестве — главная ценность, даже я это понимаю, хоть и не князь. Я в герои не лезу, если виноват в чем — отвечу по Правде.

Рогволд вперил в меня немигающий удавий взгляд и не проронил ни слова, когда я набрался наглости и, поглаживая раненую ногу, вернулся на свое место. По пути я поймал чуть заметный одобрителный кивок Добрыни. С чего бы это?

— Горхид вовсе не князь куршский, — возник в повисшей тишине ехидный голос Минай. — Их князя зовут Домонтом. Других князей там сроду не водилось.

— Кто же тогда этот Горхид, по-твоему? — резко обернулся к нему полоцкий владыка.

— Воевода. Боярин... откуда теперь доподлинно знать? — сокрушенно вздохнул Минай. — Взятые в полон болтают кто во что горазд. Почитай всех ихних старшин перебил этот твой десятник, допросить как следует некого, не пытаться же все четыре сотни. От Стяра больше поруки чем от всего Горхидова войска. Вольный слишком, воеводой, поди, себя возомнил, что хочет, то и делает. Может его в пыточную сунуть, авось расскажет чего любопытного? Например, как с куршами сговорился, как хотел корабли уничтожить...

— Дурь не болтай, боярин! — воскликнул Вендар. — Стяр — верный человек!

— Верный, — быстро согласился Минай. — Осталось понять — кому? И рот мне, сотник, затыкать не тебе. Он, ведь, в твоей сотне? Ответ за своего десятника взять не желаешь?

— Возьму, коли князь повелит, не ты. Ты, боярин Минай, лучше поведай как в тереме своем сидел, с урманами бражничал пока мы с Ингорем оборону крепили!

— Стяр и мой человек! — вскочил с места Ольдар. — Если бы не он, лежать подолу полоцкому и всему лодейному двору в пепле! Я верю ему! А у тебя, дядька Минай, во рту — жаба...

Молодец пацан! Вот уж от кого не ожидал. Небось жалеет, что не было его со мной в эти веселые дни.

Поднялся гомон, присутствующие принялись живо обсуждать услышанное, спорить, размахивать руками. В гвалте не принимали участие только я, сам князь, Дрозд и парочка будущих новгородских начальников. Даже Змеебой что-то эмоционально аргументировал пьяненькому боярину Таршу. Добрыня и вовсе сидел с таким сосредоточенным видом, будто мысленно записывал в воображаемый блокнот каждую брошенную реплику, каждый услышанный вопль.

— Уймись все! — прикрикнул до сей поры молчавший Рогволд. — Негоже перед гостями глотками друг дружку поносить, не на торге поди!

Когда в палате установилась тишина, князь мрачно изогнул брови, придавил меня взглядом.

— Я не закончил с тобой, Стяр и садиться не позволял.

Ага, может еще за пивком сбегать или гопака сплясать под рожок?

— А я тебе не раб и не холоп! — отвечаю с места. — Ты взял меня в дружину, а не в дворню и сам дал десяток. Сел потому, что устал стоять и добавить к сказанному мне больше нечего.

Стало слышно, как в жарко натопленной палате истерично жужжит, попав в

развесистую паутину на верхних балках, проснувшаяся шальная муха. Кто-то нервно шаркнул ногой, кто-то горестно вздохнул...

— Да девку он свою лядащую спасти побежал! — мерзким своим голосом возопил Минай. — Выбрался из осажденной крепости, ушел в занятый врагом подол и вернулся невредимым с кучей бабья и детворы. Чужую корчму нарочно спалил, чтобы от соперника избавиться и лодии все пожечь хотел дабы ты, княже, на куршей весной двинуться не смог. Соглядатай он куршский! Послух вражий! Дозволь я...

Вскочить с лавки и пересечь поперек палату дело трех секунд. Оттолкнув возникшего на пути херсира Старлугссона, ударом правой я прервал звенящий глас подхватившегося навстречу Миная и сопящий народ так и не узнал чего хотел боярин, чтобы Рогволд ему дозволил.

Херсир схватил меня за плечо и резко рванул в сторону. Я освободился от захвата и на развороте приложился по урманову подбородку, отмечая отменную реакцию скандинава, который успел отвернуть голову, пропустив удар вскользь по щеке. Я видел каким дьявольским огнем полыхнули глаза Старлуга. Будь при нем сейчас любое оружие, я бы уже валялся мертвым рядышком с нокаутированным Минаем, а не повисни на мне Вендар с Сологубом, одной оплеухой норвег точно бы не отделался.

Минай очнулся через несколько мгновений, брякнув золотыми перстнями о дубовый княжеский пол, встал на четвереньки, обвел притихшее собрание осоловевшим взором, шумно сглотнул и проговорил так тяжело и медленно, будто ворочал языком мельничный жернов:

— Рассуди, княже! Не оставь произвол безнаказанно! Все видели — он убить меня хотел!

Херсир Старлуг помог боярину принять вертикальное положение и под локоток как глубоко больного старца подвел обратно к лавке, о которую Минай устало расплющил свое седалище. Вендар и Сологуб хоть и разжали свою хватку, от меня отходить далеко не стали, вопрошающе глядели на князя.

Опустив глаза, Рогволд молчал. Долго молчал. Видать, все не мог решить как наказать того, кто в его присутствии напал на старшего боярина, пусть и за дело. Прервать княжеские думы никто так и не решился, хотя я видел как хочется Ольдару что-то подсказать отцу.

— Виноваты оба, — наконец "проснулся" Рогволд заметно охолонувшим. — Здесь обвинять и наказывать могу только я.

Князь выразительно поглядел на Миная.

— Я не в силах решить кто виноват больше, поэтому спрошу вас самих какого искупления желаете. Боярин Минай, ты виры хочешь или суда Божьего?

— Суда, к чему мне его вира!? — фыркнул окончательно пришедший в себя Минай.

— А ты, десятник, желаешь получить виру или узнать решение богов?

Серьезно? Суд богов? Неужто Рогволд позволит мне прикончить в честном, законном поединке эту сволочь?

— Боярин при всех оскорбил меня и обвинил в измене. Я требую крови! — ответил я не думая и только произнеся последнее слово, понял как сильно лоханулся, ибо вспомнил печальную участь покойного вировского боярина Головача. Теперь же его родной братец очень ловко подвел таки меня под монастырь, устроив искусную провокацию. Не зря же он приволок с собой Старлугссона.

— Да будет так! Ваш спор рассудят боги! Ежели Правда будет на стороне боярина

Миная, Стяра признать виновным в измене, если боги пожелают иного исхода, все подозрения с десятника снимаются, а Минай заплатит ему виру в три гривны серебра за хулу и две гривны в казну.

Неплохо выступил. Минаю виру за хулу, сам же вроде как и не при чем.

— Поединок назначаю на полдень сего дня на торговой площади детинца. Перед началом поединка истцы должны выбрать желаемое оружие, а также вправе назначить вместо себя поединщика. Бой будет продолжаться до смерти одного из участников. Плату за виру сдать заблаговременно.

Мысли мои растрепались как зонтик одуванчика на ветру. Где-то краем сознания я слышал как Рогволд попросил Ингоря рассказать как он оборонял город, будто до сих пор не успел получить исчерпывающий доклад от Дрозда и лично от своего отпрыска, но это мне уже не было интересно. Ничего больше не видя и не слыша, я покинул княжескую палату, пройдя сквозь расступившихся слушателей Ингоревых подвигов.

До судебного поединка осталось менее четырех часов.

Глава двадцать девятая

Корчма только-только просыпалась, когда я отдернул полог из цельных медвежьих полстей наскоро прилаженных взамен исковерканных дверей. Люди спали вповалку на столах и на лавках, кое кто из данов дрых прямо на студеном полу, подложив под себя отрезки звериных шкур. На ногах был один Эйнар. Устроившись возле очага, Большехухий хлебал что-то из глиняной кринки, захрустывал питье сырым пороссячьим хрящем.

— Хорошие были двери, крепкие, — как бы про между прочим положительно оценил качество работы местных плотников матерый дан. — Надо бы новые сделать такие же.

Не хотелось мне гадать чья рука из Эйнарова хирда возле этих дверей насквозь продырявила копьем Мороза. Попозже все одно узнаю, но не сегодня. Сегодня мне надо живым остаться.

— Сделаем, — говорю, — лучше прежних.

Первым делом я собирался хорошенько подкрепиться, а то как-то пустовато в брюхе. Уже через четверть часа на поварне всюю стряпали девчонки, подняв в воздух дурманящие запахи готовящейся еды и спустя совсем немного времени за составным столом посреди корчмы заняли места более двух десятков героев переживших осаду и штурм лодейного двора. Длина стола позволяла сидеть не в тесноте, при этом Эйнар расположился напротив меня, а дюжина его данов перемешалась с остатками наших с Сологубом десятков.

Пока я отсутствовал, Невул раздобыл где-то баранью тушу, освежевал на дворе и приволок разделанные ломти мяса к очагу.

— Я попросил, чтобы куски на огне долго не держали, — заявил Эйнар. — Так в мясе сохраняются нужные для мужчины соки.

Об открытии корчмы для посетителей вопроса не стояло. Слишком свежи затертые на полу пятна крови из груди Мороза и память о погибших друзьях. Да и какие тут посетители, когда кругом разруха, людям не до разносолов, а в самом заведении настоящее общежитие, в одной из комнат лежит раненый Яромир, по всем углам кучи трофейного шмотья и оружия, воняет как в конюшне.

Как это ни смешно, но обучать Мадхукара разуместь великий и могучий русский язык взялся Торельф сам понимающий нашу речь с пятое на десятое. Должно быть в молодом дане задолго до Макаренко внезапно проснулась тяга к педагогике и лингвистике. Шефство над ними взял Джари. Так и тусовались второй день везде втроем как лебедь рак и щука. Я поначалу даже испугался как бы эти ребята какой-нибудь новый, понятный только им язык не придумали, но потом забил, уловив зачатки осознанных изречений из уст индуса.

— Минай выставит херсира, — авторитетно озвучил общую мысль сидящий справа от меня Стеген, когда за общим столом я рассказал как прошла моя встреча с Рогволдом. — Эта крыса сам драться ни за что не станет.

Я уже и сам допер до этого умозаключения. Вот что за дурацкий обычай! Понятно, что князь не дипломированный юрист, но он все таки "верховный судья" в своем княжестве. Должен же как-то регулировать подобные вопросы без не совсем честного кровопускания. В итоге даже если человек трижды прав, но не умеет сносно драться, значит он умрет неправым и все будут уверены, что так решили боги? Вот поэтому и выставляют вместо себя того кто драться умеет получше... Ерунда какая-то, а не божий суд.

— Ты знаешь его, Эйнар? — спросил я на всякий случай и подробно описал залетного

херсира.

— Старлугссона? Нет, пожалуй, — подумав, ответил Большеухий. — В Норвегии полно всякого сброда, всех не упомнишь.

Хреново. Противника мало знать в лицо, особенно незнакомого. Причин не доверять Эйнару у меня не нашлось. Он и за столом выглядел ниже всех, словно среди здоровенных в своем большинстве мужиков затесался подросток с непомерно широкими плечами. Зато сила авторитета в хирде непререкаемая.

— Я его знаю, — заявил один из бойцов Эйнара, немолодой, плечистый дан по имени Съедульф Скользя Щетина. — Два года назад видел его в Бирке. Помнишь, Эйнар, ты посылал меня продать десяток трэлей и дюжину мечей? Он опасен. Биться предпочитает двумя топорами или копьем. Не каждый знает как противостоять такому выбору оружия. На моих глазах Старлуг на суде поочередно разделался с двумя неплохими воинами и я не знаю так же ли ты неплох как те двое.

Кто-то из данов, кажется, худой как бамбук Бреруд скептически хмыкнул, а совсем юный, худобородый хирдман Алафьен так и вовсе заржал во всю глотку, видимо, обнаружив в словах Щетины нечто смешное.

— Старлуг Старлугссон прикончит тебя, зря ты согласился на хольмганг, рус, — громко хлопнув деревянной кружкой по столешнице, воскликнул Алафьен. — Ты ранен, он загоняет тебя как косатка тюленя!

Я поморщился. Ну и наглецы эти даны! Жрут, пьют в моей корчме как в своей, похотливо глазают на девчонок, распоряжаются по хозяйски, еще и нахамить норовят. Нет, я, действительно, признателен им за неоценимую помощь, но по итогам дележки добычи даны в накладе не остались. Несомненно, такой матерый вожак как Большие Уши умеет держать свою кодлу в узде, но вот насчет его дальнейших планов сплошной туман.

По нашему все они болтали бегло, за исключением вечно угрюмого и всю дорогу молчащего Грайна. Именно Грайн, а не Эйнар осуществлял распределение причитающейся данам взятой в бою добычи между хирдманами и я, уже было подумавший, что Грайн немой, впервые услышал из его уст человеческую речь, когда он резко осадил все того же Алафьена, вздумавшего что-то выяснять. Факт знания данами чужого языка наводил всего на одну мысль — топчет эта ватажка Русь-матушку довольно продолжительное время, ну или очень часто наведывается с вполне определенной целью заработать бабла тем или иным способом.

— Помолчи, Алафьен! — сурово изрек Эйнар. — Это не совсем хольмганг. Боги должны направить руку того, кто более достоин победить и все признают его правоту по закону. Наши ярлы и конунги также прибегают к этому способу если не знают как рассудить спорщиков.

Молодой смиренно потупился и Большеухий продолжил:

— Я видел как ты сражался, Стяр. Ты быстр и замечательно двигаешься, хорошо владеешь телом, но твои ноги превосходят руки. Мне кажется, что ты взялся за оружие не так давно, если ты с чем-то раньше и управлялся, то точно не с мечом. Уж прости, но Алафьен прав, любому воину из моего хирда ты на один зуб, даже ему. Думаю также, что ты способен удивить любого. Удивить до смерти.

Алафьен довольно оскалился, польщенный похвалой и победоносно зыркнул в мою сторону.

Да, да, приятель, плохо ты меня знаешь...

Вот тут меня и накрыли последние слова Эйнара. Уж чего-чего, а удивлять я умею. В

ринге многих удивлял, конкурентов по "бизнесу" тоже. Нетривиальный подход к делу, как правило, ведет к успеху. Вчерне план по физическому устранению Минаева наемника во мне уже оформился, оставалось проработать детали.

— Я не мог отказаться, — говорю, подмигивая Алафьену, — и прекрасно все понимаю. Знаю, что советом тут вряд ли поможешь, но все же прошу надоумить как одолеть Старлуга.

— Я скажу тебе... — начал Эйнар, но тут медвежий полог с шорохом отодвинулся в сторону и в теплую корчму ввалилась группа заснеженных товарищей состоящая из Гольца, Врана, Дрозда, Сологуба и Вендара. Стряхнув с воротников порошу, все они без какого либо приветствия протопали к столу и уселись на лавки. Широко сидевшие сдвинулись и потеснились, а Невул и вовсе уступил свое место рядом с Джари Врану. Долговязый лучник не любил подолгу сидеть за яствами, наевшись, имел привычку выйти продышаться. Дрозд перешагнул лавку и втиснулся слева между мной и Чусом. Карья с Улавой (так звали вторую девушку из сгоревшей корчмы) мигом обставили новых гостей полными еды плошками и кружками с медовухой.

Внимательно оглядев наши сосредоточенные лица, Дрозд отхлебнул меда и устался в упор на Эйнара своим немигающим, потусторонним взглядом.

— Ты что-то хотел сказать, дан?

Эйнар наморщил лоб и кивнул. Не знаю, может быть в какой другой раз предводитель северной дружины и проявил бы норов, но после вчерашнего показательного выступления авторитет Дрозда среди наблюдавших зрелище взлетел до небес. Ночью по дороге в корму дан подробно расспросил Сологуба про Дрозда: откуда пришел, где учился обоерукому бою? Узнав, что боярин из местных кривичей и пришел на службу к Рогволду когда князь владел Полоцком уже лет пять, отстал.

— Я собирался дать Стяру всего один совет, — ответил Эйнар. — Ты не против?

— Ничуть. Я пришел за тем же самым, но уступлю тебе право высказаться первым.

Темный жир с бараньей лопатки обрызгал тонкое запястье Дрозда, стоило ему хорошенько впиться зубами в слабо прожаренный кусок.

— Благодарю, боярин, — с легким кивком и чуть заметной улыбкой произнес Большие Уши. — Надеюсь я не сильно оскорблю чью-то честь, если посоветую Стяру прямо сейчас выбрать того, кто будет представлять его на судебном поединке против херсира Старлуга Старлугссона.

— Очень дельный совет, — тут же отметил Дрозд. — А теперь скажи мне, дан, отчего ты вдруг вздумал указывать полоцкому десятнику что ему делать?

Все сидящие за столом настороженно притихли. Я почувствовал напряжение Стегена, соприкоснувшись с урманом плечами.

— Мой ответ прост, боярин, — проговорил Эйнар, ладонью утерев с усов блестящую влагу, — Стяр сам испросил совета. Считаю, что он гораздо более ценен своей светлой головой, а не крепкими руками. Поэтому потеря воина, несущего на своих плечах удачу, будет в несколько раз весомее для Полоцка, чем потеря просто воина.

— С каких пор ты беспокоишься за судьбу города, который пришел брать на меч?

Резонный вопрос. Особенно из уст главы профильного ведомства. В жизни бы не подумал, что в раннем средневековье существует подобные инстанции. Мысленно я Дрозду поаплодировал. Мутный типчик этот Эйнар и бригада у него мутнорылая. Нынче с вами, завтра с ними, таких нужно разьяснять с самого начала, чтобы позже не пожалеть.

Я ни на секунду не усомнился, что за пределами корчмы сейчас бдит по крайней мере

полусотня Вендаровых парней и случись непонятки с хирдом Большеухого, быть нехилой бойне во имя справедливости.

— Я сделал ошибку, примкнув к Горхиду. Увидев полоцкие укрепления, сразу понял, что ни куршам, ни моим ребятам не бывать внутри этих стен, а количество возможной добычи в жилищах вокруг города несравнимо с тем, что можно было взять в боярских домах. Мы продали свои мечи не тому, только и всего.

— Горхид действительно князь?

— Он очень хотел им стать. Домонт обещал ему земли за разорение Полоцка.

— Кто надоумил Домонта отправить на нас войско?

— Этого я не знаю, но слышал, будто кто-то послал куршскому князю весточку, что Рогволд готовит на него поход. Домонт тайно снесся с латгальскими и земигольскими вождями, дал Горхиду дружину и велел ударить первым. К тому времени я со своим хирдом уже два месяца вынужденно гостил у одного из Домонтовых бояр, чинил свой пострадавший в шторме корабль. Некоторые мои люди залечивали полученные в морском бою с ярлом Хакстейном раны. Я ухватился за предложение Горхида отправиться за добычей, чтобы поправить свое положение и отплатить боярину за гостеприимство. Уже в Полоцке я узнал, что барсучий выродок Хакстейн пал от руки сего славного десятника и захотел выразить ему свою признательность.

— Откуда знаешь наш язык?

— Я полтора года служил одному из велетских родовых князей по имени Далеслав. Тогда в моем хирде было больше сотни воинов и два быстрых корабля.

— Насколько я знаю, у велетов все решает вече.

— Так и есть. Далеслав был очень воинственный и справедливый муж, имевший сильный голос на общем тинге.

— Кто был у тебя главным кормчим?

— Грайн. Его еще называют Рыбой за милую особенность держать язык за зубами.

Эйнар ткнул пальцем в направлении Грайна и я поразился его смиренному терпению во время этого допроса. Скорее всего, Большие Уши отлично понимал, что ни он сам, ни один из его хирдманов с подворья корчмы живым не выберется, случись у него с Дроздом неразрешимые непонятки. Отвечал на вопросы долго не раздумывая и, как мне показалось, нигде не наврал.

— Значит, твой Грайн умеет хорошо водить драккар? — пожелал уточнить Дрозд, цепко удерживая в тонких пальцах тяжелую кружку.

— Лучшего я не встречал. Грайн великолепный наездник на драккарах. Любой корабль слушается его лучше, чем собственный живот. У бедняги Грайна очень слабые кишки, поэтому на стоянках он всегда ночует поближе к кустам и подальше от остальных.

Дрозд позволил себе протяжно присосаться к кружке, а затем улыбнуться.

— В море нет кустов, как он выстаивает за кормилом столь продолжительное время?

— В море мы его не кормим, — Эйнар насмешливо хмыкнул. — Да и не стоит он, а сидит на бочонке со съемной крышкой или свесив задницу за борт.

Лица тех, кто знал Грайна просветлели от упоминания столь пикантных подробностей об особенностях организма их товарища. Мне показалось даже, что даны гордятся свои кормчим не меньше, чем командиром.

— Есть и еще кое-что отчего я решил больше не поддерживать Горхида. На стягах Полоцка вышита рогатая бычья голова, точно такой знак носил Далеслав. Я горько сожалел о

его гибели и сейчас сожалею. С ним мы завоевали много славы и добычи, с оружием в руках побывали в чужих землях.

Голос предводителя данов звучал твердо и уверенно, Дрозд кивнул головой и я пришел к выводу, что он удовлетворен ответами Эйнара.

— Это не просто бык — тур, — проговорил Дрозд. — Лесной хозяин. Священный зверь Радогоста. Старинный знак лютических князей. Что ж, возможно ты и прав. Рогволд с братом пришли в эти места совсем молодыми. Кто знает, может быть велетский князь Далеслав приходился им сродником.

После этих слов боярин повернулся ко мне.

— Стяр, ты расслышал совет Эйнара? Самое время ему последовать. У меня тоже есть для тебя совет и он полностью совпадает с Эйнаровым. Как думаешь поступить?

Я открыл рот, чтобы озвучить готовый ответ, но Джари оказался шустрее.

— Я готов выйти вместо тебя! — поднявшись с места, торжественно произнес араб. — У меня пред тобой долг жизни, когда как не сейчас его выплатить!

Со всех концов послышались одобрительное кряхтенье и мычание. Араба в деле видели почти все и все сейчас согласно кивали головами.

— Ну вот и боец сам нашелся, — подытожил Дрозд. — Лучшего и подобрать трудно. Что скажешь, Стяр?

— Я тоже не прочь тряхнуть ушами и проверить сказанное Съедульфом, — вставил Эйнар. — Думаю, еще несколько моих воинов не откажутся успокоить херсира. Так ведь, Алафьен?

— Так, ярл! — воскликнул молодой викинг, обрадованный оказанным доверием, — Я с удовольствием отправлю Старлуга на пир к старине Одину!

— И я готов! — подал голос Съедульф. — Несколько его уловов я подсмотрел в Бирке, ничего для меня нового в них нет.

— Меня выставь, Стяр, я с ним разберусь, — уверенно пообещал Вендар, воинственно выпятив подбородок.

— Выбирай, десятник, слово за тобой, скоро время выходить, — решил поторопить мои раздумья Дрозд.

Время кому-то умереть, он хотел сказать...

Вот, значит, как! Жизнь мои спасать собрались. Гладиаторы, блин! Эх, Андрюша! Не верят в тебя соратники. Считают неумехой и правильно делают. Кого из них я смог бы ушатать в настоящем бою? Да никого! Уровень мастерства и опыта просто не сопоставим. Годы изнурительных тренировок против моих нескольких месяцев занятий с оружием.

Мне в друг стало нестерпимо жарко, захотелось рвануть ворот и вдохнуть поглубже. Переборов нахлынувшую слабость, я медленно встал, знаком попросил Джари опуститься на лавку, обвел взглядом заросшие растительностью, суровые лица собравшихся, увидел в проеме поварни бледный Младинин лик и отчетливо произнес:

— Благодарю всех за участие, ни в ком из вас я не сомневаюсь! Соблазн велик, но я никого выставять не собираюсь. Это мой бой. Боярин Минай оскорбил меня нарочно. Меня, не вас. Между нами старые личные счеты и именно поэтому я обязан сам выйти на бой. Хорошо, что вы не внушаете барану, то есть мне, какой он великий да могучий и может разорвать и сожрать волка. За это я вас и ценю. Это с вашей стороны честно. С моей же стороны будет честно драться самому. Я все сказал, возражений больше не принимаю. Если у кого найдутся замечания по существу я выслушаю.

Возражений равно как и замечаний не последовало. Насуплено сопел Вран, несколько полученный в бою ран заставили его молчать и не выступить в мою поддержку. Тоже самое со Стегеном и с остальными, чей голос не прозвучал.

— Глупо, — заключил Дрозд. — Я бы понял тебя, если бы ты бился с самим Минаем, но сейчас ты как послушный бычок идешь у него на поводу. Он хочет добраться до тебя чужими руками не в первый и не в последний раз. Сколько еще ты собираешься драться с его людьми?

— Пока у него херсиры не закончатся, — буркнул я и отправился в свою каморку готовиться к поединку, но перед тем вышел ненадолго за медвежий полог перехватить морозного воздуха.

Вся подготовка отняла у меня несколько минут, дольше с помощью Млады перевязывал ногу с плечом. Раны мои при беглом осмотре сразу после битвы опасений не вызвали. Железо до кости не достало, вспорото мясо, но не так глубоко как мне казалось, даже зашивать не стали. Чтобы не загноилось, посыпали каким-то сухим растительным зельем и туго завязали ляжку да плечо. В любом случае мне бы не ходить да с другими отморозками биться, а полежать денек-другой, пока окончательно не спаяются края. Это если по уму, но в реалиях выходил совсем иной расклад. Тугие повязки и режущая боль ощутимо мешали двигаться в привычном режиме, но и в таком состоянии я не имел права уклоняться от боя. Люди, вон, со сломанными ребрами чемпионаты мира выигрывали...

— Плохая у тебя нога, — тревожно заявила Млада после того как сняла запятнанные красным тряпки и прикоснулась к багровым берегам пореза сбоку повыше колена. Я скрипнул зубами, превозмогая резанувшую боль. — Горячая дюже. Тебе примочки нужны целебные и покой.

— Ерунда, — отмахнулся я. — Раны всегда горячие. Давай завяжем чистым, после поединка примочки наложим если понадобится, на мне как на собаке заживает.

Напялил я на толстую шерстяную рубаху войлочную безрукавку, облачился в кольчугу, поверх кольчуги приладил стальной нагрудник и наплечники. Обернулся широким кожаным поясом, предварительно отцепив с него чехол с ножом — не понадобится и весу меньше. Завершил облачение перекинув через правое плечо перевязь с метательными ножами. Вытащил из ячеек все, за исключением самого нижнего. Затягивать на мне многочисленные ремешки помогала Млада. В глубоких ее глазах бухли слезы, покрасневшие кончик носа и веки выдавали сильное желание зареветь, но держалась она молодцом.

И все таки не выдержала. Задержала руки на последнем узле, подняла лицо.

— Тебе обязательно драться? Драться самому?

Я обнял ее, прижал к груди, провел ладонями по спине, зашептал в ухо:

— Я должен. Сам должен иначе никак. Я убью его, Младушка. Убью, ты не плачь. Я этих урманов одним ударом...

И тут ее прорвало. Все мое нагрудное железо вмиг стало влажным от горьких, соленых слез. Я обнимал содрогающееся в рыданиях хрупкое девичье тело и едва ли не впервые понял как она мне дорога. Мелькнула мысль послать к чертям княжью службу, продать корчму и корабль да податься с Младой путешествовать, искать пропавшего кореша Мишаню. Нет, в ее положении, а тем более с младенцем на руках нам только и путешествовать...

Я поцеловал теплые, мокрые щеки и мягко, но решительно отстранил от себя Младину.

— Мне пора идти, — говорю. — А пока я буду героически побеждать, вы с Карьей сходите в дом Диканя, поищите Росу. И за Кокованом присмотрите, что-то сдал старикан,

может рану какую скрывает.

Млада порывисто выбежала из каморки, а я закончил последние приготовления и задержал взгляд на земляном тайнике с богатством.

В общем зале я прошел к стене, возле которой свалили трофейное оружие и выбрал себе щит покрепче. Толстая, окованная по краям круглая деревяха с титькой умбона посередине должна выдержать несколько ударов топора или копья стопроцентно. Большого мне и не требуется.

Народа за столом поубавилось. Люди перебирают шмот, чистят оружие, делом занимаются, короче. Дрозд подсел к Эйнару и вполголоса ведет задушевную беседу, вероятнее всего, склоняет Большеухого к долговременному сотрудничеству с полоцким князем.

Ко мне подходит делегация состоящая из Джари с Мадхукар.

— Стяр, Мадхукар хочет, чтобы ты взял в бой его саблю, — говорит племянник хаджиба и пропускает вперед индуса с обнаженным булатным клинком в протянутых ладонях.

— Зачем? — удивляюсь я искренне. — У меня меч есть.

— Она полегче меча, но сечет доспех словно ветхую ткань. Сабля быстрее, после удачного удара нужно лишь протягивать клинок, чтобы глубже взрезать плоть. Бери, уверен, она тебе поможет.

Я смотрю на длинное, слегка изогнутое, голубоватое синдское лезвие и не могу оторвать глаз. Я ведь даже в руке его не держал и понятия не имею как это — протягивать клинок. Что-то мне подсказывает — не потянет сабля супротив наших кольчуг и брони. Одно дело в Индии да в землях злых мавров или где там привыкли орудовать Мадхукар с Джари. Там жарко, внутри железной оболочки под палящим солнцем воин как тушеный цыпленок в консервной банке. Доспехи там сильно легче, оттого и сечь по ним сабелькой с оттягом значительно эффективнее. Не знаю, может я и ошибаюсь...

Однако, хитрецы! Даже я в курсе, что победитель вправе забрать оружие побежденного. Убьет меня урман и Мадхукар больше не увидит свое сокровище. Прошляпить такой клинок сравни потере жизни. Кшатрий биться за меня не вызывался и это правильно, хоть он и из касты прирожденных воинов, а все же может оказаться не готовым к тому что предложит ему херсир Старлуг. Отказаться? Сказать, что не умею драться саблей?

— Я верну ее тебе, Мадхукар, — говорю, принимая из рук индуса великолепный клинок. — Верну и ты научишь меня как следует с ней правильно управляться.

Я отцепил меч и привесил на его место ножны с саблей, продел руки в полушубок, надел бобровую шапку, взял в руки щит и шлем и направился к столу смочить пересохшее горло.

— Выглядишь ты вполне уверенно, уверен ли внутри? — критически обзрев мой воинственный облик, поинтересовался Эйнар.

— Ты же знаешь как я убил Тювельда? — вопросом на вопрос ответил я.

— Торельф рассказывал. Ты воткнул Косатке в глаз кончик своего меча.

— Вот именно. Так что наблюдай и слизывай передовую технику ближнего боя, мой датский друг.

Эйнар Большие Уши еще раз придиричиво оглядел меня, задержал взгляд на перевязи с единственным метательным ножиком. На его лице промелькнуло замешательство, он пошевелил челюстью под тяжелой бородой, прищурил глаза.

— Гляди, Стяр, себя не перехитри.

— Ага, постараюсь. Эту саблю Старлугссон получит только через мой труп.

Дрозд выразительно мотнул головой и неодобрительно произнес:

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Еще имей в виду, иногда, чтобы приобрести, нужно что-то отдать. На вот, выпей на дорогу.

Разгадывать чужие загадки мне не хотелось. Я принял из рук Дрозда чарку и выхлебал кисло-сладкую жидкость, приятно растекшуюся по нутру. Меня чуть передернуло, снова накатила непонятная слабость. Не нужно было столько жрать перед боем, а вот попить не мешало, интересно чем он меня попотчевал, на сладкое пиво похоже...

Я чувствовал себя собранно и решительно настроенным совсем как перед поединком в ринге, усиленно отгонял лишние мысли, но от одной так и не смог избавиться, поэтому перед тем как перешагнуть порог корчмы подозвал к себе Гольца.

— Вот что, друг Голец, — говорю тихонько, чтоб никто не услышал, — собери-ка все серебро из нашей кубышки и поставь против Старлуга.

— Ты уверен, Стяр? — осторожно уточнил давний приятель.

— Делай, что говорю. Мертвому мне оно без надобности, а братве корчма по наследству перейдет, я предупрежу Рогволда на этот счет, не переживай. При благоприятном исходе поединка наварим серебришка мама не горюй! Понял?

Голец неуверенно кивнул.

— Но для начала побежишь на торговую площадь и расскажешь всем, кого встретишь, какой... — черная муть поднялась перед глазами, я зажмурился, чтобы прогнать головокружение, — ... какой распрекрасный воин этот Старлугссон. Потом раздели серебро на десять равных частей и бейся об заклад, что я его завалю. Спорь только с самыми зажиточными, на мелочь не разменивайся. Все запомнил? Тогда отправляйся расхваливать херсира.

— Все сделаю... батька, — грустно заглядывая в глаза, заверил меня Голец.

— Э-э, ты чего, братишка? Похоронил меня? Забыл, что железо меня не берет?

Ничего не ответив, Голец метнулся в каморку и через пять минут так же молча выскользнул за полог, удерживая подмышкой тяжелый сверток.

Путь из корчмы до места предстоящего боя занял бы минут пятнадцать. Процессия растянулась на добрых три десятка метров, ведь почти все, кто был в тот час в заведении, пожелали лицезреть главный бой года, и напоминала похоронное шествие. Я отрешенно брел впереди, пытаясь мысленно срежиссировать ход поединка. Херсир уже наверняка в курсе моих бойцовских качеств, на сближение идти не станет и почти стопроцентно выберет копьё. Как я прихрамывал на совете он видел и про задетое в бою плечо тоже извещен, поэтому за первым натиском последует изматывающая игра — попади в лоха копьем.

Чтобы приобрести, нужно отдать? Отдам. Попрыгаю немного и отдам. Позволю Старлугу проткнуть себя. Несильно. Покажу, что он попал, зажмусь. Он кинется добивать, а я ему ножик в рожу... Минай завопит, не по правилам, дескать... у меня нож. Так и у Херсира нож на поясе, а у меня нету... у меня такой, кто мешал урману швырнуть в меня? Повязку, кажись, перетянули... больно-то как! В правилах же не сказано какой именно нож должен иметься у поединщика. Выбирается лишь основное оружие для боя, а нож как само собой разумеющееся. Что не так? Снег задолбал... Как там Миша? Велика беда, одним херсиром меньше... У Невула смешная голова... Кто-нибудь видел Жилу? Надо завтра же заказать двери... нога пульсирует, будто у меня сердце не в ноге, а в ляжке... чудно...

В овраг спускаться не стали, пошли кругом по утопанному пути. На одном из

поворотов я вдруг понял, что не могу больше нести щит и с трудом различаю дорогу.

— Торельф... возьми...

Вытянув руку, я едва не упал, теряя равновесие, голова стала заваливаться набок, кто-то подхватил меня под локти, начал ласково заваливать на спину...

— Держите его.

Голос Эйнара.

— В корчму его живо!

А это Дрозд. Станный он все-таки тип, хоть и неплохой мужик...

Глава тридцатая

Наконечник копья Старлугссона воткнулся в щит с поразительной силой. Воткнулся и застрял в мягких досках. Херсир поднатужился и дернул свое оружие на себя. Щит вместе с рукой рвануло навстречу урману. Не ожидавший подобного финта я сделал торопливый шаг на сближение, запоздало рубанул мечом и наткнулся всей грудью и краем подбородка на щит противника. Лязгнуло железо, лязгнули зубы...

Щит я выпустил. Старлуг наступил на него ногой и вернул себе копье. Последовал короткий тычок почти без размаха. Я почувствовал как под пробитой кольчугой с противным хрустом раздвигаются ребра, пропуская внутрь меня холодное копейное жало. Боли нет, она придет потом. Зажав рану рукой, я бросил меч, согнулся и нашарил пятку метательного ножа. Урман двинулся вперед, поудобнее перехватив копье. Я резко выпрямился и швырнул нож в верхнюю часть херсирова лица. Вот только лицо было не Старлугово, ибо на плечах урмана внезапно материализовалась непокрытая голова одного их дорогих мне людей.

Внутри меня все зашлось от боли, затрепетал каждый нерв, вскипела каждая жилка, но сильнее телесных мук терзает осознание непоправимого.

— Валерка! — кричу изо всех сил. — Валерка, это же я, Андрюха! Прости-и-и...

Откуда он здесь взялся?! Где Старлуг? Я задыхаюсь болью, но продолжаю орать как безумный, не сводя взгляда с правого Валеркиного глаза с торчащим из него кривым окончанием ножа.

Валерка в облике урмана молча улыбнулся, странно скривился и нацелил копье в мое горло.

— Брат, не убивай! — выдавил я, даже не подняв рук для защиты.

Железко копья пробило мягкие ткани гортани и с глухим стуком встретилось с шейными позвонками. Я с удивлением взирал на гладко отполированное руками древко, протянувшееся почти вертикально от меня к Валерке. Время остановилось, замер окружающий меня мир, я ждал что будет дальше и пытался понять почему до сих пор не умер.

— Сейчас очнется, — сказал Валерка чужим голосом и подмигнул уцелевшим глазом. Лицо его пошло крупной рябью, поплыло и растаяло, оставив поверх туловища урмана темное пятно.

Я открыл глаза и уткнулся взором в низкий скат незнакомого жилища. Быстро привыкнув к полумраку, я оторвал затылок от мягкого ложа в попытке обозреть окружающую обстановку. Успел заметить теплящийся очаг как единственный источник света в помещении без единого окна, низкий, толстоногий стол и пару одинаковых сундуков в углу. Продолжить визуальное исследование мне помешал легкий шорох, с которым на меня из полумрака надвинулась выдубленная солнцем незнакомая физиономию в обрамлении песочного цвета волосья. Нос картохой, глаза маленькие, умные.

— Хлебай!

Литровая деревянная емкость ткнулась под нос. Голос ласковый, но твердый как у лечащего врача в платной палате.

— Ты кто? — говорю, не спеша исполнять повеление и пить пахнущее вареным мясом и пряностями содержимое посуды.

— Я то?

— Ты то.

— Зар я. Веденей меня попросил.

Я бессильно откинул голову на продавленный валик подушки. Какой еще Веденей? Какой, к хренам, Зар? Где Валерка?

— Ты попей, попей, силенок прибудет.

Я пришел к выводу, что угрозы для моего организма этот дядя не представляет и что смочить иссохшее горло было бы вовсе неплохо. Преодолев немочь, я приподнялся на локтях и послушно сделал несколько глотков пахучей бурды — смеси наваристого бульона с протертым мясом и травами.

— Все допивай, — Зар сделал попытку насильно влить в меня еще полчаши.

— Иди в жопу, Зар, — от души посоветовал я. — Не лезет больше. Потом.

Я снова принял позу покойника, с интересом наблюдая как приятно приживается в утробе живительный бульон. В голове бродили ошметки давешнего сна.

— Где это я?

— В моем жилище, — с готовностью ответил Зар, все еще держа чашку с бульоном перед собой.

— Сколько провалялся?

— Три седмицы без малого.

— Я что заболел?

— Лихоманка-огневица тебя едва не заела. Плохой совсем был. Рану твою я вычищал дважды, почитай, все запасы свои целебные на тебя извел, пришлось по городу побираться.

— Ничего не помню, — признался я. Не считая беспорядочных снов, последним моим воспоминанием была инструкция Гольцу как поставить на мою викторию в предстоящем бою.

— Где тебе помнить! — усмехнулся Зар. — За Кромкой ты блуждал. Боюсь представить чего ты там насмотрелся. Веки закрыты, а глаза под ними так и бегают!

За Кромкой... То есть между жизнью и смертью, между явью и навью по-здешнему. Без сознания, а то и в коме... Я резко вытянул руку под толстым шерстяным одеялом и вцепился в левую ногу. На месте нога! Со здешним уровнем медицины ее запросто могли оттяпать под корень, чтобы сохранить жизнь владельцу.

Вспомнил! Веденей это — новый волхв Рогволда, взятого в терем взамен убиенного возникшей из потолка молнией Живня. Видел я его однажды и то мельком. Значит ли это, что Веденею приказал сам Рогволд? Все может стать...

— Скажи, Зар, я убил херсира Старлуга?

— Еще как убил, — довольно протянул Зар. — Но не ты, а боярин Дрозд. Допивай, а я пойду твоих обрадую.

Дрозд, значит... боярин... Голова разом опустела, будто из котелка суп выплеснули, мозговая мышца онемела от невидимого удара. Чтобы хоть как-то прийти в себя, я до ломоты в челюстях стиснул зубы, едва не вызвав рвотный рефлекс.

Шум, топот, громкий возглас:

— Слава Роду, ты жив, батька!

Я и сам порой забывал, что он в моем десятке. Скромный, малозумный парень среднего росточка. Белобрысый, коренастый, но ловкий. Урожденный полочанин. Никогда особо не блистал и не выделялся, вперед не лез и позади не оставался, дрался и работал наравне со

всеми. Эдакая рабочий ослик-скромняга, на таких земля держится. Специальных поручений я ему на давал. Не из опасения, что не выполнит, а как-то взгляд на него такого неприметного не падал.

— Шест... — я настолько был рад его видеть, что поспешил принять сидячее положение.

Из-за спины Шеста тут же возник Алафьен.

— Здрав будь, Стяр! — улыбаясь во всю пышущую здоровьем юношескую пачку, бодро произнес дан. — Я думал ты помер давно!

— И тебе не хворать, Алафьен! — отвечаю, с кряхтением пытаюсь подняться с ложа. — Помогите-ка встать, ноги что-то не слушаются.

— Оно всегда так после долгого лежания, — со знанием дела заметил Алафьен. — Расходишься, к полудню будешь бегать как олень.

Да уж, три недели в горизонте это не шутка. Хорошо пролежней не намял. Однако, валить отсюда надо, желания провести в этой лачуге лишнюю минуту я совсем не испытывал да и тянуть с ответами на мои вопросы не хотелось. Я озвучил парням свое решение и попросил помочь одеться и отыскать остальные шмотки. Из жилища куда-то пропавшего Зара меня вывели под локти. Вдохнув морозного, кружащего голову воздуха с примесью дыма от домашних печей, я отметил, что за три вылетевшие из моей жизни недели сугробы заметно опухли, деревья нарядились в густую бахрому инея, а солнышко, видимо, напрочь позабыло как светить сквозь толстые тучи.

Я быстро определился с местонахождением Заровой лачуги. До корчмы чуть меньше километра по кривым подольским улочкам. Небывалого прилива сил на воле я не почувствовал, но здоровья самостоятельно преодолеть весь путь должно хватить.

— В корчму? — осторожно и как будто нехотя спросил Шест.

— Куда еще?

— Может санки подать? — предложил Алафьен. — У старика тут кобылка есть и дровни крепкие я видел.

— Дойду, не барин. Прогуляться хочу.

Пока мы с черепашей скоростью добирались до корчмы, болтливый Алафьен по простоте душевной рассказал как по обоюдному сговору Дрозд с Эйнармом сначала попотчевали меня сонным зельем, а потом боярин на суде объявил себя моим представителем и разделал херсира Старлуга Старлугссона под орех. По первости я не поверил своим ушам и попросил дана повторить свой рассказ. Тот с удовольствием повторил, вдобавок живописнул как Дрозд сперва отрубил Старлугу десницу вместе с топором, а затем всадил острие клинка прямо под рыжую бороду урмана, забрызгав извергнувшейся кровью самого Миная.

— Стало быть Старлуг вышел с двумя топорами? — вяло поинтересовался я.

— С топором и щитом.

Я принялся размышлять имел бы мой план победить урмана шанс на успех ежели он был со щитом и вышло у меня восемьдесят против двадцати, что — нет. Щит у этих скандинавов буквально приклеен к руке, а уж опыта и реакции, думаю, Старлугу было не занимать. Прикрылся бы как пить дать. Весь мой расчет строился на отсутствии у противника элемента активной защиты, вздернуть щит на уровень лица и отбить летящий предмет дело доли секунды.

С самого начала невеселый Шест по мере приближения к цели совсем скуксился.

— Ты чего такой загадочный? Стряслось чего? — попробовал я выяснить причину его беспокойства.

— Сейчас сам все увидишь, — ответил дружинник, чем подтвердил нехорошие опасения.

К корчме я прибrel совсем уставший и в препоганом настроении, которое еще больше рухнуло, едва я увидел царящий в заведении беспредел.

Общий зал битком забит орущей публикой весьма сомнительной наружности. Свободных мест за столами почти нету, в дальнем углу кто-то кого-то душит в партере, человек десять наблюдают за этим веселым действием и улюлюкают, в воздухе висит тяжелый пивной смрад вперемешку с запахами пота, кислой блевотины и горелого мяса. Хорошо различимо веселое женское взвизгивание. Из под ближайшего стола в проход торчат босые, волосатые ноги не то мертвеца, не то мертвецки пьяного. В любом случае бедолагу уже успели облегчить на часть верхней одежды.

Я застыл у порванного дверного полога в совершенном ступоре и несколько минут наблюдал за творящимся хаосом. Насколько я смог определить все здесь собравшиеся при оружии и не с какими-то там ножами и дубинами, а с топориками за поясом и мечами. Десятки копий, шлемов и щитов свалены в кучу неподалеку от очага. Воины. Все до единого. И ни одной знакомой рожи, за исключением ближайшего к южной стене стола, где сидит все поголовье боевого хирда Эйнара Большие Уши и веселится едва ли не громче всех остальных. Я заметил как один из налакавшихся вонючего пойла посетителей сильно ущипнул за упругую задницу проходившую мимо стола Росу. Нашлась, девочка, это хорошо. Плохо, что не опустила ему на башку несомый ею тяжелый медный жбан, а вскрикнув, рванулась прочь как испуганная олениха. Вдалеке возле поварни промелькнуло и исчезло в суете каменное лицо Млады, где-то жалобно тренькнули и замолкли гусли, заглушенные взрывом нетрезвого гогота.

Я резко обернулся к застывшему рядом Шесту. Алафьен к этому моменту уже отправился к столу шефа, отвешивая по дороге тумачи и оплеухи тем, кому не повезло преградить ему путь.

— Что здесь происходит, братан, что-то я никак не въеду? Кто эти черти? Какого хрена они здесь творят?

Мне пришлось поднапрячь связки, чтобы преодолеть шумовой барьер и донести до Шеста всю вопиющую суть вопросов.

— Варяги, да урманы, — мрачно ответил Шест. — Четвертый день пируют.

— Откуда они тут взялись?

Мой вопрос повис в воздухе, так как Шест изволил красноречиво держать язык за зубами. Ладно, зайдем с другой стороны...

— Наши здесь есть?

— Один Яромир.

— Беги, разыщи кого сможешь и сюда. Вендара позови тоже.

Я двинулся в сторону Эйнара. На ходу встретился взглядами с Младиной и мотнул головой — потом, мол. Беззвучно охнув, она прикрыла рот ладошкой и поспешила исчезнуть в недрах поварни.

— Хо-хо! — гоготнул Большие Уши, узрев вблизи себя мою персону. — Стяр!!! Очухался?! А ну, ребята, раздвиньтесь, дайте место десятнику!

Я плюхнулся рядом с предводителем данов и мне тут же подсунули недоеденную кем-то

плошку с мясным варевом, Эйнар придвинул большую чару с жидким пивом.

— Отъедайся, Стяр, а то кожа да кости! — перекрывая шум, провозгласил Большеухий.

— Суки вы с Дроздом! — громко произнес я прямо в слоновье ухо Эйнара.

— Я знал, что ты так скажешь! — Эйнар добродушно махнул лапой. — Не обижаюсь!

Ты, Стяр, можешь говорить мне все что захочешь! Другого такого счастливица я в жизни не видывал!

От него несло сивухой как из пивной бочки. Он, наверно, в одиночку целую бочку и опустошил, мне даже показалось будто дан раздался в размерах от принятого в чрево хавчика и питья.

— Счастливица? — насторожился я, уловив скрытый подтекст в словах скандинава. Пока дан добродушен и чрезмерно разговорчив, нужно выудить из него по максимуму.

— Ну конечно! Удача ведь снова на твоей стороне. Твой враг посрамлен, ты жив, что это как не удача?

— А что есть, по-твоему, удача, Эйнар? — Я уже знал, что все скандинавы просто повернуты на сей эфемерной субстанции. Не скажу, что другие ее не ценят, но у викингов удача возведена в ранг божества и если бы они додумались поставить этому божку идола, то он был бы отлит из чистого золота. Пока же Эйнар будет бухтеть, я осмотрюсь повнимательнее...

— Ну-у... если с человеком чаще случается хорошее, а нехорошее обходит стороной, такого я назову удачливым, — с удовольствием принялся рассказывать Эйнар. — Норны поцеловали его в лоб при рождении и пристально следят за ним всю его жизнь, какая бы она ни была короткая или длинная. Когда человек удачлив, то и тем, кто рядом с ним тоже немного перепадает. Я знавал таких, с ними опасно, но весело и прибыльно. Теперь я вижу: все, что о тебе рассказывают — правда. Худо нынче с удачей, куда нос ни засуну, все оказывается огромной, воняющей тухлой рыбой тюленьей задницей. Как вот с этим... Горхидом. А так все хорошо начиналось... Полоцк город большой и богатый, здесь можно было взять много добычи.

Нотки разочарования, сквозившие в словах Эйнара, не показались мне наигранными.

— Хм, помоги ты не мне, а князю куршей, удача была бы на его стороне, а в случае взятия городских укреплений, ты мог прилично разбогатеть.

Как я ни силился, никак не удавалось высмотреть среди пирующих Яромира, зато заметил спящего за соседним столом Торельфа. Молодой дан оперся спиной о бревенчатую стену корчмы, свесил на грудь буйную головушку и дрых в обнимку с гусями Кокована.

— Горхид — глупец! — продолжа изливаться Эйнар. — Я бы ему не доверил даже коз пасти. Разве можно было оставить в тылу укрепление с вражескими воинами внутри и пойти пировать?

— Они не знали сколько нас и не захотели терять людей без тщательной подготовки. Утром бы нас всех прикончили.

— Не захотели терять людей и в итоге потеряли все, а тебе в очередной раз улыбнулась судьба. Посмотри на всех этих воинов! — Эйнар обвел открытой ладонью внутренности корчмы. — Все они явились сюда за удачей. Пришли за доброй добычей, которую настоящему воину сулит лишь поход под предводительством сильного вождя.

— Они пришли к Рогволду?

Эйнар пренебрежительно фыркнул.

— Рогволд — старый разбойник, однако, предпочел укрепиться на земле, обирает

хлебородов, пчельников да ремесленников, что обитают в его княжестве, собирает подорожное мыто, волокн держит. Не спорю, может это и прибыльное дело, только оно мне не по душе. Тот, кто хоть раз прогулялся по лебединой дороге, будет мечтать об этом всю оставшуюся жизнь. Полоцкий князь перестал быть хищником, клыки выпали, остались одни рога. Не спорю, что туру на рога попало, считай — пропало, но когда хищник становится травоядным его дни сочтены.

— К кому тогда этот сброд пожаловал в Полоцк?

— Ни к кому. Они идут к Святославу. В Ки... — тут Эйнар протяжно рыгнул. — В Киев...

— Уверен?

— Их в городе уже больше сотни и продолжают приходить. Некоторые отправились сразу в Киев, другие пересидят зиму и тоже уйдут. Разные, но цель у всех одна. Рогволд предлагал некоторым остаться, но идти с ним бить куршей никто из них не захотел. Я этих куршей знаю. Подмять их не получится, даже сейчас, когда их войско разбито, гордые очень. Добычи много с них не взять, узнают о приближении Рогволда, а они узнают, увезут, укроют добро и сами разбегутся. Это как мерина стричь — возни много, шерсти мало. Пустой поход получится. Дурной. К тому же Рагдай заявился сюда не просто навестить отца, он набирает войско.

Я вспомнил как самозабвенно Эйнар шептался за столом с Дроздом и спросил напрямую:

— Ты уже присягнул Рогволду?

Большеухий хитро прищурился.

— Нет. Я и весь мой хирд пошли под руку Рагдая. Как вскрыются реки, уйдем в Киев, оттуда в составе войска Великого князя отправимся в Болгарию. Говорят там тепло. Как думаешь, не врут, тепло там? Страсть как надоела зима!

Я машинально отхлебнул пива, хотя до этого не притрагивался ни к еде ни к поданной выпивке. Складывая два и два, я получал пять. Правильный вывод барахтался где-то рядом, но я ни как не мог за него зацепиться. Общий гул и шум в голове мешали сосредоточиться. Как вскрыются реки... Значит, Рагдай собирается добираться до Киева водой. Логично, зачем тащиться по лесам, когда можно более быстрой и удобной речной дорогой? Выходит, княжич вернул отцу участвовавшую в походе Святослава на Болгарию дружину и договорился насчет корабликов? Иначе на чем ему транспортировать на юг свеженабранное войско? Я уже слышал про желание киевского князя вернуться в завоеванное им Болгарское царство и править там болгарами как подданными. Нет ничего удивительного, что Рагдай как перший сябр Святослава захочет последовать за корешем, а Рогволд останется дома со своей дружиной, но без части кораблей, что подтверждает слова Эйнара насчет куршей. Так, это срослось, осталась смутная тревога, что-то мешало мне успокоиться, словно псу, чужавшему кусок мяса, но никак его не находившему.

Меж тем Эйнар запрокинул массивную голову и выплеснул в пасть содержимое деревянной кружки, затем перехватил посудину поудобнее и метнул через стол в затылок сивобородому иноземцу, вздумавшему отлить на пол не отходя далеко от кормушки. От соприкосновения с крепким черепом тяжелая кружка разлетелась в дребезги, а мужик в глубоком нокауте рухнул в проход между столами.

— Знатный бросок! — пьяно заорал Съедульф восхищенный меткости предводителя.

— Я его уже предупреждал, — словно извиняясь пояснил для меня Эйнар. — Объяснял,

что он здесь не в своей вонючей норе в каком-нибудь занюханном фьорде, здесь на пол гадить не гоже.

— Он все равно обделался, глядите, лежа все портки измочил! — торжествующе воскликнул Алафьен и изо всей дури хлопнул по ляжке соседа.

— Пускай, лишь бы не у меня на глазах, — отмахнулся Большеухий. — Барн, Хьясси, выволоките его на двор, чтоб не вонял. А ты, Съедульф, сходи к тем парням в углу и передай, если они там кого-то зарезали, пусть выбросят наружу и не забудут поделиться с нами чем-нибудь снятым с убитого. У нас кончается пиво, а в долг никто в городе нам больше не даст!

— Не дадут — сами возьмем! — заплетающимся языком провозгласил кто-то из зала. Корчма вздрогнула от слаженного рева десятка луженых глоток:

— Возьмем!

— Сами заберем!

Я отодвинул от себя кружку. Происходящее в корчме категорически мне не нравилось, пожалуй, настала пора положить вакханалии решительный конец. Мне моя собственная корчма дороже общественного покоя, пушай этих орлов на улицах княжья дружина успокаивает, на то ей и налоги с населения идут. Но для начала нужно прояснить один момент.

— Скажи мне, Эйнар, кто из твоих хирдманов швырнул то копьё сквозь сломанную дверь? Помнишь?

— Это был Грольв. Грольв Макушка, — без раздумий ответил Большие Уши и испытующе уставился на меня абсолютно трезвым взглядом.

— Это его сожгли на следующий день после боя?

— Его самого.

— Так я и думал.

— Что ты думал?

— Что ты хороший командир своим ребятам. Даже слишком. У тебя рог с собой? Дай гуднуть.

— Что задумал, десятник? — с веселым интересом спросил Эйнар, протягивая снятый с пояса боевой рог.

— Хочу проветрить здесь немного.

И где черти носят этого недоделанного Шеста?! Неужели так трудно привести сюда силовую поддержку?

Я поднялся над столом, примерился к окованному серебром сигнальному средству данов и что было силы в легких впустил в узкое отверстие струю воздуха. Рог благодарно отозвался густым, накрывистым гулом, заставив десятки бузящих джентльменов удачи заткнуться и начать искать источник тревожного звука. Выждав несколько секунд, пока мою персону засекут самые сообразительные, я толкнул короткую, но емкую речь.

— Слушай сюда, братва! Я — полоцкий десятник Стяр! Объявляю, что прямо сейчас корчма закрывается на ремонт и для пополнения продовольственных запасов. Прошу всех покинуть помещение до лучших времен!

Глухое, недовольное, усиливающееся с каждым вздохом ворчание было мне ответом.

— Что за дела, Эйнар?! — вскричал один из варягов, подскакивая к нашему столу. — Это что за тело? Какого ляда тут распорядится какой-то паршивый десятник?

— Это не тело, Бувольд, это — Стяр, — криво ухмыльнувшись, молвил Эйнар.

— Да хоть сам Один! Это твоя корчма или его? Мы же тебе заплатили, отдали все, что у

нас имелось! Куда нам теперь идти? — жутко коверкая словенскую речь, вскричал немолодой, плешивый скандинав. Его лапа так и норовила цапнуть рукоять висящего на поясе топора.

— Никуда! — рявкнул вдруг Эйнар, поднимаясь во весь свой не слишком внушительный рост. — Никуда вам идти не нужно, если сами того не пожелаете. Оставайтесь здесь, еды и пива я найду на всех. Особенно на тех, кто пожелает вступить в мой хирд!

Раздался торжествующий рев. Луженые глотки наемников на разные лады выкрикивали имя Эйнара.

— Я сейчас не понял... — начал я ваять предьяву, но дан живо развернулся ко мне, выскреб из руки сигнальный рог.

— Прости, Стяр, но эта корчма тебе больше не принадлежит.

— С какого такого перепугу? — спрашиваю, пытаюсь затолкать поглубже противное чувство надвигающегося капута.

— На днях приходил княжий тиун, испросил повышенное мыто за два года вперед на восстановление порушенной части города. К тому же, Рогволд присудил тебе выплатить покрытие за причиненный тобой ущерб хозяину корчмы у причалов, либо отдать ему в собственность свою. Твоей казны мы не нашли, так что пришлось мне заплатить за тебя все до последнего дирхема. Я выкупил это место и теперь корчма по праву моя. Я не гоню тебя, но учти, обе комнаты заняты, придется тебе с твоей женщиной спать на лавке или на полу в трапезной.

Я подавил сильнейшее желание включить бычку и конкретно поспорить с этим недорослем. Но быстро понял, что восстания не получится. Порвут на куски, зажарят и сожрут...

Ах ты падла датская! Казну он не нашел...

— Благодарю тебя, Эйнар Большие Уши за заботу, — я вложил в голос все добродушие на какое был сейчас способен. — Я сегодня же верну тебе потраченное и заберу корчму обратно.

— Не трудись, Стяр. Столько серебра у тебя сроду не водилось. Минай запросил непомерно высокую цену. Все мои хирдманы скинулись на такое благое дело да и сам я не беден... был, а теперь, вот, еще и корчмарем стал.

— При чем тут Минай? — спрашиваю в конец сбитый с толку я.

— Как же? Рогволд его главным тиуном назначил, вот он и старается, многих уже обобрал до последней рубахи. Могу подсказать тебе как вернуть собственность, прикипел ведь, знаю, — голос Эйнара стал вкрадчивым. — Ты отдаешь мне корабль, я возвращаю тебе корчму. У тебя ведь есть корабль?

Лучше б я не просыпался...

Я хмуро оглядел окружавшие меня потные, красные, бородатые рожи и ни на одной не обнаружил следов сочувствия. Рожи профессиональных убийц, грабителей-рецидивистов, насильников, торговцев людьми. Господи, какого хрена я среди них торчу столько времени?! Чем заслужил?

— Нет, дан, корабль ты не получишь, — говорю. — Придется тебе на корчме в теплые края плыть.

Глава тридцать первая

Из дружины я ушел. Вот так просто сходил и сказал Рогволду, что больше не хочу служить ему и увольняюсь. Здесь так можно и принято. Без обиды сказал, но Рогволд все понял. Спросил лишь чем кормиться стану. Мне пришлось намекнуть, что это не его княжеское дело и, что в Полоцке я задержусь максимум до поздней весны, а пока протяну на уцелевшие благодаря Гольцу сбережения. Не Бог весть какие, но все же достаточные, чтобы жить и кормить верных мне людей. Сколько их ни есть, все со мной. На корабле. Живем в тесноте, зато в полнейшем согласии и взаимном понимании. Корабельную надстройку или каюту, по-моему, занимаем мы с Младой. Весь арабский контингент, примкнувший к ним постоянно зябнувший Мадхукар и хозяйственный Яромир размещаются здесь же в корабельном сарае на живописном, тихом берегу Полоты в трехкилометровом отдалении от города. Бойцы Горхида сюда не добежали и разорить деревянный ангар, возведенный на зиму предусмотрительными мусульманами, не успели. Арабы еще те строители, но под руководством корабельного плотника умудрились воздвигнуть прямоугольник с длинной стороной в двадцать с лишним метров, устроив стены из вертикально стоящих сосновых бревен с двускатным накатом сверху. С наружи постройка напоминала шкатулку, только открывалась у нее не крышка, а одна единственная дверка, обращенная к лесу, в качестве же кладя в "шкатулке" на небольшом возвышении из толстых древесных плах покоился мой стремительный кораблик без мачт. Щели на зиму проконопатили конопляным веревком, сложили два очага в каюте и в самом сарае, дымно и копотно, но тепло и уютно. Жить можно, короче. Дичи в лесах полным-полно, Яромир усердно натаскивает Мадхукара и Джари на зимнюю добычу, учит читать следы, правильно скрадывать зверя, так что без мяса не кукуем, питаемся правильно.

Деньги на жизнь притащил Голец на следующий день после моего ухода из города. Принес в компании с Дроздом. К тому времени я уже остыл, а поначалу имел стойкое желание при встрече от души задвинуть боярину доброго апперкота, будь он хоть трижды чемпион на мечях. Однако, поразмыслив, решил Дрозда простить, он, все таки, жизнь мне спас, огородив от поединка со Старлугом. Спас злокозненно, но дела это не поменяло. Я жив, благодаря Дрозду и... Эйнару.

— Не много нашлось желающих ставить против меня в поединке, — с усмешкой сказал Дрозд, когда Голец бухнул на стол не слишком увесистый мешочек. — Крохи, но все же. Вира от Миная тоже здесь. На корчму не хватит, но до весны прожить в самый раз. Ты ведь уйдешь весной?

Я кивнул. Уйду, задачу отыскать Мишу я с себя не снимал и в Полоцке меня ничего больше не держит. Вот кораблик до ума доведем и отчалим.

— Не держи на меня зла, Стяр, — примирительным тоном заявил Дрозд. — Так было нужно. Не мог я допустить твоей смерти, потому как чувствую, что пришел ты в Явь для какой-то высшей цели. Ты ведь упрямый как стебель ползучей травы, его только с корнем вырывать следует, иначе все равно приползет куда ему надо. Не думал я, что зелье мое сонное на рану твою так подействует, хотя Зар сказал, что ты и без зелья до детинца не добрался бы, а если и дошел, то боец из тебя ровно на два вдоха.

Задумался я: ну с чего бы ближнего боярину Рогволдова так истово беспокоиться о моем здравии? Мифическая высшая цель? Какая? В чем она? При чем тут я? Эх, если бы он только

знал весь расклад, небось, по иному заговорил.

Напились мы в тот вечер знатно. С собой в санях Дрозд привез бочонок заморского вина, огромную, копченую по-горячему оленью ляжку и связку копченых рыбин. Пировали сначала вместе со всеми, устроившись на палубе арабского кораблика, затем втроем поднялись в каюту для приватной беседы. Там при свете теплящегося очага Дрозд поведал как бесился Минай после потери своего любимчика херсира и как Рогволд наорал на него когда тот попытался заявить о несправедливом бое.

— Боярин Минай умеет быть полезным князю, просто из кожи вылезает, чтобы Рогволд мог оценить его старания. Свалить хитрого лиса будет непросто, но я на твоей стороне. Да и не только я. Но будь осторожен, после твоего глупого ухода из дружины Минай усилия утроит. Ты ведь теперь не княжий гридень, за которого встанет вся дружина, а обычный людин. В одиночку нигде не броди. Минай собрал неплохую дружину целиком из нурманов и среди них есть несколько не уступающих Старлугу в бою. Считай мои слова предупреждением. Утром пришлю сюда твоего стрелка и Врана, а то что-то совсем заскучили они в городе, через седмицу их сменят Стеген и Шест. Вендар со Змеебоем уговорили князя расставить вокруг города сторожи. Одна из них будет стоять у тебя. Не против?

Ясное дело, не против! Я как мальчишка обрадовался скорому возвращению своих пацанов, тут же до краев наполнил кубки кисловатым вином и провозгласил тост за здоровье всех присутствующих.

Две трети винного бочонка спустя Дрозд начал сетовать на тревожную обстановку в городе.

Варяги и скандинавы как рыба на нерест прут в Киев транзитом через Полоцк. Некоторые задерживаются на несколько дней, а то и недель, отдохнуть, починиться, погулять от души перед дальней дорогой. Среди них нередко находятся родственники княжих дружинников, тогда в домах гремят разудалые ночные пирушки, после которых загулявшие гости как гориллы из клетки выплескиваются на улицы спящего города и задирают поздних прохожих. Теперь жители по ночам носа со двора не суют, окна-двери покрепче припирают. Городские стараются и днем безоружными не расхаживать, а у гриди прибавилось работенки. До открытых стычек с пришлым дело еще не доходило, все-таки в княжьих дружинах не мальчишки, но когда, поблизости не видно служивых, варяги и прочие урманы ведут себя петухами. В общем, Полоцк ждет не дождется весны, когда ненасытное чрево стольного Киева, глотающего ратный люд, как громадный кит поглощает планктон, призовет, наконец, к своей материнской груди всех любителей военных трофеев.

Пока Дрозд жаловался, я успел употребить два кубка с вином и чувствовал себя совершенно замечательно.

— Что Владимир? — заплетающим языком спросил я, когда гости накидались олениной, набуздрылись винишка, рассказали мне все городские новости и уже подумывали ретироваться.

— А что ему? — беспечно откликнулся Дрозд. — Отбыл в Новгород. Юрка с собой забрал. На отвальном пиру так глазел на Рогнедку, что Рогволд едва не взбеленился.

— Почему?

— Потому что Владимир — сын рабыни! — назидательно повысил голос Дрозд. — А самомнения на пятерых князей, наглый слишком! Не по сути ему на княжну нашу пялиться!

— Что с того? Он же сын Святослава, — возразил я. — Господские детишки поголовно

все борзенькие.

Рабыня рабыней, а Владимира киевский князь признал и даже выделил вотчину на прокорм, причем не самую хилую, не много не мало, а в сам Великий Новгород определил да не посадником — князем.

Дрозд пренебрежительно скривил узкие губы.

— С этим сыном Святослава мы еще лиха хватим. Если Новгород при нем войдет в силу, Полоцку придется несладко. Пожалел его Рогволд! Надо было надавать щенку по сусалам и выпнуть из терема как худого пса! — воинственно воскликнул боярин, пьяно кривя слюнявый рот.

Ну не знаю. Мне лично Вовчик показался нормальным парнем, таким, каким и должен быть в его годы молодой князек, а то, что Новгород может возвыситься над извечным своим конкурентом, так это реалии жизненные, ничего более. Ну понравилась ему Рогволдова дочура, так она не может не нравиться нормальному мужику, не смотри, что мелкая еще. Здесь и на десятый невестин годок могут сватов заслать да свадьбу через несколько лет наперед назначить...

— Ну и дурак твой Рогволд... — я хотел продолжить мысль как бы мог князь приручить Новгород через династический брак, но мне стало лениво, тем паче, что Дрозд уже спускался вниз по сходням.

— Ты прости меня, Стяр, — уже возле саней проговорил Голец, так, чтобы слышал только я. — От твоего имени я попросил князя Владимира снести в Новгороде с Садком и его отцом.

— Зачем это?

— Попросил, чтобы новгородские купцы поискали для тебя в дальних странах каменное масло. Настоящее.

Тут настала моя очередь скривиться. Разочаровать старательного Гольца, сказав, что огнем для меня больше не актуален, я не посмел и от души поблагодарил парня, обнял и даже расцеловал от нахлынувших чувств.

Вран с Невулом появились раненько по утру, залиvistым свистом подняли на уши обитателей корабельного ангара, заставив вывалить на мороз поглядеть кого там принесло.

Оба на лыжном ходу, навьючены до ушей барахлом и оружием, оба запряженные в битком набитые скарбом небольшие волокуши.

— Гляди, Стяр, кто с нами! — весело скалясь, воскликнул Вран и отцепил с волокуш увесистый мешок с нарисованной на нем подобием человеческого лица. — Дядька Сильвестр в гости пожаловал! Где повесить найдется?

"Здоров бродяга!" — завистливо подумалось мне. Переть на себе эдакую тяжесть три километра, пусть и на лыжах, не каждому под силу.

— Жаль было бросать, — объяснил Вран. — Сгинул бы Сильвестр, без наших оплеух он никому не нужен. Желая продолжать ставить такой же мощный удар как у тебя, Стяр! А тебя стану гонять с железом до кровавого пота, чтобы в бою больше не приходилось поддерживать тебе портки.

Так и начали жить. Пара добытчиков с утра отправляются на охоту, шестеро мавров, двое из которых волею Джари из рабов превратились в свободных, хлопчут над починкой корабля, мы с Враном совершенствуемся в рукопашке и оружейном бою. Через неделю Вран с Невулом сменились на Шеста и Стегена. Они пришли с теми же словами:

— Гляди, Стяр, кого мы привели! — и вытолкали вперед смущенного Торельфа. Видок у

него был откровенно помятый, собака побитая лучше смотрится.

— Прости, загулял... — на корявом словенском молвил дан, пряча заплывшие синяками глаза. — Зарок дал не пить пиво целый год. Теперь от тебя ни на шаг!

Да уж, мне б его здоровье, почти месяц бухать... В этом деле главное вовремя остановиться, осознать и встать на путь исправления, что Торельф, по видимому и сделал.

Все покатило в прежнем русле, за исключением того, что спарринговал я теперь с природными урманом и даном по-очереди. Вся служба присланных Дроздом дружинников свелась к устройству простейшего средства сигнального оповещения. Общими усилиями на берегу Полоты в некотором отдалении от нашего ангара из еловых жердин был устроен метровой высоты помост. На этом возвышении сложили огромную кучу хвороста, накрыли от осадков шкурами, сунули под помост десятилитровый бочонок с горючей смесью, привезенной с лодейного двора. Ночью высокое пламя, а днем столб дыма будут хорошо заметны с городской стены. При появлении врага пешего ли, конного, или водой идущего, караульным остается только вовремя подпалить хворост и подать Полоцку тревожный знак. Ничего сложного, служба для любителей расслабухи, с массой свободного времени и положительных моментов. Таких застав Рогволд велел устроить четыре штуки: здесь на Полоте, выше и ниже течения Двины и на том берегу Двины откуда прибежали курши. Разумная, в общем-то, затея, правильная да только мне уже по барабану Рогволдова безопасность. Мною полностью завладела жажда дальнего путешествия. Я не мог дождаться когда смогу отправиться навстречу приключениям.

Как говорится: готовь сани летом, а корабль — зимой. Едва закончились февральские морозы, мои арабы принялись с утроенной энергией латать судно, видимо так сказалось на их южных организмах наше предвесеннее тепло. Резали, строгали, прилаживали, обновляли порченное временем и драккаром ярла Хакстейна корабельное дерево и такелаж. Джари на свои средства заказал десять бочек со смолой, запасные мачты, новые льняные паруса и несколько бухт пеньковых канатов. По несколько раз в день кто-то из наших бегал в город к кузнецам, заказывали и забирали готовую скобянку. Так же Джари приобрел по дешевке усталого коника, чтобы на своем горбу не тягать из города товары. Пузатенького и лохматого конька я тут же прозвал Лошариком. Покладистому Лошарику отвели местечко возле входа в углу сарая.

От костров, подогревающих смолу, вонь на всю округу стояла несусветная. Млада, у которой начал круглеть острым комочком живот трудилась по хозяйству. Кашеварила, стирала, штопала и шила на всю нашу честную компанию. Она с уверенностью говорит, что будет у нас пацан. Такой же сильный и решительный как его батя. Поглядел я денек на это безобразие и понял, что жить и работать в таких условиях ей противопоказано, мешки, корзины и кульки ворочать даже у мужика пуп развяжется. Поглядел и принял трудное решение — попросил Невула сгонять и проведать как там поживает наш старый знакомец Жох. И поживает ли вообще после набега куршей. Получив к вечеру положительный ответ о здоровье коренного вировца, я отвлек от стряпни Младу и объявил свой вердикт.

— Значит так, собирай вещи, ты переселяешься.

— Куда? Зачем?

— К Жоху. Вировский он. Рык у него жил. Рыка помнишь? Тут не далеко. Погостишь до срока.

— Не хочу я! — ожидаемо вскинулась Младина. — Ни за что не пойду!

— Ты пойдешь, Млада, нельзя тебе здесь. Надорвешься, дите потеряешь. Ты ведь хочешь

ребеночка? Да? Здоровенького хочешь? Тут вонь, дым и копоть, не место тут бабе на сносях, понятно тебе?! Понятно? Тогда делай как я говорю — поживи пока у Жоха в избе, он дядька не злой, домишко у него теплый, места хватит. Я навещать стану. Часто. Обещаю. Справимся тут и без тебя, Яромир готовить и стирать уже наловчился. Собирайся.

На ласковые уговоры я потратил часа полтора, в результате чего следующим утром запрягли Лошарика, загрузили дровни узлами и баулами и отправились к Жоху. Ему я наедине обсказал все как есть. Не жена, мол, дите случайное, но бросать не собираюсь, в жены возьму. Просил заботиться и приглядывать пока до весны, а там видно будет.

Он слушал, не перебивая ни словом, ни жестом, лишь шумно вздыхал и понимающе тряс остатками некогда буйной гривы.

— Что ж, такая бабья доля, — нахмурившись изрек хромой собиратель орехов. — Ждать. Пусть живет. Девка, вижу, добрая. Ткать посажу, одежду кой-какую справить требуется, сам я не умею. Тихо у меня здесь, спокойно, пусть живет, мне веселее будет.

— Вот и ладненько, — от облегчения а даже ногой притопнул. — Думаю, вы отлично поладите. Я завтра зерна тебе отправлю, хлеба, еще кое чего да серебра толику. Все, что будет нужно привезу, ты только скажи.

Думал я, что спокойнее мне без нее будет, не деле оказалось тоскливо, первую неделю гонял Лошарика до Жоха каждый день, когда с утра, когда под вечер с ночевкой. На вторую неделю не поехал лишь однажды. На третьей заели дела да и оставлять ежедневно паству без присмотра не гоже, съездил всего два раза.

Прилетели грачи. Первые весенние птицы шумно суетились в кронах, отжимая у ворон и галок старые, насиженные гнёзда, деловито топтались по проталинам, что-то выклевывали из серой прошлогодней травы. Третий день над окрестностями Полоцка ворковал теплый южный ветерок, принося с собой сырость и запахи оживающей природы.

Работы с кораблем оставалось максимум дней на пять. Разбитую корму починили, заменили ненадежные детали такелажа и деревянные конструкционные части. Все самое сложное позади, кроме финишной просмолки днища и бортов. Пройдет еще неделя и корабль будет полностью готов к походу. Корабль будет готов, а экипаж — нет. Потому как никакого экипажа у меня нету и где его брать я не совсем понимаю. В принципе, пятерых матросов из старой команды вполне хватит, чтобы управиться с парусами, кормчий, по совместительству оказавшийся неплохим плотником, тоже имеется, а еще два десятка, способных вращать весла, Джари предложил попросту нанять из числа бездельных варягов находящихся в Полоцке. Надо отдать должное этому достойнейшему представителю мусульманской веры. На золотой кубышке он не сидел и не жал каждую копейку, было заметно, что все богатство, коим обладал сейчас Джари, ему до фонаря. Подавляющая часть из закупленных для ремонта материалов приобретена на спонсорские деньги родственника кордобского авторитета. Он даже пытался всучить мне обратно полученные за корабль средства, чтобы я вернул себе корчму. Насилу я отбрехался, типа, корчма для меня пройденный этап, хочу жить будущим и все такое. В тот же день случилась у нас с Джари долгая и обстоятельная беседа по поводу предстоящего путешествия, где я впервые озвучил его цель — найти своего пропавшего друга. Риск и стопроцентная авантюра, но я твердо вознамерился проверить слова Торельфа и навестить того человека у которого, якобы, гостили Миша с Буром в городке под названием Роскилле. Тут, по сути, недалеко, всего-то пересечь напрямки море и вдоль скандинавского побережья дочапать до нужного фьорда. Так я себе это представлял.

Джари без особого, впрочем, энтузиазма, подтвердил квалификацию своего кормчего, сказав, что на этот раз приведет куда надо, хоть в самую Кордобу.

Насчет Кордобы мы еще посмотрим, а пока что мне сильно надо в Данию.

Как несравнимо более опытный мореход, Джари посоветовал отложить выход пока не утихнут весенние штормы. Болтаться на черных волнах в беспокойной Балтике кайф ниже среднего для любого просоленного моряка, коим я не являлся и моря никогда не видел. Было еще кое что, отчего мне хотелось как можно плавнее провести путешествие — я планировал взять с собой Младину. Чувствовал, если оставлю ее здесь, больше никогда не увидимся. Да и сама она вряд ли воспылает желанием остаться. Придется брать как ни крути. Пока же нужно озаботиться сбором запасов в дальнюю дорогу и закупкой товаров на продажу в придачу к тому, что осталось из нераспроданного у мавров. Зачем идти порожняком? Меха, шкуры, воск, ткани здесь у правильных торгашей можно купить по дешевке, а в Дании загнать за две-три цены. Мы же не в военных поход собрались, а, так сказать, в исследовательский, поэтому легенда о торговцах с Руси пожелавших привезти товары на рынки скандинавии будет более чем правдоподобной.

Через неделю после этого разговора начал стремительно таять снег. Дни стояли солнечные и звонкие. Лед на Полоте изноздрился, но дороги еще не развезло, так как по ночам стояли морозцы.

— Стяр, там мытарь пришел, — в один из таких пригожих деньков известил меня Яромир.

— Зачем? — продолжая натирать ветошью и без того блестящий шлем, бездумно спросил я.

— Мыто с нас взять.

— А-а, ну так дай ему мыто, — отмахнулся я, поудобнее устраиваясь на гребной скамье. — Хотя, стоп! Какое еще, нахрен, мыто?! Рогволд там опупел что-ли совсем?

Смотрю я внимательно в озабоченное лицо Яромира и понимаю, что нарисовывается подлое кидалово. Вернее, не кидалово, а обдиралово. Годовой налог на бизнес в пользу Рогволда я уже платил в том году, еще при живом Дикане. Не кисло так из казны отлетело, но что поделать — таково уж местное законодательство, самый распоследний углежог платит налог на содержание князя с семьей и дружиной. Я же не прокопченный от пуза до макушки углежог, а целый корчмарь, предприниматель, коммерс. Таких стригут покороче, но меру соблюдают, мера устойчивая и, на взгляд князя, справедливая. Так было раньше, а потом случилось, то, что случилось. Корчмы у меня нет, стало быть и дохода нет никакого.

— Княжий человек говорит — сарай стоит, надо платить! — ладит свое Яромир.

Я глубоко вздохнул и отшвырнул тряпицу.

— Пригласи-ка княжьего человека за стол, Яромир, сейчас мы с ним решим этот неприятный вопрос.

— Не получится, Стяр.

— Это еще почему? Что-то я не понимаю тебя, Яромир.

— Ты лучше сам выйди.

Да чтоб тебя! Неужели трудно зазвать человека на базар так, чтобы он не смог отказать? Пора Гольца возвращать, хватит ему у Дрозда на побегушках.

Накинув на плечи полушубок, я выхожу из прокопченного зева сарая и натыкаюсь на группу конных, вооруженных гавриков, состоящую из трех особей скандинавской наружности. Впереди этой троицы, важно выпятив сокрытое под тяжелой шубой пузо,

подбоченился в седле боярин Минай собственной персоной.

Что ж, договориться, действительно, не получится, но сволочь эта не унесет отсюда и обгрызанного сухаря. Это дело принципа.

— Быстрее тебе подохнуть, хозяин! — вместо приветствия озорно и громко вскричал Минай. — Соскучился?

— И тебе околеть поскорее, боярин! — на полном серьезе пожелал я. — Зачем приперся, да еще своих спиногрызов притащил?

Я мгновенно исчислил расклад. Невул с Мадхукаром и Джари убыли на охоту еще до зари, когда вернутся — неизвестно. Торельф с тремя маврами отправился за хворостом с час назад. Со мной из воинов здесь только Вран с Яромиром. Расклад выходил прескверный, если учесть, что выскочил я без оружия. Надо тянуть время, авось кто появится...

— Ты чего такой мрачный? Случилось чего? — повесив на рожу участливое выражение, с издевкой спросил Минай. — А меня князь наш Рогволд, долгие ему лета и слава великая, главным мытарем назначил. Остальные бояре на совете его поддержали, так что оскорблений не потерплю!

— Расценки твои тоже поддержали или ты сам расстарался?

— Поддержали, а то как же! Сам князь и велел собрать побольше на восстановление города, вот я и шуршу потихоньку. До тебя добрался, далековато же ты забился, совсем как хорь шелудивый!

Я сделал вид, что мучительно соображаю.

— Там всего восстановления — три порушенные клетки да сожженная корчма, за которую я уже заплатил сполна. Чего тебе еще надо, харя ты усатая?

За спиной скрипнула обитая шкурами дверь, выпуская на свет божий Врана. Краем глаза я заметил, что он в бронях, при оружии и даже при щите. Встал слева в метре от меня.

— Оскорбляешь, стало быть? — живо уточнил Минай, ничуть не смущенный появлением свидетеля. — Платить отказываешься? Учти, это не мне, это — Рогволду! Всех несогласных князь силой на правез велел приводить!

Не-ет, все же скакнул у боярина его противный голосок. Не ожидал он увидеть здесь дружинного воя. Ва-банк бы зашел, споря, что старина Минай со своими помощникам с удовольствием прямо тут меня бы и прикончил, ну, или по дороге в город, где-нибудь в лесочке прикопали снежком.

— Силой? — я усмехнулся. — Да за что? Я никакого товара не произвожу, на торг ничего не таскаю, доход не получаю, за что я должен платить?

— Лес княжий рубите, — Минай красноречиво покосился на сруб. — Дичину промышляете, землю захватили, дом возвели без дозволения. Тебе мало этого?

— Это не дом, чудак, ты корабельных сараев никогда не видел?

— Корабельные-то? Видел. Я не видел, чтобы в них люди жили. Раз живут, значит — дом, а коли так, то с каждого дыма положено собирать выход в пользу князя за защиту, за суд справедливый и за много чего еще. Ежегодно зерном, выделанными шкурами, воском, медом или иным добытым от земли, леса или воды товаром, предметами ремесла или торговли, а также серебром или золотом в установленном количестве. Послабление полагается только семьям княжеских гридней. К тому же ты не уплатил годовое мыто за время владения корчмой, год неполный, но я готов взять всего две трети.

Минай победно всплеснул руками, ничего не попишешь, дескать, таков закон. Продуманный гад! Подготовился перед визитом.

Дрогнула густая ветка в тридцати метрах за спинами пришельцев. Дрогнула и замерла, придержанная чье-то рукой. Обрадовано екнуло сердце. Вот теперь поговорим по-другому.

— Вот, что я тебе скажу, боярин: пошел-ка ты вон, покуда ходить можешь! Я никому ничего не должен, можешь передать мои слова князю!

Самый крепкий из Минаевых людей — урман со злым взглядом отъявленного головореза и торчащими из под шлема рыжими патлами легко выпрыгнул из седла и твердым шагом направился ко мне. Двое всадников тронули коней и начали заходить с боков, блокируя маневр.

— Крутить его? — спросил рыжий через плечо.

— Крутите, Ульф! — азартно вскричал Минай, нагибаясь в седле. — Грiddy, не стой столбом, помоги моим людям доставить этого татя на правез в княжий терем!

Отличный заход! Бывший мой подчиненный не сдвинулся с места. Да, он остался в дружине и по мнению Миная обязан защищать и всячески помогать ближнему боярину князя, а уж тем более мытарю-тиуну при исполнении. Будь на месте Врана любой из вернувшейся с Рагдаем Рогволдовой дружины, я бы уже лежал упакованный мордой в снегу.

И снова боярин неверно прочитал ситуацию, подумал — раз не дергается Вран, значит молча позволяет ему довести дело до конца.

— Полушубок с него тащите и веревку на руки! Бегом за конским хвостом побежит, не замерзнет! — заорал боярин и что-то такое нехорошее мелькнуло в его маленьких глазках, аж мурашки по спине побежали.

Неуловимым движением рыжий Ульф извлек откуда-то смотанный в клубок отрез веревки, зло оскалился и придвинулся почти вплотную ко мне.

— Доннг! — сказала стрела, отрикошетив от круглого шлема Ульфа и сменив направление полета навстречу с весенним солнышком. Ульфа пошатнуло, но на ногах он устоял, только взгляд сделался пришибленным. Выстрел был преднамеренно слабым, в полнатяга тетивы, иначе шейные позвонки даже такого кабана как Ульф не выдержали бы мощного и резкого удара. Граненый наконечник боевой стрелы, выпущенной с такого расстояния да из хорошего лука, легко пробивает любую броню. А у Мадхукара и Невула луки очень хорошие. Молодцы парни! Деликатно обозначили свое присутствие как нельзя вовремя. У меня возникла здравая мысль выкрикнуть команду лучникам стрелять на поражение. Прибить этих деятелей и опустить в прорубь под речной ледок. А что? До весны их трупы утащит течением до самого земигольского Кумса, хрен кто найдет!

Вторая и третья стрелы вонзились в притороченные к седлам круглые щиты урманов. Вычислить место засидки стрелков для них не составило труда. Резко развернув коней, Минаевы наемники вытащили боевые топоры, прикрылись щитами и вознамерились править к лесу. В этот самый момент Вран вынул меч и приставил обнаженный клинок к горлу обалдевшего Ульфа.

— Шевельнешься и я тебе всю руду выпущу.

Скосив глаза, Вран следит за моим сигналом, стоит мне сказать одно слово и начнется бойня.

Сказать и не станет Миная. Не станет моего давнего недруга первым начавшего вражду. Сколько раз он пытался упрятать меня во сыру землю? Не сам, понятное дело, сам он, похоже, трусоват...

Нет, не могу я так. Вероятно, кишка еще не достигла той толщины при которой хладнокровно, не в свирепом бою можно перебить почти пол-десятка людей. Не лежит

сердце, к голосу которого добавился факт моего скорого ухода из зоны досягаемости злопамятного боярина.

— Эй, Минай! Останови своих псов, иначе тебе придется возвращаться в свою конуру в одиночестве.

— Ты не посмеешь! — Минай резко взвил коня на дыбы и едва не брякнулся оземь.

— Уйми коня, боярин. Сегодня я позволяю тебе уйти. В последний раз. Смотри больше мне не попадайся — убью.

— Я донесу до Рогволда! Князь все узнает сегодня же! — визгливо пролаял Минай все еще горяча скакуна.

— Сделай милость, донеси как можно скорее, разрешаю. А теперь пшел отсюда!

— Ты пожалеешь об этом! — зло прошипел боярин и вонзил пятки в конские бока. Его спутники, на всякий случай прикрываясь щитами, спешно двинули за своим предводителем. Последним место разборки покинул рыжий Ульф.

— Напрасно отпустил, — без особых эмоций сказал Вран. — Крыса побежит к Рогволду, а Рогволд таких шуток не любит, как бы дурного не вышло.

— Пусть бежит и пусть Рогволд сам втолкует этому дурню, что освободил меня от всех дорожных податей и подоходного мыта в пределах княжества.

— Как так? — красное лицо Врана вытянулось и приняло форму кормовой свеклы.

— А вот так. Пожаловал напоследок милость как узнал, что я уйду из княжества.

Две недели полоскали дожди, сменяясь мокрым снегом с дикими ветрами. Лед на Полоте опустился на полметра под воду, а потом потрескался, всплыл и на бурлящих руках речных волн со скрежетом попер в сторону Двины. Отдельные льдины с верховьев проплывали мимо нашего сарая еще несколько дней кряду. После дождей стало так тепло, будто не конец марта, а где-то ближе к празднику дня Победы. Аномально теплая весна, так и старожилы говорили, Жох, в частности.

Когда дороги просохли до приемлемого состояния, я позвал Яромира прогуляться до городского рынка потаращить zenки на товар, договориться со знакомыми купчиками о скидке и прикупить Младе какой-нибудь гостинец. Неделю уже у нее не был, хотелось загладить вину приличным подарком.

На посадский торг идти не хотелось, чтобы не будоражить душу видами некогда моей корчмы. Направили запряженного небольшой подводой Лошарика напрямик в город к детинцу.

Управились немногим за полдень. Я обошел три купеческие усадьбы и в каждой из них нашел понимание у хозяина, договорился, стало быть, по старой доброй памяти о заниженной стоимости товаров, что собирался прикупить в путешествие. Купили конику мешок овса на прокорм, не одно же прошлогоднее сено ему хрумкать, кое чего из еды для населяющих корабельный сарай человек и самое главное — приобрел я для Млады роскошный, шитый серебряной нитью и речным двинским жемчугом наплечный платок.

На мосту через Полоту попросил Яромира править колесницу напрямик к Жоху. Зачем откладывать приятное, сразу же и преподнесу подарочек будущей благоверной.

Едва расступились деревья и на полянке стала видна избушка бортника в обрамлении подернутого зачатками зелени кустарника, меня накрыло предчувствием непоправимого.

Криво висит сорванный дверной полог, рядом валяется перевернутое ведро, у входа ногами намешана грязь. У всегда аккуратного Жоха такого безобразия в хозяйстве я никогда прежде не замечал.

Не доезжая до поляны я соскочил с подводы и, опережая унылую поступь Лошарика побежал к избе.

С десяток шагов не добежал. Из дверного проема высунулся Жох. В одной исподней рубахе, в мокрых портах и тяжелых, пропитанных водой зимних меховых сапогах.

— Беда... беда, Стяр! Младина... — нащупав меня блуждающим взглядом, выдавил Жох.

— Что — Младина? — внезапно охрипнув, прокаркал я и тут же схватил молчащего вировца за плечи. Он закатил глаза, в моих руках пчеловода начало трясти, точно весь его организм разом пошел вразнос.

— Да говори ты толком, не заходись! — прокричал я прямо в его лицо. — Жох, твою мать! Жох!

— Утопла! — еле слышно выдохнул Жох, ноги его подкосились и он обмяк в моих объятиях.

Глава тридцать вторая

Она лежала за печью на широком топчане задернутым занавеской, отделяющей чуть меньше половины единственного в доме помещения.

Жох притащил на руках и уложил на ложе, которое я делил с ней не так давно.

Бледная и холодная.

Верхнюю одежду Жох распоясал, раскинул полы и зачем-то стянул с ног обувку.

Ушла за водой. Не послушалась, ведь он не разрешал, всегда сам приносил. Сегодня замешкался, старое дупло вычищал. Вернулся — одно неполное ведро стоит, другого нету. Пошел к реке, а из воды ноги торчат. Оскользнулась на мокрой глине. Мостков сроду не было. Еле вытащил. Намокла, тяжелая стала. В дом понес, думал — может отойдет, отогреется...

Где ему убогому про первую помощь утонувшему знать... Хотя, судя по начальному окостенению конечностей, смерть наступила прилично давно.

— Уйди, — сквозь зубы прошу я Жюха. Он когда очухался начал бормотать одно и то же без остановки, все повторял как нашел Младу да как ее нес. Как заевший патефон, ей Богу! Не вытерпел бы я это слушать еще хотя бы минуточку, чуть до греха не довел.

Я стоял рядом на коленях и гладил неподатливую, ледяную, синеватую руку, белые щеки и лоб, смотрел на полупрозрачные закрытые веки, на бескровные резные губы. Девчонка совсем. Смерть ничуть не испортила ее красоты, сделала только строже.

Вот она судьба. Случай нелепый, а две жизни зараз унес. Глина скользкая...

Не при чем здесь глина. Тварь я последняя... не уберег ее.

Я вжал лицо в ладони. Мысли из отупевшей головы вылетели как из простреленной, из чувств как у моллюска осталось только осязание, даже жалость куда-то исчезла.

Подушки пальцев снова скользнули по узкой музыкальной кисти, протянулись вдоль хрупких фаланг до ногтей. Надо же, у Дрозда почти такая же тонкая рука, а как с мечом управляется...

Стоп! Что это? Ну-ка, ну-ка...

— Яромир! Тащи лучину, — заорал я на весь дом. — Быстро!

При желтом свете поднесенной вплотную лучины я еще раз исследовал настороживший меня участок Младиной руки. Средний палец с подаренным когда-то вировской боярыней колечком на ощупь показался мне чуть толще других. Я покрутил тонкое колечко в попытке сдвинуть золотое украшение с привычного места. Так и есть — крутится туго. Я хорошо помнил когда Млада изредка его снимала, оно соскакивало с пальца без особого усилия. Я потянул кольцо к ногтю распухшего пальца и заметил как легко двигается вторая фаланга, а сбоку на этом суставе стал заметен небольшое пятнышко. Повинуясь внезапной догадке, вытаскиваю ее руку из теплого зипуна, заворачиваю рукав влажной рубахи к плечу. Выше локтя на мякоти тоже синяки, словно с двух сторон тисками сжали. Осторожно приподняв голову покойницы, под густым корнем толстой косы ровно посередине затылка нащупываю выпуклую гематому.

Ах ты ж...

В груди становится горячо-горячо, сразу захотелось выхлестать ковш ледяной водицы и выплевать его обратно.

— Чего там нашел? — интересуется низко склонившийся над ложем Яромир.

Вопрос лютича я проигнорировал. Не глядя цапнул рядом стоящего Жох за ворот, притянул к себе, спросил жарким полусшепотом:

— Кто к вам приходил?

— Никого не было, — пискнул сгорбленный, опешивший от натиска Жох.

— Она ничего не рассказывала, напугана не была?

— Нет, как будто... почему ты спрашиваешь?

Я отпихнул от себя хозяина жилища, чувствуя прилив тихого, ледяного бешенства.

— Потому что убили Младу, Жох! Палец сломан, и на плечах синяки. Хватали ее, она сопротивлялась. Оглушили и в реку сунули.

— Да за что ж? — оторопело ахнул бортник. — Девка ведь!!! Дите сама еще!!

Разум отказывался принимать случившееся. Не нужно быть Шерлоком или комиссаром Мегрэ, чтобы отыскать улики и по ним разглядеть грубо состряпанное убийство. Иметь в голове примерную картину случившегося мало для определения исполнителей. Ударили, заломали, утопили... это все понятно, непонятно — кто и зачем. Случайно получилось? Вряд ли. Большинство случайностей влекут за собой покаяние или тщательное сокрытие содеянного, а тут даже тело не удосужились спрятать. Версия в залетных разбойников тоже отпадала, эти перед убийством девку обязательно бы попользовали или вовсе с собой утащили да и Жоху вместе с нажитым добром тоже бы не поздоровилось. Затуманенным, пустым взором я обвел стены жалкой бортниковой лачужки, словно пытаюсь высмотреть в полумраке злодея и покарать на месте со всей возможной жестокостью.

— Погоди-ка! — воскликнул вдруг Жох. — Были тут двое. Меду прошлогодного спрашивали.

— Кто? — рявкнул я, мгновенно вернувшись в реальность.

— Откуда-ж мне ведать — кто?! По виду — люди севера, один был рыжий, это я точно помню. Взгляд у него еще такой как у хищника, недобрый.

Я вскочил на ноги и вплотную приступил к пчеловоду у которого так своевременно проснулась память.

— Когда они приходили?

— Два дня назад пополудни.

— С Младой говорили о чем-то?

— Воды попросили. Она ковш и поднесла. Больше ничего.

С полминуты я стоял и сопел, не сводя глаз с лесовика. Сказал он мало, но эти несколько его фраз с кристальной ясностью помогли мне понять от чьей задницы потерянный хвост. Еще минута мне понадобилась, чтобы определиться с будущими действиями.

Я вернулся к ложу с покойницей.

— Яромир, глянь-ка еще вот здесь, на шею.

Когда Яромир, повинувшись указанию, с любопытством наклонился над Младой, я довольно сильно хрястнул ребром ладони в основание крепкого лютичского черепа. Поддержал обмякшее тело, уложил бережно на пол. Наблюдавший это злодеяние Жох ойкнул и предусмотрительно отступил на полшага. Я повернулся к вировцу.

— Не бойся. Оденься и сиди здесь. Никуда ходить не надо. Понял меня? Звать кого-то тоже не надо. Он скоро очнется, скажешь, что я ушел и ты не знаешь куда. Все ясно?

Жох медленно кивнул и не сводил с меня настороженно-испуганного взора пока я вынимал из кольца на поясе Яромира боевой топор. В город мы ехали не на битву, поэтому

кроме личного оружия, придающего определенным статус владельцу в любом месте будь то рынок или кабак, никакого защитного железа мы с лютичем при себе не имели. Меч при мне, а это уже кое что.

Я потуже затянул пояс на полушубке и засунул за него рукоять конфискованного топора. Ни щита у меня ни кольчуги, одна лишь вера в собственную удачу, злость и холодная решимость убивать. Кого нужно прижмурить я уже знал, потому что знал кто и по чьему заказу погубил мою женщину.

Резким движением вожжей я заставил скучающего Лошарика развернуть телегу и потрусить по знакомой дороге обратно в город. К моему удивлению неказистый коник быстро развил несвойственную его комплекции прыть и смело мчал дребезжащую, подпрыгивающую на каждом ухабе подводу как многократный призер гонок на повозках, словно ему, животному, предалось мое человеческое возбуждение.

Глухой, вибрирующий рык вырвался из моей глотки. Ну почему я не прикончил старого ублюдка когда он был в моих руках? Пожалел... Кретин! Тупой бычара! Уверовал в свою неуязвимость для любых его козней и даже слегка гордился, что держу в личных врагах целого боярина. Позабылся традиционный метод давления на несговорчивых и строптивых лиц через родственников и дорогих им людей? Нет, не позабылся, не принял в расчет, недооценил врага. Дождался непоправимого, идиот!

Рык перешел в протяжный стон на пределе дыхания. Настеганный в сердцах Лошарик рвал подковы, словно улепетывал от ядерного взрыва и чуть было не выбил страйк на городском мосту — четверо работных мужичков насилу успели увернуться от налетевшего на них разгоряченного скакуна и разразились в корму управляемой мной подводы отборнейшей бранью.

После едва не случившегося ДТП я заставил коника резко сбавить темп и только миновав ворота Полоцка, куда меня пропустили без единого вопроса, несколько запоздало попытался прикинуть сколько человек Минай держит на своей усадьбе и сколько из них чего-то стоят как воины. Пришел к неутешительному выводу, что гадать тут бесполезно. Дрозд отзывался о дружине Миная как о неплохой, но сколько в ней бойцов не сказал. Предположим — десятка два, пускай — три, куда ему больше, их всех содержать нужно, а в мирное время без военных походов это ощутимо накладно. Десятка полтора дворни, этих тоже стоит брать в расчет, накинутся толпой любого мастера завалят. Итого — плюс-минус тридцать душ. Драться одновременно со всеми я не собирался, мне важно в терем пробиться, к Минаю, если он, конечно, дома, а не погулять вышел. Всех, кто встанет на моем пути к боярскому горлу — в расход.

Господи, если ты есть, прошу, сделай так, чтобы эта тварь была у себя в логове!

Терем боярина Миная стоял в восточном конце укрепленного города аккурат возле крепостной стены и располагался примерно в центре средней обширности надела. Невысокая усадебная ограда представляла собой частокот из острооструганных не слишком толстых лесин и имела всего лишь одни въездные ворота. Обосновывал усадьбу и ставил терем прежний хозяин, безвременно усопший боярин Головач, младшему братцу выпало лишь построить гридницу и заселить ее урманами. Терем как терем, ничего особенного. Квадратная двухэтажная коробка с надстройкой на двускатной крыше и крытым крыльцом со ступенями. Не дворец, но и не избышка простого обывателя, по меркам Заполотья — сущие хоромы.

К единственным воротам Минаевой усадьбы я Лошарика и направил. Когда я только

запрыгивал в телегу имелась у меня мыслишка выкинуть из нее всю поклажу, чтобы коньку было полегче мчать меня в город, но поленился и не захотел терять времени. Теперь же похвалил себя за приступ нетерпеливости, так как груженная телега, въезжающая на подворья вызовет гораздо меньше вопросов у бдительной чади, нежели порожняя. Ну привез мужик на хозяйский двор кой какой товарец, привез — не увез, значит не уворовал, а наоборот достояние приумножил. Что с того, что у возницы рожа перекошена, может спина болит или шея беспокоит и не выражение сдерживаемой ярости пылает на физиономии, а гримаса боли...

Именно с таким расчетом я уверенно проехал сквозь раскрытые створки мимо сидящего на колоде скучающего привратника в полном боевом облачении. Срисовав наметанным взглядом кули и мешок с овсом в Лошариковом прицепе, молодой урман лениво отвернулся, потеряв ко мне интерес. Окрыленный успехом я вознамерился эдаким лихим макармом подъехать к самому теремному крыльцу, но меня подждал крупный облом.

Боярское имение включало в себя не только ограду и терем, но и пару десятков хозяйственных построек: конюшню, хлев, рубленые клетки, амбары и еще хрен знает для каких целей возведенные сараи. Большинство из объектов недвижимости выстроилось в две параллельные линии, образуя подобие узкой улицы как в американских городках в фильмах про Дикий Запад, протянувшиеся от ворот почти до самого терема. Нетипичное расположение для Руси, если мягко сказать, не слишком удобное как для ведения хозяйства, так и для обороны усадьбы от нападения. Но надо знать эту оригинальную семейку, чтобы не удивиться до состояния ступора. Я и не удивился, только зло сплюнул под хвост Лошарика, увидев, что весь этот великолепный проспект перегораживают две полуразобранные телеги, возле которых вертится работник с молотком в лапе. Нашел место для техосмотра, олух!

Я позволил Лошарику вплотную подвезти меня к ремонтирующимся телегам и рывком покинул место ездового. Вот он злодейский теремок, метрах в тридцати по прямой! Это я и пешком преодолею. Отшвырнув поводья, я направился в проход между обездвиженных колесниц.

— Э, ты к кому?! — решил проявить бдительность специалист по гужевому транспорту. Заорал мне в спину как заправский полицей.

— Исчезни, — зло и коротко бросил я через плечо, но мужик не послушался — сорвался догонять. Вот ведь приставучий! И молоток у него вполне себе убойный.

Не сбавляя хода, я резко развернулся и засадил холопу обухом топора по скуле. Мужик коротко вскрикнул и рухнул замертво между колес опекаемых возов.

— Никого не шадить! — бормочу под нос, затаптывая чувство жалости быстрыми шагами по направлению к боярскому терему, но не ступил и десяти шагов — из конюшни выскочили двое. Не дворовые шавки, а породистые северные кобели из Минаевой псарни. Правый от меня с копьем в руках, другой с топором. Кинулись одновременно, даже не удосужившись зайти с двух сторон. Ну, так это же просто подарок! У меня, может и не черный пояс по единоборствам на холодном оружии, но за все это время я кое-чему научился. Не ниндзя и не шаолиньский монах, конечно, однако уже не тот наивный, косорукий простачок, каким был больше года назад. Нырок под бьющий наискось топор, разворот и свой топор ему в покрытые толстой прослойкой тулупа ребра, да не всей плоскостью лезвия, а острым как волчий клык верхним уголком. По той легкости, с которой любовно отточенное Яромиром боевое рубило сокрушило бочину врага, я понял, что кольчуги под одеждой на нем нету. Я дернул назад рукоять и, снова нырнув, влупил по ногам

копейщика пока он разворачивал свое колющее оружие в мою сторону. Реакция у копейщика оказалась лучше, чем у его товарища, он даже успел поднять одну ногу, а вот второе копыто вместе с меховым сапогом я ему разрубил аккурат над щиколоткой. Я ускорил встречу нурмановой спины с пустившей весенние соки землей мощно прихлопнув окровавленным лезвием в центр груди. Топор Яромира застрял в костях и, чтобы не возиться, я подхватил с раскисшей земли равноценный трофей. Копье тоже схватил, его я, буквально, через десять шагов всадил в брюхо еще одному скандинаву выбежавшему из какой-то клетки с промасленным свертком в руках.

Я вбежал в проход между хозяйственными постройками, завернул за угол. Захотелось несколько секунд постоять, отдышаться. Прислонился спиной к нагретым солнышком бревнам глухой задней стены. Со двора меня не видно, но распластанные трупы заметны каждому, кто захочет пройтись неподалеку.

Со стороны ворот усадьбы раздался пронзительный свист. Я сорвался с места как заяц с насиженной кочки. Свист этот явно по мою душу. Пускай сбегаются к воротам, считают покойников, а я покамест с боярином перебедаюсь...

Пробежав вдоль стены, я миновал узкий проход между постройками и снова оказался на задках очередного сарая. Слева метрах в десяти щерится неровными бревнами как вокзальный бомж плохими зубами усадебный частокол, где-то справа и впереди меня ждет боярский терем. Подгоняемый в спину тревожными вскриками и не глядя по сторонам, я бегом преодолел открытый участок до теремного крыльца и ловким мангустом взлетел по ступеням, едва не столкнувшись лбами с дородным типом, караулившим площадку перед дверью. Уклонившись вправо, я с трудом пропустил мимо своего драгоценного органа шипящий мах тяжелого тесака. Мужик, вероятно, мечтал с ходу зарубить меня не самым хитрым ударом, но отхватил железа в ребра и рухнул носом в деревянные ступени крыльца. Я рванул резную ручку входной двери и юркнул внутрь, не забыв запихнуть в скобы толстый, окованный засов. Оказавшись в узких сенях, я несколько мгновений простоял прижавшись лопатками к толстой дубовой двери, привыкал к полумраку и слушал вопли снаружи. Удачно вышло! Часть Минаевой своры осталась на дворе, пока они будут проламывать себе вход, я должен успеть навестить хозяина усадьбы. Главное, чтобы он оказался на месте...

Я резко рванул вперед и затворил за собой еще одну дверь. Вот теперь я полноценно в боярских апартаментах, вернее, в общедоступной их части, представленной большой комнатой с длинным пиршественным столом посередине, с поддерживающими перекрытия резными столбами в два ряда, сундуками да лавками вдоль стен. Ничего необычного, здесь боярин изволит кушать да гостей принимать, то есть проводит большую часть свободного времени, а если судить по подозрительной безлюдности банкетного зала в данный момент, то отдыхать он предпочитает где-то еще.

Значит — будем искать...

Мне понадобилась толика времени, чтобы сориентироваться. Палата без окошек, на столе тускнеют два жировых светильника, позволяя в полутьме не переломать ноги о лавки и скрыни. В дальнем конце заметно чернеют три проема, два по сторонам и один посередине, как раз за высокой спинкой боярского престола.

Огибая стол, я кинулся в средний, отдернул толстый шерстяной полог в сторону и очутился в центре неширокого перехода по обе стороны которого брезжили входы в другие помещения. В левом конце стали различимы темные ступени ведущей наверх лестницы.

Я развязал пояс на полушубке, вытащил меч. Завязался и сунул топор за пояс. Вряд ли в

помещении кто-то ходит одетым как на улице, а меч быстрее топора.

Странно, что в тереме пусто. Где вся домашняя чадь, попряталась? Да наплевать, мне же лучше.

Топот моих ног, наверное, смог бы разбудить пролетарского вождя в мавзолее. Оглушенный собственным тяжелым дыханием я не сразу расслышал встречные шаги и едва не всадил выставленное острие меча в распирающий тонкую, длинную рубаху круглый живот.

— Где эта падла?! — глухо рыкаю в красное лицо мясистой девки, что выкатилась прямо на меня из-за угла.

— Кто? — испуганно охает девица, выдыхая теплый луковый запах.

— Боярин твой!

— Тама... — она боязливо ткнула пальцем в потолок и покосилась на лестницу. — В опочивальне...

Эх! Гора с плеч. Здесь он голубчик! Дрыхнет. Устал от деяний богопротивных, сволота! Придется устроить барину грубую побудку.

— Ты рот свой прикрой покудова да спрячься куда-нибудь, — от души посоветовал я беременной чернавке, затем аккуратным движением руки отодвинул ее от вида обнаженного меча возле своего чрева обомлевшую в сторону и, перепрыгивая ступени, вознесся на второй поверх боярского логовища. Пнул ногой единственную обнаруженную дверь и перешагнул порог с мечом в руке.

Боярская опочивальня оказалась просторной и теплой. Света на мой взгляд маловато, всего два окошка во фронте как раз над крыльцом как я сообразил чуть погодя. До устройства каминов в нынешнее историческое время еще не додумались, поэтому помещение отапливалось с помощью сложенного у боковой стены открытого каменного очага, а дым от жарких углей вытягивался наружу сквозь дырку в потолке. Соответственно, здесь постоянно слабо пахнет гарью, а под верхними балками перекрытий висит туманное облачко. Под этим облаком, рядом с широким спальным ложем за небольшим полутораметровым столом, уставленным плоскими со снedyю и деревянными кубками сидят на лавках четверо, в картишки дуются. Нет, не в картишки — в игру какую-то настольную скандинавскую, типа домино. Один из сидящих — тот, за кем я пришел. И рыжий тоже здесь. Других двоих раньше не встречал.

Миг облегчения, вызванный видом слегка опухшей Минаевой рожи сменился внезапной растерянностью. Неприятное, в общем-то, для меня нарисовалось положение: один против четверых. На Минае оружия не видно, а вот троица поголовно при острых железках и мгновенно пустить их в оборот им не составит никакого затруднения.

Последовала десятисекундная немая сцена, в течении которой, прервав увлекательное занятие, Минай и его гости меня внимательно разглядывали, а я нахлестывал мысли, придумывая что делать дальше. Было бы глупо полагать, что они не слышали возню во дворе, все эти крики и свисты. Домик хоть и проконопачен на славу, от полной звукоизоляции далек, даже сейчас слышно как кто-то надсаживает глотку внизу под окнами. Исходя из этого факта, я сделал вывод, что мой приход не стал неожиданностью, уж больно спокойно они продолжали сидеть.

— Быстро ты скумекал, — с нотками уважения проговорил Минай, брякнув на стол резные кости. — А я так надеялся, что ты станешь кручинишься да тосковать подольше. Тоска она, знаешь, иногда убивает не хуже ножа в печень, только нож убивает гораздо

быстрее.

Вот сука... даже не отмазывается. Ярость горячо прихлынула к щекам.

— Зачем? — произнес я сквозь стиснутые зубы.

— Что — зачем?

— Зачем ты убил ее?

— Я? — очень натурально удивился Минай и прижал мясистые клешни к широкой груди. — Не-е-е-т, я давно такими вещами не занимаюсь. Твою женщину убил вот он — Ульф.

Минай мотнул головой в сторону рыжеволосого скандинава и сразу же продолжил:

— Спрашиваешь: зачем? Думаешь я поверил, что тебе память отшибло, что ты вдруг взял и забыл кто я такой? Или позволю тебе и дальше гадить мне под ноги? У меня большие намерения и живой ты мне не нужен. Раз уж пришел, то прости, твоя удивительная удачливость закончилась и сегодня ты, наконец, сдохнешь.

Я быстро попытался вспомнить где и когда так нагадил Минаю, что он смертельно на меня взъелся и не смог. Совсем наоборот за все пакостные проделки усатого жирдяя именно я должен был искать его смерти еще пару лет назад.

Однако, надо что-то делать, стоять и ждать пока сюда вбежит весь Минаев кагал — смерти подобно. К сожалению, план Б я не заготовил, гнев и поспешная жажда мщения ввели в конкретный блудняк, но одно я сейчас решил твердо — пусть убивают, режут, кромсают, но Минай живым отсюда выйти не должен.

— Кстати, почему ты один? Где твой непревзойденный стрелок индус и искусный боец арабских кровей? Кто там еще в твоей шайке... дан, лютич, кучка других арабов. Устроили бы тут побоище во имя мести... А-а, понимаю, не захотел их втягивать. Вот и Тихарь такой же был. Водились у него за пазухой остатки чести, труден был на уговоры. Ты когда его порешил, я даже подумал, что нашелся тот, с кем можно будет иметь дело. Но у таких как ты и мой братец вместо мозгов — мякина.

— Головач был хорошим человеком, — буркнул я, дабы поддержать разговор, в течении которого надеялся просчитать возможные действия своих противников.

— Хорошим, — охотно согласился Минай. — Но глупым. Ставил себя ниже князя, малым довольствовался. А я не такой! Я сам себе князь!

Минай осанисто выпрямился на низкой лавке, словно сию минуту очутился на самом главном месте в княжеской палате.

— Вот как? — пробормотал я. — В князя, значит, собрался...

А чего тут просчитывать? Явный перевес на их стороне. Обступят и возьмут на клинки. Закручивать их бесполезно, слишком мало пространства, поэтому атака сразу с нескольких сторон мне обеспечена...

Где то внизу грохнуло, тяжелый звук мощного удара гулко отозвался в перекрытиях деревянного домины. За ним последовал еще один такой же громкий, а затем удары посыпались как картофель из ведра на корабельную палубу. За окном позади Миная азартно и яростно заревели десятки глоток.

— Они там что, двери ломают? — возмущенно сморщился боярин. — Задний вход же есть!

— Ты сам велел его запереть, — напомнил рыжий.

Один из урманов вскочил с места и подбежал к окошку, прижал лоб к мутной слюде.

— Боярин! Там внизу что-то неладное.

— Ну так пойд и разберись, Бейнир! — недовольно прикрикнул Минай.

Я позволил названному Бейниром северянину беспрепятственно покинуть помещение. В конце концов два урмана куда лучше трех. Дверку за Бейниром я предусмотрительно прикрыл и засов задвинуть не забыл.

Рыжий Ульф — боец, это видно по злому взгляду, по развернутым плечам. Опасный тип. Второй урман тоже не валенок, а крепко сложенный волчара с начинающей редеть сивой шевелюрой. Не молодой, но и не сильно меня старше, следовательно, опыта в кровавых делах у него не меньше, чем у Ульфа.

Спасибо настырным ребятам внизу и ответственному Бейниру. Они подарили мне несколько секунд, необходимых для определения приоритетной цели.

— Убейте его, — повелительно проговорил Минай.

— Прямо здесь? — поморщившись, уточнил Ульф.

— Здесь. Убейте, выволоките тушу и бросьте в отхожую яму!

Высокий голос Миная на последнем слове выдал знатного петуха. От предвкушения кровавой сцены, должно быть, вряд ли от волнения или испуга. Не меня же ему бояться, в самом деле...

Урманы начали медленно подниматься с лавок, тянуть из ножен мечи. На хмурых, сосредоточенных лицах никаких лишних эмоций. Минай остался сидеть ко мне левым боком, в пол-разворота. До него мне меньше десяти шагов, ежели поднапрячься, то успею.

В четыре длинных прыжка я покрываю расстояние до стола, резко отталкиваюсь от дощатого пола и в полете впечатываю правую ступню в верхнюю часть Минаева тулова. Боярина точно пушечным ядром снесло с лавки, он плюхнулся на бок рядышком со своим спальным ложем и забарахтался, натянув на себя край звериной полсти с постели. Короткая лавка лишилась устойчивости, потеряв вес Миная и поймав мое седалище, когда я неловко приземлился на ее окончание. Лавка ракетой взмыла на пол и полетела падающему мне аккурат в подбородок. Быть бы страшному нокауту, но на пути грубого столярного изделия повстречалась нурманская лапа с мечом, которым ушлый северянин намеревался снести мне башку. Урман взвыл, меч, безвредно шикнув по моему плечу, заскакал по доскам. Свой меч я тоже потерял и даже не видел где он находится. Укрепившись на коленях, я схватил лавку за деревянные ноги и с размаху зарядил урману по ходулям. От лавки что-то отвалилось, урман завопил и упал.

Секунду спустя в левую лопатку прилетает что-то жесткое. Это Ульф зашел со спины и секанул мечом сверху вниз. Я клюнул пол и стал быстро перебирать ногами, забираясь под стол. Боль пришла, но вполне терпимая, видимо, удар Ульфа просек полушубок и достал-таки до мяса, но кость не разрубил, меч это же не топор, чтобы вот так сразу...

Я выпрямился, держа перед собой плоскость стола как ростовой щит. Так игроки в американский футбол тренируются: с разбега впечатывают плоскую подушку в соперника и теснят, упираясь ногами в травяное поле.

Рыжий Ульф тренировок по американскому футболу по телевизору не видел, но сообразил встретить мой таран левым плечом, одновременно пытаясь достать меня мечом справа в обход узкой столешницы. Удар у Ульфа вышел слабым. Меня спасли борта развязавшегося полушубка. Он ударил еще и еще, но с тем же результатом — свободно висящие полы одежды гасили все его потуги. Я разжал хватку, стол рухнул на кончик сапога урмана, левой я перехватил его руку с мечом, а свободной правой нашел открытое основание челюсти Ульфа. Крюк получился на загляденье, хлесткий, с хрустом. Выцарапав оружие из

ослабевшей десницы, я с наслаждением вонзил кончик меча под рыжую бороду.

— Это тебе за Младу!

Вовремя обернувшись, обнаружил за спиной шатающегося на негнущихся ногах скандинава с топором в лапах. Ишь, сообразительный какой...

Первый мах он произвел, держа топором двумя руками. Не достал. Еще мах. Когда топор пролетел мимо я попытался сократить дистанцию, чтобы наверняка приложиться клинком по тугой шее, и получил тупым концом топорика по скуле. В глазах потемнело. Отшатнувшись, я увидел как урман резко убрал верхнюю руку с рукояти и с хаканьем выпростал топор в длинный полет по кривой траектории. В ребрах вспыхнуло жгучее пламя. Урман снова перехватил оружие двумя руками и ринулся на сближение. Я видел его горящие кровью, выпученные глаза, широко раззявленный, обросший блеклым волосьем безмолвный рот.

Я ударил мечом навстречу. Урман без труда отбил мой легкий клинок в сторону, неуловимым движением крутанул топор в руках и ударил обухом мне по пальцам, сжимающим оружие. Меч шмякнулся в лужу крови натекающую с Ульфа. Урман не дал мне шанса его поднять — замахнулся и рубанул по верхнему уровню. Я торопливо сделал шаг вперед, подсел под удар, вцепился в топором изо всех сил, едва не встретившись лицом с острым лезвием. Три секунды мы пыхтели, пытаюсь вывернуть рукоять топора из враждебной хватки, затем я догадался лягнуть урман по покалеченной лавкой ноге, отпустил топор и добавил локтем в зубы. Урман неловко отпрянул и слепо махнул перед собой топором. Я грохнулся на пол, пропуская мах над головой, подобрал скользкий меч и от души влупил скандинаву по многострадальным нижним конечностям. Без ноги особо не побегаешь, поэтому урман неуклюже взмахнул руками, рухнул навзничь поперек мертвого Ульфа и бешено завращал сведенными страшной болью глазами.

Меч снова выпал из моей руки. Ушибленные пальцы отказались держать оружие. Вопреки я выскользнул из ставшего вдруг непомерно тяжелым полушубка, левой рукой вытащил из чехла на поясе нож. Ударил в грудь урман сильно и точно, чувствуя как трещит под коротким клинком грудина заморского вояки.

За возней с урманом я совсем позабыл о Минае, а тот меж тем опомнился и решил доделать то, что не удалось его дружинникам. Я едва успел оторваться от поверженного врага и подняться на ноги, как с неожиданной прытью Минай кинулся на меня словно призовой бык на новичка-тореадора. Рожа в крови, видать, шарахнулся обо что-то когда приземлялся, усищи спутаны. По-борцовски сложившись, влетел большой головой в мою грудь, обнял крепко, оторвал от земли и с разбегу впечатал спиной в стену. Сильнейший удар с сипом выхаркнул из меня воздух. Влажная, скорченная ладонь сцарапала мое лицо в горсть и отправила затылок на встречу с бревнами сруба. Смачно приложил, аж пелена на глаза наплыла. Чтобы вернуться в чувство, я зарычал медведем и впился в мякоть Минаевой ладони как голодный волк в кабанью ляжку.

— А-э-э-э! — яростно взревел Минай, отдернул кровоточащую длань и сразу же получил кулак в ухо. Вообще-то я целил в основание нижней челюсти, но в таком плотном клинке чуть поехала не в ту сторону рука, сбита с убойного курса локтем Миная.

Борина шатнуло вбок. В этот момент дверь опочивальни заходила раскатистым ходуном под ударами снаружи. Похоже, Бейнир вернулся, да не один, а с приятелями...

Я прыгнул на Миная. Слившись в жарких объятиях, словно жадные любовники, мы рухнули в кровавую слизь и покатались со звериным рыком.

Минай в полтора раза тяжелее, да и силушка в руках у него имелась. Очень скоро он меня подмял, надавил коленом в живот и вцепился скрюченными, пухлыми пальцами в горло. Разжать его хватку я не пытался — только силы терять, со всей мочи напряг шейные мышцы, прижимая подбородок к груди. Обеим руками я шарил по полу пока разбитыми пальцами не наткнулся на рукоять спасительного топора, показавшегося неподъемным.

Первый удар получился слишком слабым, чтобы опрокинуть Миная, угодил обухом по затылку и только слегка пошатнул. Боярин усилил давление, мне на нос капнула горячая слюна с натужно перекривленных, толстых губ. Я наплевал на боль и поудобнее сжал длинную рукоять ближе к середине.

Хрясь!

Точно в висок.

Левое боярское око выпрыгнуло из глазницы и повисло на жилах, пятная щеку. Минай слюняво выбулькнул и обмяк, не убирая потных лап с моего горла.

Дверь уже не ломают, а рубят. У меня несколько секунд, чтобы встретить новых врагов.

В каком-то диком исступлении, тяжело и торопливо дыша, я спихиваю с себя боярское тело, привстаю и луплю по открывшейся шее со всей ненавистью, на которую еще остались силы. Топор вонзился в половые доски, отделив большую усатую голову от тяжелых плеч.

Остатки двери разлетаются на куски и в опочивальню вваливаются люди с оружием, растекаются по комнате. Семеро их. Ну вот и пришел тебе, Андрюша, преждевременный конец... Я попятился к окошку и с топором наперевес жду кто первый рискнет приблизиться на расстояние удара. Из семерых трое мне знакомы и нападать они не спешат, обходят со сторон.

Последним в опочивальню шагнул Змеебой.

Встал, оценивающе оглядел натюрморт из расфасованных тел, вонзил в меня твердый, испытывающий, но доброжелательный взгляд.

— Мясником потрудился, Стяр?

— Пришлось...

— Лоботь, останься, остальные дорезайте тут всех оружных, — помолчав, строго повелел Змеебой и шестеро бойцов поспешили вон из палаты.

Я выдохнул и опустил топор, справедливо полагая, что сопротивляться бесполезно, если захочет, воевода уделает меня как щенка.

— Ты как здесь, Бурун?

Змеебой подошел ближе и протянул в мою сторону левую руку ладонью вниз. На одном из пальцев тускло блеснул подаренный мною золотой перстень с тремя царапинами. Благодаря этому перстню Змеебой когда-то получил свое прозвище.

— Это вещица Миная.

— Как узнал? — искренне удивился я, — Ты уверен?

— Я верю Дрозду и пришел покарать убийцу, но ты меня немного опередил.

Змеебой повернулся к дружиннику.

— Лоботь, грузите все ценное в телегу. Стяра тоже в телегу, прикидайте сеном и увозите все... на его корабль. Быстро!

Глава тридцать третья

Длинно тянется за стремниной бурый, безлюдный берег. Мимо проплывают сонные, обнаженные деревья и подтопленные кустарниковые заросли. Вспухшая, весенняя Двина кипит на стрежне коричнево-грязными гребнями, взбивает пену возле прошлогоднего камыша и плавней. Река возбужденно и радостно гудит, словно ворочает невидимые, тяжелые мельничные жернова и работа ей эта не в тягость.

— На стремя не правь! — перекрывая треск терзаемых порывистым ветром парусов, кричит Змеебой кормчему. — У берега держись!

Араб без труда понимает воеводу, ибо тот активно подкрепляет свои слова понятными даже младенцу жестами. Корабль жметя влево к высокому берегу. На носовой площадке дежурит впередсмотрящий, готовый предупредить об опасности. Угодить в такое половодье на мель маловероятно, а вот встретить обшивкой несущееся по течению бревно или корягу — запросто.

— Торельф, смени-ка Масуда за кормилом, он устал! — на правах капитана команду я и шлепаю обрадованного дана по плечу. Кое какую сноровку он приобрел, будучи вторым кормчим у Хакстейна Пустая Берлога, вот и пусть дальше тренируется.

— Раз! Раз! Раз! — мерно выкрикивает назначенный старпомом Лободь. Десять весельных пар дружно падают вниз, кувыркают темную воду и взлетают вверх. — Не задирать! Раз! Ровней держать! Раз! Раз!

Из низко опустившегося свинцово-серого небесного подбрюшья брызнул косой дождик. Я отдал команду развернуть над гребцами защитный полог из провощенной льняной ткани, а самим гребцам чаще сменяться. Благо две полноценные смены у нас имеется и даже с избытком, если на скамейки усядемся мы со Змеебом и Джари с Мадхукаром.

Корабль оказался даже лучше, чем я предполагал. Узкий, стремительный обрис, два паруса и достаточное количество гребных скамей делали свое дело. Гонимые попутным ветром, подталкиваемые весельным усилием, мы летим навстречу речному течению как моторный катер береговой охраны за нарушителями. С одной лишь поправкой — нарушителями, точнее — преступниками являемся мы сами.

Из входа в надстройку показалась голова Яромира.

— Стяг! Идите снадать, нечего под дождем киснуть!

Усаживаемся со Змеебом за небольшой столик приколоченный к полу посреди каюты. Чудо, а не кораблик! Такой изолированной кормовой надстройки ни у одного драккара, ни у одной лодьи нету. Там для ночлега мастерят над палубой тент или ставят шатер, а тут — настоящая каюта. Места, правда кот наплакал, четыре спальных лежака всего, но если на пол настелить шкур, еще человек пять-шесть уместится.

Убегали мы из Полоцка в великой спешке, толком так и не собравшись. Покидали на палубу оружие да пожитки, взяли кое-что из съестного, один бочонок пива и все, что успели заранее приготовить из корабельных запчастей. Прошли на веслах под полотским мостом, выскочили в Двину, установили мачты с парусами и уже в преддверии сумерек ходко пошли вниз по течению. С наступлением темноты развернули корабль и на веслах, без огней прошли мимо засыпающего Полоцка в обратную сторону. До полуночи резали килем рябую, серебряно-лунную дорогу, затем встали к берегу на ночлег. С первыми зорями подняли паруса и, помогая ветру веслами, пошли к верховьям Двины.

Еду Яромир сразу же начал экономить. Разделил общее количество припасов на дневные пайки по количеству человек на корабле, взяв в расчет четыре полных дня, что понадобится нам, чтобы добраться до днепровского волока и выдавал хавку в полном соответствии с расписанием.

На вчерашней ночной стоянке, главным образом по настоянию Змеебой, было решено идти в Киев. А куда еще? Я убил княжьего ближнего человека, главного тиуна и боярина, без очевидных доказательств его вины. Даже если Рогволд и рассудит верно, то обиду точно затаит, а из этого ничего путного не выйдет. По лесам ныкаться? Проситься под руку смоленского князя? Чего я забыл в Смоленске? Миша ушел с данами в теплые страны, из Киева туда попасть проще, чем из Полоцка или того же Смоленска. Да на таком корабле хоть до Индии! Я, кстати, дал ему имя "Скорпион". Потому что быстрый и разящий. Разить, правда, пока особо нечем, но надо будет как-нибудь заказать паруса с вышивкой силуэта смертоносного насекомого...

Труднее было понять почему свалил из Полоцка Змеебой. Бросил службу, положение, оставил заслуженную у Рогволда, а не подаренную с широкого плеча вотчину, потянул за собой часть своей дружины? Какие у него доказательства против Миная кроме перстня? Какие-то невнятные слухи, что нарыл Дрозд? Ему и предъявить нечего кроме разгрома Минаевой усадьбы, так это легко списать на горячий нрав его дружинников, повздоривших с урманами. Отплатился бы вирой в княжий кошель, только и всего.

Мое появление в усадьбе Миная безусловно спутало его планы. Но не слишком критично. Змеебой в отличии от меня к наказанию боярина готовился. С самого утра и до того момента как из его уст прозвучал приказ верным людям отправиться вместе с ним на подворье заклётого, как выяснилось чуть ранее, врага. За эти несколько часов воевода успел собрать в дорогу часть припасов и даже купил у знакомого купца небольшую лодью, так как тоже планировал уходить из Полоцка по реке. Этот кораблик так и остался ждать Змеебой в устье Полоты...

— Завидую я тебе, Стяр, — произнес Змеебой в ответ на мой прямой вопрос о мотивах его бегства. — Удаче твоей загадочной завидую. С удачей обычно приходит слава, но ты ее не ищешь, словно чураться и, вроде все у тебя есть... было, но еще, я уверен, будет. Такие как ты взлетают высоко, становятся великими героями или князьями если имеют к этому желание. Я князем не желаю, но славы и удачи мне не хватает. Протух я в Полоцке, чувствую, как огонь во мне гаснет. Свет поглядеть хочу, себя показать. Да и с Рогволдом объясняться нет у меня никакого желания.

И этот туда же! Я голову сломал, размышляя, зачем Миша потащился с какими-то данами в какие-то теплые страны. Насильно повели или у кореша моего от побоев в плену крыша потекла? Я раз сто заставлял Торельфа повторять свой рассказ и по его словам выходило, что обращались с Мишаней неплохо, в цепи закован он не был, хорошо одет, прилично обут и, вроде как, доволен жизнью. Никогда не замечал за Рваным безумной тяги к приключениям. Вместо того, чтобы упросить тех, кто его привечал помочь вернуться в Полоцк, рванул неизвестно куда. Если, конечно, это был Миша...

— Эйнар тоже все твердил: удача, да удача... Вы, по ходу, все здесь одинаковые, — вслух пришел я к очевидному выводу.

— Где это — здесь? — насторожился воевода, но не дождавшись ответа, продолжил: — Тот, кого ты ищешь, отправился на юг. На юге много хороших мест, но начать поиски я тебе предлагаю с Болгарского царства.

Я непроизвольно дернул плечом и скривился от боли — зашитая на живую рана на лопатке при движениях побаливала, хоть и была неглубокой.

— Как в ту Болгарию попасть — вот вопрос, — вздохнул я, посчитав доводы Змеебоя не лишены смысла. Поступательное движение к цели начинается с первого шага. Искать человека на абстрактной территории, известной как "юг" — та еще забава. Болгария, безусловно, теплая страна, как и родина Джари, уж про тот юг, откуда прибыл Мадхукар я даже вспоминать не хочу. Что же мне подходить к каждому встреченному "южанину" и приставать со словесным описанием Мишани? Чушь собачья, конечно же, но это все, что покамест пришло мне в голову.

— Как в Болгарию попасть? — хитро ухмыльнулся воевода. — С войском Святослава, как еще?

Той же первой ночью после бегства я похоронил Младу. По христианскому обычаю. Втроем с Яромиром и Невулом вырыли на неподтопляемом берегу могилу и бережно поместили в разверстые черные земляные недра туго запеленатое тело. Не смог я оставить ее в Полоцке и на огненных похоронах присутствовать по известным причинам не мог, поэтому решил так и сделал все чин по чину, наплевав на вытянутые рожи соратников не привыкших закапывать покойников. Не без помощи парней водрузил на свежий холмик раздобытый где-то Невулом гладкий валун и простился, пожелав любимой спать спокойно.

Наш расчет оказался верным и к исходу четвертого дня водного пути по, практически, пустой реке мы прибыли к самому узкому месту водораздела между Двиной и Днепром. Здесь у небольшого, но богатого прибрежного селения артельщиков начинался довольно длинный волок на преодоление которого потребуется три дневных перехода.

Ветер с дождем прекратились еще вчера, в предвечернем, сером небе носились ласточки, горланили над рекой чайки, пахло рыбой и сырой, ожившей землей.

Немолодой волоцкий старшина для начала подивился столь ранним клиентам, потом предложил продать ему корабль, перегрузить поклажу на телеги, а на той стороне купить другое плавсредство и отправиться дальше по Днепру. Мы со Змеебоем в один голос отвергли это предложение как неприемлемое. Оставить такой корабль нужно быть полным кретином, да и возиться с погрузкой-выгрузкой неохота.

— Посчитай мыто и давай быков, — отрезал Змеебой. — От съестного тоже не откажемся, рыбы возьмем три корзины и оленины, если есть.

Артельный голова предпочел не перечить грозному на вид воину со связкой невиданных зубов на шее, снабдил нашу партию едой на три дня, выделил шестерку приличных тягловых парнокопытных для сухопутной транспортировки судна. Чтобы корабль во время движения не заваливался на бок, по обе стороны вдоль киля артельщики подсунули по длинному, окоренному бревну, увеличив площадь опоры на уложенные поперек катки. Удобная задумка. "Скорпион" встал как влитой, в нем даже ехать можно, быкам такой груз — ничто.

Следующим утром мы "поплыли" по бревенчатому накату со скоростью способной обогнать разве что хромого пешехода.

— Больше содрал, старый леший! — с деланным недовольством ворчал Змеебой. — Оборвал как бобер вешнюю ивушку. Ладно, хоть быков справных дал... глот смоленский...

Однако перед самым началом движения, когда быки уже втащили "Скорпиона" со снятыми мачтами и рулем на первые, мокрые от утренней росы бревна волока, произошло неожиданное событие.

— Вижу на реке три ветрила! Не купцы! — внезапно воскликнул один из дружинников

Змеебая по прозвищу Белогур, нависнув над правым бортом.

По прибитым к обшивке каюты перекладам я вскарабкался на крышу надстройки, чтобы получше рассмотреть идущие с низовьев судна. Первому из них до причала им оставалось не больше километра. Головной кораблик гордо щеголял знакомыми черно-белыми полосками на парусе, ритмично взлетали над спокойной водой и опускались в дернутую туманом реку ряды весел.

— Узнаешь кораблик, Джари? — нервно крикнул я сверху-вниз.

— Морской дракон Хакстейна ярла! — мигом отозвался араб.

Именно так. Драккар, что мы отбили у данов, когда выручали арабов, а потом подарили полоцкому князю.

— Стоило ли нам, воевода, все это время опасаться погони, как думаешь? — с четырехметровой высоты задаю давно беспокоящий меня вопрос, готовый вот-вот обратиться в материальную угрозу.

— Опасаться всегда чего-то стоит, — мудро отвечает Змеебой, поворочав во рту языком и сплюнув себе под ноги какую-то бяку. — Но думаю — не в этот раз.

Думает он! Спокоен как удав! Рогволд нагнал нас и нагнал в самом щекотливом положении — на волоке. И Мадхукар и Джари всю дорогу следили за рекой, постоянно мониторя речную гладь за нашей кормой, а я тихо радовался, что "горизонт" позади оставался девственно чист. И вот на тебе...

Пока я маялся в раздумьях бежать мне или сразу сдаться на милость Рогволда в надежде на справедливость, внизу Змеебой сочно прикрикнул на возниц:

— Трогай помалу, чего замерли!? Княжичу Рагдаю нужно место для его лодий на волоке!

Я спрыгнул на палубу, по веревочной лесенке быстро слез с борта "Скорпиона" и вплотную приступил к воеводе.

— Так ты знал? — никогда не думал, что умею шипеть и говорить сквозь зубы. — Знал и молчал?

— Только не говори, что тебе было неизвестно о том, что Рагдай пойдет к Святославу, самая последняя чернавка в Полоцке и та об этом твердила. Они вышли тем же днем пополудни, — спокойно ответил Змеебой. — Давай уже тронемся, устроим радостную встречу с княжичем на первой ночевке.

— Мне мог бы и сказать, — я скрипнул зубами и полез обратно на борт.

— В следующий раз обязательно скажу, — ехидно пообещал Змеебой вослед.

Волок этот проходил преимущественно по вырубленной в лесной чаще просеке и по идее считался самым оживленным в этой части Руси, но в раннюю весеннюю пору мы встретили всего один корабль, влекомый лошадками в противоположную сторону. Купчики из Овруча решили податься до Новгорода. Пришлось им уступать нам дорогу, так как их более легкую посудину гораздо легче своротить в сторонку.

Я настоял, чтобы параллельным курсом чуть впереди и чуть приотстав от корабля, по обеим сторонам, углубившись в лес на пятьсот шагов, двигались дозорные. Змеебой поворчал, но согласился выделить людей, ему как и мне не очень хотелось подвергнуться на марше нападению лихих разбойных отморозков, которым разграбить судно на волоке не менее сладко, чем растащить купеческий обоз на лесной дороге.

Ночевали кто на корабле, кто на полянках давным-давно облюбованных путешественниками из одной великой реки в другую. На таких полянках имелись землянки

для ночлега, оборудованные кострища, сколоченные из жердей лежаки, длинные столы под навесами, коновязь и даже колодцы. Эдакие общественные постоянные дворы под открытым небом.

Как и сулил Змеебой на первом постоялом дворе мы встретились с подоспевшим к ночи Рагдаем. На трех кораблях с княжичем шли полторы сотни гридней, абсолютное большинство только недавно вернулись с ним из Киева, но были среди них и мои старые, но очень добрые знакомые: Вран, Вендар, Шест со Стегеном и... Голец.

Второй раз я жду появления Рогволда, а вместо князя приходит его старший сын. Честно сказать, в обоих случаях появление Рагдая приносит только облегчение. В первый раз его дружина спасла много жизней на лодейном дворе, а сейчас Рагдай ни словом не обмолвился о событии в Полоцке, которое предшествовало моему поспешному исходу из города. Мы с ним довольно радушно поприветствовали друг друга, перекинулись парой фраз о впечатлениях полученных в ходе путешествия, похвалили свои корабли и на этом наше общение с княжичем завершилось, к великой моей радости.

А вот разговор с Гольцом принял неожиданный оборот. После совместного ужина у костра, когда утихли восторги по поводу нашей встречи и воссоединения почти всего оставшегося десятка некогда бывшего под моим командованием, мы с Гольцом уже порядком хмельные умыкнули треть бочонка с пивом, уединились в каюте "Скорпиона" и при свете настенного масляного фонаря я узнал, что Рогволд обвинил в убийстве Миная совершенно левого персонажа.

— Ты будешь смеяться, но князь взял в оборот Большеухого, — с ухмылкой заявил Голец, выслушав мой рассказ о постигшей меня утрате и злой кончине боярина Миная и поведал, что накануне ребята Эйнара повздорили на торге с урманам, была небольшая стычка, а ночью возле корчмы троих варягов и одного дана нашли с перерезанными глотками. Взбешенный Эйнар заявился на подворье Миная со всем своим едва протрезвевшим хирдом, там среди окровавленных тел их и застал старый Тарщ, решивший навестить приятеля. Просто чудо, что мы с ними разминулись...

Так же по большому секрету я узнал, что Голец отправился с Рагдаем в Киев вовсе не по воле сердца или от великой тоски по моей обаятельной персоне, а вполне с определенной целью — следить за самим Рагдаем. И если коротко, то по Рогволду выходило, что Рагдай слишком уж дружен со Святославом, чтобы быть независимым. Они друзья с детства, почти братья. Ежели Святослав не надорвется, Киев совсем скоро распространит свое влияние очень и очень широко, племена, народы и целые страны будут склоняться пред киевским престолом и только немногие, гордые и упрямые останутся в пределах своих владений. Рогволдов род очень старый и не менее достойный, чем Рюриково семя. Никто из его предков не платил дани. Им платили, с ними считались. Чтобы так продолжалось и далее, независимому княжеству нужен самостоятельный правитель. Рагдай отличный боец, умелый воевода, но если станет понятно, что он утратил свой голос, Рогволд будет готовить в князя Ингоря или Ольдара.

Я хмыкнул и спросил Гольца, что будет, если Рагдаю, раз уж он таких благородных кровей, откроется возможность занять место Святослава и завладеть всем киевским великокняжеством?

— Надо будет его подтолкнуть, — важно ответил Голец, задрав конопатый нос и надув щеки.

Тоже мне подталкиватель. Как только Рагдай согласился взять его в дружину? Не иначе

папа с Дроздом уговорили...

Да пес с ними с князьями этими, сами разберутся! Меня больше позабавило как не повезло Эйнару. Рогволд его теперь прищучит по-взрослому. Ну и поделом ему, быковать надо меньше. Где-то в закоулках души я почувствовал злорадное удовлетворение.

На время всего пути Голец с разрешения Рагдая решил остаться при мне. На полоцких харчах бывший разбойничек отъел ряшку, обзавелся путными шмотками и всегда щеголял в парадной одежде благородных цветов и сапожках отличной выделки. На левом боку Голец таскал некогда подаренную мной аккуратную кожаную сумочку и неплохой меч в расшитых жемчужным бисером ножнах.

Уже к концу последнего перехода до конечной точки волока из арьергарда принесся вспотевший дозорный и напрямик мимо "Скорпиона" с докладом к Рагдаю.

— Княжич, на волоке какие-то люди! — заорал воин издалека.

— Что с того, Крень? — невозмутимо отозвался бредущий рядом с драккаром княжич. — Волок не только для нас тянули.

— Около двух сотен. Пешие. Оружные, — переведя дух, более спокойным тоном продолжил Крень. — Стоят на месте, отдыхают. Вокруг мы пошарили — никого, на засаду не похоже.

Заинтересовавшийся Рагдай приказал возницам остановить быков.

— Ну пойдём, глянем... Вендар, возьми два десятка и со мной! Остальным быть наготове, брони держать под рукой!

Я не удержался и пристроился в хвост возглавляемой полоцким княжичем процессии. Надоело уже сосны считать да шишки топтать, хоть какое-то развлечение будет. Я ничуть не удивился тому как бесстрашно устремился Рагдай выяснять кто нарисовался на пути нашего каравана. Для разбойничьей шайки две сотни ухарей это количество нереальное, а для враждебного отряда слишком беспечное поведение.

— Смоленские мы! — со степенным достоинством заявил крепко скроенный дядька с густой бородой в форме выдернутого коренного зуба, когда Рагдай пожелал узнать кто это тут топает пешком по волоку.

Дядька представился Севенем, сотником князя смоленского и очень уважительно прижал бороду к груди, услышав имя своего собеседника.

Их, действительно, человек двести. Расположились под соснами по обе стороны от бревенчатой дороги. Два десятка навьюченных тюками да торбами лошадок, три телеги с боевыми щитами и прочими копьями да бронями. Людишки разные, есть в сочном воинском возрасте с воинскими же ухватками, есть пожиже да помоложе, я заметил среди них и несколько женщин.

— Куда путь держите, Севень?

— Куда и вы. К Киеву ближе. Дружина на лодиях ушла, мы пеше поспеваем.

— Вот как? — хмыкнул Рагдай. — Кто дружину ведет? Воилад?

— Да, княже, — с легким поклоном подтвердил смоленец. — Воевода смоленский Воилад. С ним восемь сотен воев. А я, вот, поволье лесами веду, на волок вышли, по волоку-то оно удобнее.

Рагдай переглянулся с Вендаром. В глазах полоцкого княжича, как мне показалось, мелькнула досада.

— Дозволишь, княже, с вами до Днепра дойти?

— Идите, но позади нас и на воде всех не возьмем, места на кораблях не хватит.

На обратном пути к каравану походка Рагдая становится резкой и дерганой.

— Слыхали? — желчно воскликнул княжич, не обращаясь к кому-то конкретно. — Тысячу воинов князь Веримир послал Святославу. Хоть и мхом уже зарос от старости, а губа у него вовсе не дура. Еще бы... рассчитывает на богатую добычу. Веремир сам в походы давно не ходит, а Воилада я знаю, добрый воин... этот добудет немало.

И тут до меня впервые дошло, что идем мы воевать. Вернее — грабить. Ведь у Святослава под пятой лишь часть Болгарии.

Ни воевать, ни грабить не хотелось. Формально говоря, лично я и все мои люди идем в Киев в нейтральном статусе. Никому на верность не присягали и кораблик у нас свой собственный, а не княжеский или боярский. Если захотим — свалим на все четыре стороны в любой подходящий момент, никто слова поперек не скажет. Вот Змеебой, тот другое дело. Сразу же прилип к Рагдаю и тот продолжал называть его воеводой. Я опасался, что придется мне снова кому-то из сильных мира сего целовать стремя, поступая в вассальную зависимость. Состоя на службе будет не просто добиваться цели — разыскивать Мишу.

Ладно, пожуем — увидим...

Смоленцы слегка потеснились, отогнали коней, втянулись под сосны, пропуская упряжки с нашими кораблями. Участок волока наполнился голосами насмешливо перекрикивающихся полочан со смоленцами. Каждая из сторон внимательно рассматривала неожиданных попутчиков, вслух делая пришедшие на ум беззлобные замечания. Пропуская дробно катящиеся по бревнам судна, смоленские потихоньку побрели в хвост колонны.

Мы с Гольцом и группкой Змеебоевых дружинников двигались впереди метрах в двадцати перед тянущей "Скорпион" упряжкой, обсуждали встречу.

— Вояки... — сплюнул презрительно бывалый воин по имени Верег. — Смоленцы хороши только коз доить. Я их гонял — знаю...

— Дык и они тебя гоняли, забыл поди? — напомнил Корох.

— То дружина была, а не... — начал Верег, но оборвался внезапным воплем Гольца.

— Э, ты чего?!

Голец рывком дернулся в сторону.

— Это моя сумка! — зло процедила одетая в мужские порты и сапожки девка и снова довольно сильно дернула за ремешок. Гольца слизнуло со "шпал" волока в изумрудную, усеянную сосновыми шишками травку, но на ногах бывший разбойник удержался.

Зеленоглазая, высокая как фотомоделка, вот только фигура скрывается под балахонистой полукурткой из мягкой кожи. Ну и хватка! С Гольцом они примерно одной комплекции, но силе в ее руках позавидовал бы сам Змеебой.

Надо же, не каждый мужик рискнет в одиночку накинуться на вооруженных людей, хоть и торчит испод куртки рукоять боевого топорика.

— Погоди! — я взял ее за кисть, разжал пальцы на лямке. — Это сумка не может быть твоей, я ее в бою с лесными татями добыл... Ты же не...

Я застыл с полуоткрытым ртом все еще держа ее за руку.

— Ее мой отец сделал! — черные брови сдвинулись к переносице, сузившиеся глаза метали изумрудные искры.

Я вижу как на девичий крик подтягивается не успевший далеко уйти смоленский народец. Кто-то из парней прислонил к ее открытому горлу блестящий кончик меча.

— Тихо ты, шальная, уймись — уколешься! — ласково приговаривает Лоботь.

Змеебоевские обступили нас со всех сторон, заслоня плечами от лишних глаз. Рожи

некоторых масляно расплываются,

— А давай, красивая, мы тебя лучше в кустики отнесем, а? Там тебе будет весело и хорошо! И нам тоже! — толсто намекнул на дармовой интим Верег.

Остальным идея пришлась по вкусу. Кто-то схватил девку сзади за талию, кто-то начал наматывать на кулак длинную русую косу.

— Волочи ее, братва, до лесу!

— Давайте лучше на корабль!

— Заткнись, Верег! — рывкнул я, одной рукой подтащил девчонку к себе, другой схватился за меч. — Прочь грабли, отрублю нахрен!

— Чего-о-о? — сипло протянул, надвигаясь грудью Верег.

— Слюни проглотите, вот чего! Кто не поймет — получит стрелу в глаз!

Я скосил глаза на приближающийся нос "Скорпиона", где на передней площадке с ненапрянутым пока луком стоял Мадхукар и пристально вникал в назревающий кипиш. Ему натянуть и выстрелить — пол-секунды...

— Голец, отдай ей сумку! — приказным тоном распорядился я пока похотливые страдальцы не опомнились.

Замаялся Гольчина в непонятках, в глаза мне вопросительно глядит. Его, доверенного самого Рогволда какие-то хулиганы добра будут лишать?!

— Отдай, сказал! Я тебе новую подгоню.

Голец послушно перекинул через голову ляжку, вынул из сумки матерчатый сверток и швырнул ее на землю. Девка подняла, зыркнула злобно, растолкала плечами обалдевших полочан и ускорила в конец каравана. Прошмыгнув сквозь группу земляков, скрылась из виду.

— Все нормально, мужики! — я доброжелательно помахал приближающимся смоленцам лапой. — Идите своей дорогой!

Я счел необходимым по горячим следам объясниться с Верегом и его корешами. В принципе, вписались они за Гольца грамотно, а ссоры меж собой нам ни к чему. Поблагодарил за помощь и получил в ответ покаяние, что не сдержались и едва из-за девки сопливой не устроили раздор.

Прибыв к вечеру в поселок на берегу Днепра, мы завершили финальную часть волока по междуречью, выпрягли быков, отпустили ездовых и уже в сумерках стащили кораблики в стылую днепровскую волну, подвели к причалам. Осталось переждать ночь и отчалить вниз по течению.

Сам Рагдай и часть его дружины отправились в корчму при местном постоялом дворе отпраздновать благополучное прибытие. Нас не звали, да нам и не на что гулять, не княжичи мы со Змеебоем.

У меня из головы не шла сегодняшняя встреча в лесу. Погоняв память на высоких оборотах, я вспомнил где видел ту зеленоглазку. Только тогда я не мог рассмотреть какого цвета у нее глаза...

Догадка потребовала немедленного подтверждения, я бы и заснуть не смог, не убедившись в своей правоте.

Я предупредил Змеебая, в одиночку сошел со "Скорпиона" и направился на дальнюю околицу селения к разбитому смоленским ополчением лагерю, ориентируясь по пылающим в сумраке кострам.

По пути я отметил, что днепровские волочане живут не хуже, а то и лучше двинских.

Подворья широкие, дома большие, есть несколько тесовых крыш. Неплохой это бизнес — держать волок, пусть большая часть мыта и оседает в ларях смоленского князя, артели тоже перепадает неслабо. Прокат телег и тяглового скота, перепродажа тех же телег и кораблей, их у причалов штук пять болтаются пустых. Грузчиков, возниц, даже охрану могут предоставить. Золотая жила, короче...

Женщины из смоленского поволья устроились на ночлег под льяным тентом в телеге недалеко от центра лагеря. Я без труда нашел указанный возок, спросив дорогу у первого встреченного смоленца, ведущего с водопоя двух лошадок.

У распряженной повозки догорал костерок, подле колес лежали выгруженные тюки и мешки, прохладная ночь несла запахи молодых трав.

Я постучал кулаком в по борту телеги.

— Эй, с сумкой! Выйди!

Внутри зашуршало. Послышался недовольный, неразборчивый шепот.

— Чего тебе? — неласково приняла меня заспанная зеленоглазка, спрыгивая на землю.

— Не бойся меня. Я спросить хотел, — сказал я мягко.

Она насторожилась, напрягла плечи. Полог тента возка приоткрылся и в щель высунулась еще одна женская мордаха. Поглядела пристально и исчезла. Рожу мою срисовала, не иначе...

— Скажи, помнишь ли ты ночь облавы на лесной стоянке две зимы тому?

Прямой ее взгляд быстро скользнул в сторону и вернулся, чтобы снова встретиться с моими глазами. Медленно, с волнующей хрипотцой она начала говорить:

— На нас напали. Мы с батюшкой и братьями разделились и скрылись в лесу. Потом меня нагнал кто-то из дружины, я слышала его, но не видела. Он был один. Я хотела его убить и не смогла, он был очень быстрым. Потом что-то ударило меня в лицо. Очнулась перед рассветом, подобрала оружие и пошла искать батюшку.

Я расплылся в идиотской улыбке и мысленно похвалил себя за настигший меня тогда приступ человеколюбия. Погубить такую красу было непростительным преступлением.

— Все, вопросов больше не имею. Спокойной ночи, мадемуазель.

Я сделал старорежимный офицерский поклон и резко развернулся. Трижды шагнув, я понял, что страшно желаю сделать для нее что-то хорошее.

— Утром приходите на большой корабль. — сказал я, полуобернувшись. — Четыре десятка возьму на борт.

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigoed.net